Отделение общественных наук
Российской академии наук

Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества

ДОКЛАДЫ КАНДИДАТОВ В ЧЛЕНЫ РАН,

баллотировавшихся
по секции философии,
политологии, социологии,
психологии и права
в 2022 году

Под общей редакцией
академика РАН Гусейнова А.А.,
академика РАН Тосуняна Г.А.

Москва
2023

УДК [1/14+159.9+32.001+316.6+34](082)
ББК 60.5я43+66.0я43+67я43+87я43+88я43
Д63

Доклады кандидатов в члены РАН, баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2022 году / Российская академия наук; Отделение общественных наук РАН; Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества; [под общей редакцией академика РАН Гусейнова А.А., академика РАН Тосуняна Г.А.]. – М.: Новые печатные технологии, 2023. – 462 с. – ISBN 978-5-6047557-8-5.

Вниманию читателей предлагается второй сборник публикаций предвыборных докладов кандидатов в члены РАН. Первый содержал доклады претендентов, баллотировавшихся в 2019 году, настоящий – включает в себя доклады кандидатов, участвовавших в выборах в 2022 году. Как и предыдущий, он содержит доклады в том числе и кандидатов, не прошедших в РАН на данном этапе. Всего в сборник включено 43 доклада.

Публикации представляют несомненный интерес как для научного сообщества, студентов вузов, так и для широкого круга читателей. Они позволяют не только ознакомиться с научными взглядами и достижениями кандидатов, но и, поскольку многие баллотируются неоднократно, проследить эволюцию их научной мысли.

УДК [1/14+159.9+32.001+316.6+34](082)
ББК 60.5я43+66.0я43+67я43+87я43+88я43

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или ее части в любом виде воспрещается без письменного разрешения авторов.

ISBN 978-5-6047557-8-5 © Тосунян Г.А., составление, 2023

Содержание

Предисловие академика РАН Гусейнова А.А.,
академика РАН Тосуняна Г.А.……..6

Доклады кандидатов
по специальности «философия»

Апресян Рубен Грантович *11*
Баева Людмила Владимировна *22*
Бажанов Валентин Александрович *31*
Баксанский Олег Евгеньевич *39*
Буданов Владимир Григорьевич *48*
Дергачева Елена Александровна *57*
Жукова Ольга Анатольевна *70*
Иванов Дмитрий Валерьевич *80*
Ильин Виктор Васильевич *88*
Ильин Илья Вячеславович *99*
Касавина Надежда Александровна *109*
Кефели Игорь Федорович *119*
Ключарев Григорий Артурович *127*
Козловский Владимир Вячеславович *138*
Кудряшова Елена Владимировна *149*
Курашов Владимир Игнатьевич *160*

Лысенко Виктория Георгиевна *171*
Мартыненко Владимир Владимирович *181*
Нестеров Александр Юрьевич *193*
Островская Елена Петровна *205*
Попова Ольга Владимировна *215*
Прокофьев Андрей Вячеславович *225*
Пружинин Борис Исаевич *235*
Рубан Лариса Семеновна *242*
Рыскельдиева Лора Турарбековна *255*
Тихонов Михаил Юрьевич *267*
Труфанова Елена Олеговна *277*
Фишман Леонид Гершевич *285*
Чубаров Игорь Михайлович *294*
Шохин Владимир Кириллович *305*
Янгутов Леонид Евграфович *315*

Доклады кандидатов
по специальности «социология»

Левашов Виктор Константинович *327*
Зубок Юлия Альбертовна *339*
Локосов Вячеслав Вениаминович *350*

Доклады кандидатов
по специальности «право»

Бабурин Сергей Николаевич *363*

Виноградова Елена Валерьевна *374*

Горбань Владимир Сергеевич *383*

Керимов Александр Джангирович *394*

Курбанов Рашад Афатович *405*

Любимов Алексей Павлович *416*

Романова Виктория Валерьевна *424*

Тедеев Астамур Анатольевич *434*

Федотов Михаил Александрович *445*

Состав кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2022 г. 458

Предисловие

В мае – июне 2022 года прошли очередные выборы в члены РАН. Выборы в Российскую академию наук, которые проходят раз в 2–3 года, являются не только вехой внутриакадемической жизни, но и важным событием всей научной жизни страны.

Подготовка к выборам и их проведение – это определенная процедура, регламентированная Уставом РАН.

Однако у каждого отделения и секции РАН есть возможность привнести свои элементы в эту процедуру.

В частности, «Секцией философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН» (далее – Секцией) при подготовке выборов 2019 года было принято решение, что все без исключения кандидаты должны иметь возможность выступить на Секции с докладами.

Это давало равные права всем кандидатам заявить о своих работах перед выборами, а также давало возможность голосующим членам Секции лучше понимать:

а) над какими научными проблемами работает кандидат;

б) с какими научными взглядами и идеями он «идет» в Академию;

в) за кого – за носителя какой системы взглядов – ты голосуешь.

Надо сказать, что с учетом мультидисциплинарной особенности нашей Секции члены академии не всегда представляют себе весомость достижений представителей другой отрасли науки.

Голосовать вслепую или только по рекомендациям своих коллег по Академии, наверное, не самый лучший способ.

Это во-первых.

А во-вторых, предоставленная каждому кандидату возможность выступить перед выборами позволяет не только ему донести до коллег свою систему научных взглядов, но и коллегам оценить развитие этих взглядов от выборов к выборам, если кандидат избирается не первый раз.

Согласитесь, что о представителе гуманитарной науки во многом можно судить в том числе по эволюции его взглядов в наше время столь значительных преобразований в стране, да и во всем мире!

Чтобы довести до конца эту логику, после выборов 2019 года было принято решение опубликовать все выступления кандидатов отдельным сборником, естественно, с согласия самих авторов.

Это и было сделано впервые в 2020 году.

Только два кандидата не пожелали включать свои выступления в этот сборник научных докладов[1], на который сохраняется высокий спрос среди ученых!

В ходе выборов 2022 года Секции было выделено только 6 вакансий членов-корреспондентов лишь по трем специальностям из пяти:

- философия – 2 вакансии;
- философия до 51 года – 2 вакансии;
- социология – 1 вакансия;
- право – 1 вакансия.

Кандидатов было:

- философия – 24;
- философия до 51 года – 10;
- социология – 3;
- право – 11.

Но избрано было только 3 члена-корреспондента:

- 1 – по философии;
- 1 – по философии до 51 года;
- 1 – по социологии.

Остальные вакансии не были заполнены, так как не набрали необходимого количества голосов.

Конечно, такие результаты обычно характеризуются как потеря вакансий. Они заставляют задуматься и, прежде всего, об общей атмосфере в Секции, и о том, насколько взвешенно были организованы выборы в данном конкретном случае. Соглашаясь, что

[1] Доклады кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2019 г. [сост. Тосунян Г.А.]. М.: Новые печатные технологии 2020. 446 с. ISBN 978-5-6045241-4-5.

речь идет именно о потере, следует заметить, что заполнение вакансий не является самоцелью.

Надо понимать, что когда заполнение вакансий ставится во главу угла, то повышается вероятность того, что результат может быть достигнут путем использования не лучшего для науки метода предварительных «договоренностей» во имя «благой цели – не потерять место».

Поэтому, наряду с критикой прошедших выборов, надо признать в качестве безусловного их достоинства отсутствие административного давления и каких бы то ни было «предварительных договоренностей»!

Это и есть настоящие выборы!

По итогам прошедших в 2022 году выборов также принято решение опубликовать все доклады кандидатов, чему и посвящен настоящий сборник.

То есть, можно сказать, заложена двойная традиция:

- все кандидаты выступают перед выборами (выступило 48 кандидатов);
- доклады всех желающих (43 из 48 выступавших кандидатов) публикуются в настоящем сборнике.

Выборы в члены академии, осуществляемые в ходе тайного голосования её членов, являются важным критерием оценки достижений ученого. Из этого, однако, вовсе не следует, что научные результаты тех кандидатов, которые не получили необходимого количества голосов, не заслуживают внимания. Выборы в члены РАН – это выборы среди достойных. Безусловно, все доклады заслуживают высокой оценки и будут интересны широкому кругу ученых не только гуманитарных специальностей.

В данном контексте уместно особо отметить 3 доклада вновь избранных членов-корреспондентов РАН: Касавиной Н.А. (с. 109); Рыскельдиевой Л.Т. (с. 255); Локосова В.В. (с. 350).

Оценки докладам будут давать не только члены Секции – они уже дали свои оценки в процессе выборов – но и широкий круг читателей.

академик РАН *Гусейнов А.А.,*
академик РАН *Тосунян Г.А.*

Доклады кандидатов по специальности «философия»

Апресян Рубен Грантович*

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ АПРЕСЯНОМ РУБЕНОМ ГРАНТОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА АПРЕСЯНА РУБЕНА ГРАНТОВИЧА.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ НОМОГЕНЕЗА В НРАВСТВЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗОЛОТОГО ПРАВИЛА)**

В докладе представлен метод изучения становления моральных норм посредством *концептуальной экспликации элементарного*

* Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора этики Института философии РАН.

** Апресян Р.Г. включён в реестр иностранных агентов по решению Минюста России от 09.12.2022. Настоящий доклад был сделан 18.05.2022 года.

нормативного содержания древних текстов как одного из основных источников по истории формирования морали. Этот метод сложился в процессе этико-генеалогического изучения одного из фундаментальных моральных регулятивов – *золотого правила морали* (ЗП). Исследования проводились по таким памятникам древней литературы, как «Повесть об Ахикаре», книги Ветхого и Нового Завета, «Илиада» Гомера, а также «Никомахова этика» Аристотеля. В наиболее развитой форме ЗП известно по евангельскому стиху: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф 7:12). Варианты этой формулы содержатся во всех известных культурных традициях. 1. Золотое правило – это правило отношений, основанных на взаимности. Тексты различных культур позволяют проследить генетическую связь ЗП со стандартами разного рода отношений взаимности, таких как обмен услугами, соглашения о взаимопонимании и сотрудничестве, воздаяние в форме благодарности и возмездия (частным случаем которого является правило талиона), дружба и т. п. В историческом становлении морального сознания ЗП формируется на основе переосмысления и нормативного обобщения опыта такого социального взаимодействия. Перед исследователем генезиса морали стоит задача методологически обоснованного прояснения этого процесса, для чего необходимо выявление поведенческих, коммуникативных и нормативных предпосылок изучаемого морального феномена (в нашем случае – ЗП) и сопряженных с ним представлений (в случае ЗП – *правила талиона* и *заповеди любви*) в текстах, в которых они вербализованы нестандартным образом или не вербализированы вовсе.

2. Предлагаемый метод концептуальной экспликации элементарного нормативного содержания заключается в следующем: тексты, в которых искомых ценностно-императивных представлений номинально нет, а соответствующее содержание находится в неявной или элементарной форме, подвергаются анализу на основе концептов, отражающих эти представления в их развитой и философско-этически рационализированной форме. Элементарное содержание раскрывается на основе сопоставления рассматриваемого текста с концептуально проработанным нормативным содержанием.

В широком плане предлагаемый подход является вариантом того принципа научного познания, который известен как «взаимодействие исторического и логического» и справедливо связывается в первую очередь с именем К. Маркса и ставшим афоризмом его выражением: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны»[2]. Не так часто упоминается, что этот подход был описан Г.В.Ф. Гегелем в «Науке логики» и представлен в виде принципа единства *истины* и *истории*: в теоретическом познании истинное, т. е. понятие, выступает ключом к пониманию исторического, событийного[3]. Эта идея восходит далее к И. Канту, который предлагал изучать действительность посредством «сравнительной анатомии» с тем, чтобы в «творениях менее целесообразной формы» находить предпосылки последующих более целесообразных форм[4]. Л.С. Выготский, отталкиваясь от Маркса, говорил об «“обратном” методе», имея в виду то же самое: высшие формы являются ключом к понимаю низших[5]. В контексте этой методологической традиции заслуживает внимания гегелевское замечание, согласно которому «ключом» в познании является не исторически развитое явление само по себе, а его теоретическое понятие – с его помощью в неразвитых формах усматриваются черты, позволяющие специфицировать и типологизировать изучаемое явление.

Благодаря богатой, постоянно развивающейся (особенно в последние полвека) традиции изучения ЗП (обратно-хронологически: H.J. Gensler, O. Du Roy, L. Zuk-Lapinska, N. Duxbury, J. Neusner, Ph.S. Alexander, R.E. Allinson, J. Hertzler, J. Wattles, P. Ricoeur, J. Gould, J. Hruschka, H.T.D. Rost, H.U. Hoche, А.А. Гусейнов, M. Sing-

---

[2] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. М.: Политиздат, 1968. С. 42.

[3] *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 3 / Отв. ред. М.М. Розенталь. М.: Мысль, 1972. С. 22.

[4] *Кант И.* Критика способности суждения // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. С. 449.

[5] *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 294.

er, W.T. Blackstone, A. Dihle, P. Weiss, M. Noble, H. Rainer, L.J. Philippidis, G.B. King, др.) мы четко представляем себе природу и функционал ЗП. В этико-генеалогическом исследовании это знание, концептуально оформленное, оказывается инструментальным: оно позволяет на элементарном уровне обнаруживать нормативные и коммуникативные предтечи ЗП, его протоформы и нормативно адекватные формы – от «слабых» к «сильным».

3. Философско-этический анализ формулы ЗП (по-своему ретроспективный, обеспеченный понятием морали, которое исторически формировалось в том числе и в процессе осмысления ЗП) позволяет выделить следующие его характеристики: (1) это правило инициативного действия, (2) оно предполагает самостоятельного субъекта действия, (3) поступает намеренно и рефлексируя, (4) задаваемое ЗП действие авансирующее: оно создает прецедент, показывает пример, (5) каким бы реально ни было это действие (оно может быть односторонним, не взаимным), оно задается ЗП и мыслится субъектом действия так, как если бы оно находилось в «цепи» взаимности, и это выражается в том, что ЗП направляет на действия, совершаемые в отношении других по мерке действий, которые человек ожидает от других, (6) в соотнесении и согласовании индивидуальных волений преодолевается субъективность индивидуального действия, (7) ориентацией человека в отношении к другому на желаемое отношение другого к себе ЗП устанавливает благожелательный характер совершаемого действия, (8) через установление интерсубъективного равновесия ЗП обеспечивает достижение общности между людьми или (если она уже имеет место) удостоверяет ее, (9) ЗП общезначимо и актуально при любых обстоятельствах.

Таково *понятие*, развернуто репрезентирующее ЗП. Оно дано именно в качестве правила, регулятива. Его объект – поступки человека по отношению к другому. Его предмет – согласование установок и желаний человека с установками и желаниями другого. По логике ЗП человек действует осознанно и ответственно, преследуя цели гармонизации интересов, установления и сохранения общности, и с пониманием возможного обоснования своих поступков че-

рез апелляцию к общему благу. Понятие ЗП в целостном виде выражает его действительный нормативный и практический смысл.

Аналитически развернутое понятие ЗП дает возможность разложить фиксируемое им явление на отдельные элементы, придав им относительно самостоятельное значение. Отталкиваясь от описываемых в тексте высказываний и действий участников коммуникативной ситуации и предпринимая реверсивную реконструкцию их гипотетически предполагаемой нормативной основы, исследователь может обнаружить элементы ЗП. Последние могут быть явлены в отсутствие общезначимого правила. Вообще, может иметь место не правило, но только рекомендация, совет. Этот совет может обосновываться не благом другого или общности, но благом конкретного действующего индивида, иными словами, он будет оправдываться благоразумием, а то и полезностью. Правило, рекомендация, совет – это нормативные и мыслительные формы, результирующие некую рефлексию, обобщающие опыт; но в исследуемом нарративе может не быть места обобщению, он может содержать только ситуацию, в которой персонажи действуют исходя из наличных интересов и предпочтений. И тем не менее исследователь будет иметь дело с мышлением и действиями *в духе* ЗП[6].

4. Вопрос об историческом возникновении морали неоднозначен. Что должно быть предметом исследовательского внимания: (а) определенные, признаваемые в качестве моральных нормативные формы или (б) поступки и отношения, так или иначе рефлексируемые?

При *одном* подходе (а именно он доминирует в научной литературе) тексты, представляющие архаическую эпоху, оказываются лишь косвенным источником для изучения генезиса морали. Персонажи архаических произведений не говорят на языке всеобщих, кодифицированных и рационализированных императивов. У них есть определенные ценностные представления, на основе которых фор-

[6] *Уотлз Дж*. Золотое правило / Общ. ред. и пред. А.А. Гусейнова; пер. и доп. прим. О.В. Артемьевой. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. С. 94, 97.

мулируются сентенции, касающиеся должного поведения, порой в форме максим, однако эти представления носят по преимуществу ситуативный характер. *Другой* подход направлен на отслеживание раннего генезиса морали на уровне поведенческой и коммуникативной практики. При этом мораль берется в конфигурации, известной и привычной современному человеку по иудео-христианской культурной традиции, но в аспекте определенного содержания решений и действий. Это содержание выражается в воздержании от причинения неоправданного ущерба, в стремлении к справедливости, в благорасположении, сотрудничестве, дружеском соучастии, заботливом участии и может реализовываться по разным (не только категорически-императивным) основаниям.

5. Как было отмечено выше, этико-генеалогические исследования проводились мной на разнородном литературном материале. Среди объектов моего изучения были разные по жанру (эпос, назидательное повествование, житейское поучение, моральное поучение, закон/кодекс, философское учение) и культурно-региональной принадлежности тексты. Долгое время не удавалось проследить непрерывное развитие нормативного мышления в рамках одной культурной традиции. Мои исследования последнего времени позволяют теперь это сделать на материале книг Ветхого и Нового Завета Историческая атрибуция этих источников не всегда достоверна, поэтому в предлагаемой реконструкции эволюции ЗП невозможно претендовать хотя бы на какую-либо хронологическую адекватность. Это прежде всего нормативно-этическая реконструкция.

6. Этапы становления и эволюции ЗП прослеживаются от локально-ситуативных действий, обусловленных (насколько можно судить по косвенным признакам) мотивами, соответствующими духу ЗП, до нормативно развернутой формулы общезначимого принципа действия.

6.1. *Невербализованный ситуативно-коммуникативный опыт благожелательной взаимности.* Из сказанного ясно, что в начале генезиса ЗП нам следует искать не правило, но поступки и отношения между людьми, по своему духу близкие ЗП. Соответствующее состояние отношений можно обнаружить в книге Бытия в эпизодах соглашения царя Авимелеха с Авраамом и Исааком (Быт 21:22–

24,27; 26:26–31), повествующих об успешных попытках царя в ситуациях возможного конфликта договориться с Авраамом и Исааком о мире и благоволении. В обоих случаях Авимелех призывает Авраама и Исаака принести клятву в том, что впредь они не совершат в отношении его и его потомства ничего дурного и будут так же добры с ним и его страной, как он сам был добр с ними. На первый взгляд мы имеем сделку по типу «Дашь на дашь». Но так это выглядит на уровне конкретной коммуникативной ситуации, у которой, как в одном случае, так и в другом, есть предыстория, которая предъявляется Авимелехом, а именно его предшествующие добрые дела. В контексте эпизода в целом мы можем представить, что Авимелех в недалеком прошлом проявлял благожелательность по своей инициативе, не думая о взаимности. Но, ссылаясь на свою недавнюю благожелательность, он может заявить Аврааму и Исааку, чего он ждет теперь от них по отношению к себе. Отметим, что предшествующее предложению договора поведение Авимелеха инициативно, благожелательно, прецедентно, в перспективе предполагает взаимность, это предположение подтверждается принятием другой стороной предложения договора, и в рамках ситуации договорное предложение вдохновлено благоговением перед Богом. Всё это вместе взятое представляет нам картину в духе ЗП, более того, в духе ее позитивной версии. Схожие, прототипические ЗП (как в негативной, так и позитивной версиях), коммуникативные сюжеты содержатся в «Илиаде» (VII:76–86; XXII:255–259; XXIV: 485–504).

6.2. *Вербализованный ситуативный опыт благожелательной взаимности*. Аналогичный сюжет мы находим в Книге Иисуса Навина в истории хананки Рахав, сговорившейся с лазутчиками вражеской армии о взаимопомощи (Нав. 2:14–21). Остановившихся в ее доме лазутчиков она по собственной инициативе укрывает от направленных на их поиски гвардейцев царя. Направив гвардейцев по ложному следу, Рахав выходит к лазутчикам и, признав правоту их дела (по покорению Ханаана), требует от них клятвы в том, что как она сделала им добро, так и они сделают добро ей и ее семейству. На что лазутчики соглашаются. Опять-таки на поверхности

сюжета здесь та же сделка по обмену услугами. Но Рахав спасает лазутчиков инициативно, до помышления о какой-либо сделке, принимая одностороннее решение, не имея никаких гарантий возможной благодарности. Иными словами, она поступает так, как хотела бы, чтобы поступили по отношению к ней (в соответствии с ее ожиданиями). Диспозиция Рахав в единстве с последующей договоренностью также представляет нам картину в духе ЗП. Как и в предыдущем примере, действие Рахав инициативно, благожелательно, предъявляет образец поведения (благорасположение) и потенциально взаимно, что подтверждается принятием другой стороной предложения договора, в рамках ситуации договорного предложения вдохновлено благоговением перед Богом и в этом смысле совершается на принципиальной (неконъюнктурной, надситуативной) основе. Схожий и более развернутый с точки зрения рефлексированности договорного предложения сюжет мы находим в ассирийской «Повести об Ахикаре».

6.3. *Нормативно обобщенный ситуативный опыт благожелательной взаимности* содержится в книге Левит, в повелении: «Если будет жить рядом с тобой, в землях ваших, человек пришлый, не притесняйте его. Как относитесь вы к исконным израильтянам, так и к пришлому, живущему у вас, относитесь. Любите его, как самого себя, ведь и вы были когда-то чужаками в Египте» (Лев.19:33–34), в котором благосклонное и заботливое отношение повелевается не к соплеменникам, а к пришлым – иноплеменникам, ставшим соседями. В обосновании этого повеления («ведь и вы были когда-то чужаками в Египте») можно усмотреть требование благодарности: к вам были благосклонны, теперь и вы будьте благосклонны, а правило благодарности – один из нормативных источников ЗП, причем в его позитивной формулировке. На основе нормативной модели благодарности предлагается другая нормативная модель, а именно модель взаимоотношений, близкая модели ЗП. Только взаимность здесь не предполагаемая, а актуальная. В ЗП говорится: относись к другому, как ты бы хотел, чтобы другой относился к тебе (в будущем), в то время как в Лев. 19:34 – относись к другому, как другой относился к тебе (в прошлом).

6.4. *Частное нормативное обобщение опыта взаимности в негативной формуле ЗП*. В какой-то момент накопленный опыт рефлексии доброжелательных человеческих отношений обобщается настолько, что оказывается претворенным в правило поведения – уже известное нам как ЗП. Поначалу в негативной формулировке. Встречается оно в книге Товита. В книге рассказывается о праведнике Товите, который посылает своего сына в дальнее путешествие и, напутствуя его, наставляет на необходимости почитания матери, любви к Богу, совершения милостыни, воздержания от распутства, исполнения порядка брачевания, любви к ближним, своевременной оплаты труда наемных работников. А далее произносится формула ЗП: «Что ненавистно тебе самому, того не делай никому» (Тов. 4:15). Его непосредственная нормативная ассоциация неопределенна: оно обрамлено предостережениями частного свойства, в этом смысле явно наполнено пруденциальным содержанием и, значит, не обладает приоритетным значением.

6.5. *Универсальное нормативное обобщение в негативной формуле ЗП*. Следующим по нормативно-этической логике шагом было обобщение правила до всеохватного. Пример такого обобщения встречается в Деяниях, наиболее ранней книге Нового Завета. Когда в Антиохской общине возникли серьезные разногласия относительно возможности спасения, она обратилась за советом к Апостолам и пресвитерам в Иерусалиме. У последних тоже возникли разногласия, и апостол Петр, желая пресечь их, предложил ограничиться в письме к антиохским христианам кратким наставлением в благонравии, одним из элементов которого, наряду с предостережением от нарушения принципов ритуальной чистоты и единобрачия, было: «…не делать другим того, чего себе не хотите» (Деян 15:29). Мы имеем здесь ЗП, которое утверждается в качестве ведущего правила человеческих взимоотношений. Схожие варианты ЗП содержатся в преданиях о фарисейском мудреце Гиллеле Старшем, который, провозгласив ЗП в негативной версии, подкрепил ее указанием на то, что это верховный закон, а вся Тора представляет собой лишь комментарий к нему (Вавилонский Талмуд, Шабб. 30а), и в учении Конфуция, сформулировавшего ЗП в негативной версии

как главное правило, регулирующее отношения между людьми и, соответственно, нормативно проясняемое в соотнесении с разными поучениями и другими жизненными принципами (Лунь Юй 15:23).

Пока мы не можем проследить по текстам, как происходит обобщающий скачок в понимании ЗП – от правила для частных ситуаций к основополагающему правилу. Но мы можем однозначно зафиксировать, что этот скачок происходит и ЗП появляется в общезначимой форме в качестве предупреждения от причинения какого-либо вреда.

6.6. *Универсальное нормативное обобщение в позитивной формуле ЗП* дается в Евангелиях от Луки (6:31) и от Матфея (7:12). В обоих повествованиях ЗП звучит в центральной проповеди Иисуса и, значит, обладает совершенно определенным нормативным контекстом. По сути, оно приводится в завершение перечня заповедей, определяющих отношения между людьми, и, таким образом, обобщает их. В формуле Мф 7:12 (начинающейся со слов «Во всем…») актуально указывается на то, что ЗП распространяется на все случаи жизни, на любые отношения. А в словах Мф 7:12 «в этом закон и пророки» ЗП утверждается как выражающее всю мудрость Священного Писания. Тем самым ЗП придается статус «золотого», т. е. основополагающего. Нормативной сопряженностью с заповедью любви ЗП обеспечивается достаточной содержательной определенностью. Новозаветным нормативным контекстом ЗП задана традиция его комментирования в нормативно-этической мысли вплоть до наших дней.

7. Таким образом, на основе имеющихся литературных свидетельств можно выделить *шесть этапов* в становлении и развитии ЗП – от невербализованного ситуативно-коммуникативного опыта благожелательной взаимности через вербализованный ситуативный опыт благожелательной взаимности и нормативно обобщенный ситуативный опыт благожелательной взаимности к частному нормативному обобщению опыта взаимности и универсальному нормативному обобщению – в негативной и позитивной формулах.

Представленная схема становления и эволюции ЗП типична для генезиса любых естественно формирующихся моральных нормативов (в отличие от конструируемых корпоративных, профессио-

нальных или административных моральных норм). Ключевым в этой схеме является понимание того, что моральные нормы формируются в ответ на общественную потребность в согласовании частных интересов, на основе практического опыта такого согласования и (а) рефлексии этого опыта, (б) обобщающей рефлексии, (в) обобщающей нормативной рефлексии, (г) результаты которой формализуются и (д) при необходимости кодифицируются.

ПОЛОЖЕНИЯ ДОКЛАДА РЕЗЮМИРУЮТ ПУБЛИКАЦИИ ДОКЛАДЧИКА ПО ДАННОЙ ТЕМАТИКЕ, СРЕДИ КОТОРЫХ ОСНОВНЫЕ:

1. *Апресян Р.Г.* Нормативно-этический контекст Золотого правила // Технологос. 2021. № 3. С. 9–21.
2. *Апресян Р.Г.* «Другой» в Золотом правиле // Другой. Ближний и Дальний: Материалы международной заочной этико-политологической конференции, 15 октября 2017 г. / Отв. ред. Р.Г. Апресян. Ереван: Издательство Ереванского гос. ун-та, 2017. С. 7–13.
3. *Апресян Р.Г.* Агапэ // Человек. 2015. № 2. С. 42–56; № 3. С. 26–39.
4. *Апресян Р.Г.* Homeric Ethics: Prospective Tendencies // Ancient Ethics / Ed. J. Hardy, G. Rudebusch. Göttingen: V&R unipress, 2014. P. 67–84.
5. *Апресян Р.Г.* Нравоперемена Ахилла. Истоки морали в архаическом обществе (на материале гомеровского эпоса): Монография. М.: Альфа-М, 2013. 223 с.
6. *Апресян Р.Г.* Генезис золотого правила // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 39–49.
7. *Апресян Р.Г.* Золотое правило в этике Аристотеля // Философия и этика: Сборник научных трудов: К 70-летию академика А.А. Гусейнова / Отв. ред. и сост. Р.Г. Апресян. М.: Альфа-М, 2009. С. 157–170.
8. *Апресян Р.Г.* Случай Ахикара (К происхождению морали) // Философия и культура. 2008. № 9. С. 74–86.
9. *Апресян Р.Г.* Талион и золотое правило: Критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 72–84.

© Апресян Рубен Грантович

Баева Людмила Владимировна*

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ АКСИОЛОГИЯ И ЕЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ

Социальная динамика и экзистенция отдельной личности во многом определяется системой ценностей, которую по праву считают квинтэссенцией культуры и мировоззрения. Однако природа самих ценностей, их генезис, обусловленность внешними или внутренними факторами во много остаются чрезвычайно дискуссионными как среди аксиологов, так и в широком социогуманитарном и философском дискурсе. Наше выступление посвящено экзистенциальной аксиологии и проблеме экзистенциальной безопасности, которая в условиях новых вызовов получает все больше оснований для актуальности и изучения.

На протяжении ряда лет нами разрабатывалась теория экзистенциальной аксиологии и в центре нашего внимания были природа и система ценностей, их трансформации в современном социуме. Наши исследования обращены к широкому кругу философских и социогуманитарных проблем: от природы ценностей до специфики аксиосферы информационного социума и вопросов экзистенциальной безопасности, которая в условиях новых вызовов получает все больше оснований для пристального внимания.

* Баева Людмила Владимировна – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», http://baevaludmila.ru/

Изучая природу ценностей, прежде всего, мы отдаем дань глубокого уважения мировой истории аксиологической мысли и отечественной традиции аксиологии с ее блестящими представителями от Н.О. Лосского, П. Сорокина до В.П. Тугаринова, М.С. Кагана, Л.Н. Столовича, Г.П. Выжлецова, С.Ф. Анисимова и других, оказавших на нас значительное влияние. В современных теоретических и эмпирических исследовательских программах в изучении природы ценностей доминируют вопросы, что мотивирует поведение людей, каково соотношение личных интересов и внешнего принуждения, какова роль ценностей в разрешении межкультурных конфликтов и противоречий между индивидом и обществом, как осуществлять измерение ценностей и др. В этом ключе развиваются теории измерения ценностей М. Рокича (для индивидуальных ценностей)[7], Ш. Шварца (для культурных ценностей)[8], единства нравственности и ценности А.А. Гусейнова[9], представлена дихотомия ценностей индивидуализма и коллективизма Г. Хофстеде[10], проведены компаративные исследования в понимании межкультурных ценностей Г. Триандисом[11] и Р. Инглхартом[12], Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко[13], К.Х. Момджян[14] и др.

---

[7] Rokeach M. The Nature of Human Values. New York: Free Press, 1973

[8] Schwartz S.H. Individualism-Collectivism: Critique and Proposed Refinements // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1990. 21: 139–157.

[9] Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? // Этическая мысль / отв. ред. А.А. Гусейнов. М., 2002. Вып. 3. С. 3–37.

[10] Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1980.

[11] Triandis H. C. Cross-Cultural Studies of Individualism and Collectivism. In J. J. Berman, ed., Nebraska Symposium of Motivation: Cross-Cultural Perspectives. Nebraska: University of Nebraska Press, 1989.

[12] Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1990.

[13] Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: ВШЭ, 2007.

[14] Момджян К.Х., Антоновский А.Ю, Кржевов В.С., Бараш Р.Э., Ефремов О.А., Семенов Ю.И. Этнос. Нация. Ценности. Социально-философские исследования. М., 2014.

Эволюция аксиологической мысли свидетельствует, что понимание ценностей развивалось от этического, эстетического содержательного наполнения к онтологическому, гносеологическому и методологическому. Логика исследовательских подходов менялась от возникновения интереса к содержанию ценимых добродетелей и благ к формированию и концептуализации понятия ценности, его самостоятельной эволюции вплоть до наделения его статусом высшей философской категории, затем к попытке низведения ее к разряду относительных, неверифицируемых понятий и, наконец, современному признанию ценности в качестве определяющего компонента мировоззрения как личности, так и культуры.

На фундаменте сложившихся подходов к пониманию природы ценностей как имеющих своим источником трансцендентное начало, социальные, культурные нормы, формирующиеся в процессе коммуникации людей и адаптации к социуму, либо как выражение ответа личности в удовлетворении материальных, витальных потребностей нами было предложено понимание ценностей как экзистенциального феномена, связанного с преодолением экзистенциальных вызовов существования. Это легло в основу предлагаемого нами экзистенциально-аксиологического подхода в понимании ценностей и теории экзистенциальной аксиологии. Ценность в экзистенциальном смысле оказывается связанной с возможностью творчества смыслов и значений, манифестацией уникальности личности и ее преференций, а также с фактором самого бытия, формирующим потребности и пределы существования человека, но не задающего его смыслы априорно. Ценность выступает в качестве фундаментальной философской категории, имеющей не только этический и эстетический аспекты, но и онтологический, социальный, когнитивный, антропологический. Экзистенциальный смысл ценностей при этом связан с поисками смыслов, значений, с одной стороны, и стремлением к решению экзистенциальных вызовов – с другой. Ценность квалифицируется нами как доминанта сознания и экзистенции, направленная на достижение совершенного бытия, креативно влияющая на внутреннее развитие личности и окружающий мир через наполнение их смысло-значимостью. Отнесение объектов

к ценности выражает стремление к укоренению в бытии и приданию позитивного смысла его феноменам; в этом плане творчество ценностей оказывается решением ключевых экзистенциальных проблем: смерти, темпоральности, одиночества, чуждости миру, абсурда, несвободы, детерминированности внешними факторами. Экзистенция как незаданность качества и смысла жизни формирует ценности как «проекты» будущего в настоящем, выступающие источником трансформации внутреннего и внешнего мира в направлении должного. В этой связи способность оценивания превращает ценностный фактор из антропологического в онтологический.

Структура ценности антиномична и соединяет субъектно-объектную, понятийно-символическую, рационально-иррациональные формы.

Многообразие видов ценностей, от религиозных до экономических и витальных, выражает предпочтения того или иного варианта саморазвития, связанного со стремлением к бессмертию в той или иной форме, преодолению границ существования как физического, так и духовно-творческого.

С позиций экзистенциальной аксиологии мы обращаемся и к изучению проблем современной социальной, экзистенциальной и антропологической безопасности, во многом обусловленных ценностной динамикой. Современный социум отличает многополярная ценностная картина, в которой проявляются дихотомии аксиомоделей восточного и западного, традиционного и либерального, коллективного и индивидуалистического, рационального и мистического, экономического и постматериального типов, столкновение которых в случае их радикализации вызывает социальные разломы, обладающие потенциальными или реальными угрозами безопасности. Их усиление во многом зависит сегодня от цифровой среды, электронной культуры, динамика которой, в свою очередь, определяется конвергенцией технологических, социальных и антропологических факторов. Электронная культура есть результат конвергенции технологических, социальных и антропологических факторов, цифровое пространство коммуникации и продукты творчества на основе применения информационных систем. К феноменам элек-

тронной культуры относятся как цифровые аналоги реальных объектов, которые получают при этом новые формы, так и онтологически новые явления, порождаемые информационными технологиями (интернет, социальные медиа, виртуальная реальность и др.). Их исследование во многом становится определяющим в междисциплинарном знании мегатрендом. Предлагаемый экзистенциально-аксиологический подход к пониманию электронной культуры определяет ее как форму цифрового бытия человека в поисках решения им проблем существования и обретения новых форм творчества, свободы, бессмертия, трансценденции к Другому. Бытие человека в электронной гетеротопии выступает как некий синтез экзистенции («бытия в себе и для себя») и трансценденции (бытия с Другими и для Других), где ему по-новому открываются «контроль» и «свобода», «время» и «пространство», «существование» и «смерть», «одиночество» и «Другой».

Ключевыми экзистенциальными проблемами в условиях электронной культуры, формирующими философско-антропологические исследовательские фронтиры, становятся новые меры свободы и несвободы, утрата личного пространства на фоне информационной открытости, растущая зависимость телесности от технологических параметров, симуляция коммуникации и социальной активности цифровых двойников субъектов, деформация культурной, социальной и формирование сетевой идентичностей, развитие феноменов цифрового эскапизма, цифрового бессмертия, цифрового отчуждения (эксклюзии, неравенства) и др.

Анализируя возможности и экзистенциалы электронной культуры, мы фиксируем и порождаемые риски, угрозы и вызовы, связанные с цифровой трансформацией коммуникации и образа жизни молодежи. Изучение отдельных кейсов, связанных с виртуальными сообществами деструктивного и суицидального типа, феноменами цифрового эскапизма и цифровой эксклюзии, показало, что они стали существенной проблемой в условиях цифровой трансформации социальных институтов и базовых процессов коммуникации. С позиции философского анализа нами во многом впервые были исследованы сетевые «группы смерти», запускающие с помощью ма-

нипулятивных технологий тенденции саморазрушительного поведения подростков и совершение суицидов, и сетевые «колумбайн-сообщества», культивирующие и копирующие акты агрессии в учебных заведениях. При анализе внешних и внутренних механизмов, направляющих поведение молодежи, в том числе связанных с легитимацией насилия в массовой медиакультуре, практиками направленного информационного воздействия в сетевом пространстве, а также широким комплексом внешних и внутренних факторов, были выявлены «группы риска» среди молодежной аудитории, наиболее подверженной эффекту «прайминга» (Л. Берковиц)[15], порождающего запуск агрессии на основе ассоциативного механизма и преступления-копии, а также суицидальные интенции, с вирусным эффектом распространения. Полученные выводы получили практическое применение в работе с молодежью, профилактике правонарушений, связанных с манипулятивным воздействием с использованием онлайн-ресурсов и др.

Исследования современной социальной ценностной динамики также показывают значительное воздействие вызовов информационной эпохи, среди них на первый план выдвигаются следующие:

– переход от ценностей, присущих эпохе индустриализма, к постматериальным ценностям. По мере развития качества жизни и новых форм культуры этнические, религиозные, традиционные ценности перестают играть определяющую роль, сменяясь гражданскими ценностями прав личности, индивидуализма, свободы, самореализации («постмодернистский сдвиг», описанный Инглхартом и Абрамсоном на основе анализа данных лонгитюдных проектов World Values Survey и Europian Values Survey)[16];

– усиление роли гедонистических, витальных, эстетических ценностей («де-сублимация», «де-рефлексия» культуры);

[15] Berkowitz L. Aggression: Its causes, consequences, and control. McGraw-Hill Book Company, 1993.

[16] Abramson P. R., Inglehart R. Value Change in Global Perspective. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.

– формирование сверхценностного отношения к информации (данным), доступу и управлению ее потоками;

– замещение терминальных ценностей инструментальными (цифровые технологии, медиа, киберсистемы). Из статуса ценностей, способствующих достижению высших целей (свободы, самореализации, творчества, знания), инструментальные ценности становятся самостоятельной ценностью, подчиняя себе человека. Эта тенденция получает усиление на фоне развития технологий искусственного интеллекта, замещающего не только механику, но и когнитивную сферу человека.

Конвергенция информационных технологий с социальными системами, усложнением антропотехноэкологических социотехнополитических и иных противоречий, возрастание сложности мультикультурных и ценностных конфликтов ведут к возрастанию значимости экзистенциальной безопасности, которая становится одной из наднациональных, интегральных ценностей. Роль безопасности в условиях пандемии, социальных разломов, угроз кибертерроризма и т. д. становится все более значимой в системе ценностей как в мире, так и в России. Вопросы безопасности приобретают глобальный комплексный характер и оказываются связанными с экзистенциальной и социальной устойчивостью, а теория безопасности становится одним из современных исследовательских мегатрендов в различных сферах, включая социальные науки. Понятие безопасности, традиционно рассматриваемой в военно-политическом, физическителесном, ресурсном значении, предельно расширяет свой дискурс, приобретая онтологический, бытийный, экзистенциальный смысл. Укрепляется отход от традиционного подхода к оценке безопасности, связанной исключительно с геополитическими и экономическими источниками, к многофакторной интерпретации безопасности в духе идей «Копенгагенской школы» (Б. Бузан и О. Вэйвер), определяющей объектами, влияющими на безопасность, разнообразные источники, такие как национализм, миграция, идентичность, религия, экология, цифровизация и т. д. Обозначение и признание чего-либо как угрозы представители копенгагенской теории безопасности справедливо связывают с проявлением дискурса как спо-

соба выражения факта экзистенциальной угрозы для референтного объекта[17].

Мы рассматриваем экзистенциальную безопасность в широком смысле как состояние защищенности от рисков, угроз и вызовов, несущих (потенциально либо реально) ущерб существованию человека, его жизни, свободе, возможности саморазвития в настоящем и будущем. Под риском при этом понимается потенциальная возможность негативных последствий, которые могут сложиться наряду с позитивными, в то время как угрозы оцениваются как факторы, имеющие реальный деструктивный характер и разрушающие последствия для субъектов и систем; вызовы, в отличие от угроз, имеют более масштабный характер, в связи с чем противостояние им невозможно, поэтому происходят неизбежные изменения самой системы. Среди усиливающихся сегодня тенденций важно отметить как сложившиеся угрозы (геополитические, эпидемические, климатические и др.), так и скрытые угрозы и риски, которые позволяют быстро растущему числу отдельных субъектов наносить беспрецедентный ущерб глобальному сообществу с помощью информационных и иных технологий, действуя намеренно или случайно. В связи с этим возрастает важность превентивного предотвращения возможных атак с экзистенциальными последствиями.

Сегодня мы фиксируем, что фронтир исследований рисков современного общества во многом смещается: от выявления угроз реальных к потенциальным; от анализа факторов рисков к выявлению технологий, запускающих разрушения; от выявления государственных и маргинальных субъектов, способствующих дестабилизации социума, к изучению негосударственных субъектов, имеющих скрытый деструктивный потенциал; неопределенность становится не временным, а усиливающимся признаком глобальной социальной системы, где проявляются разнообразные факторы, ослабляющие ее устойчивость. Как следствие, определяющей ценностью антропологического и социального бытия становится безопасность, одна из первичных в системе ценностной иерархии. Парадоксальным при этом оказывается и то, что в условиях информа-

[17] Buzan B., Waever O., Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. L., 1998.

ционной реальности с трендом на постматериальные ценности сформировалась интенция к ценностям выживания, свойственным доиндустриальному миру.

Экзистенциально-аксиологический подход показывает, что ценности выступают факторами, выражающими направленность социальной динамики, позволяет выявить потенциальные и реальные риски, связанные с конфликтами ценностных систем, а также осмыслить множественность и единство индивидуальностей.

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ РАБОТ Л.В. БАЕВОЙ:

1. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории: Монография. Астрахань, 2004.
2. Баева Л.В. Ценностные основания индивидуального бытия: опыт экзистенциальной аксиологии: Монография. М.: Прометей, 2003.
3. Baeva L. Existential Axiology Culture // International Journal of Philosophy of Culture and Axiology. 2012. Vol. 9. № 1. P. 73–85.
4. Baeva L.V. Existential and Ethical Values in an Information Era // Journal of Human Value. 2014. 20 (1). P. 30–43.
5. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 75–83.
6. Baeva L.V. New Challenges for Humans in the Context of E-Culture // International Journal of Technoethics. 5(1). P. 59–68.
7. Baeva L. E-culture // Encyclopedia of Information Science and Technology, Third Ed. (10 volumes). Mehdi Khosrow-Pour. Hershey PA, USA: I-Global, 2014. P. 6847–6854.
8. Баева Л.В. Теория экзистенциалов М. Хайдеггера и М. Босса и анализ существования человека в условиях электронной культуры // Вопросы философии. 2019. № 4. С. 24–33.
9. Баева Л.В. «Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайн культуре и реальном социуме // Информационное общество. 2019. № 3. С. 33–42.
10. Бытие-в-мире» электронной культуры: Монография / Под общ. ред. Л.В. Баевой. СПб.: Реноме, 2020.

© Баева Людмила Владимировна

Бажанов Валентин Александрович*

«МЫ БЫСТРО МЕРКНУЩЕЕ ПЛАМЯ И ВНОВЬ ПЫЛАЮЩИЙ ПОЖАР»: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ФИЛОСОФЫ НАЧАЛА XX ВЕКА НА НЕБОСКЛОНЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛОГИКИ[18]

В заголовок этого текста вынесены строчки из стихотворения ***Николая Александровича Васильева*** (1880–1940), профессора кафедры философии Казанского университета. В этих строках Н.А. Васильев предугадал судьбу своих идей. Ныне он считается ***родоначальником современной неклассической логики***. В трех статьях, опубликованных в 1910–1913 гг., Васильев построил логические системы без основных законов Аристотелевой логики – законов (не)противоречия и исключенного третьего. Лишь почти полстолетия спустя эти идеи были положены в фундамент неклассической

* Бажанов Валентин Александрович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета.

[18] Из всех проблем, которые я анализировал (имея в виду эпистемологию и философию науки, а также т. н. кантианскую программу в когнитивных исследованиях – основные работы приведены в списке избранных трудов, помещенных в конце статьи), для доклада на секции философии, политологии, социологии, психологии и права ООН РАН выбрана проблема, связанная с историей философии и логики в России. В определенном смысле эта проблема может представлять особый интерес, поскольку касается существенного вклада отечественной философии начала XX в. в развитие современной логико-математической мысли.

логики (альтернативного типа), толерантной к формальному противоречию и названной паранепротиворечивой. Выдающийся логик и философ Н. Да Коста, который предложил эту логику в начале 1960-х гг., был удивлен, что у него оказался предшественник в России, и он признавал приоритет Н.А. Васильева в том, что идея логики, которая позволяет оперировать с формальными противоречиями, принадлежит российскому ученому[19].

Следует отметить, что Н.А. Васильев оставил оригинальные труды и в области этики (сравнительный анализ этических систем Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева), философии истории, психологии (А.Р. Лурия учился у Васильева). Он был поэтом-символистом и искусным переводчиком поэзии Э. Верхарна и О. Суинберна.

Мне удалось обнаружить *архив семьи Васильевых*, неопубликованные рукописи и фотографии Н.А. Васильева, что позволило написать его научную биографию и познакомить с его творчеством отечественное и зарубежные сообщества, которые интересуются историей философии и логики.

Еще одним первооткрывателем систем неклассической логики в мире считается ***Иван Ефимович Орлов*** (1886 – не ранее 1936). Он работал в области философии естествознания и математики, хотя касался и психологии, и теории музыки. В статье 1928 г. он впервые в мире предложил формальную систему, в которой посылки и заключение связаны по содержанию. Тем самым ныне мировое логическое сообщество считает Орлова предтечей другой разновидности неклассической логики – релевантной.

Отечественные философы Васильев и Орлов, творившие в начале XX в. и намного опередившие свое время, оказались звездами первой величины на небосклоне современной логики.

[19] Da Costa N. Sistemas Formais Incosistentes. Curutiba: UFPR, 1993; Da Costa N., Beziau J.-Y., Bueno O. Paraconsistent Logic in a Historical Perspective // Logique et Analyse. 1995. Vol. 150, 151, 152. P. 111–125; Da Costa N., Krause D., Bueno O. Paraconsistent Logics and Paraconsistency // Handbook of the Philosophy of Science. Vol. 5 / Eds: D. M. Gabbay, P. Thagard, J. Woods. L.; N. Y.: Elsevier, 2006. P. 655–781.

Н.А. Васильев как мыслитель

Николай Васильев родился в семье, члены которой оставили глубокий след в истории науки и культуры России[20]. Дед Николая *В.П. Васильев* (1818–1900) являлся академиком Петербургской АН и одним из основоположников изучения Китая и буддизма в России. Отец *А.В. Васильев* – крупным организатором образования, он являлся членом 1-й Государственной Думы, затем Госсовета от АН и университетов, представлял Россию, начиная с первого в Париже, на всех философских конгрессах, а в 1926 г., когда он не смог поехать на конгресс в Бостоне, был «заочно» избран там почетным председателем.

А.В. Васильев оставил наиболее полную биографию *Н.И. Лобачевского*, тираж которой в 1927 г. был полностью уничтожен. В 1992 г. мне и проф. А.П. Широкову удалось восстановить книгу благодаря едва ли не чудом сохранившейся ее корректуре и издать в несколько сокращенном виде (Н.И. Лобачевский. М.: Наука, 1992; в 2022 г. в издательстве УРСС под моей редакцией эта книга выйдет уже в *полном* объеме). Наконец, стоит сказать, что род Васильевых

[20] Основные публикации автора данной статьи, посвященные жизни и творчеству Н.А. Васильева: Бажанов В.А. Николай Александрович Васильев (1880–1940). М.: Наука, 1988; Бажанов В.А. Прерванный полет. История «университетской» философии и логики в России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1995; Бажанов В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. М.: Канон+, 2007; Бажанов В.А. Н.А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М.: Канон +, 2009; Бажанов В.А. Н.А. Васильев как мыслитель. К 100-летию со дня открытия воображаемый логики // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 103–113; Bazhanov V.A. The Logic of N.A. Vasiliev and Imaginary Geometry of N.I. Lobachevsky // Modern Logic. 1994. Vol. 4. № 2. P. 148–156; Bazhanov V.A. Non-Classical Stems from Classical: N. A. Vasiliev's Approach to Logic and his Reassessment of the Square of Opposition // Logica Universalis. 2008. Vol. 2. № 1. P. 71–76; Bazhanov V.A. The Dawn of Paraconsistency: Russia's Logical Thought in the Turn of XX Century // Manuscrito. Rev. Int. Fil. 2011. Vol. 34. № 1. P. 89–98; Bazhanov V.A. Nikolai A. Vasiliev, His Life and Imaginary Logic Legacy // The Logical Legacy of Nikolai Vasiliev and Modern Logic / Eds. V. Markin, D. Zaitsev. Springer, 2017. P. 1 – 8.

восходит к А. Соковнину, родному брату боярыни Морозовой, которому Пушкин посвятил стихотворение.

Н.А. Васильев закончил медицинский и историко-филологический факультеты Казанского университета и был оставлен для «приготовления к профессорскому званию» по кафедре философии.

Дата рождения новой логики точно зафиксирована в анналах истории: **18 мая 1910 г.** в Казанском университете Н.А. Васильев в лекции на должность приват-доцента изложил основные положения логики, которую он назвал чуть позже «**воображаемой**». В октябре текст выступления был опубликован, а в статьях 1912–1913 гг. «Воображаемая (не-Аристотелева) логика» и «Логика и металогика» Васильев детально представил свою оригинальную логику. Он подчеркивал, что эта логика построена «***методом Лобачевского***», когда происходит отказ от основополагающих принципов логики Аристотеля и принимаются другие принципы, которые позволяют оперировать с противоречиями. Знаменитый «логический квадрат» Аристотеля заменяется треугольником противоположностей. Это влечет множество важных следствий для конструкции логико-математических систем.

Возможность не-Аристотелевой логики допускалась еще, например, Ч. Пирсом. Главный редактор одного из ведущих в начале XX в. философского журнала «*The Monist*» в 1910 г. П. Карус писал, что «мир стал свидетелем многих открытий… Так, радий поколебал законы физики, люди уже летают подобно птицам, но открытие не-Аристотелевой логики превзойдет все новейшие достижения»[21].

Васильев и сам отдавал отчет в том, что дерзнул на пересмотр фундамента классической, Аристотелевой логики. Он утверждал, что рискует подпасть под обвинение в логической ереси, но, как он выражался, его «логическая совесть» не позволяет мириться с незыблемостью логических законов Аристотеля. Идея множествен-

[21] Carus P. The Nature of Logical and Mathematical Thought // The Monist. 1910. Vol. 20. P. 46.

ности логических систем благодаря Васильеву получила конкретное воплощение. Вместе с «воображаемой» логикой Васильев – опять-таки впервые в мире – разработал основы металогики.

Ряд видных российских философов (например, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин) отмечали, что доводы Васильева развиты «очень остроумно». Однако идеи Васильева едва ли не на полвека опережали логическую мысль. Глубина замысла Васильева раскрывалась постепенно. Так, выдающиеся русские и советские математики: академик Н.Н. Лузин в 1927 г. и академик А.И. Мальцев в 1966 г. – высоко оценивали в новой логике отказ от закона исключенного третьего, но не обращали внимания на факт построения логики без закона (не)противоречия.

Логики «васильевского» типа в контексте современных представлений были детально разработаны только в середине XX столетия, причем зарубежные ученые признавали приоритет Н.А. Васильева как предтечи современной неклассической логики. Ученики и последователи Н. Да Коста посвятили анализу логического наследия Васильева ряд фундаментальных трудов[22].

Помимо логики Васильев занимался философскими штудиями: с оригинальных позиций проанализировал этические системы Толстого и Соловьева, оценив учение Толстого как «абстрактно логическое», а Соловьева как «конкретно историческое» в науке о морали, оставил интересные статьи о значении идей Дарвина в философии, о философии истории, о творчестве Н.В. Гоголя.

[22] Arruda A.I. On Imaginary Logic of N.A. Vasiliev // Nonclassical Logics, Model Theory, and Computability / Eds. Arruda A.I., Da Costa N.C.A., Chuaqui R. Amsterdam; N. Y.; Oxford: North-Holland, 1977. P. 3–24; Priest G. Vasiliev and Imaginary Logic // History and Philosophy of Logic. 2000. Vol. 21. P. 135–146; Bueno O. Vasiliev and Foundations of Logic // The Logical Legacy of Nikolai Vasiliev and Modern Logic / Eds. V. Markin, D. Zaitsev. Springer, 2017. P. 43–58; D'Ottaviano I., Gomes E.L. Vasiliev's Ideas for Non-Aristotelian Logics: Insight Toward Paraconsistency // Ibid. P. 59–78; Stelzner W. The Impact of N.A. Vasiliev's Imaginary Logic on Epistemic and Relevance Logic // Ibid. P. 135–158.

И.Е. Орлов как мыслитель

Судьба российских ученых, родившихся в 1880–1890-х гг., оказалась сложной[23]. Образование они получали в императорских университетах, становление их происходило в период подъема науки, Серебряного века русской поэзии. К 1917 г. это было поколение широко образованных ученых. Однако последовавшие события круто изменили жизнь многих гуманитариев. Среди них был выпускник Московского университета *Иван Ефимович Орлов*[24]. С начала 1920-х гг. он являлся сотрудником секции естественных и точных наук отдела методологии Коммунистической академии. Орлова отличала широта интересов в области философии естествознания и математики. Ему удалось опубликовать статьи о принципе относительности еще в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1914–1916 гг., а затем он возобновляет активное издание работ в 1923 г., в журнале «*Под знаменем марксизма*».

В 1925 г. Орлов публикует книгу «*Логика естествознания*», в которой проводит мысль, что важно найти особую естественнонаучную логику, которая в целом близка, но не совпадает с диалектикой. Основное противоречие этой логики требует иной, нежели традиционной (Аристотелевой), логики. Оно проявляется в отношении логического основания и следствия, которые должны быть связаны по смыслу, а значит, новая логика должна строиться не на «экстенсиональном (объемном)», как в классической логике, а на «интенсиональном (содержательном)» принципе. В 1928 г. в статье «*Логика совместности предложений*» Орлов и предлагает такого рода логику. Эта логика впервые в мире реализует связь оснований и

[23] Основные публикации автора данной статьи, посвященные научному наследию И.Е. Орлова: Бажанов В.А. Ученый и «век-волкодав». Судьба И.Е. Орлова в логике, философии, науке// Вопросы философии. 2001. № 11. С. 125–135; Bazhanov V.A. The Scholar and the “Wolfhound Era”: The Fate of Ivan E. Orlov's Ideas in Logic, Philosophy, and Science // Science in Context. 2003. Vol. 16. № 4. P. 535–550; Бажанов В.А. История логики в России и СССР. Концептуальный контекст университетской философии. М.: Канон+, 2007.

[24] Он родился в г. Галич Костромской губернии в 1886 г.

следствий по содержанию. Такого рода логики – релевантные, а также класс субструктурных – были предложены только во второй половине XX в. Опять-таки приоритет Орлова в реализации стержневой идеи такого рода логик признан мировым сообществом[25].

Заключение

Когда-то выдающийся математик У. Клиффорд по поводу открытия новой геометрии Лобачевским заметил, что легче было сдвинуть Землю, чем уменьшить сумму в треугольнике. Эта мысль в каком-то смысле приложима и к пересмотру основных законов логики Аристотеля, поскольку этот шаг требовал глубины анализа положения вещей в традиционной логике, решительности и высоты полёта человеческой мысли. В 1912 г. Н.А. Васильев писал, что «“воображаемая” логика… противоречит тысячелетнему убеждению человечества». И Васильев, и Орлов, являясь философами, проявив особую *дерзость* мысли, оказались революционерами в современной логике, открыв новые горизонты в ее развитии. XX век можно называть веком торжества логики, и заслуги здесь отечественной философии несомненны.

Судьба новаторских идей Васильева и Орлова может быть описана словами Э. Верхарна, столь ценимого Васильевым:

Сегодня всему наступает пора,
Что чуть ли не бредом казалось вчера.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. *Бажанов В.А.* Проблема полноты квантовой теории: Поиск новых подходов (философский аспект). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983.
2. *Бажанов В.А.* Наука как самопознающая система. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991.

[25] См., например: Artemov S.N. Explicit Provability and Constructive Semantics // The Bulletion of Symbolic Logic. 2001. Vol. 7. № 1. P. 1–36; Deinozka J. The Concept of Relevance and the Diagram Tradition. Createspace Independent Publ., 2012; Došen K. A Historical Introduction to Substructural Logics // Substructural Logics /Eds. Schroeder-Heister P., Došen K. Oxford: Pxford University Press, 1993. P. 1–36; Priest G. Reflections on Orlov //History and Philosophy of Logic. 2021. Vol. 42. P. 118–128; Restall G. Substructural Logics. L.; N. Y.: Routledge, 2000.

3. *Bazhanov V.A.* Lobachevsky, Nikolay Ivanovich // The New Encyclopaedia Britannica. Vol 7. 15th and subsequent editions.
4. *Бажанов В.А.* Рецепция британской социально-философской мысли в России XVIII–XIX вв. СПб.: СПб центр истории идей, 2006 (в соавторстве с Артемьевой Т.В., Микешиным М.И.).
5. Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / Под ред. *В.А. Бажанова*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
6. Инновационный потенциал науки. Эпистемологический анализ / Под ред. *В.А. Бажанова*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
7. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. *В.А. Бажанова, Р. Шольца*. М.: Навигатор, 2015.
8. *Bazhanov V.A.* Subject of Cognition from a Cultural Neuroscience Perspective // Axiomathes. 2019. Vol. 29. P. 599–606.
9. *Бажанов В.А.* Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019.
10. *Бажанов В.А.* Культурный мозг – нейронаука – математика. Прислушиваясь к И. Канту. Калининград; М.: СПб.: Петрогриф: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

© Бажанов Валентин Александрович

Баксанский Олег Евгеньевич*

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО И ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация: развивающийся на наших глазах феномен НБИКС-конвергенции представляет собой радикально новый этап научно-технического прогресса, знаменует начало трансгуманистических преобразований, определяющих эволюцию человека.

Дифференциация наук способствует становлению методов исследования, специфичных для каждой отрасли науки, что позволяет овладевать знаниями об объектах, явлениях и процессах вглубь, получать точную и детальную информацию об отдельных их элементах.

Ключевые слова: естественно-научные методы познания, гуманитарные методы познания, НБИКС-конвергенция, конвергентные технологии, нанотехнологии, математические методы в психологии, психология познания.

К. Леви-Стросс однажды заметил: «XXI век будет либо веком гуманитарных наук, либо его не будет вообще».

Привлечение гуманитарных технологий дает возможность расширить парадигму конвергентной НБИК-технологии до НБИКС-технологии, где «С» – это социальные гуманитарные технологии.

* Баксанский Олег Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, профессор РАН, ведущий научный сотрудник ФГБУН Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН.

Такая модернизация предполагает специалистов принципиально нового класса, подготовленных уже на междисциплинарной основе. Однако таких междисциплинарно образованных специалистов не должно быть много, более того, возможно говорить об элитарном научном сообществе.

Развивающийся на наших глазах феномен НБИКС-конвергенции представляет собой современный этап научно-технического прогресса, который знаменует трансгуманистические преобразования.

Дифференциация наук способствует формированию специфичных для каждой отрасли науки методов исследования, что позволяет углубленно осваивать знания об объектах, явлениях и процессах, получать точную и подробную информацию об их отдельных элементах. Однако без сочетания разрозненных знаний, целостного описания объекта, системы, процесса, явления, теории невозможно построение многомерной картины мира, отражающей его изменчивость и подвижность, без этого невозможно постичь взаимную обусловленность всего происходящего в мире. Объединение усилий наук позволяет освоить знание не только широкое – благодаря ему рождается глубокое новое знание, оно приводит к выявлению и раскрытию новых качеств изучаемых объектов, даёт новое представление о единстве и взаимосвязи целого.

Особенно интересным и значимым представляется взаимовлияние именно информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки. Данное явление получило название **NBICS-конвергенции** (по первым буквам областей: N – нано; B – био; I – инфо; C – когно, S – социально-гуманитарные технологии).

Как было отмечено выше, термин **NBIC-конвергенции** ввели в 2002 г. М. Роко и У. Бейнбридж, авторы наиболее значительной в этом направлении на данный момент работы, отчета «Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information technology and Cognitive science», подготовленного в 2002 г. во Всемирном центре оценки технологий (WTEC). Отчет посвящен раскрытию особенности NBIC-конвергенции, ее

значению в общем ходе развития мировой цивилизации, а также ее эволюционному и культурообразующему значению.

Однако спустя 5–6 лет стало очевидно, что первоначальные четыре базовые технологии невозможно рассматривать в отрыве от блока социально-гуманитарных дисциплин, и М.В. Ковальчуком было предложено расширить **NBIC-конвергенцию** до **NBICS-конвергенции,** что открыло огромное поле деятельности для гуманитарного знания, но, к сожалению, отечественные философы, психологи, социологи, экономисты оказались не готовы ответить на вызовы времени.

Объективно процессы интеграции и дифференциации связаны с материальным единством мира, практическими потребностями развивающегося общества и всех его подсистем. С процедурной стороны они рассматриваются как противоположные тенденции, как две стороны процесса познания, являющиеся характеристиками его развития. Границы между ними часто размыты и подвижны, и их единство не исключает того, что в различные моменты процесса познания преобладает один из них.

В современной науке интеграция понимается как **взаимодействие** на основе общих принципов познания окружающего мира, общих **инвариантов**, позволяющее объединить разрозненные знания в единую, целостную, стройную систему. Однако если в естественных науках в качестве инвариантов могут выступать общие логические основы, общие структуры, характеристики, общие качества или обобщенные понятия, используемые разными областями естествознания, то поиск оснований для интеграции естественно-научного и гуманитарного знания вызывает серьёзные трудности, особенно в той области, где они контактируют с ненаучным знанием. При этом целостный образ мира, его обобщенная картина в идеях отдельного человека, его мировоззрение и его деятельность формируются на основе синтеза как научного, так и ненаучного знания, отражающего разные аспекты познания мира.

Фундаментальные методологические принципы – это общие требования, предъявляемые к содержанию, структуре и способу организации научного знания.

Методологические принципы научного познания регулируют научную деятельность (недаром их называют регулятивными принципами или методологическими регулятивами).

Другая важнейшая функция методологических принципов – эвристическая.

В методологии гуманитарных наук решаются проблемы, сходные с проблемами методологии естествознания, с помощью переосмысления и определенной адаптации.

Итак, основная проблема – научная картина мира в знании – предстает как роль лингвистической картины мира в интеграции сфер и универсалов культуры, человеческой жизни в целом. Она составляет основу человеческого знания, поведения, типа управления, образа жизни, «логики» мировоззрения и мировоззрения. Это особенно значимо для историко-культурных исследований: историк культуры не может полагаться только на воображение и интуицию, а должен обратиться к научным методам, гарантирующим объективный подход.

Научные знания возникли из необходимости создания целостной картины окружающего мира. Именно из холистического понятия природы исходил предок современной физики Исаак Ньютон, хотя дисциплинарная структура научного знания берёт начало в Античности и продолжается по сей день.

Следствием этого явилась узкая специализация науки и образования, что определило отраслевой принцип организации экономики и производства.

Последующее развитие цивилизации потребовало появления сначала интегрированных межотраслевых технологий, а теперь – надотраслевых технологий, примерами которых являются информационные и **нанотехнологии** (манипуляция атомом). При этом последние представляют собой единую основу для развития **всех** отраслей новой наукоемкой технологии постиндустриального – информационного – общества, первого сверхотраслевого приоритета развития. Нанотехнологии являются основным приоритетом для всех существующих отраслей, которые изменят сами информационные технологии. Это синергия новой системы, которая возвраща-

ет нас к всей картине естествознания. Можно сказать, что сегодня у ученых есть набор головоломок, из которых необходимо заново собрать целостный неделимый мир.

Последнее привело к изменению парадигмы исследований: если раньше научные знания были аналитическими («сверху вниз»), то теперь они перешли на синтетический уровень («снизу вверх»), что потребовало отказа от узкой специализации и перехода к созданию различных материалов и систем на атомном и молекулярном уровне.

Цивилизация прошла путь от **макротехнологий** (дом, машина), где измерения производились линейками или рулетками, через **микротехнологии** (полупроводники, интегральные схемы), где в качестве измерительных приборов уже использовались оптические методы, до **нанотехнологий**, где для измерений уже нужны рентгеноструктурные методы и установки для их реализации, потому что стандартные оптические методы достигли границ их применимости.

Можно сказать, что **нанотехнологии** – это методология современных научных знаний, ее рабочий инструмент, ведущий к фундаментальному стиранию междисциплинарных границ. Причем это именно методика создания новых материалов, а не «одна» из множества других существующих технологий. Иными словами, если современная **физика** сегодня является методологией холистического понимания природы, **математика** – аппаратом (языком) этого понимания, то **конвергентные** технологии являются инструментом этого аппарата, с одной стороны, и с другой – основой промышленного производства и системы образования (философия образования).

Именно конвергентные технологии, являясь материальным плацдармом конвергентного подхода, исходя из нанотехнологической методологии, изменили парадигму познания с **аналитической** на **синтетическую**, породив современные промышленные технологии, обеспечившие стирание междисциплинарных границ.

Нанотехнологии, как уже отмечалось, – это, прежде всего, инструмент, который во многих аспектах является универсальным для интегрированного целеуказания, которым является конвергенция.

Но все-таки главным проективным критерием является функция **сложности,** отражающей совершенство созданной системы.

Ранее существующие технологии создавались для нужд человека, а существующие технологии (например, та же сверхотраслевая – информационные и нанотехнологии) способны изменить самого человека, чего не было в прошлом. М. Кастельс много рассуждает об этом в контексте информационной эпохи. Более того, антропологи все чаще отмечают прямое влияние технологий на эволюцию человека как биологического вида.

Сегодня в когнитивной науке получила распространение компьютерная метафора функционирования мозга. Но это очень приблизительная модель: действительно, компьютер – это численная алгоритмическая система, а мозг – принципиально не алгоритм (во всяком случае, все многочисленные попытки ученых найти или хотя бы описать эти алгоритмы результатов не дали). Кроме того, мозг работает с ментальными изображениями при обработке информации, то есть является аналоговой системой. Однако не следует забывать, что информация всегда имеет материальный носитель, без и за пределами которого она не может существовать.

Научная картина мира требует возвращения к философии природы (натурфилософии), с которой 300 лет назад начинал Ньютон, органично включающей в себя естественные и гуманитарные науки. И необходимым инструментом для решения данной задачи являются конвергентные NBICS-технологии.

Таким образом, в конце XX – начале XXI века в естествознании возникает качественно новый тип научной картины мира. Развитие производительных сил до уровня пятой и шестой технологических баз привело к значительному росту теоретической и материальной активности субъекта. Роль науки в обществе продолжает возрастать, она все чаще выступает в качестве прямой производительной силы и интегративной основы для всех сфер общественной жизни на всех ее уровнях. Наука и техника, фундаментальные и прикладные науки, наука о природе и социальные и гуманитарные науки (на фоне растущей роли человеческого фактора во всех формах деятельности) сблизились как никогда ранее. Выделяются совершенно новые типы объектов научного знания. Для них харак-

терны сложность организации, открытость, саморегулирование, уникальность, а также историзм, саморазвитие, необратимость процессов, способность менять свою структуру и т. д.

В современном познании аналитический подход к знанию структуры материи окончательно изменился на синтетический. Анализ и синтез по своей сути не только комплементарны, но и взаимно обусловлены, преобразуются друг в друга. Конечно, в будущем путь анализа никуда не исчезнет, но он перестанет быть главным приоритетом, скорее, отодвинется на второй план в векторе развития науки.

Сама научная картина мира начинает все больше сочетать принципы систематики и эволюции и основана на идее всеобщего эволюционизма. Это позволяет ему, посредством установления непрерывных связей между неорганическим миром, дикой природы и общества в целях устранения исторического контраста в знаниях между естественно-научными и социально-научными картинами мира, укрепления интегративных связей отдельных наук, специальных картин мира, представить их как фрагменты единой национальной научной картины мира.

Естественно-научное познание	**Гуманитарно-художественное**
1. Носит объективный характер	Носит субъективный характер
2. Предмет познания типичен	Предмет познания индивидуален
3. Историчность не обязательна	Всегда исторично
4. Создает только знание	Создает знание, а также мнение и оценку познаваемого предмета
5. Естествоиспытатель стремится быть сторонним наблюдателем	Гуманитарий неизбежно участвует в исследуемом процессе
6. Опирается на язык терминов и чисел	Опирается на язык образов

К характеристикам конвергентного единства могут быть отнесены также следующие черты современной науки.

Во-первых, доминирование междисциплинарных исследований, которые принимают интегративные функции по отношению к отдельным наукам (примеры включают системную теорию, теорию управления и т. д.). Во-вторых, растет само многообразие интегративных процессов; иначе говоря, происходит их дифференциация, т. е. интеграция дифференцируется.

В-третьих, дифференциация сама по себе становится все более и более моментом интеграции, приобретая все более выраженную интегративную направленность, выступая в качестве логического, функционального момента в процессе самоорганизации и самоструктурирования науки. Другими словами, дифференциация от особого направления эволюции науки становится частью доминирующего в ней интеграционного процесса.

В-четвертых, в результате интеграция как движение к целостности не направлена против дифференциации, а включает ее как часть в качестве одного из необходимых аспектов общего развития системы. Другими словами, отдельные процессы дифференциации и интегрирования сливаются в единый интегрально-дифференциальный синтез.

Новая научная картина мира складывается в естествознании XXI века:

аналитический подход к познанию структуры материи сменился синтетическим, доминируют междисциплинарные исследования, растет их многообразие;

они берут на себя интегративные функции по отношению к отдельным наукам; конвергенция наук об органической и неорганической природе, интеграция наук становится трансдисциплинарной;

дифференциация из особого направления эволюции науки становится моментом доминирующего в ней интеграционного процесса;

процессы дифференциации и интегрирования сливаются в единый интегрально-дифференциальный синтез; усиливается взаимодействие между внешним и внутренним единством науки, они

часто становятся неразличимыми. Такую парадигму научного знания можно назвать *конвергентной*[26].

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Аронов Р.А., Баксанский О.Е. Когнитивная стратегия А.Эйнштейна // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 66–75.
2. Баксанский О.Е. Когнитивные науки: от познания к действию. М.: Ленанд, 2015.
3. Баксанский О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. М.: Ленанд, 2019.
4. Баксанский О.Е. Физики и математики: анализ основания взаимоотношения. М.: Ленанд, 2019.
5. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Естествознание: современные когнитивные концепции. М.: Ленанд, 2018.
6. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования. В зеркале междисциплинарного контекста. М.: Ленанд, 2019.
7. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию. М.: Ленанд, 2015.
8. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования. М.: Ленанд, 2019.
9. Баксанский О.Е., Скоробогатова А.В. Человек без поиска смысла: от человека разумного к человеку под властью фейков: как научиться не заменять истинные смыслы психологическими примитивами. М.: Ленанд, 2021. 312 с.
10. Кузнецов Н.А., Баксанский О.Е., Гречишкина Н.А. Фундаментальное значение информатики в современной научной картине мира // Информационные процессы. 2006. Т. 6. № 2. С. 81–109.

© Баксанский Олег Евгеньевич

[26] См.: *Roco M.C., Bainbridge W.S.* Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. Dordrecht, 2003. 488 p.

Буданов Владимир Григорьевич*

МОЙ ПУТЬ К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМУ ПОНИМАНИЮ СЛОЖНОСТИ

Родился я в Москве 5 марта 1955 года в семье технической интеллигенции. С детства интересовался математикой, техникой и физикой, которая романтизировалась в конце 60-х. Кружки при МГУ и победы на олимпиадах привели меня в знаменитую математическую школу № 91 на улице Воровского, в самом начале Нового Арбата.

Мы были первым набором, из которого вышло много незаурядных ученых. Это было счастливое время надежд и иллюзий о всесилии науки и конечной победе редукционизма, в котором воспитывались технари-материалисты, первого знакомства с самиздатом и излетной атмосферой 60-х. По окончании школы в 1972 году все наши подались в математику, а я один поступил на физический факультет МГУ. Сейчас я понимаю: для меня в физике сквозила метафизика, загадка, как кантовское «звездное небо над головой». У математика реальность одна, идеальная, у физика всегда две: одна – идеальная модельная математическая, вторая – историчная эмпирическая материальная, первая есть кривое зеркало той подлинной таинственной физической реальности, которая всегда была и будет и варианты контакта с которой так хорошо опишет позже в «типах научной рациональности» В.С. Степин. Я уже тогда остро переживал подобное различение и понимаю это сейчас как основа-

* Буданов Владимир Григорьевич – д. филос. н., к. ф.-м. н., глав. н. с., руководитель Сектора междисциплинарных проблем научно-техническоо развития» Института философии РАН (Москва).

ния методологии науки, к которой пришел почти через 20 лет после окончания физфака МГУ. Окончил МГУ с отличием, занимаясь квантовой тематикой, самой непонятной и образно непредставимой онтологией мира. Затем очная аспирантура теоретического отдела Института физики высоких энергий (г. Протвино), где была, наряду с Дубной, цитадель школы теоретической физики академика Н.Н. Боголюбова, его знаменитые ученики-мэтры, и я тоже причастился ее таинств. Там понял, что наука делается не по учебникам, но абдуктивно мучительно, в ходе горячих демократичных дискуссий у доски, когда за жесткость вопросов и суждений искренне благодарят, а не обижаются. Была еще чайная через коридор от аспирантской, где царили музы истории, музыки, философии и литературы, а дух научного творчества не подавлял религиозно-мистических переживаний немногих тогда верующих насельников теоротдела. Настоящий ученый на флюс похож не все время, но, выбравшись из морока нерешенной задачи, он возрожденчески широк, стремится понять и «острый галльский ум, и сумрачный германский гений». Именно там я стал ценить гуманитарное не меньше естественнонаучного, увидел человеческое в становящейся науке, о чем всю жизнь не уставал говорить мой учитель академик В.С. Степин в своей постнеклассике, которую я позже принял как очевидную мне истину.

В мае 1981 года был распределен на кафедру физики Московского института инженеров гражданской авиации, работал в должности младшего научного сотрудника (занимались физикой возникновения молний и грозозащитой самолетов). С 1983 года – ассистент кафедры физики, с 1988 года – доцент, где получил навыки преподавания общей физики инженерам и гуманитариям-экономистам, людям иной ментальности. Готовил олимпийские студенческие команды и осознал вкус к поиску эффективной методологии преподавания.

В 1985 году успешно защитил диссертацию (к.ф.-м.н.) по основам квантовой механики, новую тему выбрал самостоятельно. Отдал должное административной деятельности, с 1986 по 1989 год являлся первым заместителем декана большого факультета авиаци-

онного оборудования МИИГА, что, наряду с опытом студенческих стройотрядов, дало мне обширный опыт человеческого общения.

В 1992 году переведен на работу в Российский центр физического образования физического факультета МГУ ведущим научным сотрудником, где был ответственным исполнителем НИР по созданию концепции и государственной программы дисциплины «Концепции современного естествознания» (1994 год), которая вскоре была введена во все гуманитарные вузы России. В эти годы активно участвовал в работе знаменитого междисциплинарного семинара «Синергетика» на физфаке МГУ, где выступали выдающиеся физики и математики с мировым именем, носители высокой общей культуры: Г. Хакен, И. Пригожин, Ю.Л. Климонтович, В.И. Арнольд, Д.С. Чернавский, С.П. Курдюмов, В. Эбелинг, К. Майнцер. Тема мне была знакома в своей математической части, так как методы квантовой физики в теории нарушения симметрии физического вакуума в полной мере использовали синергетический подход. Однако только на семинаре я осознал универсальность языка синергетики и его междисциплинарное значение. Знакомство на этом семинаре с В.И. Аршиновым и В.С. Степиным, которые, кроме философской, прекрасно владели и физической онтологией, убедило меня в целесообразности перехода в ИФ РАН, хотя я вполне успешно работал над докторской по квантовой теории времени.

Хорошо зная методы современной физики, в тяжелое время начала 90-х я понял, что далеко не только наука, техника или экономика определяют человеческие судьбы, а науки о духе много сложнее формальных теорий, и возникла идея попытать счастье применения междисциплинарных синергетических подходов на социогуманитарном поприще. К тому времени уже был опыт преподавания естествознания гуманитариям на базе разработанной эволюционно-синергетической парадигмы. Эта идея понравилась В.С. Степину, и по его приглашению в 1995 году я был переведен в Институт философии РАН в сектор междисциплинарных проблем научно-технического развития, где работаю по настоящее время в должности главного научного сотрудника. В 2007 году защитил докторскую диссертацию по проблемам методологии синергетики в постнеклассической науке и образовании, а с 2016 года руковожу

сектором междисциплинарных проблем научно-технического развития ИФ РАН.

Развитие науки последних десятилетий отмечается целым рядом особенностей, что позволяет говорить о становлении его нового, уже постнеклассического этапа. Согласно В.С. Стёпину, этот этап характеризуется радикальными сдвигами в основаниях науки, изменениями характера научной деятельности, обусловленными, помимо прочего, стремительным ростом междисциплинарных и проблемно-ориентированных форм исследований. Объектами этих исследований все чаще становятся уникальные системы, обладающие свойствами открытости и саморазвития. В контексте познания такого рода объектов важнейшее место принадлежит синергетике – междисциплинарному направлению исследований, ставящему своей стратегической задачей познание общих принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах самой разной природы, в том числе и в социальных системах. Последнее, казалось бы, естественно вытекает из того факта, что синергетика в качестве одного из своих специфических объектов имеет дело с человекомерными системами. К обороту «казалось бы» приходится прибегать здесь неслучайно: использование методов синергетики для представления или, точнее, моделирования социальных процессов до сих пор вызывает критические возражения (якобы от имени философии). Ответ здесь лежит на поверхности, любая модель или парадигма находит область своей адекватности лишь на языке следующей более высокой парадигмы, так теория относительности указала область адекватной применимости ньютоновой механики. Тем самым границы установления применимости синергетических моделей есть отдельная и очень непростая задача, но с эвристикой так получается всегда.

Свою задачу я видел в том, чтобы конструктивно представить методологию синергетики, систему ее принципов в качестве ядра методологии постнеклассической науки; представить ее как методологию, которая еще только становится, но уже достаточно эффективна для того, чтобы успешно моделировать процессы самоорганизации и саморазвития человекомерных систем. Тем более что на рубеже XXI века синергетика стала достаточно популярна не только

у философов науки, но и в среде учащихся и исследователей-гуманитариев, педагогов, преподавателей и всех интересующихся проблемами сложности и междисциплинарности. Наш кризисный мир явно требовал новых языков описания. Первая волна интереса к синергетике связана с ее естественно-научными приложениями 70–80-х годов, а вторая – с попытками моделирования социогуманитарной реальности в 90-е и нулевые годы уже нашего века. Поэтому новый язык должен иметь уровень общности не меньшей общности и междисциплинарности, что и системный подход и кибернетика.

Первый круг моих исследовательских интересов, примерно 1995–2005 годов, и результатов был связан с формированием онтологических и эпистемологических принципов синергетики, которые могли бы обеспечить методологический инструментарий и междисциплинарный язык моделирования сложной реальности, как естественно-научной, так и социогуманитарной. Опирался я на самые универсальные математические понятия и теоремы теории нелинейных динамических систем, возникавшие со времен А. Пуанкаре и А.М. Ляпунова, на теории катастроф, динамического хаоса и неравновесных процессов. Подобные принципы, возможные в разных вариантах, мы встречаем у классиков синергетики: Г. Хакена, И. Пригожина, Э. Морэна, которые, однако, не ставили задачи построения полной и эффективной для моделирования методологии – целостной системы таких принципов.

Первоначально был проанализирован генезис методов синергетики, ее место среди междисциплинарных направлений XX века. Обсуждались социокультурные и междисциплинарные ландшафты ее приложений в постнеклассической науке, проблемы взаимопонимания естественников, математиков и гуманитариев в междисциплинарных коммуникативных дискурсах. Рассмотрены возможности метафорической и аутентичной синергетики, которая рождается в области взаимодействия нелинейного моделирования, предметного знания и практической философии. Много внимания уделено онтологическим и эпистемологическим основаниям синергетической картины мира, новой научной рациональности.

Центральная тема исследований целиком посвящена принципам синергетики (гомеостатичность, иерархичность, нелинейность,

незамкнутость, неустойчивость, динамическая иерархичность, наблюдаемость), находящимся в отношениях круговой причинности, – конструктивным основаниям методологии синергетического моделирования и адекватного представления развивающихся систем. Неотделимой компонентой этапов синергетического моделирования является практическая философия.

В моих научных работах рассмотрены социогуманитарные приложения синергетической методологии. Построены модели информационных и социальных кризисов, динамики и взаимодействия формальных и естественных языков, возможного генезиса раннегреческого мифа и принципов гармонии. Эти примеры дают характерную палитру проблем и возможностей, возникающих при синергетическом моделировании гуманитарной сферы.

Предлагаются совершенно новые подходы к проблеме моделирования времени, одной из центральных тем синергетики, восходящей к трудам А. Уайтхеда и И. Пригожина. Вводится понятие самоорганизации времени как процесса реализации принципов отбора оптимальных, по темпу эволюции, законов развития. Показано, что режимы с обострением и найденные автором ритмокаскадные режимы реализуют такие оптимумы. Метод ритмокаскадов применен к моделированию истории развития социально-психологических архетипов России.

Были предложены и опробованы синергетические стратегии в образовании, обоснована ключевая роль синергетики в формировании холистической научной картины мира. Анализируются ее приложения к диалогу культур в курсах «Концепции современного естествознания», «Философия науки» и «Синергетика» для гуманитариев, а также при построении когнитивно-генетических моделей истории развития физики.

Этот этап моей научной деятельности завершился успешной защитой докторской диссертации в 2007 году и проходил при постоянной поддержке замечательных философов и синергетиков: С.П. Курдюмова, В.С. Степина, Д.С. Чернавского, В.И. Аршинова, у которых я многому научился, а также при помощи моих коллег по сектору междисциплинарных проблем научно-технического развития.

К 2020-м годам вновь возникает живой интерес к природе междисциплинарных процессов самоорганизации и трансформации в природе, обществе и техносфере, которые связаны с масштабными переменами во всех областях нашей жизни, с переходом к глобальным сетевым цифровым формам социума и экономики. Этот интерес я называю синергетикой третьей волны. Третья волна синергетики нарастает сейчас и востребована для работы со сложными междисциплинарными проектами и для представления глобальных процессов антропотехносферы перехода к новым социотехнологическим планетарным укладам жизни. Предыдущие волны не исчезли, но интерферируют и служат основой для последующих. Эти идеи, в большой степени, отражены в моей монографии «Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании»[27], которая выдержала за десять лет 4 переиздания и имеет около 600 цитирований в научной литературе. Принципы и модели синергетики оказались весьма эффективны для описания сложной реальности, а прогнозы, сделанные в первом издании 2007 года в отношении будущих исторических трансформаций, неплохо подтверждаются. Самое главное, синергетика, по-видимому, будет последним языком описания сложности, все еще доступным человеку. Нейросети искусственного интеллекта не могут объяснить своих утверждений, и, полагаю, уже следует учить нейросети языку синергетики.

Последние 15 лет моей работы в основном посвящены методологии квантовоподобных представлений семиотических пространств, моделированию цифровой гибридной реальности и оценке рисков развития социотехнических ландшафтов на языке деформаций антропологических профилей обобщенной телесности человека, историческому моделированию динамики социально-психологических архетипов, постнеклассическому пониманию

[27] Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Новое издание, дополненное материалами: Синергетика третьей волны. Цифровой жизненный техноуклад. Образование эпохи большого антропологического перехода. Изд. 4-е доп. М.: Ленанд, 2017. 272 с. (Синергетика в гуманитарных науках № 7).

творчества и этики. Здесь язык синергетики оказался также актуален и востребован. Эти междисциплинарные направления исследований поддержаны несколькими грантами РНФ, РФФИ и РГНФ. Отчасти они входят в состав одной из семи междисциплинарных мегатем государственного задания Института философии РАН «Наука, человек и перспективы техногенной цивилизации» (руководитель академик В.А. Лекторский, координатор В.Г. Буданов). В координации взаимодействий множества участников мегатемы мне также очень помогают синергетические представления. Я уверен, что умение эффективно работать с процессами социальной самоорганизации и платформизации – это будущее не только новой экономики и гражданского общества, но и управления нашей академией и наукой в целом.

Более подробное изложение формат эссе не предполагает, поэтому с идеями и результатами последних лет можно познакомиться в приведенной ниже литературе.

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ И МОНОГРАФИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ (2017–2022):

1. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Новое издание, дополненное материалами: Синергетика третьей волны. Цифровой жизненный техноуклад. Образование эпохи большого антропологического перехода. Изд. 4-е доп. – М.: Ленанд, 2017. – 272 с. (Синергетика в гуманитарных науках № 7).
2. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Феномен сложности и квантовая семиотика // Вопросы философии. – 2021. – № 12. – С. 67–77.
3. Буданов В.Г. О возможности интегральной этики большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2021. – Т. 11. – № 6. – С. 260–269.
4. Буданов В.Г., Синицына Т.А. Квантово-синергетическая онтология обобщенной телесности: От антропологии театра к очеловечиванию искусственного интеллекта, проблема границ // Культура и искусство. – 2020. – № 7. – С. 13–28.
5. Буданов В.Г., Асеева И.А. Дорожные карты антропотехносферы XXI века // Экономические стратегии. – 2017. – Т. 19. – № 5 (147). – С. 120–127.

6. Буданов В.Г., Аршинов В.И., Лепский В.Е., Свирский Я.И. Сложность и проблема единства знания / Под ред. В.Г. Буданова. Том Выпуск 1. К стратегии познания сложности. – М.: Российская академия наук, 2018. – 105 с.
7. Буданов В.Г. Архетипическое эхо в истории: метод ритмокаскадов и природа большого антропологического перехода // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2020. – № 4. – С. 29–39.
8. Аршинов В.И., Артеменко М.В., Асеева И.А., Буданов В.Г. и др. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: этико-аксиологические регулятивы, адаптационные механизмы, социотехнические модели управления процессами цифровизации: Коллективная монография / Отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. – Курск: Университетская книга, 2020. – 302 с.
9. Аршинов В.И., Асеева И.А., Буданов В.Г. и др. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Модели, прогнозы, риски: Коллективная монография / Отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. – Курск: Университетская книга», 2017. – 243 с.
10. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 50–61.

© Буданов Владимир Григорьевич

Дергачева Елена Александровна*

ОТ МИРОВОГО ТЕХНОГЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ К РАЗРАБОТКЕ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-БИОСФЕРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Разработанная в трудах автора тема и связанные с ней теоретические решения глобальных проблем являются весьма актуальными как для более глубокого понимания характера противоречивого прогресса современного мирового сообщества и направлений социотехноприродного развития мира, так и выработки соответствующих мер по преодолению негативных аспектов техносферизирующегося социума, его технократических тенденций.

Цель исследований – раскрыть сущность и содержание нового социально-техногенного развития мира преимущественно с общественными системами, сконцентрированными в империалистических буржуазно-развитых странах, и обосновать необходимость разработки программы безопасного социально-биосферного развития России.

Решение этой цели находит отражение в основных авторских теориях: исследовании противоречивости природы мирового техно-

* Дергачева Елена Александровна – профессор РАН, доцент, доктор философских наук, профессор кафедры «Отраслевая экономика», профессор кафедры «Гуманитарные и социальные дисциплины» факультета отраслевой и цифровой экономики ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет» (БГТУ), соруководитель признанной РАН Междисциплинарной научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни при БГТУ.

генного общественного развития (2002–2005); раскрытии сущности, тенденций и перспектив феномена социотехноприродной глобализации мира (2006–2013); обосновании роли буржуазно-техногенной экономики в уничтожении биосферы и месте ее ГМО в глобальной трансформации и смене эволюции биосферной жизни (2013–2021). Автором введены в научный оборот более 10 понятий, отражающих новые реалии земного мира.

Автором *исследована и обоснована новая междисциплинарная социально-философская концепция социотехноприродной глобализации на основе развивающейся интеграции социума (и его экономики), техносферы и биосферы, проведен анализ ряда закономерностей и тенденций нарастающего техногенного общественного развития и расширения искусственной среды жизнедеятельности населения, характера ее воздействия на биосферу и человека, трансформацию природно-биологических процессов, а также аргументирована необходимость широкого применения междисциплинарной философской методологии социально-техногенного развития мира в науках.*

Впервые биосфера как географическая оболочка жизни, наряду с литосферой и атмосферой, была выделена в 1875 г. австрийско-немецким геологом Э. Зюссом. Но ее исследование на научной основе осуществлено В.И. Вернадским, издавшим в 1926 г. свою книгу о биосфере и поставившим в своих трудах проблему ее развития. Это позволило ему сделать прогноз о превращении биосферы в ноосферу при условии, что этим будет заниматься ассоциированное (социальное) человечество. Но ведущую роль в негативной трансформации мира играет империализм, на долю которого приходится 4/5 использованных природных ресурсов в 1970–2020 гг. с населением 1,1 млрд чел. из почти 8 млрд на земном шаре. За эти же годы из жизни ушло 2/3 популяций живых организмов.

С начала формирования при Брянском государственном техническом университете в 2002 г. научно-философской школы, признанной Минобразования в 2007 г. и ИФ РАН в 2012 г., ученые взяли на вооружение социоприродный подход, открытый В.И. Вернадским, и мультидисциплинарные исследования в познании глобаль-

ных процессов и проблем, и другие методы. Междисциплинарные исследования концентрируются вокруг философии как важнейшей базы познания мира. В исследовании речь идет о центральной роли философии социально-техногенного развития мира и смены эволюции жизни (создатель школы проф. Э.С. Демиденко), вскрывающей сегодняшнюю реальность. Опора на ее новый научно-понятийный аппарат и исследовательскую тематику позволила нам осмыслить и спрогнозировать направления изменения земной жизни. Начало исследований техногенного развития положено академиком РАН В.С. Степиным, директором ИФ РАН (1989).

В кандидатской диссертации (тема «Техногенное общество и противоречивая природа его рациональной трансформации», защищена в МПГУ, Москва, 2005) автором был осуществлен методологический анализ противоречивой природы техногенного общественного развития, противоречивого воздействия экономической, научной и технико-технологической рациональности на природу человека и общественную систему. Автором было введено в научный оборот и обосновано понятие «техногенная рациональность» как содержательная характеристика техногенного общества; проведен анализ составляющих компонентов техногенной рациональности – экономической, научной и технико-технологической, выявлены противоречия трансформации современного общества. В процессе исследования был обоснован тезис о доминирующей роли противоречивой рыночной экономической рациональности в формировании техногенного общества. Аргументирована необходимость разделения экономической рациональности на хозяйственную, направленную на улучшение условий человеческого существования, и рыночную, которая направлена на бесконечное обогащение и доминирует в формировании глобальной общественной системы. Исследовано противоречивое воздействие научной и технико-технологической рациональности на трансформационные процессы техногенного общества. Установлено, что негативная сторона ее воздействия на социоприродное развитие определяется не столько недостаточностью знаний о таких воздействиях, сколько рыночной рациональностью получения сверхприбылей.

В процессе исследования было разработано понятие «концептуальная гуманная рациональность социоприродного развития», фиксирующее феномен, противоположный техногенной рациональности; предложен комплекс мер по гуманизации и ограничению негативных последствий техногенной рациональности с целью сохранения и дальнейшей эволюции биосферы и биосферной жизни. По результатам исследования была издана авторская монография (2005)[28].

Особое место занимает в авторских исследованиях формирование впервые в мире понятия социотехноприродной глобализации, осуществленное на основе системных междисциплинарных исследований интегрированного развития социума (и его экономики), биосферы и искусственного мира (техно). В энциклопедическом справочнике «Глобалистика: персоналии, организации, издания», изданном факультетом глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова (гл. ред. и сост. И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2012. С. 390), среди важнейших изданий по глобалистике отмечена и моя авторская монография (2009)[29].

Если в кандидатской диссертации автор исследовал понятие «техногенный» в границах общественной жизни, то в докторской диссертации (тема «Феномен глобализации в контексте техногенного социоприродного развития», защищена в РУДН, Москва, 2013) понятие «техногенность» приобретает более широкое звучание, поскольку во взаимоотношениях общества, техносферы и биосферы рассматриваются биогеохимические процессы и биогенные обменные процессы в живых организмах, в частности в человеческом. Техносфера становится в работе более полной по своему содержанию и сущности, по выявлению ее роли в изменении эволюции жизни, в процессах глобализации и формирования новых форм жизни – биотехнологических растений и клонированных животных. Отсюда и более глубоко понимается сам социум – не только как

[28] *Дергачева Е.А.* Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности: Монография. Брянск: Изд-во БГТУ, 2005. 219 с. (12,72 п.л.).

[29] *Дергачева Е.А.* Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации: Монография. М.: Либроком/URSS, 2009, 2022. 232 с. (14,5 п.л.).

социоприродное явление, но и как техногенный социоприродный организм, поскольку он включает социум, создаваемую им техносферу и регион биосферы, в котором они существуют. Такое понимание техногенного общества не отражено в исследовательской литературе. Соответственно, общество, становясь глобальным, определяет техногенный характер развития социальных и природно-биологических процессов и становится решающим фактором нарастания интегративных процессов глобализации. С учетом этого концепция техногенного общества нашла отражение в авторской монографии (2011)[30].

В начале XXI в. в области глобалистики сформировались в разных вариантах две основные концепции глобализации – социально-экономическая и социоприродная (экологическая), отражающие различные грани социально-технократического развития мира. В этих теориях авторы исходят только из социологического понимания феномена глобализации как порожденного общественными процессами и изменяющегося на основе рыночно-экономических отношений.

Из этого следует, что общество развивается на основе социальных закономерностей, изучаемых общественными науками, а биосфера – на основе природно-биологических, исследуемых естественными науками. Такая трактовка во многом исключает взаимодействие этих процессов.

В контексте социологического подхода за пределами изучения остаются глубинные взаимосвязанные трансформации в обществе и природе на основе неконтролируемого воздействия новейших производительных сил, расширения техносферы и искусственного мира в целом.

Поэтому широко используемый исследователями системный подход имеет ограниченную трактовку и упускает из виду проблематику социально-техногенного развития жизни и мира.

[30] *Дергачева Е.А.* Философия техногенного общества: Монография. М.: Ленанд/URSS, 2011, 2022. 216 с. (13,5 п.л.).

В своих работах автор преодолевает такую ограниченность понимания мировых общественных процессов.

Пока что социальная философия и наука в основном не выходят за пределы социологических теорий общественного развития. Широко распространенные технократические теории постиндустриального (и информационного) общества (по Д. Беллу) концентрируют внимание исследователей на экономических и технико-технологических закономерностях развития капиталистического социума, изменении характера занятости – повышении значимости наукоемкого труда в перспективном социальном развитии.

Автор же обращает внимание на то, что общество изначально развивается в биосферной системе жизни как системе более высокого порядка. Поэтому неизбежно в процессе исторического развития эти две системы (а более точно – система биосферы и подсистема социума) взаимодействуют друг с другом.

Такое взаимовлияние определяет возникновение социально-биосферных закономерностей развития в традиционно-земледельческом обществе в форме окультуривания биосферы аграрным обществом, что осуществляется на основе естественных биосферных технологий – земледельческих и селекционных.

В индустриальном и переходящем к постиндустриализму социумах тенденции социально-природного взаимодействия формируются на основе техногенного окультуривания биосферы хозяйствующим обществом.

На этапе современного техногенного развития урбанизирующееся общество на основе искусственных технологий творит новые, техногенные (трансгенные) формы жизни, несвойственные биосфере, и тем самым определяет новые, социотехноприродные закономерности эволюции жизни.

Среди последствий современного техногенного цивилизационно-исторического развития, составляющих содержательные характеристики социотехноприродной глобализации, можно перечислить следующие: формирование техногенной среды обитания и образа жизнедеятельности населения в городах (в них в 2020 г. про-

живает уже более половины населения мира)[31], становление техногенных биогеохимических (и биотических) круговоротов веществ, глубокие трансформации биосферного человека, распространение трансгенных, клонированных организмов, то есть техногенных, социотехнобиологических (постбиосферных) форм жизни, организационно вобравших в себя при гибели биосферы на суше[32] естественные и искусственные формы биологического вещества, что отражено в авторской монографии (2016)[33].

Поэтому, учитывая тройственность складывающихся взаимодействий сфер – социума, техносферы и биосферы – и возникающих вследствие такого взаимодействия закономерностей, автор расширяет понимание обществ, предложенное Д. Беллом, рассматривая индустриально-техногенную и постиндустриально-техногенную стадии эволюции обществ и трансформации биосферы.

Такое понимание социотехноприродного развития позволяет осмыслить, как в связи с этим меняется биосферный мир, что нашло отражение в научном докладе автора в РАН (2017)[34]. Созданная социумом техносферная оболочка жизни становится новой, постбиосферной системой, в которой поддерживаются социальные и биологические процессы.

---

[31] Так, если за 7 тыс. лет до 1800 г. растущие в земледелии города к началу XIX в. имели около 50 млн горожан, то за последующие 220 лет население увеличилось в 8 раз, а городское население в 80 раз и составляет 4 млрд, или 55% населения планеты. В начале XXI в. техногенная городская среда уже объединяет свыше половины массы животных суши и треть биосферно-окультуренных растений.

[32] Биосфера суши дает 99,8% живого вещества планеты, тогда как мировой океан – всего 0,2%.

[33] *Дергачева Е.А.* Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ: Монография. М.: Ленанд/URSS, 2016. 256 с. (16 п.л.).

[34] *Демиденко Э.С., Дергачева Е. А.* От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни: Научный доклад. М.: Изд-во РАН, 2017. 28 с. (1,6 / 0,8 п.л.). http://www.ras.ru/publishingactivity/issues/collections.aspx. Научный доклад стал лауреатом конкурса лучших научных статей среди профессоров РАН (2018).

Изменяющийся характер среды жизнедеятельности человека заставляет по-новому переосмыслить вопросы технократического рыночного экономического развития.

Автор в сфере экономических наук обосновывает роль буржуазной экономики в уничтожении биосферной жизни и формировании городской техносферы, изучает тренды экономико-технократического развития мира, анализирует возрастающую роль ГМО и биотехнологических процессов в глобальной трансформации и смене биосферной жизни.

В исследованиях показано, что рыночная экономика способствует формированию рациональной техносферной системы жизни, в которую хозяйствующий буржуазный социум постепенно переводит процессы биотехнологического воспроизводства жизни[35].

Аргументирована необходимость расширенного понимания современной экономики как постбиосферной, способствующей формированию интегративных закономерностей развития, техногенно изменяющей живое биологическое вещество биосферы, что ориентирует на новое понимание производственных отношений[36].

Автор вводит в 2005–2021 гг. в научный оборот новый понятийный аппарат, более 10 научных понятий и терминов (социотехноприродная глобализация, техногенная рациональность, техногенная модернизация, индустриально-техногенное общество, постиндустриально-техногенное общество, рыночная экономическая рациональность, технобиосфера, техногенная социоприродная система, постбиосферная экономика, постбиосферно-техносферный мир и др.).

[35] Достаточно отметить, что с конца прошлого века, т. е. момента введения в коммерческий оборот трансгенных растений, по настоящее время площадь их посевов в мире возросла стократно, охватив 12% пахотных земель.

[36] *Дергачева Е.А.* Биотехнологические перспективы развития рыночной экономики // Инновации. 2020. № 6. С. 22–31. doi 10.26310/2071-3010.2020.260.6.003 (1,4 п.л.); *Demidenko E.S., Dergacheva E.A.* Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research: Monograph. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2021. 172 p. (10,7 / 8 п.л.). (*Книга издана на англ. яз.*).

Эти понятия нашли отражение в монографиях (2011, 2021)[37] и др.

Ключевая тема текущего этапа научных исследований автора (в соавторстве, с 2021 г.) – разработка стратегии гармоничного социально-биосферного развития мира и регионов России, базирующейся на экономике сохранения биосферного биологического вещества и других мерах[38]. Как показывают наши исследования различных теорий, здесь нет единства по поводу перспектив и гибели биосферы. Большинство биологов включают в биосферу всю гидросферу, на многие километры вглубь литосферу и до озонового слоя атмосферу, хотя В.И. Вернадский не определял границ биосферы, оставив это определение будущим ученым. При таком «глобальном подходе» вроде нечего беспокоиться о биосфере. Но мы берем за основу саму сущность биосферы – воспроизводство биосферной жизни на Земле. Исходя из учения Вернадского, мы включаем, прежде всего: живое вещество, почвенный покров и биогеохимическую основу ее – обменные процессы, благодаря которым только и возможно воспроизводство жизни, включая и самого человека. Это, по сути, реалистичный функциональный подход[39]. Экспансия искусственного в различных его проявлениях – от урбанизированных комплексов до ксенобиотиков (чужеродных естественным организмам веществ) – нарастает, постепенно замещая биосферную среду

---

[37] *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В.* Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины: Научное издание. М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: Изд-во БГТУ, 2011. 388 с. (26,65 / 8,2 п.л.); *Demidenko E.S., Dergacheva E.A.* Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research: Monograph. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2021. 172 p. (10,7 / 8 п.л.).

[38] *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А.* Глобальная гибель биосферы и поиск путей сохранения биосферной жизни // Вестник Моск. ун-та. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2021. № 2. С. 3–19 (1,4 / 0,9 п.л.).

[39] Достаточно отметить, что уже сейчас в США осталось 5% биосферных почв, а в них только в XX веке в три раза уменьшилось полезных веществ, от чего около 80% населения с избыточным весом, а с ожирением – 38,2%. Это самый высокий показатель болезненного ожирения в мире, на что обращает внимание нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц (2021).

регуляции искусственной средой – глобальной техносферой. Это ведет к потере главной ценности жизни – биосферы.

Что же получит социально-техногенный мир в итоге? Это будет жизнь в городской техносфере при пустынных полях, которых уже сейчас свыше половины. Жизнь будет осуществляться на биотехнологическом воспроизводстве искусственной постбиосферной жизни и продуктов питания. Современные расширяющиеся в мире социотехноприродные процессы свидетельствуют о том, что техносфера и *технократически окультуренные* организмы, концентрирующиеся в городской и иной искусственной среде, становятся новым обликом ноосферы. Об этих и других трендах антропо-техногенной деградации биосферы и становления новых интегрированных закономерностей эволюции жизни автором как соруководителем научно-философской школы с 2014 г. были организованы конференции и круглые столы в ИНИОН РАН, РАН и БГТУ, МГУ им. М.В. Ломоносова, Госдуме РФ, РАО, РЭА, прочитаны лекции на молодежных форумах РАН, в школах РАН, под эгидой Российского общества «Знание» и Совета при Президенте РФ по науке и образованию, сделаны доклады на международных конференциях по техническим, экономическим и социально-гуманитарным наукам[40].

Если в начале своего творческого поиска автор (с соавторами по научно-философской школе) еще занимался изучением сущности техногенного мира (с разграничением границ авторского иссле-

[40] За 20 лет исследований социально-техногенного развития мира автор стал лауреатом и победителем 30 международных, всероссийских и региональных конкурсов работ и монографий в номинациях «философия», «экономика», «социология», «экология», «социальная педагогика». Имеет благодарности президентов академиков РАН В.Е. Фортова и А.М. Сергеева и вице-президента РАН академика А.Р. Хохлова за содействие в развитии сообщества профессоров РАН, активное участие в реализации задач РАН, проведение цикла научно-популярных лекций в школах РАН (2016, 2019, 2020); академиков РАН М.Ч. Залиханова, Ю.Г. Евтушенко за организацию конференции (2021) и др. Автором опубликовано более 300 научных работ, среди которых 16 монографий (из них 4 – авторские, 4 – в соавторстве, 8 – коллективных), 51 статья в ведущих научных российских журналах из списка ВАК, 13 статей в зарубежных базах Scopus и WOS, 6 патентов на программы для ЭВМ.

довательского поиска)[41] и делал выводы о трансформации биосферы (2010)[42], что было одобрено специалистами РАН и ИФ РАН (исх. письмо ИФ РАН № 14204/2113 от 18.01.2012; 11.05.2012 № 4-Д-987-1851), то десятилетие спустя приходит понимание надвигающейся гибели биосферы вследствие экспансии техногенно-буржуазного общественного развития с публикациями в изданиях сектора сектора био- и экофилософии ИФ РАН[43] и др., представлением доклада на Общем собрании профессоров РАН (2022) и участием в качестве приглашенного соредактора спецвыпуска журнала "Life. State-of-Art in the Environmental Sciences and Human Ecology" в разделе по эволюции биосферы (Scopus, 2022 г.).

Изменяющийся характер эволюции земной реальности обусловливает необходимость пересмотра стратегий философии и науки в аспекте осмысления социотехноприродных тенденций с целью разработки подходов к сохранению биосферы. Философии отводится центральная роль стать связующим звеном между разрозненными научными областями на этапе постнеклассического развития, объединив на межпредметной основе знания о современном мире. Прогноз социально-техногенного развития для России более оптимистичный, нежели для империалистических западно-буржуазных стран, поскольку на ее просторах сосредоточено свыше половины биосферных ресурсов и пригодных для земледелия почв. Но нам тоже есть над чем активно работать, поскольку в условиях буржуазной биотехнологической экономики нарастает вектор глобальной трансформации и смены эволюции биосферной жизни. Поэтому наша школа внесла в РАН ряд стратегических предложений

[41] *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В.* Техногенное общество и земной мир / Под ред. Э.С. Демиденко: Монография. Брянск: Изд-во БГТУ; М.: АНО «Всемирная информ-энциклопедия», 2007. 377 с. (21,91 / 8,5 п.л.).

[42] *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А.* Техногенное развитие общества и трансформация биосферы: Монография. М.: Красанд/URSS, 2010, 2017. 288 с. (18 / 10,7 п.л.).

[43] Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: Коллективная монография / Отв. ред. д.ф.н., проф. И.К.Лисеев (сектор био- и экофилософии ИФ РАН). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 344 с.

по социально-биосферному развитию регионов России. Проект сейчас начинает осуществляться в Белгородской области вместе с РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Белгородским государственным технологическим университетом при формировании Российского национального центра гуманитарной экспертизы технологий. Это начало перспективного цивилизационно-исторического развития народного хозяйства России на *теоретическом фундаменте научно-философского знания и методологии общественных наук*. Разрабатываемая стратегическая программа направлена на то, чтобы остановить процесс гибели биосферной жизни и ее укрепить, не отказываясь от разумного сочетания биосферного развития с рациональным использованием техносферы[44].

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. *Дергачева Е.А.* Техногенное общество и противоречивая природа его рациональности: Монография. Брянск: Изд-во БГТУ, 2005. 219 с. (12,72 п.л.).
2. *Дергачева Е.А.* Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации: Монография. М.: Либроком/URSS, 2009, 2022. 232 с. (14,5 п.л.).
3. *Дергачева Е.А.* Философия техногенного общества: Монография. М.: Ленанд/URSS, 2011, 2022. 216 с. (13,5 п.л.).
4. *Дергачева Е.А.* Концепция социотехноприродной глобализации: Междисциплинарный анализ: Монография. М.: Ленанд/URSS, 2016. 256 с. (16 п.л.).
5. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В.* Техногенное общество и земной мир: Монография / Под ред. Э.С.Демиденко. Брянск: Изд-во БГТУ; М.: АНО «Всемирная информ-энциклопедия», 2007. 377 с. (21,91 / 8,5 п.л.).

[44] Помимо своей основной научно-исследовательской деятельности, автор по поручению РАН и с логотипом Академии издал книгу философско-патриотической направленности: Духовное завещание современникам и потомкам. К 95-летию писателя В.М. Шаповалова: Научно-популярное издание (монография) / [автор-составитель Е.А. Дергачева]. М.: Энциклопедист-Максимум, 2021. 480 с. (30 п.л.) (В.М. Шаповалов – белгородский писатель-фронтовик, его имя внесено в Президентскую энциклопедию «Лучшие люди России»).

6. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А.* Техногенное развитие общества и трансформация биосферы: Монография. М.: Красанд/URSS, 2010, 2017. 288 с. (18 / 10,7 п.л.).
7. *Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В.* Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины: Научное издание. М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: Изд-во БГТУ, 2011. 388 с. (26,65 / 8,2 п.л.).
8. *Demidenko E.S., Dergacheva E.A.* Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research: Monograph. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2021. 172 p. (10,7 / 8 п.л.). (*Книга издана на англ. яз.*).
9. *Демиденко Э.С., Дергачева Е. А.* От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни: Научный доклад. М.: Изд-во РАН, 2017. 28 с. (1,6 / 0,8 п.л.). http://www.ras.ru/publishingactivity/issues/collections.aspx
10. Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: Коллективная монография / Отв. ред. д.ф.н., проф. И.К.Лисеев (сектор био- и экофилософии ИФ РАН). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 344 с.

© Дергачева Елена Александровна

Жукова Ольга Анатольевна*

АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ: ДИСКУРС О РУССКОЙ МЫСЛИ И КУЛЬТУРЕ

Цели, задачи и актуальность исследований. Доклад представляет значимые результаты моей многолетней масштабной работы по изучению и реинтерпретации истории русской мысли и философско-культурологической реконструкции интеллектуальной и культурной истории России. В теоретическом отношении проводимые исследования свидетельствуют о процессе трансформации социально-исторической эпистемы.

В области истории философской мысли, философии истории и культуры данную тенденцию можно было бы обозначить как культурологизацию философского знания, обогащение его концептами культуры, личности и творчества, что отвечает общей для российской философии задаче концептуальной и методологической перезагрузки.

* Жукова Ольга Анатольевна – профессор, доктор философских наук, научный руководитель философской и культурологической магистратуры, академический руководитель ОП «Философская антропология», главный научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога, руководитель научно-исследовательской группы «Отечественная философская мысль и духовная культура России» школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Настоящие результаты отражены в 14 монографиях, в том числе семи личных монографиях[45] и двух учебных пособиях[46], в том числе с грифом Министерства образования и науки РФ, более чем в двухстах статьях. С точки зрения постановки проблем и выбора тем эти работы определяются в предметном поле *истории русской мысли, философии российской истории и культуры, метафизики творчества и философии русского искусства.*

Одна из **главных целей,** которая задает направленность моему научному поиску, связана с формированием интеллектуальной практики национально-культурного самопознания, с необходимостью налаживания механизма философской рефлексии культурно-исторического предания, в основе которого – *актуализация* ключевых тем и проблем русской традиции философствования. В проводимых мной исследованиях немалое значение имеет прояснение концептов «русская философия» и «русская культура», определение предметного поля отечественной общественной и религиозно-философской мысли, объема и содержания понятий «русская философия», «философия в России», «русская религиозная метафизика»,

[45] *Жукова О.А.* Опыт о русской культуре. Философия истории, литературы и искусства. М.: Согласие, 2019. 588 с.; *Жукова О.А.* Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие, 2017. 624 с.; *Жукова О.А.* Избранные работы по философии культуры. Культурный капитал. Русская культура и социальные практики современной России. М.: Согласие, 2014. 536 с.; *Жукова О.А.* На пути к Русской Европе: Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. 2-е изд. М., 2014. 208 с.; *Жукова О.А.* Метафизика творчества. Искусство и религия в истории культуры России. М.: НОУ ВПО «СФГА», 2008. 348 с.; *Жукова О.А.* Русская культура: онтология Слова и Образа. М.: ОРОиК РПЦ, 2006. 240 с.; *Жукова О.А.* Актуальность традиции: Художественное творчество в истории русской культуры. М.: ОРОиК РПЦ, 2005. 208 с.

[46] *Жукова О.А.* Курс лекций по философии и истории русской культуры. Рекомендовано Научно-методическим Советом по культурологии Министерства образования и науки РФ в качестве учебного пособия для студентов вузов. М.: «ПКЦ Альтекс», 2012. 368 с.; *Жукова О.А.* Лекции по истории русской культуры. Историческая культурология в высшей школе. М.: НОУ ВПО «СФГА». 2009. 408 с.

«российский общественный идеал», проблемы историографии отечественной мысли и др.

Я ставлю и решаю **сложный комплекс задач,** имеющих общетеоретическое и методологическое значение. Выделю задачу написания *критической истории отечественной философии,* которая во многом выстраивается как задача преодоления нашего незнания в данной области и формирования *современной дискурсивной практики русской мысли и культуры.* Творческий опыт выдающихся представителей интеллектуальной культуры России XIX–XX вв. рассмотрен мной в широком историко-философском контексте, что позволило увидеть русскую философию в многообразии ее тем и сюжетов, объединенную общей интуицией поиска собственных онтологических и культурно-исторических оснований. На разных этапах почти 30-летней научно-творческой деятельности предметом моего исследования становилось наследие Н.М. Карамзина, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, М.М. Сперанского, П.Я. Чаадаева, Н.В. Станкевича, Т.Н. Грановского, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, И.С. Аксакова, Н.Г. Чернышевского, А.В. Головнина, В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.О. Ключевского, В.А. Караулова, С.Н. Трубецкого, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна, П.Б. Струве, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Вяч.И. Иванова, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Б.П. Вышеславцева, Л.П. Карсавина, Г.П. Федотова, Ф.А. Степуна, В.В. Вейдле, Б.К. Зайцева, О.Э. Мандельштама, Б.Л. Пастернака и других талантливых создателей отечественной философской и художественной культуры.

В исследованиях выявлено, что отечественные мыслители, писатели и художники, рассуждавшие в этико-философском, политико-философском и эстетическом ключе об особенностях национального бытия, в той или иной форме демонстрируя патриотическую настроенность, искали путь восстановления исторической памяти, осознавая опасность и узко понятого национализма. Выдвинут тезис, что русские интеллектуалы, принадлежавшие к влиятельнейшему умственному направлению русского европеизма, пытались преодолеть грех непонимания отечественной истории и ее культурных традиций, маскирующийся под разные идеологии – от

консервативно-традиционалистских до радикально-эмансипаторских. Эти поиски нашли отражение в формулировании ими *общественного идеала*[47]. В проводимых мной исследованиях показано, что уклонение от работы по самопознанию выталкивает саму потребность в интеллектуальных процедурах культуры, исключая философскую и нравственную рефлексию из горизонта самополагания культуры и процесса идеалообразования.

Закономерно встает, пожалуй, ключевой вопрос: *есть ли исторические перспективы* у такой традиции философствования, как русская мысль в ее общественном и религиозно-метафизическом дискурсах, и такого феномена, как русская культура, которые сегодня находятся в ситуации глобальной современности с ее мозаичным сочетанием цивилизационных укладов? Не завершены ли эти, как принято говорить, исторические и духовно-интеллектуальные *проекты?* С этой точки зрения культурная история России и опыт русской мысли, рассматриваемые как предмет историко-философского и философско-культурологического изучения, становятся еще более сложно интерпретируемыми «текстами». В связи с этим возникают определенные *методологические трудности* в русских философских исследованиях, на которые я указываю в своих работах и предлагаю стратегии для их преодоления, в том числе разрабатывая новые принципы философской тематизации русской культуры и истории в трудах отечественных мыслителей.

Разработанные методологические подходы и теоретические модели интерпретации русской мысли и культуры. Развиваемая мной исследовательская стратегия нацелена на выявление граней творчества русских мыслителей и реконструкцию центральных положений их философских идей сквозь призму современных дискуссий о специфике русского философского проекта. Подобная философская оптика дает объемное видение имеющихся в традиции отечественной мысли общих и специальных философских проблем, раскрывает не только роль идей русских авторов в культурной и

[47] Общественный идеал как проблема русской философской и политической мысли: Сб. научных статей / Под общ. ред. О.А. Жуковой. М.: Аквилон, 2021. 324 с.

политической истории прошлого, но и актуальные смыслы их концепций, выявляемые социально-политической и интеллектуальной ситуацией современной России, Европы и глобального мира. Данный подход позволяет увидеть преемственность и разрывы в наследовании отечественной интеллектуальной традицией концептов философской мысли XIX – первой половины XX века, ярчайшими представителями которой были рассматриваемые мной авторы.

Особо выделю, что в трех последних обширных *монографиях* (2014, 536 с.; 2017, 624 с.; 2017, 588 с.), концептуально и тематически связанных между собой, предложена *модель интерпретации* отечественной философской культуры на основе рецепции традиции, где особенность русской культуры, а именно ее ценностно-смысловая и практико-ориентированная религиозность, становится самостоятельной и доминантной темой философской рефлексии. Выявлен способ концептуализации культурно-цивилизационных особенностей России и характерологических черт ее национально-исторического бытия русскими интеллектуалами европеистского направления. В результате исследований сделан вывод, что опыт философского постижения русской культуры, осуществленный отечественными мыслителями в их понимании единства Бога и человека, обнаруживаемом в мире природы и культуры, в творческом акте познающего духа, был для них основанием для построения истории русской философии, концептуализации «русской идеи» и национальной культуры. Можно резюмировать, что именно этот факт открывается христианскому сознанию русских «эсхатологических метафизиков», «софиологов», «конкретных идеалистов», «идеал-реалистов», «онтологических монистов».

В своих фундаментальных работах последнего периода я исхожу из понимания истории отечественной мысли как феномена русской культуры, ее важнейшей духовно-интеллектуальной практики, а личности мыслителя-автора – как социального агента и субъекта исторического развития, порождающего смысловой и вещный мир культуры. Сквозь призму развиваемого мной философско-культурологического подхода человек предстает в многообразии форм своей творческой деятельности, социальных интеракций и смысловых взаимосвязей с интеллектуальными и духовными

традициями культуры. В такой оптике история философской культуры России предстает как интеллектуальная история – *история творческих прецедентов,* где результатом творчества выступают идеи, овеществленные в текстах культуры.

В данных монографиях разрабатывается *идеалоцентричная модель культуры,* позволяющая через историю творческих опытов русских мыслителей – локальных прецедентов универсальной интеллектуальной истории – углубить и расширить предметную область русской мысли, каждый раз переоткрывающей свои культурные основания и переустанавливающей цели и идеалы самопознания. Такой способ тематизации русской мысли как истории прецедентов творчества позволяет подобрать теоретический инструментарий к предельно сложному предмету исследований – бытию человека в культуре, в том числе в тех случаях, где возрастает внимание к опыту личности, сопряженному с Иным, где работает уже фактор религиозного сознания. Это дает мне возможность ответить на важнейший вопрос: почему основные ценностно нагруженные смыслы культуры рождаются именно *в символическом и идеологическом сегменте* – религии, искусстве, мифе и в философии, пытающейся дать рациональное объяснение и интерпретацию данных смыслопорождающих систем знания и творчества.

Принципы тематического отбора историко-философских сюжетов и их проблематизация. Рассматриваемые в работах персоналии являются представителями европеистского направления русской философии, что репрезентативно для интеллектуальной ситуации XIX – первой половины XX века и общей логики развития русской общественной, религиозно-философской и эстетической мысли. Но не только это обстоятельство объясняет мой выбор персоналий. Интеллектуалы-европеисты сделали работу по пониманию России своим заданием, что выделяет их опыт как особо ценный на современном этапе формирования российского общества. Они вменили себе в обязанность *понять* Россию на основе четких философских и моральных дефиниций. Темы и идеи русских мыслителей подвергаются мной ревизии и процедуре критического пересмотра. Я выявляю ключевую для отечественной истории проблему преемственности духовного и социального опыта, наследования идеалов

и смыслов, выработанных предшествующим опытом культуры, отмечая, что при непродуктивном снятии противоречий в виде раскола и революции она приводит к срыву цивилизационного развития. При этом я выделяю продуктивную линию развития отечественной культуры и показываю, что философская мысль брала на себя роль опосредствования метафизических идеалов, характерной русской религиозности и разумной прагматики жизни. Выявляя эвристический, духовно-нравственный и гражданский потенциал этих идей, я отстаиваю тезис, что они могут стать *философским основанием* для анализа современных культурных и политических процессов и в конечном итоге перезапустить механизм исторического самопонимания российского общества, способствуя самоопределению нации.

Русская мысль и русская культура как историко-философская и культурфилософская проблема. Результаты и перспективы исследований отечественной философской традиции. В случае с исследованиями, посвященными истории русской мысли и философии русской культуры, возникают дополнительные трудности, преодоление которых определяет модальность многих моих работ. Для характеристики текущего состояния таких исследований во внимание нужно принимать не только драматический разрыв традиции философствования в XX веке и коллективные усилия по восстановлению преемственности на рубеже XX–XXI веков, но и ситуацию острой *борьбы* за русское наследство. Эта борьба сегодня возникает в публичном пространстве, далеко не свободном от идеологических страстей и политической конъюнктуры, что накладывает особую моральную и интеллектуальную ответственность на философа, выносящего результаты профессиональной работы – свой образ знания и понимания – в публичную сферу.

Я полагаю, что ценность современного подхода к изучению и исследованиям в предметной области истории русской мысли и философии российской истории и культуры заключается в стремлении понять и критически осмыслить сложившуюся традицию интерпретации отечественной философии. Применяемую мной интеллектуальную процедуру можно определить как историко-философскую реконструкцию религиозно-философской и социально-политической мысли. Она выстраивается как поиск смысла и реше-

ния проблемы за рамками сложившихся стереотипов самой культуры и устоявшихся канонов ее интерпретации посредством преодоления их идеологических или иных ограничений. Критическое мышление здесь противостоит всякой попытке подменить или мифологизировать историческую реальность – оно стремится создать адекватный образ понимания такого сложного явления, как русская философская традиция, *постигающая* собственную культурную историю. Считаю, что наиболее продуктивно рассматривать многообразные трактовки феномена русской мысли в качестве сложившихся уже концепций и в то же время анализировать различные варианты объема и содержания этого понятия во взаимосвязи с другими национальными философскими традициями. При изучении интеллектуальных биографий и ключевых текстов русских мыслителей мной уделяется внимание и первому, и второму подходам, в том числе с учетом уже имеющегося «словаря» концепций истории русской мысли, историографических канонов и различных опытов ее постижения другими авторами – отечественными и зарубежными.

В мою задачу не входит дать всеобъемлющее готовое определение русской мысли, но эксплицировать значимые *идеи* о духовно-интеллектуальной истории России и специфике русской философии отечественных интеллектуалов, ментально и типологически принадлежащих к европеистскому направлению русской культуры, переосмыслить их интерпретации идеальной ценностно-смысловой стороны жизни русской культуры. В этом случае я реализую и практику герменевтического анализа, растолковывая и интерпретируя существующие в данной традиции философские и художественно-эстетические нарративы о национальном способе философствования, а также *о способе быть* в истории и культуре. Я показываю, что определяющей для дискурса о русской культуре и истории в работах отечественных философов, чувствительных к метафизической проблематике, стала отмечаемая ими смысловая взаимосвязь религиозного, художественного и социально-политического опыта в культурной истории России. Все это позволяет мне сделать вывод, что обозначенные ими религиозно-философские подходы к осмыслению феноменов культуры и истории вполне могут вписаться в

современный тренд конструирования новых концептуальных моделей философского знания в области метафизики, онтогносеологической теории, обновления топики и методологии культурфилософских и историософских исследований.

Есть и другой важный научный и социально-культурный результат моей работы. Он заключается в актуализации духовно-ценностного ядра традиции русской мысли как процесса передачи смыслов и значений – специфической форме культурной памяти. Это сближает мое понимание философии как духовно-интеллектуальной традиции и практики культуры с понятием семиосферы, использованным Ю.М. Лотманом для выявления сущностных отличий между первой и второй природой – культурой. В работах я даю представление, как работает *идеально-ценностное ядро русской культуры* в преемственности интеллектуального и исторического опыта, что подчеркивает актуальность проводимых исследований как практики национально-культурного самопознания современного российского общества. В этом контексте необходимо признать, что русская мысль, как и русская культура, обладает большим смысловым полем, внутри которого проявляет себя и как отвердевшее во времени «вещество» – *традиция,* и как «энергия» – *творческая идея*, импульс, мотив, интенция развития, постоянно находясь в процессе взаимного перехода формы и содержания, и тем самым, она устремлена *в будущее.*

В результате проводимых исследований, применяемых в их рамках оригинальных методологических подходов и способов тематизации отечественной философии и культурной истории России мне удается: 1) определить архетипические свойства русской мысли в ее взаимосвязи с религиозной, политической и художественной традициями отечественной культуры; 2) осуществить аргументированную философскую критику исторического опыта России с точки зрения формулирования общественных идеалов и борьбы за них субъектов творчества – представителей общественной и религиозно-философской мысли; 3) выявить генезис и способ преемственности форм философского творчества на уровне духовно-этических и эстетических ценностей и идеалов; 4) разработать динамическую модель культурной истории России через философскую проблема-

тизацию способа наследования традиций в трех формах: консервации (архаизации, рутинизации), радикального отрицания и творческой преемственности и переосмысления традиции; 5) расширить поле отечественной философии, восстановить важные пропущенные структурные звенья в интеллектуальном процессе, ввести новые имена в российский историко-философский текст (В.А. Караулов, А.В. Головнин и др.); 6) в итоге создать модель интерпретации философской культуры России как духовно-интеллектуальной практики отечественной культуры в преемственном развитии, рецепции и критике ее *идеалообразующих концептов* – личности, свободы, общественного идеала, религиозного спасения и культурного творчества.

Продолжая дискуссии о цивилизационной и культурной идентичности России, специфике русской философии и судьбе российского философского проекта, на основании своих исследований я могу сделать следующий *прогностический вывод:* отечественная мысль укоренена в этосе и логосе национальной культуры, им в значительной степени детерминирована, но при этом стремится к универсализации предмета своего исследования и философского языка, ориентируясь как на метафизические идеалы, так и на культурный универсализм. По совокупности достижений и духовно-интеллектуальному потенциалу она может и должна быть представлена в качестве одной из *значимых мыслительных линий развития* актуальной интеллектуальной культуры, что в условиях доминирования философских версий утилитаризма, позитивизма и прагматизма, деконструкции онтологий и постмодернистского релятивизма может пониматься и как определенная *ценностная альтернатива.* Все это позволяет мне утверждать, что русская мысль не завершила своего исторического пути и в социальном бытии российского общества она способна стать основанием культурного и политического формирования нации через *капитализацию интеллектуального наследия отечественной культуры.*

© Жукова Ольга Анатольевна

Иванов Дмитрий Валерьевич*

КАРТЕЗИАНСКИЙ СКЕПТИЦИЗМ И ТРУДНАЯ ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ

1. Долгое время в философии господствовало аристотелианское представление о природе психического или души (*псюхе*). Как известно, с точки зрения Аристотеля, душа является анимирующим принципом, тем, что делает живое тело живым. Такое положение дел трансформируется в XVII веке. Основной вклад в переосмысление природы психического был сделан прежде всего Декартом. Порывая с аристотелианским представлением о психике как анимирующем принципе, демонстрируя, что движение живых тел может быть объяснено с позиций механицизма, Декарт одновременно закладывает основание для современного понимания психики, когда ядром психического оказывается именно сознание, рассматриваемое как особый «внутренний мир», как сфера приватных, феноменальных данностей, которая может быть также обозначена термином Д.И. Дубровского «субъективная реальность».

2. К подобному выводу Декарт приходит, осуществляя процедуру радикального сомнения. Например, он так пишет о цели данной процедуры: «[Я] хочу устранить все то, что допускает хоть малейшую долю сомнения, причем устранить не менее решительно, чем если бы я установил полную обманчивость всех этих вещей; я буду продолжать идти этим путем до тех пор, пока не сумею убедиться в чем-либо достоверном – хотя бы в том, что не существует

* Иванов Дмитрий Валерьевич – доктор философских наук, врио заместителя директора по научной работе, Институт философии РАН.

ничего достоверного»[48]. Осуществляя эту процедуру, мы можем сомневаться в существовании внешнего мира, нашего тела как части внешнего мира, психических процессов как принадлежащих телу. Однако мы не можем сомневаться в том, что нам кажется, что все то, что мы ставим под сомнение, существует. Иначе говоря, сознание отождествляется Декартом со сферой кажимостей, явлений, феноменальных данностей. Декарт так говорит об этом: «[Я] – тот, кто чувствует и кто как бы с помощью этих чувств замечает телесные вещи: иначе говоря, я – это тот, кто видит свет, слышит звуки, ощущает жар. Все это – ложные ощущения, ибо я сплю. Но достоверно, что мне *кажется* (выделено мной. – *Д.И.*), будто я вижу, слышу и согреваюсь. Последнее не может быть ложным, и это, собственно, то, что именуется моим ощущением: причем взятое именно в этом смысле ощущение есть не что иное, как мышление»[49]. То, что на русский язык переведено как мышление, используется Декартом в широком смысле как синоним «сознания» (*conscientia*).

3. Особенностью такого понимания сознания является то, что оно мыслится независимо от существования внешнего мира. Подобный взгляд на сознание можно обозначить термином Х. Патнэма «методологический солипсизм». Патнэм так пишет об этом: «Когда традиционные философы рассуждают о психологических состояниях (или “ментальных” состояниях), они исходят из допущения, которое можно назвать допущением методологического солипсизма. Согласно этому допущению, никакое психологическое состояние, в собственном смысле слова, не предполагает существования индивидов, помимо того индивида, кому это состояние приписывается. (Фактически, это допущение гласило, что никакое психологическое состояние не предполагает существования даже *тела* индивида: если *P* – психологическое состояние в собственном смысле слова, то должно быть логически возможным пребывание “бестелесного разума” в этом состоянии *P*). Это допущение довольно явным образом

[48] Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 21.

[49] Там же. С. 25.

представлено у Декарта, но оно в скрытом виде присутствует и во всей традиции философской психологии»[50].

4. Отождествляя психическое прежде всего с сознанием, с субъективной реальностью, мы сталкиваемся с психофизической проблемой. Решение этой проблемы предполагает объяснение того, посредством каких каузальных отношений субъективная реальность связана с физическим миром. Взгляд Декарта на соотношение психики и тела обозначается как дуализм субстанций. В его философии сознание мыслится как особая духовная субстанция, вещь мыслящая (*res cogitans*), противопоставленная материальной субстанции, вещи протяженной (*res extensa*).

5. Философ приходит к выводу о нетождественности сознания телу, опираясь на аргумент от представимости. Вот как выглядит его рассуждение: «Прежде всего, поскольку я знаю, что все, мыслимое мной ясно и отчетливо, может быть создано Богом таким, как я это мыслю, мне достаточно иметь возможность ясно и отчетливо помыслить одну вещь без другой, чтобы убедиться в их отличии друг от друга: ведь, по крайней мере, они могли быть разделены меж собой Богом; при этом не имеет значения, с помощью какой способности мы можем установить их различие. Таким образом, из одного того, что я уверен в своем существовании и в то же время не замечаю ничего иного, относящегося к моей природе, или сущности, помимо того, что я – вещь мыслящая, я справедливо заключаю, что сущность моя состоит лишь в том, что я – мыслящая вещь. И хотя, быть может (а как я скажу позднее, наверняка), я обладаю телом, теснейшим образом со мной сопряженным, все же, поскольку, с одной стороны, у меня есть ясная и отчетливая идея себя самого как вещи только мыслящей и не протяженной, а с другой – отчетливая идея тела как вещи исключительно протяженной, но не мыслящей, я убежден, что я поистине отличен от моего тела и могу существовать без него»[51].

[50] Патнэм Х. Философия сознания. М., 1998. С. 170.
[51] Декарт Р. Указ. соч. С. 62–63.

6. В этом рассуждении на первом шаге нам предлагается помыслить или, иначе говоря, представить концептуально непротиворечивым образом некоторую ситуацию, например, что сознание существует независимо от тела. Затем из представимости этой ситуации делается вывод о ее возможности. В заключение из посылки о возможности определенного положения дела делается онтологический вывод о его существовании. Например, из посылки о том, что сознание могло бы существовать независимо от физических объектов, делается вывод о том, что сознание нетождественно телу.

7. В настоящий момент мало кто поддерживает дуализм субстанций. Основной недостаток данной позиции заключается в том, что она не объясняет каузальное взаимодействие сознания и тела. Однако несмотря на то, что дуализм субстанций сошел с философской сцены, психофизическая проблема по-прежнему остается актуальной. Более того, она превращается в особую трудную проблему сознания (этот термин ввел Д. Чалмерс), которая заключается в следующем. Отказываясь от дуализма, мы занимаем монистическую позицию. Это означает, что нам необходимо объяснить природу субъективной реальности, опираясь прежде всего на ту картину мира, которая лежит в основании естественнонаучных дисциплин. Вместе с тем выработка такого объяснения представляется невыполнимой задачей, поскольку сознание изначально было введено как нечто, не зависящее от физической реальности. Отказ от такого понимания сознания означал бы отказ от оснований современной психологии с ее представлением о внутреннем мире человека как особой субъективной реальности. В определенном смысле мы сталкиваемся с дилеммой, мы не можем отбросить субъективные, феноменальные аспекты психики, не разрушив фундамент современных психологических представлений о сознании, но мы и не можем также развивать психологию как естественнонаучную дисциплину, не предложив натуралистического понимания природы феноменального характера сознательного опыта.

8. Столкнувшись с подобным положением дел, многие философы заняли позицию, согласно которой натуралистическое объяснение сознания невозможно. Придерживаясь, тем не менее, мони-

стического подхода в понимании мира в целом, они пытаются продемонстрировать, что в нашем едином физическом универсуме существуют особые ментальные свойства, которые не сводятся к физическим свойствам. Данные свойства часто обозначаются термином «квалиа», введённым еще У. Джеймсом. Он обозначает феноменальные качества ментальных состояний, которые внутренне присущи (*intrinsic*) данным состояниям, приватны (*private*), доступны субъекту непосредственно (*direct*), непогрешимым (*infallible*) образом. Несводимость квалиа к каким-либо естественным свойствам демонстрируется с помощью аргументов, подобных декартовскому аргументу от представимости. По сути, такая позиция является разновидностью дуализма, однако в отличие от дуализма субстанций этот взгляд следует обозначить термином «дуализм свойств». Поскольку натуралистическое объяснение ментальных свойств невозможно, то единственный способ найти для них место в нашем универсуме заключается в пересмотре оснований существующей естественнонаучной картины мира или в отказе от нее.

9. Однако действительно ли мы можем осуществить тот шаг, который предложил нам сделать Декарт, и представить сознание как некую сферу феноменальных данностей, отрезанную от внешнего мира? К картезианскому представлению о сознании мы приходим, используя процедуру радикального сомнения. Пытаясь найти несомненные основания знания, Декарт распространяет познавательную деятельность на сферу явлений. Мы можем ошибаться относительно того, какого положение дел в мире, у нас может отсутствовать знание, что дела обстоят таким-то и таким-то образом, однако мы не можем ошибаться в том, что нам кажется, что дела обстоят таким-то и таким-то образом. Знание о том, что нам явлено, оказывается непогрешимым знанием. Однако мыслимо ли подобное непогрешимое знание, применимое к сфере явлений, феноменальных данностей?

10. На этот вопрос я отвечаю отрицательно. Дело в том, что познавательная активность предполагает наличие нормативного контекста, в силу которого мы можем говорить о том, правильно или неправильно мы выделяем тот или иной феномен или факт, об-

ладаем ли мы действительно знанием или же мы ошибаемся. Мы не можем говорить о правильности или неправильности в нашей познавательной деятельности, если мы не можем опереться на независимые от нашего произвола основания. Только сталкиваясь с внешними ограничениями, накладываемыми на нашу сознательную активность, мы способны понять, ошибаемся мы или нет, и скорректировать наше поведение. Без подобных ограничений у нас просто нет возможности увидеть, что мы ошибаемся. Именно в силу того, что мы можем ошибаться и исправлять ошибки, наша деятельность приобретает нормативный характер. Там, где нет места для ошибки, нет места и для знания.

11. Собственно, поскольку картезианская идея непогрешимого знания, ограниченного только внутренней, приватной сферой явлений, не допускает возможности ошибки, постольку мы не можем говорить здесь и о наличии знания. Более того, мы не можем говорить о том, что познавательная активность, как она мыслится в картезианстве, вообще является правилосообразной, нормативной деятельностью. В своей познавательной активности картезианский скептик не может полагаться на какие-либо внешние по отношению к сфере его сознания критерии, устанавливающие правильность или неправильность его действий. В таком случае поскольку субъект замкнут в сфере своего сознания, постольку его эпистемическая практика выделения соответствующим образом определенных феноменальных данностей зависит исключительно от произвола самого субъекта. Такой субъект не может даже опереться на память, связывающую предшествующий познавательный опыт с нынешним. Поскольку память может подводить, постольку в каждом конкретном случае субъект вынужден заново определять, с чем он имеет дело. Единственный же критерий, на который он может положиться в каждый конкретный момент, заключается в том, что ему просто *кажется*, что он прав, осуществляя соответствующее выделение. Вслед за Витгенштейном мы можем сказать, что это значит, что мы вообще не можем говорить здесь о какой-либо правильности. Характеризуя позицию картезианского скептика, Витгенштейн писал: «В данном случае я не располагаю никаким критерием правильно-

сти. Так и тянет сказать: правильно то, что мне всегда представляется правильным. А это означает лишь, что здесь не может идти речь о “правильности”»[52].

12. Заслугой Декарта является открытие феноменального характера сознания. Однако Декарт не учел того, что сознательный опыт обладает также нормативным характером. Если мы обращаем внимание на нормативный характер сознания, то следует сказать, что методологию радикального сомнения невозможно применить последовательно для демонстрации возможности методологического солипсизма, того, что сознание может быть мыслимо независимо от мира как чего-то внешнего по отношению к нему. В свою очередь это означает непредставимость существования квалиа как приватных феноменальных качеств, внутренне присущих ментальным состояниям.

13. Означает ли этот вывод, что мы должны отказаться от представления о сознании как чего-то, что характеризуется прежде всего субъективностью? Я полагаю, что такой вывод не следует из данного заключения. В своих работах я предлагаю не отказаться от понятия квалиа, а переопределить его. Дело в том, что все свойства могут быть дихотомически разделены на два класса. Одни свойства внутренне присущи своим объектам, а другие свойства зависят от взаимодействия данного объекта с другими объектами. Последние свойства обозначаются как реляционные свойства. Несмотря на то что эти свойства зависят от взаимодействия объектов друг с другом, они тем не менее являются объективными свойствами. Отталкиваясь от такого понимания реляционных свойств, я предлагаю рассматривать квалиа не как свойства, внутренне присущие ментальным состояниям, а как реляционные свойства воспринимаемых объектов. Такое понимание позволяет учесть и объективный характер фактов, в которых фигурируют квалиа, и субъективность восприятия, т. е. взаимодействие субъекта с миром. Субъективность же в целом я предлагаю анализировать в терминах интенциональности.

[52] Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 174–175.

Содержание интенциональных состояний позволяет фиксировать объекты, как они представлены именно субъекту, т. е. как обладающие реляционными свойствами. Такое понимание субъективности, на мой взгляд, допускает натуралистическое понимание сознания и не сталкивает нас с наследием картезианского скептицизма – трудной проблемой сознания.

© Иванов Дмитрий Валерьевич

Ильин Виктор Васильевич*

МЕХАНИЗМ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рабочая машина творчества – эвристический синтез, за счет продуктивных преобразований выстраивающий символические композиции. Последние – плод произведения (порождения) духовных сущностей (a) через обработку, переработку исходных сущностей (в, с, d… n, где n конечно), т. е.

a=b * c * d *… * n.

Нерв составления композиций – созидающая операция (*). Параметрически она характеризуется как атрибуция – мыслительное приписание признаков, свойств, отношений посредством субстанциальных сближений. Символически она характеризуется как партиципация – приписание признаков, свойств, отношений посредством акцидентальных сближений. В контексте сюжетики «воображение – творчество» в любом случае уместен нажим не на демонстративность, а на образность, которая – как локомоция поиска – востребует не формальной, а тропной экспликации: трактовки преобразовательного процесса в терминах не «подобия», а «уподобления». Технически она характеризуется как репрезентация – выставление признаков, свойств, отношений посредством отобразительных сближений – морфизмов – с заданными на них отношениями преобразовательной неравносильности. В числе последних – сопоставление, сопряжение, пересечение, подстановка, перестановка, перемещение и т. п., обусловливающие последовательное

* Ильин Виктор Васильевич – профессор, доктор философских наук, профессор Калужского филиала ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (г. Калуга).

выполнение функциональных суперпозиций. Логически она характеризуется как координация и субординация понятий со специфическим нарушением субституции, субсумции: сочетаются видовые понятия из разных родов. Несоблюдение стандартного логического требования совместимости (равнозначность, подчинение, соподчинение, перекрещивание) при комбинировании с понятийной фактурой обогащает когнитивный репертуар созданием нетривиальных функций.

Сводя четыре в одно, получаем: составление композиций – эвристический прием ассоциативного упорядочения многоплановых ситуаций, как правило, не содержащих совместимые (предметные, понятийные) состояния. Продукт созидающей операции (*) – сложная функция, трактуемая как плод композиции (суперпозиции) нескольких функций.

Законы организации композиций неалгоритмичны; не удается выработать системы правил (приемы, рецепты, предписания), выполнение которых в определенном порядке подводило бы к достижению оригинальных решений каких-то задач. Выработка разрешающей процедуры всегда искусство, опирающееся на профессиональный опыт – знание объективной логики объективного предмета. В пределе – Жизни, Мира, Души.

Если уточнять существо содержания неалгоритмического – эвристического, творческого – решения, апеллируя к сверхфундаментальному концепту, то им будет спонтанность – отсутствие причинной обусловленности в предметном и идейном планах. Дефицит детерминистичности покрывается введением непосредственно не связанных с природой ситуаций факторов, обновляющих понимание. Гносеологическая квалификация данного шага как общего места познавательной деятельности наводит на необходимость рефлексии темы: протекание актов переплетения причинно не связанных, идейно несовместимых явлений.

Символическая детерминация – многоосновная система действий по согласованию некогерентных автономных образных рядов. Ключевая когниция «согласование», нуждаясь в более подробном разъяснении, уточняется как отображение несовпадающих мен-

тальных множеств друг в друга. При этом «отображение» утрачивает признаки строгого закона, по которому каждому элементу некоторого заданного множества сопоставляется однозначно определенный элемент из другого заданного множества.

Соответствие одного другому тут устанавливается импровизацией, другими словами, приобретает ярко выраженный имитационный, людический оттенок. Формант символического отображения – игра воображения – легкая, воздушная, светлая, беззаботная, непритязательная деятельность в семантической платформе «невзаправду», «вовсе не так, как на самом деле», «в упражнении», «по разыгрыванию», «отрешенности», «забаве».

Рычаг агонального отображения друг в друга параллельно существующих причинно не связанных рядов – рычаг тропа – внедрения смысловой, предметной небуквальности: семантически – скрытого уподобления по концептуальному, онтологически – скрытого уподобления по субстанциальному основанию. Результат – оформление подобия имитирующего мимесиса – творческого («поэтического») воспроизведения предмета в подражательном символическом сочинении – образном уподоблении-изображении.

Символический образ не зеркальный аналог предмета действительности; он – создание, вообразительная репрезентация; не того, что происходит «на самом деле», но того, что представляется. Последнее – не действительно наличное, а потенциально возможное – то, что в принципе «может быть», «могло бы произойти» в качестве условного. Это-то «потенциально возможное» под фирмой «условного» и отрабатывает символический детерминизм, создавая, созидая, сочиняя собственную виртуальную реальность. По законам символического – вообразительного творчества.

Символическая репрезентация суть образная имитация, получаемая продуктивным тропообразным формотворчеством. Тайна смыслопородительного морфогенеза – тропообразные отображения (преобразования – переводы) символических групп друг в друга.

В эстеме – аквизит эпитета – образного определения; метонимии – обозначения предмета по признаку; метафоры – сближения вещей по переносному значению; аллегории – развернутого каскад-

ного уподобления с коннотированной системой намеков. Пример наращивания шкалы смыслозначимости в тропообразной обработке реалий – любое художественное представительство. Взять хоть расхожую строчку из популярного «крылья расправил искатель разлук самолет». Востребующий субъектности, несущий идею активного действия глагол «расправлять» сцепляется с объектностью. Сюр, оправдывающий проводимую антропоморфизацию. Ее миссия – обслуживание последующей гносеологически абсурдной (с допускаемым квипрокво «одушевленность/неодушевленность») атрибуции «искатель разлук».

Через тропную предикацию проектируется неожиданный тип невозможного – возможной аллегоричной реальности, где объектное выставляется под видом (als ob) субъектного – носителя человеческих качеств, олицетворения (воплощения) гуманитарной «боли расставания».

Мультипликация миров, обследование многомирия – принцип не субстанции, а функции, – выверенного тона не только мистической (пралогической), но и романтической, вообще всякой струящей виртуальный звук коннотативной интонации.

Символический детерминизм – главная, явная пружина организации идейного ландшафта и в ноэзе. Сверхзадача концептуального ядра точного знания – физики, по убеждению Гамильтона, среди видимого разнообразия, изменчивости обнаруживать скрытое единство, постоянство природы. Сверхзадачу обслуживают:

(1) абстракции – мысленные отвлечения-удаления преходящего, случайного, добивающиеся фиксации существенно-необходимого в признаковом составе вещей;

(2) преобразования абстракций согласно единообразным (фабульным) способам описаний – инвариантным символическим морфогенетическим приемам.

(1) Абстракции. С позиций своего гносеологического статуса абстракции как эйдетические замещения реалий – тропные каскадно уподобительные аллегорические формы, играющие роль коннотативного свидетельствования. Абстракции суть модельные репрезентации – экстракт универсально-номологического в свойствах пред-

метных классов, – получаемые в процедурах обособления, изоляции, отождествления, группировки, генерализации, пополнения предметно-признаковой информации. Гносеологически абстракции суть реконструкции, упрощающие или усложняющие картину реальности переводом вещей в логические категории. Операционально они получаются посредством гипостазирования, олицетворения, объективации, универсализации, элиминации – именно эти технические приемы позволяют выделять эссенциальное, трактуемое как модельный заместитель (репрезентант) объективного (имеющий непустую область значений).

Абстракции – тропы генеалогически и сущностно – выступают аллегорическими модельными конструкциями. Физическая сила – тяготение – в эйдетической репрезентации выводится под видом метрики – искривленного пространства-времени (геометрия). Она может выводиться под видом другой физической силы – ускорения (локально действие гравитации эквивалентно действию ускорения) – экспериментально обоснованный принцип эквивалентности тяжелой и инертной масс ОТО.

Пускаясь в соблазны версификации, она может выводиться под видом другой конфигурации: суммы метрики Минковского и «тензорного произведения некоторого изотропного вектора самого на себя» (репрезентация Керра – Шильда). Между тем тяготение «как таковое» не есть ни метрика, ни ускорение (ср.: «милая моя – солнышко лесное»). Репрезентация физической силы через типы геометрий (риманову или псевдоевклидову) или иную силу – всеохватная метафора ad gustum. Сугубая метафоризация захлестывает квантовую теорию поля, допускающую «основное» – невозбужденное квантовое состояние материи, которое в возбуждениях (в планковских масштабах $\Delta E \Delta t \sim \hbar$, $\Delta p \Delta q \sim \hbar$) порождает формы материи в лице виртуальных частиц. Для возникновения из вакуума реальных частиц нужны значительные энергозатраты (для пары электрон – позитрон $E \geq 2mc^2$), источник которых нетропообразно не обозначается.

(2) Преобразования абстракций

(а) Способы группировки понятий на базе координации и субординации (систематизации) посредством замыкания на операцию следования с получением развернутых концептуальных сценографий действительности в лице теорий, ассоциаций теорий разной степени общности, картин мира. Данный вид преобразований деятельности достаточно ясен.

(в) Техника преобразования проводит идею сохранения при изменениях. Сохранение фиксирует неизменные во времени величины, абсорбирующие типические характеристики в способах представления, описания. Интуитивно сохранение связывается с устойчивыми, глубинными зависимостями процессов, не утрачивающими постоянство в концентрирующихся на поверхности переменах.

Соотношение категориальной диады «сохранение-изменение» проявляется замыканием на саму порождающую процедуру: способ получения объектов в ориентации на стандартные продуктивные акты, генерирующие типологические структуры (состояния):

– в художественном опыте – рефрен, ритм, рифма, параллелизм, абрис композиции, ритурнель, орнаментика, чередование тем и рем и т. п.;

– в научном опыте – инвариантность, ковариантность, независимость процессов от пространственно-временных сдвигов, поворотов, гомологичность явлений в разных системах отсчета, тождественность однородных специй, симметричность и антисимметричность функций относительно перестановок и т. п.

Различают два типа преобразований: пространственно-временных координат и унитарных групп.

Первые, именуемые также внешними симметриями, охватывают широкий класс отображений неких множеств в себя и другие множества. Все обратимые преобразования образуют группу – группу преобразований данного множества. Скажем, в евклидовой планиметрии – группы всех движений плоскости, параллельных переносов, поворотов вокруг фиксированной точки. Преобразования позволяют переводить одни элементы (их совокупности) в другие при соблюдении требований, легализующих бинарную алгебраическую операцию, называемую группой.

Классическая физика фундируется допущениями независимости механических процессов от пространственно-временных сдвигов, поворотов, что позволяет переходить от одной инерциальной системы отсчета к другой в изучении движения (равновесия) материальных точек и тем самым универсализировать в них законы механики.

Группа автоморфизмов пространства Минковского представляет требуемое геометрическое истолкование пространства-времени СТО.

ОТО заменяет группы симметрии пространства-времени СТО группой общековариантных преобразований, позволяющих осуществлять переход от одной системы координат к другой по

$$x^{\mu'} = x^{\mu'}(x^{v}), x^{\mu} = (x^{0} = ct, x).$$

Вторые, именуемые также преобразованиями внутренних симметрий, охватывают трансформации физических полей однородных частиц. Группами симметрий для описания электрослабых взаимодействий являются группы Su (2) x u(1), для описания сильных взаимодействий – группа Su(3). Серьезное достижение теории групп – предсказание существования (обнаруженной) частицы омега-минус гиперон. Серьезный недостаток теории групп – отсутствие связи описываемых группой Лоренца «внешних» (пространственно-временных) и внутренних, описываемых группой Su(3), типов симметрий;

– концептуальное недопонимание роли бозонных и фермионных полей, не объединяющихся в единые мультиплеты. Квантовые свойства бозонных и фермионных полей обусловливаются разными типами перестановочных соотношений:

– соотношений коммутации для бозонов

$[\mathrm{A(x)}, \mathrm{B(y)}] \equiv \mathrm{A(x)B(y)} - \mathrm{B(y)A(x)};$

– соотношений антикоммутации для фермионов

$\{\mathrm{A(x)}, \mathrm{B(y)}\} \equiv \mathrm{A(x)B(y)} + \mathrm{B(y)A(x)}.$

По теореме Паули для релятивистской квантовой теории поля частицы с целым спином – бозоны, с полуцелым спином – фермионы. И они не получают согласования.

Преобразование абстракций по внутренним правилам отображения символических групп друг в друга с выстраиванием композиций – мощнейший эвристический прием, позволяющий формальным образом получать значимые абстрактные результаты. К примеру, бозоны и фермионы с различными значениями спина и статистики ad deliberandum возможно объединить в общие супермультиплеты.

Для последних допустимо ввести новые совместные преобразования в виде супергруппы Пуанкаре. Затем связать суперсимметричную теорию поля с теорией супергравитации (теория Калуцы – Клейна). Надо признать: концепционное моделирование сущего в посессиве (здесь же – известная модель Гюрши – Радикати группы S4(6), объединяющей Su(3) и спиновую группы) – вещь интригующая, завораживающая, демонстрирующая мощь продуктивного синтетического потенциала разума.

Между тем всякое развертывание всякого действия по закону фабулы «сочинения» имеет финал. В художественном опыте финал – в лице развязки интриги. Скажем: в позднегреческом романе любящие, невзирая на разлуку, препятствия, перипетии, соединяются (ср.: «Хождение по мукам»). В научном опыте финал – в лице развязки замыкания посессива (кондициализа) на реалис – опытное оправдание. Рано или поздно размышления-измышления должны пройти чистилище верификации. В противном случае – интеллектуальная гримаса в виде пустопорожнего плетения словес, беспредметного умозрения (ср. с сюрреалистическими экзерциями по производству абсурдной зауми в поэзии).

В отношении наших баранов, – учет квантовых эффектов в теории супергравитации изобличает затруднения, семантизируемые как аномальные добавки к «лагранжиану взаимодействия, которые нарушают локальную калибровочную и лоренцеву инвариантности». Таков итог: отсутствие внешнего оправдания обусловливает и отсутствие внутреннего совершенства.

В качестве addendum – уместное ретарде к сюжету источника символики. Символические упражнения (те же посессивные преобразования-отображения символических групп в себя и друг в друга)

не демонстрация умственного герметизма, искусственности, нарочитости (музилевская человечность «без качеств»). Начало символики не игра (Хейзинга), не тон «интеллектуальной клоунады». Корень причудливых надприродных напряжений Homo symbolicum – самореализация через постижение и достижение гармонии. Во имя гармонии – стройности, согласованности сочетания звука, жеста, графа, смысла, – все. Лишь это – не описываемое схемой «организм – среда» – делает второсигнальную жизнь неким бóльшим, чем сочетание природных процессов, обеспечивает энтелехиальное проявление души, придает вертикальное измерение человеческому существованию. Существованию как искусственной потребности производить гармонично возможное.

Сфера сущего, именуемая «возможное», – виртуальная сфера, возникающая как преднамеренное перекрытие наличного броском воображения, мечты, измышления, свободного намека, поставляющего смысл более широкий (!), высокий (!), нежели доступный имеющемуся пониманию.

Инструмент расширения, углубления понимания производством нетривиального смысла – инструмент метаболической метафоры, задействующей энергию уподобляющей метаморфозы – продуктивного перехода в иное. Перехода в двутактном механизме, – первый такт: символическая дихотомизация «этого – того», реального – нереального; второй такт: переплавление «этого» в «то», реального в нереальное тропообразным синтетическим опосредствованием.

Логика смыслового формообразования в поэзии и теории от завязки до развязки идентична. Не идентичен завершающий эффект. Объяснения – в условиях заинтересованного присутствия и соприсутствия.

Поэтическая гармония устанавливается непосредственно когерентными требованиями выполнения творческих актов, улавливаемыми изнутри и снаружи (достижение катарсиса в отправлении трудов и наслаждении их плодами). В теории – по крупному счету – таких требований нет (даже применительно к фундаментальным регулятивам типа тождества, непротиворечия, сохранения); точный

радиус действия катарсических символических преобразований-отображений здесь не прописан.

В искусстве действует канон «самоцельности» и «самоценности» символической деятельности, оправдывающий любые (даже абсурдные!) приемы формообразования. Может быть неправдоподобной завязка («Король Лир»); может быть эфемерным сюжет (ср. критика шекспировских сюжетов Джонсоном, Толстым, Шоу); может быть неестественной расстановка, сшибка характеров, обеспечивающих проведение полифонии; может быть... Последнее слово в искусстве остается за оригинальностью, талантливостью достигающего катарсического (и гармонического) момента средства. Средство решает и подчиняет в искусстве себе все. Так, смеха «следует добиваться ради смеха» (Моэм) – лишь бы способ достижения его был художественно совершенным.

Деятельность в теории – в пределе – должна согласовываться не со средством, а с результатом, что детерминирует радикализацию в нормативном сознании критериев «внешнего оправдания». Системно аттестующие качество символического формотворчества критерии «внутреннего совершенства» выносят крайне важный промежуточный (не окончательный, как в искусстве) вердикт и одновременно намечают магистраль предпочтительного развертывания познания по определенному курсу.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ:

1. Ильин В.В. Теория познания. Симвология: монография. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – 384 с.
2. Ильин В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках causa finalis: монография. – М.: Проспект, 2016. – 272 с.
3. Ильин В.В. Теория познания. Герменевтическая методология. Архитектура понимания (монография). – М.: Проспект, 2017. – 184 с.
4. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология: монография. – М.: Проспект, 2018. – 176 с.
5. Ильин В.В. История и философия науки: учебник. – М.: Проспект, 2019. – 336 с.

6. Ильин В.В. Философия гуманитарного знания. Studia humaniora. Гуманитаристика: учебник. – М.: Проспект, 2019. – 256 с.
7. Ильин В.В. Аксиология: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2020. – 192 с.
8. Ильин В.В. Критика инструментального разума. Speciosa Miracula: тотальный мировейник: монография. – М.: Проспект, 2020. – 160 с.
9. Ильин В.В. Метафилософия. Поэтика философии. Монография. – М.: Проспект, 2021. – 160 с.
10. Ильин В.В. Философия кризиса: человечество на пороге катастрофических перемен: монография. – М.: Проспект, 2022. – 105 с.

© Ильин Виктор Васильевич

Ильин Илья Вячеславович*

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ГЛОБАЛИСТИКИ

Основным научным достижением автора доклада является формирование теоретико-методологических основ глобалистики как интегративного мульти- и междисциплинарного научного знания о глобальных процессах в обществе и природе и связанных с ними проблемах. При этом в центре глобалистики находится ее философская составляющая, поскольку именно философия обеспечивает мировоззренческое осмысление, методологический синтез и аксиологическую функцию в современном научном знании. Глобалистика ищет пути решения имеющих наибольшую значимость междисциплинарных и межотраслевых проблем, их национальных, региональных и даже локальных проявлений, в том числе в рамках принятия и осуществления соответствующих политических и иных решений на национальном, региональном и международном уровнях.

* * *

Глобалистика как новое научное направление и ее философское содержание

Сфера изучения глобалистики или глобальных исследований – общепланетарные социальные и социоприродные процессы. На сегодняшний день в наукометрических базах данных имеются около 450 тысяч публикаций по глобальной тематике, и число их ежегодно увеличивается. Различные аспекты глобального развития рассматриваются в рамках многих частных наук. В то же время

* Ильин Илья Вячеславович – профессор, доктор политических наук, декан факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

необходимость целостного, обобщенного знания о глобальных явлениях и процессах обусловила появление специализированного направления в современной науке, предметно занимающегося общепланетарной проблематикой. Возникшая во второй половине XX века в качестве междисциплинарного знания о глобальных проблемах, в начале XXI века глобалистика институциализировалась в самостоятельную предметную область научного поиска.

Впервые общепланетарные социоприродные проблемы стали обсуждаться на международном уровне на рубеже 1960-х – 1970-х годов, получив в научном дискурсе обобщенное наименование «глобальные проблемы современности»[53]. Значительный импульс исследованиям в этой области придали доклады Римского клуба, в частности, первый из них – «Пределы роста», опубликованный в 1972 году. Кардинальные изменения, произошедшие в мире за минувшие с тех пор пятьдесят лет, дают основания теперь уже по-новому посмотреть на проблему «пределов роста». Именно такую задачу сейчас решает междисциплинарный коллектив и факультет глобальных процессов МГУ, работая под руководством академика В.А. Садовничего над новым докладом Римскому клубу, который получил рабочее название «Преодолевая пределы». Несмотря на то что этот доклад, как и доклад 1972 года, в первую очередь рассматривает ресурсно-экологические и климатические проблемы развития человечества, значительная его часть посвящена новым противоречиям глобального развития: замедлению демографической динамики, возможным пределам технологического развития, новым геополитическим вызовам и рискам, невозможности решения многих экзистенциальных проблем человечества в рамках нынешнего мироустройства. Разработанные в процессе подготовки доклада модели дают как негативные, так и позитивные сценарии развития, в которых Россия может играть одну из ключевых ролей в мировом сообществе. Однако выделенные и просчитанные оптимальные режимы глобального развития, представленные как фазовые портреты

[53] Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: Научный и социальный аспекты. М.: Международные отношения, 1981. 240 с.

глобальной социоприродной системы, соответствующие при этом принципам устойчивого развития, сами по себе не дают ответа на то, каким будет общество будущего, каких ценностей, каких идеологем оно будет придерживаться. Новый доклад, таким образом, неизбежно ставит новые мировоззренческие проблемы, вопросы о судьбах и смысле существования человечества, о природе развития и самосознании человека. Такие вопросы невозможно решить без философского осмысления[54].

Необходимо отметить, что к важности осмысления глобальной проблематики приходили ученые разных дисциплин. Традиции целостного, холистического рассмотрения больших систем восходят в российской науке еще к М.В. Ломоносову, писавшему о необходимости «одним взглядом охватывать совокупность всех вещей»[55]. Эту его идею, чрезвычайно важную для современной глобалистики, продолжили выдающиеся отечественные ученые: В.И. Вернадский, И.Т. Фролов, Н.Н. Моисеев, Д.М. Гвишиани, Ю.А. Израэль, М.И. Будыко, С.П. Капица, В.В. Загладин, И.В. Бестужев-Лада и многие другие. В 2005 году по инициативе ректора МГУ В.А. Садовничего был создан первый в нашей стране факультет глобальных процессов. Важнейшую роль в научном и методологическом плане в создании и деятельности факультета сыграли известные отечественные философы: Э.В. Гирусов, Л.Е. Гринин, Н.М. Мамедов, И.К. Лисеев, В.А. Лось, А.Н. Чумаков, А.Д. Урсул и др.

Глобалистика, таким образом, является важной составляющей современной философии, питает философскую проблематику междисциплинарными исследованиями в области естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин. Она исследует общие и частные вопросы глобального развития как системно-синергетического феномена, для изучения которого докладчиком

[54] Ильин И.В. Основы глобалистики. М.: Изд-во Московского университета, 2021. 303 с.

[55] Ломоносов М.В. Избранные философские произведения / Под общ. ред. и с предисл. Г.С. Васецкого. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 94.

предложен эволюционный подход в рамках концепции глобального эволюционизма.

Генезис и междисциплинарность глобалистики

Глобалистика развивалась не только в научно-мировоззренческой, но и общественно-практической сфере, в рамках формирования и реализации мировой политики, решения экономических, правовых и экологических вопросов. С середины XX века сначала ученым, а затем и широкой общественности стал очевиден нарастающий и угрожающий человечеству дисбаланс в отношениях как внутри формирующегося глобального сообщества, так и в его отношениях с окружающей средой.

Академик В.С. Степин отмечал: «Экологический кризис, антропологический кризис, все ускоряющиеся процессы отчуждения, изобретение все новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, – все это побочные продукты техногенного развития»[56].

Сам по себе указанный дисбаланс был не первым социоприродным кризисом в истории человечества, которое уже несколько раз преодолевало свои «пределы роста». Научные открытия, инновации и сопутствующие им прорывы социально-гуманитарной мысли за последние 200 лет обеспечивали новые горизонты развития. Но всякий раз на эту проблему вначале обращали внимание философы. Можно вспомнить рассуждения И. Канта о «вечном мире», идеи Т. Мальтуса о невозможности безграничного роста населения, размышления Ж. Ламарка о роли человека в истории планеты, теорию К. Маркса и Ф. Энгельса о необходимости мирового объединения пролетариата, работы Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Б. Рассела, Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена, В.И. Вернадского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, А.Л. Чижевского, К.Э. Циолковского и др. Они обеспечили подготовку общественного сознания к восприятию идеи планетарной взаимозависимости, его непосредственной связи с биосферой, с геоклиматическими

[56] Степин В.С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник РФО. 2006. № 3. С. 17.

условиями, ландшафтом, космосом, а также начали формирование представлений об общей ответственности человечества за будущее планеты.

Упомянутые мыслители были не только учеными-междисциплинариями, но и философами, чьи идеи не могли не опираться на данные отраслевых наук. Так, хорошо известны идеи академика В.И. Вернадского, пришедшего в философию из геологии, начавшего чтение лекций в Московском университете по проблемам глобального социоприродного развития, а затем, начиная с 1920-х годов, развивавшего концепцию ноосферы как оптимальной модели развития человечества в условиях беспрецедентности масштабов его геопреобразовательной деятельности. В этой связи практическое значение имеет предложенная автором концепция футуризации образования, обеспечивающая его дальнейшую ноосферную направленность[57], а также ноосферно-гуманистическая модель глобализации через устойчивое развитие. Сразу после Второй мировой войны философ и психолог К. Ясперс впервые заявил о глобальном, целостном мире: «Благодаря техническим возможностям современных средств сообщения, наша планета стала единой целостностью, полностью доступной человеку, стала “меньше”, чем была некогда Римская империя… Теперь проблемой и задачей стал мир в целом…. Мир замкнулся. Земной шар стал единым… Все существенные проблемы стали мировыми проблемами, ситуация – ситуацией всего человечества»[58].

Развитие глобализации как процесса формирования общепланетарных социальных структур способствовало к концу 1980-х – началу 1990-х годов окончательному становлению глобалистики. Глобализация сама по себе представляется единым процессом повышения связности мира, превращающим его в единое целое. Вместе с тем она неравномерна, имеет циклический характер и совсем не обязательно несет «вечный мир» и всеобщую эффективную ин-

[57] Ильин И.В., Урсул А.Д. Образование, общество, природа: Эволюционный подход и глобальные перспективы / Предисл. В.А. Садовничего. М.: Изд-во Московского университета, 2016. 556 с.

[58] Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 141.

теграцию. Глобалистика помогла сформировать определенный язык междисциплинарного общения, включающий такие категории, как «глобальное развитие», «экологический кризис», «демографический взрыв», «ядерная зима», «мировое сообщество» и другие. Распространению представлений о глобальных процессах и их последствиях способствовал и наступивший период массового осознания ресурсных и экологических ограничений развития человечества. Цифровизация, ставшая в последние два десятилетия основным трендом глобализации, окончательно сделала глобальность мира очевидной, принеся новые проблемы человеческому сознанию, образу жизни, социуму и государствам.

В мировой науке в начале XXI века оформилось новое направление, касающееся устойчивого развития, ориентированное на поиск «консенсуса» во взаимоотношениях человека, его хозяйственной деятельности и природы. В пересечении с непосредственным изучением глобальных проблем и процессов эта область научного знания близка к тому, что соответствует отечественному толкованию термина «глобалистика».

Глобалистика в широком смысле не исчерпывается философией глобальных проблем, а является научной сферой и интеграционной площадкой для междисциплинарных исследований, формируя новые направления. Например, можно выделить политическую и историческую глобалистику[59]. Эти направления получили развитие в исследованиях автора и обрели признание в научном сообществе. При этом, разумеется, основным в глобальных исследованиях был, остается и будет именно философский подход.

Философский подход как ключевой в глобалистике

Философ И.Т. Касавин пишет: «Никто кроме философа не относится издавна с таким интересом к сложным, динамическим, человекоразмерным объектам, которые только недавно обнаружила наука. Никто кроме философа не культивирует в явном виде стрем-

[59] Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М.: Изд-во Московского университета, 2010. 304 с.

ление к универсальному синтезу»[60]. Философия помогает отдельным научным дисциплинам осмыслить и переосмыслить свой предмет, но при этом стимулирует междисциплинарное взаимодействие и объединение, что находит свое отражение в глобалистике.

Философская основа глобалистики позволяет и заставляет рассматривать глобальные процессы и проблемы в их взаимовлиянии, взаимообусловленности, единстве и целостности, ставя вопросы, выходящие за рамки отдельных дисциплин. При этом учитываются практические аспекты решения глобальных проблем и их проявлений на различных уровнях. Действительно, «к извечным философским проблемам бытия, сознания, смысла жизни и другим, постоянно обсуждаемым в философии вопросам, современная эпоха добавила принципиально новую, никогда не существовавшую ранее тему единой судьбы человечества и сохранения жизни на Земле»[61].

Прикладные аспекты и перспективы развития глобалистики

Глобалистика в рамках философско-теоретического осмысления и прикладных глобальных исследований призвана помочь выбору приоритетов в практической деятельности. Нельзя, например, «обвинять» глобализацию в том, что она привела к нынешнему периоду острой фазы конфронтации «глобального Запада» и «Не-Запада». Глобализация многолика и многоаспектна, ее течение меняется в зависимости от периода истории. Так, современный этап глобального развития характеризуется как период глокализации или уже даже деглобализации в рамках глобальных циклов развития человечества. Так или иначе, глобализация неизбежна и объективна, она есть результат естественного развития, имеет свои позитивные и негативные для человечества проявления, ее можно использовать для закрепления и усиления экономического, технологического неравенства, а можно – для быстрого распространения идей и технологий, консолидации общественности и стран в совместном

[60] Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. № 2. С. 14.

[61] Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 14.

решении проблем, реализации масштабных совместных проектов. Глобализация – это движущий фактор эволюции человеческого общества, в то же время это – опасный и малоуправляемый процесс.

Бурное восхождение развивающихся стран, острые ресурсные и экологические проблемы, разная скорость демографического развития и глобальное неравенство порождают вопросы о необходимости поиска и нахождения оптимальных – стабильных и безопасных – моделей мироустройства в XXI веке. Для этого применяются подходы различных наук, вплоть до математического моделирования социоприродных процессов. Но не только решение, но даже точная формулировка такой большой задачи зависит от более общей и крупной проблемы – проблемы человека, вопросов становления нового «этоса глобального мира», на что справедливо указывает академик А.А. Гусейнов[62].

Важнейшая перспективная задача глобалистики – осмысление природы и сущности самого человека в глобальном мире. Именно его противоречия и проблемы лежат в основе всех глобальных проблем, о чем всегда писали и говорили философы. Отечественная философия рассуждает в этом отношении в русле мировой традиции. Как писал Н.А. Бердяев: «Философы постоянно возвращались к тому сознанию, что разгадать тайну о человеке и значит разгадать тайну бытия.... Все попытки внешнего познания мира, без погружения в глубь человека, давали лишь знание поверхности вещей. Если идти от человека вовне, то никогда нельзя дойти до смысла вещей, ибо разгадка смысла скрыта в самом человеке»[63]. Таким образом, ключевая задача современной глобалистики на перспективу ближайших десятилетий – это изучение природы и сущности современного человека и выявление того, каким образом из внутренних противоречий на уровне всего человечества формируются проблемы глобального развития.

[62] Гусейнов А.А. Глобальный этос как проблема // Этос глобального мира. М.: Восточная литература, 1999. С. 14–29.

[63] Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 23.

Секция философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН – это объединение исследователей, чьи работы неотделимы от решения указанных задач. Действительно, вопросы глобалистики с политологической точки зрения – это вопросы оптимальных для устойчивого развития принципов мироустройства, принципов национальной и международной безопасности. С юридической точки зрения стремления к решению глобальных проблем и снижению рисков – это ключевые основания для усовершенствования современных международно-правовых норм. Психология и социология непосредственно изучают влияние глобальных процессов на человека и общество, в том числе для преодоления новых глобальных вызовов, в частности, вследствие развития цифровизации и применения технологий искусственного интеллекта.

Глобалистика, таким образом, – это насыщенная философским смыслом и практическим содержанием актуальная платформа междисциплинарного диалога, делающая необходимым сотрудничество всех социально-гуманитарных наук с учетом достижений естественнонаучного знания.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 608 с.
2. Гусейнов А.А. Глобальный этос как проблема // Этос глобального мира. – М.: Восточная литература, 1999. – С. 14–29.
3. Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: Научный и социальный аспекты. – М.: Международные отношения, 1981. – 240 с.
4. Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. – М.: Изд-во Московского университета, 2010. – 304 с.
5. Ильин И.В. Основы глобалистики. – М.: Изд-во Московского университета, 2021. – 303 с.
6. Ильин И.В., Урсул А.Д. Образование, общество, природа: Эволюционный подход и глобальные перспективы / Предисл. В.А. Садовничего. – М.: Изд-во Московского университета, 2016. – 556 с.

7. Касавин И.Т. Философия познания и идея междисциплинарности // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. II. – № 2. – С. 5–14.
8. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения / Под общ. ред. и с предисл. Г.С. Васецкого. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. – 759 с.
9. Степин В.С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации // Вестник РФО. – 2006. – № 3. – С. 23–24.
10. Чумаков А.Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 3–17.
11. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Ильин И.В. Основы глобалистики. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2021. – 303 с.
2. Леонова О.Г., Ильин И.В. Политическая глобалистика. – М.: Юрайт, 2017. – 216 с.
3. Ильин И.В., Урсул А.Д. Образование, общество, природа: Эволюционный подход и глобальные перспективы / Предисл. В.А. Садовничего. -– М.: Изд-во Московского ун-та, 2016. – 556 с.
4. Ильин И.В., Лось В.А., Урсул А.Д. Устойчивое развитие и глобальные процессы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. – 445 с. – Серия: Основы глобалистики: социоприродное измерение.
5. Ильин И.В. Урсул А.Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. – 568 с.
6. Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. – 615 с.
7. Ильин И.В., Мазур И.И., Чумаков А.Н. Глобалистика. Персоналии, организации, издания: Энциклопедический справочник. – М.: Альфа-М, 2012. – 432 с.
8. Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. – 304 с.
9. Ильин И.В. Теоретико-методологические основы глобалистики. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. – 103 с.
10. Ильин И.В. Эволюционная глобалистика (Концепция эволюции глобальных процессов). – М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. – 190 с.

© Ильин Илья Вячеславович

Касавина Надежда Александровна*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА

В области философского понимания человека особое значение имеет понятие «экзистенция», отсылающее к сложной и многофакторной ситуации личностного бытия. В сознании личности она связана с переживанием и осмыслением временности существования, его рискованности и границ, угрозой абсурдности и заброшенности в мире. Одновременно такое обнаружение ситуации оказывается и выходом на новый уровень сознания, где проявляет себя особая способность человека переживать, распознавать, утверждать смыслы своего присутствия в мире, реконструировать его как «свой».

Человек обращен к Другому как возможности личного самопроявления и самоопределения, к культурным «шифрам» и образцам. Благодаря этому он способен ко «второму прочтению»: к собственной рефлексивной метаистории, которая разворачивается во времени и конституирует экзистенцию (по аналогии с пониманием метаистории Х. Уайта – как реконструкции, модели событий, текста). Внутри этой истории и создается человек не только как самонаблюдатель, но и как автор, предъявляющий себя миру. Это рискованный шаг по предъявлению себя миру заново происходит в форме личного рекурсивного стягивания рефлексивного акта с до-

* Касавина Надежда Александровна – доктор философских наук, доцент, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

стоинством человека, который осмеливается стать на путь, не имея никакого ясного основания или гарантии.

Человек всегда отстаёт от себя самого, он всегда лишь возможный человек, никогда не этот. Эта ситуация выражает неустойчивость человека и дарит пробуждение, балансирует целостность и расколотость личности, свободу по отношению к ситуации и вовлеченность в нее. Экзистенциальный образ сознания набрасывает на мир сеть значимых сцеплений и кристаллизаций, высвечивает актуальные фрагменты опыта, разворачивает мир в значении «своего» через смысл. Самособирание и обретение времени, самораспутывание, однако, никогда не может быть завершено и образует перспективу человека.

Исследования экзистенциального содержания опыта во многом подготовили изменения, произошедшие в Новое время, за которым последовала, по выражению М. Бубера, «эпоха бездомности» в отличие от минувшей «домашней» эпохи, характеризующейся чувством защищенности и безопасности человека в традиционной культуре. Ответом на «потерянность» человека стал поворот в понимании его места в мире. Для этого новый импульс дал экзистенциализм, провозгласивший ценность личности, которая утверждает собственные смыслы жизни и несет за них ответственность. Ранний экзистенциализм является попыткой вернуть философии утраченное экзистенциальное измерение жизни человека. П. Тиллих называет XIX век временем экзистенциалистского бунта – яркой реакции на утрату экзистенциалистской точки зрения в Новое время – начавшегося с Шеллинга, Кьеркегора, Шопенгауэра, Ницше и во многом определившего дальнейшее развитие философии, искусства, литературы. В центре оказывается философское противостояние утрате личности, все более становящейся вещью, выражение тревоги отсутствия смысла и попытка трансформировать эту тревогу в мужество быть собой, что П. Тиллих и называет переходом к зрелым формам экзистенциализма[64].

[64] См.: Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М., 1995. С. 99.

Экзистенциализм XX века, прошедший через «тотальный крах смысла», – попытка нащупывания почвы в осуществившейся дегуманизации, сопротивление отчаянию через спасение человеческого даже в ситуации непреодолимой угрозы и тревоги. Мир тревоги в каком-то смысле является миром, понимание которого утрачено. Переосмысление мира, места человека в нем и сущности философии как возможности этого переосмысления становится важнейшей задачей философских построений К. Ясперса, М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра. Они претендуют на пересмотр философии как таковой, ее задач, предмета, методов, и дают собственную интерпретацию центральных философских проблем. Эта интерпретация осуществляется в ракурсе нового интереса к онтологии, который отчасти принято интерпретировать как реакцию на явный приоритет гносеологии во второй половине XIX – начале XX века. В частности, этот поворот П.П. Гайденко в книге «Прорыв к трансцендентному», посвященной экзистенциальной философии, называет преодолением господства «деонтологизированного субъективизма». Его представители переосмысливают философское наследие прошлого (Декарта, Канта, Гегеля, Гуссерля и других авторов) с позиции распознавания в нём упущенного содержания, связанного с проблемами существования человека.

Экзистенциализм XX века по праву вслед за П. Тиллихом можно считать этапом его зрелости, когда мужество существования получает теоретическое обоснование, концептуальную проработку, описывается в философских терминах. Наибольший вклад в этот процесс вносят М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, К. Ясперс, по-своему выражая разные аспекты или ступени радикализации положения человека в мире: от утверждения решимости существования в мире, лишенном смысла, до сохранения мистического оттенка понятия бытия или возможностей коллективных форм личностной укрытости.

Обозревая историю формирования и развития экзистенциализма, П. Тиллих называет этот этап такой предельной точкой,

дальше которой он уже не может развиваться[65]. Обозначенные после этого способы дополнения экзистенциализма новыми векторами, в том числе так называемым позитивным экзистенциализмом, сходным мощным влиянием уже не обладали.

Однако во второй половине XX века наблюдается яркое движение в области научного знания – экзистенциальная тематика распространяется из философии в сферу конкретных социально-гуманитарных наук, которые активно осваивают категориальный аппарат экзистенциализма. Этот процесс является важным этапом как истории экзистенциальной философии, так и истории науки, а также их современных очертаний. Он определяется разными факторами и процессами, в том числе влиянием поиска новых оснований гуманизма и солидарности, освоением экзистенциальной проблематики в поле национальных философских систем и культурных традиций.

Опыт экзистенции нередко понимается в философии как нечто трудно артикулируемое и не подлежащее рациональному познанию и научному изучению. На мой взгляд, понятие экзистенциального опыта служит выявлению способов философской концептуализации и эмпирического изучения экзистенции. Выявление экзистенциального содержания опыта позволяет обогатить философское понимание опыта вообще, которое переосмысливается в духе неклассической традиции, уходящей от понятия абстрактного гносеологического субъекта и стремящейся понять субъекта в единстве трансцендентальных и эмпирических характеристик. В связи с этим новую интерпретацию получает единство опыта и экзистенции, т. е. экзистенциальный опыт как базовая универсалия культуры и категория, объединяющая различные виды опыта и схватывающая их как частные проявления экзистенциальной природы человека.

Экзистенциальный опыт подлежит научному исследованию как совокупность опредмеченных смысложизненных переживаний. Он представлен результатами научной, обыденной и художествен-

[65] Тиллих П. Мужество быть // Пауль Тиллих. Избранное: Теология культуры. М., 1995. С. 99.

ной деятельности, выражен в языке, культурных артефактах и социальных объективациях. Экзистенциальный опыт как категория, имеющая философско-методологический статус, раскрывается через область переживания, самопонимания (распутывания), самоопределения субъекта в мире, конструирования им личной истории жизни. В конкретных гуманитарных исследованиях эти формы находят свое выражение в ситуационной методологии, биографическом, дискурсивно-нарративном, историко-биографическом и иных подходах.

В осмыслении науки периодически концептуализируются те или иные повороты – крупные изменения, которые проявляются прежде всего на уровне методологии. Здесь можно назвать разные примеры – лингвистический поворот, визуальный поворот, антропологический, когнитивный, цифровой и т. д. Метафора поворота достаточно распространена применительно к науке и призвана описывать ее нелинейное развитие, образующее особые смысловые петли. Среди этих поворотов важное место занимает экзистенциальный поворот, точнее, его важно концептуализировать и показать, что в социально-гуманитарных науках он является авангардным движением к научному решению предельных вопросов, которые длительное время решались в рамках иных форм культуры. Кроме того, обращение социально-гуманитарных наук к сфере экзистенциального стало одним из факторов или способов преодоления границы между классическими и неклассическими этапами развития научного знания.

Современный этап развития социально-гуманитарных наук включает в себя экзистенциальный сдвиг – дополнение социально-научной картины мира смысложизненными составляющими человеческого бытия. Крупные парадигмальные сдвиги в психологии и психотерапии, в социологии и лингвистике, истории, педагогике и правоведении проявляются в пересмотре предметной области и методов исследования, во внимании к познавательным ситуациям, в которых концептуальные основания науки включают экзистенциальные установки познающего субъекта.

Наиболее яркими примерами оформившихся научных направлений являются экзистенциальная психология и экзистенциальная социология, хотя констатировалось становление и экзистенциальной лингвистики, и соответствующих методологических изменений в области истории, правоведения, педагогики, теории искусства и других областях гуманитарного знания. В этих направлениях уточняется содержание экзистенциального опыта путем установления эмпирических корреляций с ситуациями его становления и развития на уровне индивидуального и коллективного сознания. Возникают междисциплинарные понятия, связанные с включением экзистенциальных проблем в поле научного знания («экзистенциальная идентичность», «исполненная экзистенция», «социальная экзистенция», «экзистенциальное развитие», «экзистенциальное право» и др.). При этом происходит все большее насыщение концептов экзистенции и экзистенциального опыта социокультурным содержанием. В науках идет активный поиск показателей, критериев, факторов, связанных с феноменами личностного становления в поле культуры – всего того, что фиксирует переход к научным процедурам и операционализации ключевых экзистенциальных понятий. В качестве способа осмысления этого процесса мною предложено понятие «натурализация экзистенции» – по аналогии с тенденциями в аналитической философии (У. Куайн).

Такая «технологизация» экзистенции нередко порождает критику со стороны философов, мыслящих в классическом экзистенциальном ключе. Однако в этом проявляется значимое обратное влияние научного подхода к экзистенции, ее возвращение в философию на новой междисциплинарной основе, в которой усиливаются теоретико-методологические и эмпирические обобщения и контексты.

Рассмотрение экзистенциального опыта в социально-гуманитарных науках связано с близкими по смыслу категориями, но специфическими способами анализа. В экзистенциальной психологии в целях психотерапевтической помощи личности делается акцент на изучении индивидуального поиска и переживания человеком смысла жизни, уникальности его положения в мире, ситуаций предельного опыта, связанного с угрозой смерти, с необходимостью

принятия важных жизненных решений или глубоким кризисом смыслообразующей системы личности (Л. Бинсвангер, В. Франкл, И. Ялом, Дж. Бьюдженталь, А. Лэнгле, Э. Спинелли, Э. ван Дорцен).

Значимость изучения личностного опыта была осознана в XX веке и в области социологии. Целью социологии в понимании А. Щюца является представление о процессах определения значений и понимания, которые осуществляют индивиды, процессах интерпретации поведения других людей и процессах самоинтерпретации[66]. Т.М. Дридзе назвала это поворотом теории социального познания и социального действия лицом к живому человеку, обитающему в многослойной жизненной среде и эволюционирующему в процессе непрерывной обратной связи с ней[67]. Особенно это касается экзистенциальной социологии, возникновение которой относится к 1960–1970 годам. Начало ее становления связано с работами Э. Тириакьяна, Дж. Дугласа, Дж. Джонсона, А. Фонтана, П. Мэннинга, Дж. Хейма и др. В настоящее время пересматривается и актуализируется наследие понимающей парадигмы социологии, феноменологической и экзистенциальной социологии, наблюдается стремление к дальнейшему осмыслению экзистенциальных проблем в контексте социального взаимодействия, личностной и социальной активности и деятельности. На парадигмальный сдвиг в социологии XXI века указывает П. Штомпка и связывает его с феноменом социальной экзистенции, отражающей подвижный, меняющийся, становящийся характер социальной реальности и положения человека в ней[68]. Понятия «жизненный мир» и «смысл жизни» становятся осевыми в поиске показателей и индикаторов жизни человека и общества[69].

[66] Schutz A. Phenomenology and the Social Sciences // Collected Papers I: The Problem of Social Reality. The Hague: Martinus Nijhoff, 1962.

[67] Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.

[68] Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8.

[69] См.: Тощенко Ж.Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 6–17.

Интересные повороты, связанные с идеями экзистенциальной философии, можно обнаружить в области философии права и правоведения, где право трактуется как экзистенциальное явление в отличие от сферы позитивного права и официальных законов. Экзистенциальное право понимается как выражение неповторимой позиции человека в мире, подлинности его существования, его достоинства, включает интуитивное переживание индивидом должного и его неустранимую ответственность за собственный выбор. Эти идеи во многом обусловлены дискуссиями о судьбе гуманизма после Второй мировой войны, поиском его новых культурных оснований, разработкой проблемы субъекта в правовой действительности, сфер нравственности и права как областей самобытия экзистенции. Особый вклад в это внесла немецкая философия права[70]. С разных позиций экзистенциальный подход к праву осмысливался и продолжает осмысливаться в отечественном правоведении[71]. Современная отечественная традиция философии права включает реализацию ценностного подхода к институтам и нормам права, обоснование проблемы смысла и идеи права, поиск путей его дальнейшей гуманизации, решение проблемы отчужденности права, что существенно конкретизирует понятие экзистенции.

[70] Maihofer W. Sein und Kecht. Fr./M., 1954; Maihofer W. Naturrecht als Existenzrecht. Fr./M., 1963; Maihofer W. Die Natur der Sache // Archiv fur Rechts-und Sozialphilosophie. Berlin, 1958. № 2. Майхофер В. Право и бытие // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 186–258; Fechner E. Rechtsphilosophie. Tubingen, 1962; Fechner E. Naturrecht und Existenzphilosophie // Naturrecht oder Rechtspositivismus. Hrsg.von W. Maihofer. 3. Aufl. Darmstadt, 1981. S. 384—404. Фехнер Э. Философия права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 539–611.

[71] Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2008; Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–16; Стовба А.В. Эрих Фехнер: опыт пограничности или бытие – между правом и экзистенцией // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 530–538; Стовба А.В. Вернер Майхофер: от «Бытия и времени» к «Праву и бытию» // Там же. 2008. № 1. С. 175–185; Туганаев К.А. Экзистенциализм как философско-методологическое основание естественно-правовых концепций // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право» 2014. № 3; Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988.

В целом можно отметить, что обозначенный процесс в области методологии гуманитарных наук требует системного видения, включения его отдельных фрагментов в некоторую целостную концепцию. Тем не менее уже на эмпирическом уровне анализа очевидны крупные изменения в философии и конкретных науках, усиление внимания научных направлений к экзистенциальному опыту как важнейшему фактору познания, деятельности и общения. Неклассические стандарты рациональности, уходя от идеи эпистемической исключительности науки, поставили рядом формы экзистенциального опыта, что в перспективе позволило говорить о единстве познания и переживания как предпосылке философского и специально-научного постижения личности. Сегодня осмысление достижений науки в области понимания экзистенции становится новым витком ее возвращения в философию, продолжающую свой неиссякаемый путь к целостному знанию о человеке и пониманию его назначения и места в мире.

Понимание экзистенциальных особенностей становления личности в современном обществе сегодня нередко осуществляется с обращением к реальности электронной культуры. Это большая область междисциплинарных исследований. Возникновение понятия цифровой экзистенции, формирование философских и научных программ по ее изучению, пониманию новых человеческих рисков и возможностей в электронной культуре также показывает, что идеи и проблемы, поставленные в экзистенциализме, продолжают играть существенную роль в области гуманитарного знания. Экзистенциальный ракурс опыта является предметом многих наук, эта тематика обретает с течением времени новые аспекты актуальности – как теоретической, так и социально-практической, что взывает к важности формирования методологической основы и дальнейшего междисциплинарного синтеза в данной области.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт: переживание пути или становление структуры? // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 63–72.

2. Касавина Н.А. По направлению к подлинности человеческого бытия (об экзистенциальной динамике в психологии) // Эпистемология и философия науки. 2013. № 4. С. 150–162.
3. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 46–56.
4. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М.: ИФРАН, 2015. 189 с.
5. Касавина Н.А. О гуманизации науки и натурализации экзистенции // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4. С. 127–143.
6. Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. № 4. С. 129–142.
7. Касавина Н.А. О бремени техники и миссии ученого // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 36–39.
8. Касавина Н.А. Человек – «долгое существо». Опыт метаэкзистенции // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 47–57.
9. Касавина Н.А. «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2020. № 4. С. 73–89.
10. Касавина Н.А. Экзистенция и культура. М.: Весь мир, 2022. 438 с.

© Касавина Надежда Александровна

Кефели Игорь Федорович*

ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ДВЕ ГРАНИ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

В настоящее время актуальной становится разработка теоретико-методологических оснований концепции глобальной безопасности, нацеленной на разрешение глобальных геополитических, экологических, экономических, социальных и технологических рисков. Получило широкое распространение мнение о том, что в настоящее время в числе наиболее важных проблем развития цивилизации в XXI веке на первый план выдвинулся комплекс проблем обеспечения глобальной безопасности, обусловленный нарастанием геополитической напряженности в различных регионах мира, экологических угроз и негативных тенденций в гуманитарной сфере общества, связанных с деградацией базовых духовных ценностей и др.

В связи с этим автором была предложена концепция глобальной безопасности, основанная, во-первых, на признании факта наступления новой эпохи в геологической истории Земли – антропо-

* Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, профессор кафедры социальной безопасности Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, приглашенный профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, эксперт РАН.

цена, когда устойчивая биосфера превратилась в неустойчивую антропосферу. Иначе говоря, в качестве объекта глобальной безопасности рассматривается система «биосфера – антропосфера – ноосфера». В свою очередь, предметом ее философского осмысления и конкретно-научных исследований выступают подсистемы «биосфера – ноосфера» и «биосфера – антропосфера», рассматриваемая в контексте концепции управляемой эволюции, которая рассматривается как альтернатива концепции устойчивого развития (А.В. Яблоков, В.Ф. Левченко и А.С. Керженцев). Авторская позиция, изложенная в работе [8], на которую был опубликован ряд положительных рецензий [Виловатых А.В. На пути к теории глобальной безопасности в условиях становления цифровой эпохи // Свободная мысль. 2020. № 4 (1682). С. 188–193; Пфаненштиль И.А., Яценко М.П. Асфатроника как новый конструктивный подход к системе глобальной безопасности // Век глобализации. 2021. № 1. С. 103–115; Eugene A. Vertlieb. Asphatronics: On the Way to the Global Security Theory // Global Politics Review 6, no. 1–2 (2020): p. 108–113; рецензия на кит. языке в журнале Times Figure. 2021.08.22. P. 18–19], сводится к следующим ключевым положениям:

– асфатроника (от греч. ασφάλεια – безопасность и ηλεκτρόνιο – электрон) – научное направление в изучении феномена безопасности, основой которого выступают энергоинформационные процессы и механизмы в биологических, социальных и больших технических системах;

– асфацефатроника (от греч. ασφάλεια – безопасность, κεφάλι – голова, εγκέφαλος – головной мозг, ηλεκτρόνιο – электрон) – раздел асфатроники, охватывающий решение проблем обеспечения безопасности в сфере психической, когнитивной, духовной деятельности человека;

– сферой исследований асфатроники выступают виды безопасности, обеспечивающие разрешение глобальных экологических, геополитических, экономических, социальных и техногенных рисков;

– предложена концепция информационно-психологической и когнитивной безопасности на основе философских и психологических представлений об идеальном (Э.В. Ильенков), которые следует

рассматривать как мировоззренческо-методологическую основу когнитивной науки (когнитивистики), нацеленной на изучение духовной деятельности человека, дальнейшего развития искусственного интеллекта и когнитивных (ментальных) операций, что получило более детальное обоснование в работах [7, 10].

По мнению автора, когнитивная безопасность (асфацефатроника, которую некоторые авторы определяют как ментальную безопасность) сравнительно новая область когнитивных наук, социальных технологий и противодействия информационно-психологическим операциям, характеризующим геополитическую нестабильность современного мира. В нем геополитический потенциал любого государства определяется уже не только его экономической и военной мощью, размером территории и численностью населения, как было прежде, но и его информационным потенциалом, обеспечивающим создание информационного общества, цифровизацию «всего и вся». Переход от «аналоговой» к «цифровой эпохе» в начале XXI веке был связан с появлением нового качества больших данных (БД) – прогностического. Феномен больших данных был обязан бурному росту т. н. неструктурированных данных, фиксирующих в «цифре» любые данные о жизнедеятельности человека – тексты, фото, видео и т. д. Объем цифровой информации удваивается каждые восемнадцать месяцев. Столь динамичный рост объема больших данных взывает к необходимости поиска путей обеспечения когнитивной безопасности как одного из направлений информационной безопасности.

Эффективность последней, ее качество и уровень зависят от множества факторов, в частности от состояния и уровня развития самой информатики в стране, от качества подготовки кадров и, что не менее важно, их целевого трудоустройства, от социального запроса на информационные услуги, которые денно и нощно рекламируются во всех СМИ. Кстати, в области социальных и гуманитарных наук новой номенклатуры научных специальностей появилась новая группа – когнитивные науки, охватывающая междисциплинарные исследования когнитивных процессов, мозга и языка, а также когнитивное моделирование и предусматривающая защиту диссертационных работ по физико-математическим, биологиче-

ским, психологическим, медицинским, философским, филологическим и техническим наукам.

В работе «Философия геополитики» [5] автором был обоснован теоретический статус философии геополитики (предложены концепции геополитического стиля мышления, научных программ геополитики, диалектической связи геополитики и хронополитики), что явилось логическим продолжением разработки идеи автоматизированного способа производства [1], подтвердившей свою теоретическую значимость в исследованиях пятого и шестого технологических укладов.

В работе «Математические начала глобальной геополитики» [4] автором (в соавторстве с О.А. Малафеевым) были представлены базовые теоретические положения математической геополитики (на основе теории игр) в контексте современной философии науки. Как отмечал в предисловии к книге иностранный член РАН, д.т.н., проф. А.А. Акаев, данная работа открывала новую страницу в области теории игр, методы и принципы которой авторы рассматривают применительно к анализу становления нового этапа геополитического знания – глобальной геополитики, органично дополняют прогнозную методологию «игровой» и намечают коллинеарные векторы теоретического анализа мировой динамики, а потому глобальная геополитика стремится и должна стать доказательной наукой.

Автором исследована и обоснована теоретическая и мировоззренческая значимость евразийской идеологии и геополитики в осуществлении социального проектирования российского социума. В 2012 году под научной редакцией и при авторском участии был издан фундаментальный труд «Л.Н. Гумилев: pro et contra, антология», в котором были представлены основные этапы эволюции взглядов «последнего евразийца» и их критическая оценка современниками Л.Н. Гумилева [2].

В ряде работ автором был проанализирован творческий вклад основоположников евразийского учения (Н.М. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др.) на основе первоисточников и концептуально разработаны представления о смене геополитических эпох глобальной истории, о евразийстве как глобальном проекте, охватывающем «имперский проект», «советский проект» и

контуры создаваемого в начале XXI века «российского проекта», который базируется на сохранении государственной целостности, геополитической и национальной безопасности, целостной государственной идеологии России как одного из цивилизационных центров многополярного мира [3, 5, 6, 9].

В частности, в работе «Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства)» автор отмечает, что впервые в отечественной научной литературе не только была представлена развернутая и аргументированная критика взглядов основателей евразийского учения их современниками, но и утверждается необходимость создания российской государственной идеологии и признания евразийства как объединяющей силы на постсоветском пространстве, что подтверждается работами академика РАН М.К. Горшкова и члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко. В данной работе утверждается, что первым идеологам евразийства не удалось создать научно обоснованной теории. Опираясь на свое понимание истории с географией, они создали романтический образ дружбы евразийских народов, сильно отличающийся от официальной историографии. Для формирования современной идеологии евразийской интеграции предстоит большая, длительная и кропотливая работа по восстановлению исторических фактов. Как полагает автор, фатальным отсутствие официальной (государственной) идеологии становится в ситуации информационно-идеологической войны: агрессор в качестве оружия активно использует конструкты, сформированные в рамках его собственной доминирующей идеологии, а общество-жертва, провозгласившее «мировоззренческую нейтральность», лишается какой-либо возможности адекватного и скоординированного ответа на агрессию[72]. Иначе говоря, агрессивной идеологии «мировоззренческого нейтралитета государства» должна противодействовать идеология, обеспечивающая духовную безопас-

[72] См. подробнее: Кефели И.Ф., Комлева Н.А. К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 54–60.

ность не только российского общества, но и всех государств – членов ЕАЭС.

И.Ф. Кефели является заместителем главного редактора журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика», входит в состав редколлегий журналов:

– «Социально-гуманитарные знания» (Москва),

– «Век глобализации» (Москва),

– «Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика» (Москва),

– «Россия в глобальном мире» (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого),

– «Арктика и Север» (Северный арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск),

– «Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе. Серия гуманитарных и экономических наук» (Республика Таджикистан, Душанбе).

В 1989 г. И.Ф. Кефели организовал первую в технических вузах страны кафедру культурологии (Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова), впоследствии преобразованную в кафедру глобалистики и геополитики. Под его руководством защитились более 20 кандидатов философских и политических наук.

И.Ф. Кефели – эксперт РАН, член Экспертного Совета Парламентской Ассамблеи Организации договора о коллективной безопасности, член диссертационного совета при Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и при Уральском федеральном университете.

На протяжении 2000–2017 годов И.Ф. Кефели выступал организатором и участником проводимых на базе Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова регулярных международных научных конференций по истории и теории советской культуры, социологии безопасности, глобалистики и геополитики.

Принимал активное участие в работе всех международных конгрессов «Глобалистика», организуемых факультетом глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

На протяжении 2007–2017 годов был главным редактором основанного им аналитического и научно-практического журнала «Геополитика и безопасность».

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ:

1. Кефели И.Ф. Автоматизация: методологические и социальные проблемы. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1987. – 132 с.
2. Л.Н. Гумилев: pro et contra, антология / науч. ред. И.Ф. Кефели. вступ. ст. Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели; сост., коммент. Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели. – СПб.: Изд-во РХГА, 2012. – 1007 с.: ил.
3. Кефели И.Ф. Геополитика Евразийского Союза: от идеи к глобальному проекту. – СПб.: ООО «Геополитика и безопасность», 2013. – 208 с.
4. Кефели И.Ф., Малафеев О.А. Математические начала глобальной геополитики. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. – 204 с.
5. Кефели И.Ф. Философия геополитики. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2007. – 208 с.
6. Глобальная геополитика: колл. монография / под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. – 2-е изд. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – 280 с. (разделы И.Ф. Кефели: Введение; разделы «Теоретический статус глобальной геополитики»; «Судьба России и Евразийского Союза в глобальной геополитике»; Вместо заключения).
7. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: колл. монография / под ред. И.Ф. Кефели, Р.М. Юсупова. – СПб.: ИД «Петрополис», 2017. – 300 с. (разделы И.Ф. Кефели: главы «Четвертая промышленная революция и глобальная геополитика – вызовы глобальной безопасности»; «Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: в поисках мировоззренческих и методологических оснований»).
8. Кефели И.Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: монография. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. – 228 с.
9. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства): коллективная монография / под ред. доктора филос. наук, проф. И. Ф. Кефели;

предисл. академика РАН С.Ю. Глазьева. – СПб.: ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2022. – 532 с. (разделы И.Ф. Кефели: раздел I «Советская цивилизация – недопетая песня российскй истории»; раздел II, гл. 1 «Отцы-основатели евразийства. Предварительные замечания»; раздел III, гл. 3 «Советская цивилизация: минувшая реальность в современном дискурсе»; Заключение).

10. Кефели И.Ф. Человек и асфатроника: категорию идеального – в исследования искусственного интеллекта и глобальной безопасности // Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызов: колл. монография / отв. ред. Г.Л. Белкина, ред.-сост. М.И. Фролова. – М.: КАНОН+, 2022. – С. 243–261; См. также: Igor F. Kefeli. Towards a Theory of Global Security // Philosophical Aspects of Globalization: A Multidisciplinary Inquiry. Edited by Alexander N. Chumakov, Alyssa DeBlasio, Ilya V. Ilyin. BRILL, Leiden, Boston, 2022, 417 p. P. 346–357.

© Кефели Игорь Федорович

Ключарев Григорий Артурович*

ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Введение. Методологам науки хорошо известно, что критерии научности того или иного систематизированного знания складывались на материале наук о природе, во многом под влиянием позитивизма. Между тем насколько применимы эти критерии к социогуманитарному знанию – остается открытым вопросом. Научная эстетика (привлекательность) большинства естественно-научных теорий (таких, например, как единая теория поля в физике) состоит в том, что она позволяет методом дедукции получить объективно-истинное знание, применимое (в идеале) ко всем феноменам. Создание подобных теорий и сегодня остается идеалом физики и других естественных наук. Напротив, в социальном познании теория строится индуктивно, и получаемое знание становится вероятностным, в лучшем случае статистически значимым и верифицируемым (как, впрочем, и в медицине, которая в этом смысле занимает двойственное положение). Результатом индуктивного метода становится правдоподобная истинность, которая в эстетическом и позитивистском смысле существенно менее привлекательна.

В позитивистской логико-гносеологической парадигме научного познания со свойственной ей теорией отражения (спецификой субъект-объектных отношений, включающей предельно абстрактного трансцендентального субъекта познания, проблематикой аб-

* Ключарев Григорий Артурович – доктор философских наук, руководитель Центра социологии образования и науки Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор кафедры философии НИУ «Московский энергетический институт».

солютной и относительной истин) научный статус социального знания на протяжении многих десятилетий оставался половинчатым, неопределенным.

Напротив, в современной качественно-эпистемологической парадигме, которая с необходимостью включает в себя нарративы, интервью, case studies, феноменологию, герменевтику, «общественные науки» обретают новый полноценный статус. «Основной вопрос» эпистемологии звучит следующим образом: существует ли изучаемый мир (социальные процессы, факты и институты) вне нас или то, что мы изучаем, есть наш коллективный опыт, интерпретации и предыдущие (в том числе имплицитные) знания? Рассуждая таким образом, мы с необходимостью приходим к проблеме онтологии в социальном, и прежде всего социологическом, знании, поскольку социальное познание наиболее феноменально и феноменологично в своих основаниях. В отличие от онтологии естественных наук, которую связывают с теоретическим знанием (идеал, как уже отмечалось, – это построение единой теории, из которой можно вывести и объяснить все частные случаи), онтология социально-гуманитарных наук взаимодействует с повседневностью и обыденным языком[73]. Поэтому без внятной и убедительной интерпретации (объяснения) онтологии социального знания социальное познание не сможет подтвердить свой научный статус.

От эпистемологии к онтологии. Вопрос об онтологии социальных наук, и в частности социологии, принимает особую значимость, когда признается особенность их типа познания, отличия от естественнонаучных и инженерно-технических наук. Как известно, в познании социальной реальности исторически существует два подхода. Один, традиционно называемый материалистическим (реализм), признает мир таким как он есть и не зависит от познающего человека (исследователя). Противоположный, идеалистический

[73] Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов. М.: Общественное мнение, 2003.

подход также признает существование внешнего мира, но различные люди видят его по-разному. С увеличением роли субъектности в научном познании – что является одним из основных принципов современной эпистемологии – возникает необходимость преодоления последствий позитивистского материалистического подхода, основанного на теории отражения. Этот подход несколько десятилетий господствовал в социальном познании и показал свою ограниченность, что продемонстрировал П. Бурдье известным примером «классы на бумаге». По его мнению, «классы», и прежде всего гегемон – рабочий класс, – это понятийная конструкция, возникшая на основе изучения К. Марксом огромного эмпирического массива правительственных отчетов и официальной статистики относительно реалий и условий (капиталистического) труда. В итоге «класс» оказался артефактом, применяемым к изучению социальной структуры общества только с того момента, когда происходит реальная социальная (точнее, политическая) деятельность – создаются бюро, комитеты, секретариаты, знамена, демонстрации, стачки, субботники.

Для современной эпистемологии характерно активное проникновение в ткань знания ценностных, эстетических и культурологических подходов. Все изучаемые объекты – универсумы и легитимации – рассматриваются как человеческие творения, их существование обусловлено жизнями конкретных индивидов и вне этих жизней не имеет никакого эмпирического статуса[74]. Но при этом, конечно, «амбиции», т. е. идеалы позитивистского понимания социальных явлений в виде, к примеру, «материалистического понимания истории», значительно трансформируются. В социальном познании, «отягощенном», обремененном нормами, обычаями, интересами людей, как изучаемых, так и изучающих, складывается феномен «релятивистской онтологии», которая предполагает множество изучаемых реальностей. Они подобны эйнштейновскому мно-

[74] Микешина Л.А. Проблема ценностей в социологической науке: эпистемологический анализ // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 44–53.

жеству вселенных, в каждой из которых находится свой наблюдатель. Релятивизм здесь проявляется в том, что за пределами процессов изучения, объяснения, интерпретации не имеет смысла выяснять природу объектов конкретной социальной теории.

Реальность, которую мы изучаем, не является объективной с точки зрения качественной эпистемологии. Особенно это значимо для социальных наук, включая социологию. Реальность в нашем познании – а для социолога она представлена общественным и массовым сознанием, динамикой развития социальных институтов, особенностями социальных процессов – становится искусственной конструкцией. Этот артефакт создается с помощью ценностных и культурно-исторических строительных лесов, которые в итоге имплицируются в знание и о которых потом не вспоминают.

Язык и гипостазирование социальной предметности. Роль языка в научном познании исключительно велика. Для эмпирической (феноменологической) социологии особое значение имеют работы Шютца и одного из его последователей Т. Лукмана, который вместе с П. Бергером стал автором научного «бестселлера» о методологии изучения социальной реальности[75]. Хорошо известно, что в основе социологического познания лежит повседневность (обыденность) и связанные с ней атрибуты – прежде всего язык, который используется для коммуникации и консолидации большого «массовидного» общества. Язык повседневности формируется спонтанно и пребывает на уровне «обычной» жизнедеятельности. Эта «обычная обыденность» часто используется социологами в лонгитюдных исследованиях, например, для изучения динамики потребления и благосостояния населения. Но дело в том, что на достаточно длинном временном отрезке содержание и восприятие таких «важных повседневных» понятий-индикаторов, как, например, «телевизор», «холодильник», «автомобиль», маркирующих уровень потребления населения, существенно изменяются. Это обстоятель-

[75] Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. L.; N. Y.: Penguin Books, 1966.

ство, разумеется, не прибавляет научной строгости исследованию и в лучшем случае позволяет рассуждать о некоторых вероятностных трендах.

В гуманитарном познании язык испытывает определенное влияние со стороны социальных групп, и прежде всего легитимированных властных структур, которые «продвигают» свой языковый дискурс. В результате эти группы и структуры постепенно наполняют референтным содержанием такие социально значимые понятия повседневного языка, как, например, выборы, демократия, справедливость, потребление, деньги, спекуляция, частная собственность, налоги, браки, войны и многие другие. Таким образом, для социолога, придерживающегося феноменологической теории происхождения знания, существует как минимум две повседневности (реальности) – личностно-коммуникативная (которая обуславливает ежедневное существование индивида) и массовидная, проявляющаяся в феноменологии массового (общественного) сознания. Такой подход успешно примиряет «качественников» и «количественников» в социологии. Первая реальность изучается преимущественно качественными методами, вторая – количественными.

Но далее, в процессе познания, формируется специализированный язык науки, который гипостазирует социальную предметность, и в этот момент для социолога лингвистический компонент становится частью социального факта. Социальные факты обязательно проявляются в языке исследователя в виде выражаемой им мысли. На этом этапе происходит наиболее интересная интерпретация онтологической проблематики. Можно (и нужно) разделять сущности и свойства, присущие объекту изучения, и сущности, «объективно» зависящие от наблюдателя, к которым в первую очередь относится язык исследования. Онтологически эти сущности субъективны, а с точки зрения эпистемологии они становятся объективны, поскольку входят в оборот всего научного сообщества. И в этой связи выясняется, что в социальном познании сущности (функции, свойства) никогда не являются присущими объекту, а всегда зависят от наблюдателя.

Пример сказанному – социология науки. В качестве социального факта здесь выступает не столько сама научная деятельность (исследования можно проводить достаточно автономно силами самих ученых и их коллективами), сколько управление наукой и легитимация деятельности ученых. Здесь уместен пример Дж. Александера о статусе теоретической социологии, социальная легитимация которой происходит только тогда, если «на это дают деньги». Понятно, что финансирование науки очень важная (если не важнейшая) форма управления, которое осуществляется не самими учеными (как известно, даже фундаментальное положение В. Гумбольдта об академических свободах и университетской автономии имеет весьма относительный характер), а специализированной группой бюрократов, с которыми научное сообщество пытается установить диалог (коммуникацию) посредством сближения двух совершенно различных языковых реальностей. Как показал Е.В. Семенов, если такое сближение и возможно, то крайне маловероятно[76]. Результативность взаимодействия участников этого дискурса остается весьма низкой, а социологи науки наблюдают и стараются понять феноменологию широко распространенных в России методов «ручного управления» социально-политическими процессами, и в том числе наукой. Как видим, здесь исследователь имеет дело с двумя существенно отличными друг от друга социальными реальностями, которые не могут перейти в состояние эффективного взаимодействия.

На стыке этих языковых реальностей (множественная повседневность, многообразие научно-специализированных языковых дискурсов) находится, если использовать термин П. Бергера и Т. Лукмана, граница «нечеловеческой фактичности». По их мнению, следует понять, в какой степени (или на каком этапе) институциональный порядок наделяется онтологическим статусом и сливается с миром природы. По сути, это важный для нас вопрос – овеществ-

[76] Семенов Е.В. Опыты с ручным управлением научно-технологическим комплексом в постсоветской России // Наука. Инновации. Образование. 2013. № 13. С. 7–32.

ления (гипостазирования) социальной реальности и восприятия человеческих феноменов в качестве природных явлений. Этот процесс объективации человеком человеческого мира, по нашему мнению, происходит посредством развития языка. Семантически-понятийная реконструкция событий (фактов) социальной реальности, основанная на изучении истории (эволюции) базовых понятий и концептов, позволяет приблизиться к границе «нечеловеческого». В процессе определения содержания базовых понятий различные социальные группы формулируют программы своей идентичности (самоидентификации). Такие понятия, как, к примеру, «патриотизм», «национализм», «социализм», «коммунизм», «героизм», постепенно приобретают онтологический статус и полностью утрачивают человекоразмерность. Они становятся природным фактом и существуют сами по себе[77].

Или возьмем другой пример – важное и нагруженное понятие «образование». Оно, конечно, предельно институализировано, прежде всего в виде «системы образования». По крайней мере, таким его считают государство, политические партии, церковь и другие институции в отношении прежде всего общего школьного образования (о профессиональном образовании – отдельная речь). Для другой социальной группы – учащихся и их родителей – институализация (и практическая польза от нее) определяется валидностью выдаваемого диплома, аттестата, сертификата об образовании. Именно поэтому частные уроки, услуги репетиторов, самообразование не институализированы и поэтому человекоразмерны, они опредмечены и существуют в действительности как конкретные формы учебных практик. Для третьей социальной группы – работодателей и работников – институализация образования, как правило, совсем не имеет значения. Здесь на передний план выходят опыт, компетенции, человеческий капитал конкретного работника.

[77] Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2006. С. 33–53.

Итак, социальные факты обязательно существуют в языке: «Эмпирические объекты, даже если существуют онтологически вне нас, текстуальны, они находятся внутри социального текста»[78].

Высокая степень институализации не оставляет места повседневному (обыденному) языку. Формируется «язык природы», который непонятен глубинному человеку и на котором он не умеет разговаривать. Эти бюрократические, юридическо-правовые, медицинские и другие специализированные языки относятся к иным объективированным реальностям. Но, тем не менее, даже такие специфические реальности лучше изучать в терминах культуры и ценностей, чем в терминах природы. Именно поэтому эмпирическое изучение общества означает комплексное последовательное двое-чтение. Социальные акторы «читают» реальность, двигаясь прагматически в своих смысловых и ценностных системах, а социолог исследует этих акторов, используя свои смыслы и установки. Так появляются социологические объяснения и теории.

Об истинности и правдоподобии социологических знаний. В развитие онтологической проблематики актуализируется вопрос о соотношении количественных и качественных методов познания. Понятно, что с увеличением роли субъектности как одной из важнейших особенностей современной эпистемологии возрастает значение качественных методов и связанных с ними таких методологических процедур, как интерпретация, репрезентация, категоризация, конвенция. С другой стороны, нельзя не отрицать, что серьезные возможности перед социологами открывают современные количественные методы больших данных. Эти методы вполне подходят для изучения массовых социальных процессов, где реальность (онтология) надындивидуальна, а познавательная стратегия нацелена на установление социальных закономерностей (повторяемостей) в смысле М. Вебера. Общество – это системная целостность, совокупность множества объектов (людей), поэтому количественные

[78] Александер Дж. Общая теория в состоянии постпозитивизма: «эпистемологическая дилемма» и поиск присутствующего разума // Социальное познание: методология, методы, математическое моделирование. 2004. № 19. С. 167–204.

методы (математической обработки данных) обеспечивают достаточно строгую формализацию получаемых результатов. Казалось бы, количественные методы в силу этого могут еще больше претендовать на истинность получаемого при их помощи знания. Однако это не так. Истина – идеал классической науки, и она не может быть онтологизирована (опредмечена), потому что это логико-гносеологическое понятие. Напротив, при эпистемологическом подходе знание об обществе, полученное количественными методами, может обладать лишь той или иной степенью правдоподобия, это вероятностное знание, получаемое индуктивным путем. То же самое можно сказать и о знании, полученном качественными методами.

Степень правдоподобия социально-гуманитарного знания в конечном счете определяется создаваемым субъектом конструктом, а полученные результаты затем институализируются коммуницирующим внутри себя научным сообществом. Правдоподобие (или степень истинности, если все-таки, по привычке, продолжать использовать это понятие), особенно в качественных исследованиях, приобретает очень заметные конвенциальные, исторические, социокультурные оттенки. Здесь стоит опять-таки сослаться на М. Вебера, который полагал, что интерпретация, или толкование, может идти в двух направлениях: одно – это ценностная интерпретация, и другое – историческое, каузальное (причинное) истолкование. Человек обязательно является носителем каких-то ценностей, и они с необходимостью присутствуют в любом исследовании[79]. По этому же поводу приведем современное высказывание академика Лекторского, который многократно отмечал, что истина всегда тесно связана с той или иной системой ценностей, принятой на разных уровнях социального познания. «Неравенство доходов, безработица будут считаться или не считаться социальными проблемами в зависимости от принимаемой системы ценностей и мировоззренческих установок»[80].

[79] Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / сост., общ. ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

[80] Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.:

Релятивистское социальное познание предполагает онтологическую множественность, обусловленную, с одной стороны, различными системами ценностей, в которых интерпретируются полученные результаты, с другой – исключительно высокой степенью метафоричности научного языка.

Посредством концепта «множественность реальностей» социальное познание отказывается от позитивистского единого научного метода и признает свои критерии истинности (правдоподобия), основанные преимущественно на качественной методологии, хотя иногда (и довольно успешно) использует количественные методы.

Классическая (абстрактно-гносеологическая, логико-центричная) концепция истины, связанная с естественно-научным познанием, его объективностью и фактуальностью, перестает работать, поскольку в социологии эмпирический научный факт получает совершенно иную интерпретацию и понимание. Естественно-научный позитивистский факт открытия и познания здесь заменяется актом индивидуального или сетевого конструирования реальности сообществом исследователей. При этом предельно «заостренный» главный эпистемологический вопрос звучит следующим образом: как соотносятся мои знания с теми знаниями, которые возникли ранее и продолжают появляться? Ответ на него заключается в интерпретации собственного опыта, а отсюда – множественность объяснений и релятивистская онтология, которая может дать ответ на «онтологический» вопрос: что и почему мы изучаем (исследуем)?

Таким образом, в социальном познании мы имеем фактически различные практики конструирования реальности, обусловленные исторически разными формами институализации (онтология) и личностями исследователей (эпистемология). В результате всякий раз создается свой конструкт, который может быть принят научным сообществом как вклад в совокупное социально-гуманитарное знание. Соответственно, варьируется степень правдоподобия или истинности каждого такого конструкта.

Заключение. Выводы

Эдиториал УРСС, 2001.

Мы хотели показать, что онтологическая проблематика (существование внешнего, объективного, нечеловеческого мира) в современных эпистемологических, а по сути – неклассических, подходах если и сохраняется, то существенно трансформируется. Особенно это заметно в социально-гуманитарном познании, которое отрицает многие идеалы классической науки (единая истина, общая надтеория, субъект-объектная дихотомия, возможность доказательства и верификации) и предлагает свои, специфические формы существования научного знания, такие как, например, степень правдоподобия, вероятностное знание, статистические закономерности. Даже такая строгая, ориентированная на формально-логические методы область гуманитарного знания, как право и юриспруденция, своими процессуальными методами познания (расследование, дознание, доказательство) отдельной группы социальных фактов (нарушения закона и определяемые их посредством нелегитимных практик – преступлений) оперирует исключительно вероятностным определением (установлением) истины. Это подтверждается неустранимыми фактами судебных и следственных ошибок.

В других социально-гуманитарных науках, и прежде всего в социологии (поскольку она в наибольшей степени ориентирована на изучение социальной действительности), онтологическая проблематика с необходимостью плавно переходит в эпистемологию и начинает «растворяться» в ценностно-исторических системах координат. Со своей стороны эпистемология конструирует новую реальность, которая приобретает онтологические основания. Во взаимных переходах эпистемологии и онтологии возникает размытая граница «нечеловеческой фактичности» (П. Бергер, Т. Лукман). Именно здесь наиболее активно взаимодействуют самые разные языковые реальности: множественная повседневность, многообразие научного – специализированных языковых дискурсов… Где-то здесь институциональный порядок наделяется онтологическим статусом и сливается с внешним миром природы.

© Ключарев Григорий Артурович

Козловский Владимир Вячеславович*

ОСНОВАНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Проблематика цивилизационного своеобразия российского общества выдвинулась в число самых злободневных. Цивилизационное развитие современного российского общества многое наследует из исторического далекого и недавнего прошлого. Это вносит в оценку цивилизационного своеобразия России разноголосицу не только в сугубо научном анализе, но и в общественном сознании, медиа, публицистике.

Подобная ситуация выталкивает цивилизационную тематику в пограничное поле разных научных социальных, исторических и гуманитарных дисциплин. Между тем термин «цивилизация» настолько многогранен, противоречив и метафоричен, что вызывает самые крайние версии цивилизационного подхода в освещении прошлой истории, текущего настоящего и ближайшего будущего России. В условиях весьма драматичного переопределения цивилизационного ландшафта современного мира, сопряженного с экономическими, политическими, культурными, климатическими, пандемическими, геополитическими коллизиями, радикально изменяется цивилизационная конфигурация российского общества.

Мы пришли к выводу, что в объяснении цивилизационного развития российского общества важным и полемически заостren-

* Козловский Владимир Вячеславович – профессор, доктор философских наук, директор Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Санкт-Петербург).

ным является вопрос об основаниях, природе и типологии цивилизаций, в частности о наличии особенной русской или российской цивилизация. Ответ следующий: это красивая метафора, образ, символ для отражения культурной, социальной, политической уникальности российского социума в составе исторически меняющейся мировой цивилизации. В действительности, безусловно, есть цивилизационное своеобразие российского общества и составляющих его народов в процессе изменяющейся мировой цивилизации, в ходе трансформирующегося мирового цивилизационного процесса.

Современный цивилизационный анализ имеет дело не с отдельными типами цивилизаций, выделяемыми по этнонациональному (китайская, американская, русская, монгольская, иранская и т. п.) или религиозному (христианская, исламская, иудейская, буддийская и др.) критерию. Подобная макроуровневая типология цивилизаций заслоняет очевидный факт сходства, единства и гомогенности выделенных культурных (религиозных, политических) образований в освоении и развитии базовых форм человеческой жизнедеятельности, технологий, институтов, которые разные племена, страны и народы заимствовали и включали в состав своих практик. Взаимопроникновение и обогащение культур происходило в виде разделения труда, совместного хозяйствования, дарообмена, торговли, завоеваний, т. е. было формой социокультурного, соответственно, цивилизационного взаимодействия. Несомненные культурные различия и гетерогенность служили непреложным условием сохранения и развития самостоятельности, самобытности в условиях соперничества за территорию, ресурсы, выживание. Множественность сосуществования различных сообществ и культур в контексте конкурирующих моделей цивилизаций проявляется в феномене живучести малых культур даже в условиях тотальной колонизации. Существуют и развиваются самые разнообразные культуры, в различной степени, с разной скоростью включенные в общемировой цивилизационный процесс. Некоторые из них являются ведущими (политически, религиозно, экономически, технологически), что дает основания для выделения целого ряда самодостаточных малых, средних и больших цивилизаций. Ресурсы индустриальной цивилизации позволяли достаточно большой группе населения втя-

нутых в нее стран обеспечить уровень и стиль жизни по образцам стандартов современности (форм модерности). Следует заметить, что смысложизненное пространство формировалось не столько властными элитами, народными традициями, религиозными предписаниями, сколько индивидуальной энергией людей, получивших первоначальные возможности экономической, интеллектуальной, социальной свободы. Одна из ключевых проблем современного российского общества заключается в формировании новой цивилизационной идентичности в постсоветской истории.

В нашем определении цивилизация – это совокупность социетальных регулятивных методов, способов и моделей интеграции различных культурных, духовных, религиозных, хозяйственных и властных форм деятельности в целостный комплекс, обеспечивающий устойчивый общественный уклад жизнедеятельности людей. Цивилизация является социокультурным образованием, культурно сконструированной и институционально регулируемой социальной структурой. Исследования, которые мы вели на протяжении более чем двух десятилетий, показали, что двойственная природа социологического понятия цивилизации подчеркивает ее трудно уловимую парадоксальность: с одной стороны, социоструктурное конституирование культурного пространства общества благодаря влиянию множественных социальных взаимодействий на технологии, характер, содержание человеческой деятельности, и с другой – культурное многообразие, видоизменяющее социальный мир человека благодаря воздействию автономности и действенности культурного богатства в ходе социализации, институционализации и закреплению позиций, статусов, престижа. Взаимообратимость, взаимовоздействие социальной структуры и культуры в практической институционально регулируемой деятельности людей образуют стержень цивилизационного устройства любого общества. Настал момент, когда само понятие цивилизации должно принять современный вид. В отличие от свойственного гуманитарным наукам исторического, культурологического подходов, в современном цивилизационном подходе культура как явление и процесс рассматривается в соотнесенности с социальными структурами, институтами и разнообразными человеческими практиками.

Предлагаемый нами цивилизационный анализ сосредоточен на символических формах, фигурациях и конфигурациях культуры в тесной взаимосвязи, с одной стороны, а с другой – на устойчивых практиках, характерных для социальной жизни, практиках, воспроизводящих отношения неравенства, господства и подчинения, практиках власти и распределения.

Современные общества, в том числе российское общество, находятся в тисках перманентных трансформаций, непрерывных инноваций, волнообразных кризисов. Эти факты были отмечены П.А. Сорокиным в концепции социокультурной динамики. Происходит мощная трансформация цивилизационного миропорядка. Предлагаемая нами базовая схема социологического анализа цивилизационного устройства и развития российского общества направлена на выявление, раскрытие и оценку структурных цивилизационных элементов, их взаимосвязи и следствий.

Рис. 1. Структура и схема координации основных элементов цивилизационного комплекса общества и его территории

Логика цивилизационного анализа определяется взаимоотношением четырех базовых социологических категорий, включающих социальную структуру, институты, культуру, субъектность (или агентность). Соотношение социальной структуры и культуры является стержневым, так как социальные условия, причины, ресурсы, группы, их мотивация, поведение и действия осуществляются в формах культуры, ключевых символических кодах, интерпретативных паттернах, нормах и правилах. Динамика взаимосвязи социальной структуры и культуры функционально, структурно, поведенчески закрепляется и воспроизводится многообразными социальными институтами, которые, в свою очередь, вариативно исполняются и видоизменяются различными общественными акторами (агентами).

Можно выделить четыре основы цивилизационного устройства российского общества: а) традиционно сложившиеся иерархии (например, сословный тип социальной структуры и связанные с ним формы культуры, институтов и человеческого поведения); б) квазиколлективный солидарный тип социальной структуры, обеспечивающий сохранение и обновление общественного договора и консенсуса общепринятыми большинством средствами культуры и моделями поведения; в) исторически сформировавшийся патриархальный уклад социальной структуры с соответствующей символикой, нормами и стереотипами поведения; г) контингентность, симультанность и когерентность этих основ. В условиях турбулентности они являются существенными свойствами коренной цивилизационной трансформации российского общества.

Обновленная концепция цивилизации, представляемая в нескольких взаимосвязанных направлениях, включает в себя сложную подвижную конфигурацию базовых компонентов: социальной структуры, культуры, институтов, субъектности (или агентности). В соответствии с базовой схемой цивилизационного анализа они служат основанием выделения четырех приоритетов цивилизационной модели: социоструктурного, социокультурного, институционального, субъектного. Это означает, что существующие отношения распределения недостаточно рассматривать только как феномен экономики. Речь идет о взаимодействии и взаимодополнении несколь-

ких ключевых паттернов, воспроизводящих себя в области культуры, в динамике социальных отношений, в конструкции политической системы и в производственной области. Полярность российского общества, распадающегося на крайности в разных областях жизни, обусловлена, безусловно, природой социоструктурных отношений, но сами отношения не являются акциденцией, рожденной изменчивостью политической жизни. Они имеют глубокие культурные основания. Культурные контексты на разных уровнях являются не просто ценностно-нормативными императивами индивидуального, коллективного и массового поведения. Ведущая роль культуры в соотношении с другими элементами цивилизационного порядка проявляется в формировании идентичности, в производстве и воспроизводстве типов личности и коллективности, в разнообразии повседневности. Институциональное регулирование социальной структуры и культуры, любых видов человеческой активности служит важным механизмом устойчивости и развития российского общества, притом что роль и значение институтов как базового элемента цивилизационного комплекса радикально меняются. Как убедительно свидетельствуют наши исследования, в изменяющейся под влиянием многих факторов культуре растет влияние различных акторов (индивидов, групп, сообществ, объединений, союзов и др.).

Центральная задача того направления в исследованиях современной России, который мы развиваем, заключается в раскрытии роли различных акторов в обустройстве цивилизационного комплекса российского общества. Социально структурированная субъектность общества представлена прежде в тех изменениях, которые наблюдаются в социальных иерархиях, в жизни сообществ, во властно-политической и административной структурах. Субъектность, воздействующая на паттерны воспроизводства, становится основой развития цивилизационного комплекса современного российского общества. Именно субъектная структура служит главным фактором перемен цивилизационного характера.

Цивилизационное измерение текущей эволюции российского общества дает преимущество в исследованиях традиционных и новейших форм сохранения устойчивости, преобразования, выстраи-

вания жизненных путей различных социальных и культурных групп. Парадигма цивилизационного анализа и возникшая в ее рамках теория множественных модерностей позволяют объяснить ряд сложных взаимопереплетенных процессов, в числе которых – технологические инновации, масштабная цифровизация, тектонические сдвиги в социальных структурах, экономические циклы, политические коллизии и культурные трансформации.

Предлагаемый нами цивилизационный подход открывает возможности для изучения условий устойчивости социальной структуры, границ её изменений в ближайшем и отдаленном будущем. Однако возможности данного подхода не исчерпываются только социальной сферой, он позволяет определить масштаб и возможные последствия технологических новаций, определить временные параметры экономических циклов, а также возможные политические коллизии, которые будут сопровождать ожидаемые изменения. Цивилизационная парадигма умещает в себе и позволяет объяснить противоположные, но при этом взаимосвязанные типы развития. Первый тип – это модернизация общества в разных вариантах как способ заимствования, приобретения и освоения необходимых для современного существования институтов, стратификации, ресурсов. Второй – это самоопределение общества в поисках цивилизационной идентичности, суверенности для устойчивого уникального развития собственных множественных форм современности (модерностей), для формирования и развертывания цивилизационного потенциала российского общества на федеральном уровне, потенциала локальных и региональных территорий.

Первый тип тесно привязан к вектору модернизации российского общества по заданным образцам, т. е. переход от традиционных, досовременных форм к современности (модерну). Преимущества модернизационных преобразований социума, экономики, культуры, институтов состоят в транзите и укоренении отсутствующих и, соответственно, ускорении темпов достраивания имеющихся, но отстающих политико-правовых структур, хозяйственных форм. Эта доктрина и практика заимствования институтов и приобретения недостающих или слаборазвитых звеньев общественного устрой-

ства в самых различных сферах позволяет снизить издержки, освоить и наладить современный уровень производства в новейших отраслях, поднять качество жизни и потребления населения. Основной изъян проектов модернизации общества на разных уровнях заключается в повторении пройденного другими странами опыта на их культурной и социальной основе, что чревато вмешательством в социокультурную ткань российского общества с трудно оценимыми последствиями.

Модернизационные проекты реформирования, революции, перестройки реализуются, как правило, принудительно, чаще всего с использованием форм прямого или косвенного насилия, инструментов институционального насилия. В модернизационном пути цивилизационного развития образуется собственная архитектоника социально-структурного, институционального, культурного и субъектного устройства общества (Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. 528 с.). Модель улучшения общества за счет прививок новых свойств от авангардных в данную эпоху культур содержит риски утраты накопленных в собственной принимающей культуре, экосистеме, типах расселения, хозяйствования и т. д. Концептуально данный тип цивилизационного развития воплощается в различных моделях модернизации: «запаздывающей», «догоняющей», «форсированной», «зависимой от колеи».

Стандартно в моделях модернизации фиксируется переход от традиционного (доиндустриального) общества к обществу «модерному». Модернизация отсталых или слаборазвитых обществ вариативна и может воплощаться в процессах конвергенции, неомодернизации, постмодернизации (Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997. 255 с.). В научной литературе выделяются органический и неорганический виды модернизации, которые приобретают характер гибридной, мобилизационной, трансформационной модели (Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. [рук. проекта В.В. Алексеев; отв. за вып. И.В. Побережников] ; РАН, УрО, Ин-т истории и археологии. Екатеринбург, 2011. 384 с.;

Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; Цивилизации. М., 2015 Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. С. 201–214). Модернизацию в том или ином варианте легко принять за собственно цивилизационный процесс. Между тем эта подмена естественным образом, начиная с середины XX в., обеспечивает теориям модернизации первенство как интеллектуально и идеологически предпочтительных для экспансии будущей глобализации, в которой доминируют развитые капиталистические страны. Распад Советского Союза оказался в определенной мере подтверждением неудачи выбранного пути модернизации, а «советская цивилизация» – ее исторически временным выражением. Апологетика модернизационных концепций приводит к смещению цивилизационного подхода на периферию в объяснении многообразия и множественности форм современности (модерностей).

В предлагаемом втором типе цивилизационного развития, который предварительно назовем суверенным, модернизация является производной стратегией достижения необходимых обществу целей социокультурного, политико-правового, экономического устройства. Основа суверенного пути или, другими словами, российской модели цивилизационного процесса состоит в выдвижении на первый план способов обнаружения и оценки, методов решения стоящих перед обществом ключевых вопросов в социальной, экономической и духовной сферах. Важное место в самостоятельном варианте цивилизационного обустройства занимает задача социокультурного равновесия, устойчивости экономического роста, поддержания общественного консенсуса, оптимизации издержек и результатов в ходе реформ, перемен эволюционного характера. Цивилизационная динамика российского общества на протяжении длительной истории XX столетия испытала глубокие катаклизмы, великие трансформации революционного типа, что наглядно демонстрирует потребность в разработке и применении целостного подхода к видоизменениям основных сфер общественной жизни.

Суверенный тип цивилизационного развития российского общества направлен на формирование самостоятельных проектов,

программ, стратегий самоопределения на всех уровнях – от локальной территории, малого поселения с его местным сообществом до региональных территорий с их многонациональными, многоконфессиональными сообществами и до общефедерального единого пространства. Модель суверенного цивилизационного обустройства стимулирует инновационность, креативность, инициативу в самых разных значимых направлениях, включая самые ультрасовременные: зеленую экономику, цифровизацию, виртуализацию и т. д. Она задает перспективу раскрытия уникальности и самореализации как индивидов, так и сообществ, идентифицирующих себя с культурой, месторазвитием российского общества. Цивилизационная суверенность российского общества означает встроенность в мировой цивилизационный процесс с собственным человеческим потенциалом, социокультурным разнообразием, ресурсами, имеющимися природными и созданными богатствами. Мы считаем, что цивилизационная перспектива в изучении обществ, в том числе российского, существенно расширяет горизонты понимания ключевых проблем современности. Предлагаемый нами концепт цивилизационного анализа способен помочь в поиске ответов на неотложные запросы драматических вызовов, порожденных растущим социальным неравенством в большинстве стран мира, глобальными экономическими сдвигами, геополитическим соперничеством, культурными трансформациями, экологическим и климатическим кризисом.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. 280 с.
2. Козловский В.В. (отв. ред.). Российское общество: архитектоника цивилизационного развития: [монография] / Р. Г. Браславский, В. В. Галиндабаева [и др.]; отв. ред. В. В. Козловский; ФНИСЦ РАН. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 322 с.
3. Козловский В.В. Малые города в период цивилизационных перемен: ситуация в Ленинградской области РФ (Глава 13.) // Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: [монография] / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин, Г. Р. Баймурзина [и др.]; отв.

ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин; предисл. М. К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с.
4. Козловский В.В. Цивилизационные контуры и эффекты российских революций XX столетия // Мир России. 2017. Т. 26. № 4. С. 7–29.
5. Козловский В.В. Цивилизационные тренды социальных неравенств в современных обществах // Россия реформирующаяся. Ежегодник. 2018. С. 80–103. (в соавт. с Браславским Р.Г.).
6. Козловский В. В. В поисках современного цивилизационного пути: евразийская перспектива: материалы Астанинского социологического форума, посвященного Дню Первого Президента Республики Казахстан. Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. З.К. Шаукенова. Астана, 2015. С. 63–70.
7. Козловский В.В. Общество потребления и цивилизационный порядок современности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XV. № 5. С. 55–65.
8. Козловский В.В. Критерии многомерной модели цивилизационного развития российского общества // Российское общество в современных цивилизационных процессах / под ред. В.В. Козловского, Р.Г. Браславского. СПб.: Интерсоцис, 2010 (0,5 п.л.).
9. Козловский В.В. Цивилизационные вызовы современности // Петербургская социология сегодня: сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 55–67.
10. Козловский В.В. Социологический диагноз культуры российского общества // Вестник РГНФ. 2009. № 4 (0,8 п.л.).

© Козловский Владимир Вячеславович

Кудряшова Елена Владимировна*

ЛИДЕРСТВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

В последние годы мне довелось быть исполнителем ряда крупных научных проектов, среди них: «Изучение социальных и когнитивных систем: Арктика и глобальный вектор» или «Анализ моделей коммуникативного управления в контексте формирования комфортной городской среды». В настоящее время мы вышли на тему логических машин и вычислительных устройств для изучения космологических принципов в контексте создания искусственного интеллекта, множественной субъективности и сложности.

Но сегодня остановлюсь на важном для меня проекте «Социально-философский анализ личности в системе социального управления», связанном с изучением феномена лидерства, которым мы занимаемся с начала 90-х годов XX века. В этих исследованиях можно выделить четыре этапа, представив основные научные результаты, полученные автором.

На I этапе объектом исследования (см. монографию «Лидер и лидерство…» 1996 г.) стал социально-философский анализ теорий лидерства, появившихся и развивающихся в зарубежных (особенно американских) социальных науках в прошлом столетии: от теорий героя и личностных черт лидера до ценностных теорий лидерства. Под таким углом зрения данная тема прежде не рассматривалась.

* Кудряшова Елена Владимировна – доктор философских наук, профессор, ректор ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова».

Многогранная тема лидерства потребовала междисциплинарного подхода, анализ проблематики осуществлялся на основе философских представлений о социальной природе человека, о закономерностях формирования и путях самореализации личности человека вообще и личности лидера в частности, о ценностном характере его деятельности, о роли личности в историческом процессе. Мы обратились к трудам мыслителей прошлого (Платон, Н. Макиавелли, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, З. Фрейд, К.Г. Юнг, Г. Маркузе, Э. Фромм, О. Тоффлер и др.) и к работам ведущих современных исследователей в области социальной психологии, философии, социологии и политологии (Р. Стогдилл, К. Джибб, Б. Басс, Л. Селигман, Ж. Блондель и др.).

Нами были выделены и проработаны четырнадцать групп определений лидерства (лидерство как: центр групповых процессов; проявление личностных черт; искусство достижения согласия; действия и поведение; инструмент достижения цели и решения задач; взаимодействие; умение убеждать; осуществление влияния; властные отношения; результат дифференциации ролей; проявление эмоциональной зрелости; инициация и введение структуры; видение перспективы; следование особым ценностям), а их содержание рассмотрено в зависимости от развивающихся в те же периоды теорий лидерства.

Предложена авторская типология лидерства, выявлены четыре группы теорий, появившихся в прошлом веке: 1 – теории, исследующие проблему личности лидера (теории «великого человека» или героя, теории черт, психологические теории); 2 – теории, исследующие лидерские действия (поведенческие теории, теории «ожидания-взаимодействия», атрибутивные теории, теории обмена, трансактного анализа и трансформационного лидерства, мотивационные теории); 3 – теории, исследующие социально-организационный контекст лидерства (теории окружающей среды, теории случайностей, гуманистические теории); 4 – ценностные теории лидерства. В исследовании прослеживается взаимосвязь и взаимовлияние этих теорий друг на друга.

Подробно рассмотрены ценностные теории лидерства, начиная с работ К. Ходжкинсона, заложившего в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия философские основы ценностных теорий, до исследований Г. Фейрхольма, представившего переход от теории к практике, поскольку им разработана тренинговая система подготовки ценностных лидеров и работ Кучмарских, имеющих практическую направленность (прагматизм в действии).

Нами сформулировано собственное определение лидерства как вида социального действия и психологического сотрудничества между лидером и последователями, основой которых является добровольность, а главными характеристиками – наличие перспективы, инновации, оправданный риск, созидание, активное вовлечение последователей в деятельность организации. Были доказаны следующие положения: 1) к субъективным факторам процесса лидерства относятся личности самого лидера и последователей, взаимоотношения между ними и степень приверженности тому социальному коллективу, членами которого они являются. К объективным условиям лидерского процесса – социальный контекст, который определяется совокупностью социальных, экономических, политических и культурных условий, характеризующих данный социум в данный конкретный исторический отрезок времени. Социальный контекст определяет структуру социальных институтов, организаций или групп; ситуацию, в которой действуют субъекты лидерского процесса, а также задачи, которые они решают; 2) взаимосвязь, взаимодействие и взаимовлияние четырех элементов лидерства (лидер, последователи, среда или социальный контекст, задача) являются очевидными. Динамика социальной среды диктует необходимость изменения лидерских действий, постоянной константой внутри этих действий могут явиться ценности. При этом следует помнить о том, какие именно социально-экономические, политические и культурные факторы определяют в данный момент состояние социального контекста, в котором протекает лидерский процесс, и какие именно задачи в этой связи встают перед лидером и той социальной общностью, в которой он выполняет свои функции; 3) лидерство не может быть сведено к набору личных качеств или каких-либо способно-

стей индивида или группы индивидов, данных им от природы, а является особым видом межсубъектных отношений. Лидерству можно и должно обучиться; 4) лидерство может быть присуще не индивиду как таковому, но роли, которую он исполняет в определенной общественной системе; 5) с лидерством ассоциируются не все имеющие место в данной социальной общности влияния, но влияния целенаправленные или преднамеренные; 6) современное лидерство определяют такие явления, как степень приверженности лидера и последователей целям и деятельности организации; степень взаимного доверия, существующая в коллективе; структурная сложность организации; 7) процесс лидерства динамичен, гуманистичен и ценностен.

Удалось показать общее и особенное у лидерства и менеджмента, определить их место и роль в едином административном процессе. Под управлением (в широком смысле слова) мы понимаем функцию любой организационной системы, направленную на сохранение ее качественной определенности, на поддержание динамического равновесия со средой и на ее развитие. Администрирование есть высший уровень управления организацией в целом, структурно высшая ступень организационной иерархии, имеющая выход на внешние связи (более широкое сообщество или общество в целом). Менеджмент суть управление-принуждение внутри организации на основе протокола, правил, распорядка, основанное на формальных взаимоотношениях между людьми и направленное на сохранение существующего порядка. Лидерство, напротив, являясь видом добровольных, часто неформальных взаимоотношений, призвано способствовать развитию системы. Идеальным условием существования и развития организации является, на наш взгляд, совпадение лидерства и администрирования и появление лидера-администратора, выполняющего формальные управленческие функции, но обладающего лидерскими чертами и признаваемого в качестве лидера со стороны последователей.

Поскольку процесс лидерства простирается от вершины до основания организационной иерархии, пронизывая систему социального управления насквозь, постольку нам представляется право-

мерным определять лидерство вслед за К. Ходжкинсоном «как реализацию политики, ценностей и философии через коллективное организационное действие»[81]. То есть природа лидерства суть практическая философия. Лидерство в своей основе ценностно. Логика может ограничивать или устанавливать определенные параметры внутри поля ценностных действий, но феномен ценности детерминирует то, что находится внутри этого поля. Можно также сказать, что любая лидерская задача, по существу, эмоциональна (аффективна). Если предположить обратное, тогда лидерское поведение может быть ограничено определенными нормативными рамками, то есть рутинизировано и в конечном итоге предсказуемо. Действительность же показывает, что это не так.

На II этапе создана авторская концепция габитуса лидера (лидерского габитуса) как социально детерминированного феномена, раскрыта его сущность, природа, особенности становления и развития в различных социальных сферах и коллективах (бизнес, наука, образование, армия и др.). Так, в совместной с М.Ю. Ананченко монографии «Ценности лидерства и лидерство ценностей…» (2004) мы использовали аристотелевско-томистский концепт «габитуса» (доработанный в трудах Г. Гегеля, М. Вебера, Э. Гуссерля, Э. Дюркгейма, М. Мосса), переосмысленный французским мыслителем П. Бурдьё в 90-х гг. XX в., который в концепции габитуса предпринял попытку преодоления дихотомии субъекта и объекта[82]. Под «габитусом лидера» мы понимаем систему социально приобретённых индивидом предрасположенностей к практике лидерства, совокупность таких диспозиций, как знание лидерских ролей и функций, качеств, умений и навыков лидера, которые обусловливают активное присутствие прошлого опыта в виде ментальных – когнитивных и мотивационных – структур (особенностей восприятия, мышления, действия), через которые индивид воспринимает социальное окружение и осуществляет процесс лидерства. В этой связи

[81] Hodgkinson Ch. Philosophy of Leadership. Oxford, 1983. P. 196.

[82] См.: Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.; Бурдьё П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. / под ред. А. Ледёневой, И. Давыдовой. Новосибирск: НГУ, 1995. С. 16–39.

мы предложили следующее определение: лидерство – социально-эмоциональное влияние индивида на группу и её членов посредством авторитета личности, а также субъектно-субъектный характер отношений между ними. Соответственно, «лидер» – субъект социального управления, имеющий наибольший авторитет в группе и отличающийся от других субъектов лидерским габитусом, в соответствии с которым он конструирует лидерские роли и выполняет определённые функции. Индивид занимает лидерские позиции, когда условия действия его габитуса аналогичны тем, продуктом которых он является, когда его ментальные структуры оказываются востребованными и адекватными ситуации, требующей лидерства.

Анализ особенностей лидерства в науке и образовании позволил выделить некоторые общие и особенные черты. Общими являются: 1) ориентация на группу как метод осуществления лидерских полномочий; 2) широкое использование опосредованных методов управления; 3) влияние через идеи, концепции, приёмы исследования; 4) слабое значение официального статуса в процессе исследования или обучения и при достижении результатов; 5) анализ различных видов деятельности с целью выявления закономерностей и разработки программ развития организаций для более эффективного управления ими; 6) необходимость совершенствования способностей; 7) овладение современной теорией; 8) ориентация на традиционные в обществе ценности; 9) ответственность за постановку и достижение целей. Отличает лидерство в науке от лидерства в образовании то, что здесь большую роль играет авторитет ученого (исследователя), нежели руководителя, а также необходимость учета лидером особых качеств людей, занимающихся творчеством. Однако значимые именно для научной среды в силу специфики последователей умение признавать ошибки, доказывать и принимать истину, способность убеждать, увлеченность наукой, широта научных взглядов и эрудиция не менее важны и для системы образования. Лидеры-педагоги (преподаватели) создают условия, порождающие габитус лидера, мотивируют молодежь к развитию качеств, от которых зависит не только их собственное будущее, но и благополучие страны. Мотивирование входит и в компетенцию лидера науч-

ного коллектива, но касается оно скорее ориентации на задание (задачу), чем на развитие личности и создание условий функционирования лидерского габитуса учёных. Лидерские позиции, как и эффективность лидерства в науке и образовании, во многом зависят от учёта таких факторов, как переход от монолога к диалогу, от авторитаризма к разделённому лидерству, от утилитаризма и сциентизма к пониманию самоценности личности.

На III этапе произошел переход от изучения индивидуального лидерства к лидерству организаций (лидерству коллективного субъекта). Рассмотрены различные интерпретации понятия «коллективный субъект»: 1) гносеологический смысл коллектива в противоположность онтологическому значению («коллектив», «группа») (А.Л. Журавлев, А.Г. Ковалев, В.Ф. Рубахин, А.А. Русалинова, А.В. Филиппов и др.); 2) альтернатива (противопоставление) «индивидуальному субъекту» («субъекту» вообще) в совместной деятельности (А.И. Донцов, А.Л. Журавлев, Б.Ф. Ломов, Н.Н. Обозов и др.); 3) определенное качество коллектива быть субъектом («субъективность» группы) (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Уманский, А.С. Чернышев и др.). Дано следующее авторское определение: «коллективный субъект лидерства есть всякая совместно действующая совокупность людей, которая вовлечена в процесс принятия решений, проявляющая себя через любые формы поведения, отношения, деятельности, общения, взаимодействия и т. п., направленные на достижение целей развития организации (дополняется теорией стейкхолдеров и концепцией социальной ответственности).

Интерес к лидерству университета как коллективного субъекта был связан с необходимостью методологического обоснования московского международного рейтинга «Три миссии университета». В этой связи в ряде публикаций 2016–2020 гг. (напр., в монографии Кудряшовой Е.В., Сорокина С.Э., Кудряшова Ю.В., Бугаенко О.Д. 2019 г.) разработана социально-философская концепция «третьей миссии» университетов в условиях трансформации российского образования под воздействием современных глобальных вызовов. На основе анализа эволюции представлений о миссии университетов в зарубежной и отечественной науке, систематизации

современных теорий, описывающих роль университетов в общественном развитии, выделены основные модели, по которым происходит трансформация университетов, а также аргументирована взаимосвязь между типом общественных отношений, социально-экономическими и политическими условиями развития общества и содержанием миссии университетов. Использование основных принципов теории стейкхолдеров и концепции социальной ответственности к анализу реализации университетами «третьей миссии» позволило выявить принципы и механизмы как взаимодействия вузов с внешними субъектами, так и организации внутренней жизни университета.

Представлена авторская концептуальная модель реализации «третьей миссии» российскими университетами как выполнение ими лидерской роли (деятельное участие университетов в жизни общества путем предоставления своих ресурсов и возможностей общественным институтам; университет как «драйвер» развития территории), выработаны практические рекомендации по внедрению элементов «третьей миссии» в деятельность российских вузов. Выявлены отличительные черты российской модели «третьей миссии» университетов, роль государства как модератора процессов взаимодействия университетов с общественными институтами, сферой производства и бизнесом. Результатом стали разработанные критерии оценки эффективности реализации вузами «третьей миссии».

В условиях цифровизации в качестве предмета исследования представляется важным рассмотреть особенности коллективного лидерства российских и зарубежных крупных IT-компаний (Ростех, Ланит, СКБ-Контур, Сбербанк-Сервис, ИКС Холдинг и др.).

IV этап исследований связан с анализом современных вызовов и разработкой идеальных моделей лидерства XXI в. В монографии 2022 г. мы выделяем факторы, которые оказывают влияние на процессы социального управления, к ним относятся: условия окружающей среды, внутри которой они происходят (в том числе через постановку целей устойчивого развития); макрокультурный характер организаций и изменение системы взаимоотношений «лидер –

последователи» на «лидер – стейкхолдеры»; тотальная цифровизация всех процессов жизнедеятельности, использование искусственного интеллекта; изменение структуры международных отношений и мировой экономики, усиление противостояния между глобализацией и регионализацией и др.

Трансформация лидерства, по нашему мнению, связана с переходом от предсказуемого SPOD-мира (Steady – устойчивый, Predictable – предсказуемый, Ordinary – простой, Definite – определенный), существовавшего до массового распространения вычислительной техники и Интернета, к цифровому миру VUCA (Volatility – изменчивость, Uncertainty – неопределенность, Complexity – сложность, Ambiguity – неоднозначность), а теперь и к миру BANI (Brittle – хрупкий, Anxious – тревожный, Nonlinear – нелинейный, Incomprehensible – непостижимый), возникающему на наших глазах в результате ряда событий первой трети XXI в., включая пандемию COVID-19 (автор модели BANI – Джамаис Кашио). Кроме того, следует учитывать тенденцию, которую Френсис Фукуяма представляет в недавно вышедшей книге «Либерализм и его беды» (2022), где признает, что классический либерализм потерпел крах, хотя в США и других «либеральных столицах» ему пытаются найти замену в виде «прогрессивизма» и других теорий, но они не работают. Все это требует от лидеров по-новому искать ответы на актуальные вопросы и реагировать на вызовы. А главная задача современного лидера состоит в том, чтобы извлекать уроки, анализировать полученный опыт и в конечном счете превращать его в примеры для подражания. Новые навыки лидерства потребуют от нас мудрости прошлого, способного подготовить к неизбежному будущему.

Отдельный, большой проект – «Лидерство в Арктике: сотрудничество, конкуренция, противостояние или борьба?» (занимаемся им более 10 лет) – не является темой сегодняшнего обсуждения. Однако отметим, что его результаты используются в работе ряда экспертных советов, членом которых являюсь, это: Научный совет при Совете Безопасности РФ; Научный совет по Арктике и Антарктике РАН; Российский совет по международным делам; Эксперт-

ный совет по развитию Дальнего Востока и Арктики при Совете Федерации Федерального Собрания РФ; Общественный совет АЗРФ при Министерстве по развитию Дальнего Востока и Арктики РФ; Российская ассоциация полярников, Национальный арктический научно-образовательный консорциум (НАНОК), Международный сетевой университет Арктики (UArctic).

Наиболее важные итоги исследований представлены автором в 170 публикациях (включая 9 монографий), лекционном курсе для студентов и аспирантов «Социальная философия» (в том числе в 56 видеолекциях, размещенных в системе “Sakai”), а также в учебной дисциплине «Лидерство как предмет социально-философского анализа», которая является элементом основной профессиональной образовательной программы «Лидерство и управление сложными социально-экономическими, политическими и социотехническими системами», разработанной в соответствии с образовательным стандартом высшего образования, самостоятельно установленным САФУ им. М.В. Ломоносова по направлению подготовки «Философия» (уровень магистратура).

С 1998 г. являюсь председателем диссертационного совета по философским и социологическим наукам сначала при Поморском государственном университете, теперь при САФУ им. М.В. Ломоносова. Под моим руководством подготовлено и защищено 43 кандидатские и одна докторская диссертация, продолжается работа над несколькими кандидатскими и докторскими диссертациями.

Главный редактор научного рецензируемого журнала «Арктика и Север» (RSCI), член редколлегии журнала «Арктика: экология и экономика» (RSCI).

По результатам работы стала лауреатом Премии Правительства Российской Федерации в области образования, награждена почетными грамотами и благодарностью Президента Российской Федерации, Почетной грамотой Совета Федерации Федерального Собрания РФ; присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство: введение в философию лидерства: монография. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2022. 348 с.
2. Кудряшова Е.В., Опенков М.Ю., Тетенков Н.Б. Вычислительные устройства, сложность и космологические принципы: монография. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2021. 122 с.
3. Опенков М.Ю., Кудряшова Е.В., Жгилева Л.А. Опыт александрийской библиотеки в контексте экономики знаний // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 44–54.
4. Kudryashova E.V., Zadorin M.Y., Gladun E. Socio-cultural characteristics of the russian indigenous communities in the barents region: political and legal perspectives // Elementa: Science of the Anthropocene. 2 November 2020; 8 (1): 445. Doi: https://doi.org/10.1525/elementa.445
5. Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э., Кудряшов Ю.В., Бугаенко О.Д. Федеральные университеты – реализация «трех миссий»: монография. Архангельск, 2019. 414 с.
6. Klemeshev A.P., Kudryashova E.V., Sorokin S.E. Stakeholder approach to the implementation of the ‘third mission’ of universities // Baltiiskii region. 2019. Vol. 11. № 4. P. 114–135.
7. Kudryashova E.V., Lipina S.A., Zaikov K.S., Bocharova L.K., Lipina A.V., Kuprikov Yu.M., Kuprikov N.M. Arctic zone of the russian federation: development problems and new management philosophy // The Polar Journal. 2019. Vol. 9. № 2. P. 445–458.
8. Кудряшова Е.В., Шадрина О.Н., Теребихин Н.М. и др. GENIUS LOCI АРКТИКИ: ЗНАНИЯ, СМЫСЛЫ И ПРАКТИКИ: монография. Архангельск: Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2019. 350 с.
9. Кудряшова Е.В., Ананченко М.Ю. Ценности лидерства и лидерство ценностей. Лидерство как предмет социально-философского анализа: монография. Архангельск: Помор. гос. ун-т, 2004. 296 с.
10. Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство. Исследование лидерства в современной западной общественно-политической мысли: монография. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1996. 256 с.

© Кудряшова Елена Владимировна

Курашов Владимир Игнатьевич*

ПОЗНАНИЯ ПРИРОДЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ПОГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ХИМИИ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Представленное исследование историко-логических процессов взаимодействия наук относится к философии естествознания – области философии науки, максимально приближенной к специальным естественнонаучным знаниям. На основании анализа конкретного фактического материала развития естествознания с XVII до XXI в. проведено комплексное философско-методологическое исследование взаимодействия естественнонаучных знаний в пограничных областях химии, что позволило выявить факторы и пути познания природы во взаимодействии естественных наук. В результате исследования выявлена многомерная картина взаимодействия естественных наук в пограничных областях физики, химии, биологии, геологии, технологии

* Курашов Владимир Игнатьевич – профессор, доктор философских наук и кандидат химических наук, заведующий кафедрой философии и истории науки ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет».

Взаимодействие наук – фактор обогащения научного знания и одновременно путь к возрождению единства знания

Сформулирована концепция новой дисциплины «гносеодинамика», предметом которой являются проблемы междисциплинарной трансляции и трансформации научных знаний.

В гносеодинамике можно производить разделение объекта исследования как по направлениям координации (например, физики и химии, химии и биологии, физики и математики), так и по направлениям субординации (например, специальных наук и методологии науки, методологии науки и философии). Особая область гносеодинамики – организационные формы науки, влияющие на междисциплинарную трансляцию научных знаний. Особое направление гносеодинамики – исследование процессов деструкции научных знаний. В итоге определены области гносеодинамики, что дает основание для системно организованных исследований в предметной области данной новой дисциплины.

Дополнительно обосновывается, что предметом гносеодинамики является не только трансляция знаний в актуальном взаимо-

действии наук, но и трансляция знаний в их исторических взаимосвязях. Существенно отметить, что исторические траектории встречной динамики научных знаний в междисциплинарных пространствах могут исчисляться веками. Например, химия и биология вошли в общую предметную область молекулярной биологии в течение трех столетий, когда к началу XX в. биология «сверху» подошла к проблеме исследования субклеточных компонентов. Движение биологического знания к субклеточному уровню: живая клетка – XVII в.; ядро – первая половина XIX в.; клеточная теория – середина XIX в.; клеточные органоиды – конец XIX – начало XX в. Параллельно этому органическая химия «снизу» от синтеза простых органических соединений и открытия природы ферментов в XIX в., а затем становления химии полимеров в XX в. подошла в XX в. к открытию и исследованиям разнообразных биополимеров, включая нуклеиновые кислоты. В итоге произошел синтез биологических и химических знаний – зародилась молекулярная биология.

Особенности динамики и трансляции научного знания в пограничных областях обусловлены: 1) субъективными факторами научной деятельности, такими как познавательные идеалы и идеологии смежных наук; 2) объект-предметными взаимосвязями различных областей знания; 3) объединяющим действием общенаучных инструментальных, теоретических и философско-методологических познавательных методов.

Выявлены особенности преобразования научных знаний при их движении из одной области в другую. Наиболее характерные из них – это расширение и/или изменение содержания знаний с обогащением одних их составляющих и дискредитацией других, а также частичное изменение значения и смысла исходного знания при его переходе из области одной дисциплины в другую. Один из примеров – становление квантовой химии, которая представляет собой синтетическую пограничную область не просто совмещенных, или интегрированных, но именно преобразованных в синтетическое единство знаний теории химического строения химии и квантовой механики.

Введено общенаучное понятие «внутринаучная идеология» и производные понятия: физическая, биологическая, математическая идеология в химии и физико-химическая идеология в биологии, химическая идеология в геологии, которые являются фактором активного транспорта знаний из одной области знаний в другую. Например, физическая идеология обусловила активное применение в химии механического инструмента – весов, а вместе с этим произошло внедрение количественных, или математических, методов в химии. Это явилось основанием создания химической атомистики Дж. Дальтона; закона действующих масс Гульдберга и Вааге; периодического закона химических элементов Д.И. Менделеева (и предшественников), который предопределил постановку вопроса о субатомной структуре вещества, как в свое время закон кратных отношений предопределил формулировку первой экспериментально обоснованной научной атомистики.

Проведен системный анализ проблем редукции химии к физике, биологии к химии и физике, и выявлены четыре рода свойств объектов научного познания: субцелостные, целостные, метацелостные и ad hoc целостные. В связи с этим сформулирован новый познавательный принцип контрредукции, дополняющий известные принципы редукции и целостности.

Принципы редукции и целостности необходимо взаимосвязаны и функционируют в сфере научного знания как общенаучные методы, находящиеся в состоянии дополнительности [2; 5; 6; 8; 10]. Принцип контрредукции основывается на выделении в объектах научного познания дополнительных высших, или метацелостных, свойств, которые так же несводимы к свойствам частей, как и целостные свойства. При различении целостных и метацелостных свойств следует учитывать их существенное различие – метацелостные свойства проявляются только при включении и функционировании данной целостности в целостность (систему) более высокого уровня организации, или сложности. Например, ДНК можно исследовать на основании принципа редукции через свойства отдельных ее составляющих – атомов и их электронного строения, находящихся в их структуре радикалов и функциональных групп.

На основании принципа целостности можно исследовать свойства молекулы ДНК как целостного объекта и выявлять свойства, не сводящиеся к свойствам отдельных ее составляющих: это способность вступать в химические взаимодействия с веществами определенных классов, своеобразие пространственных структур (первичной, вторичной, третичной). При этом на основании принципа контрредукции, целенаправленно исследуя ДНК как часть более высокоорганизованной целостности, например, в составе живой клетки, мы сможем раскрыть присущие ей высшие регуляционные (т. е. метацелостные) свойства. Имеется много примеров в других областях научного знания [2; 5; 6; 8; 10].

Сформулирован принцип классификации естественно-научных методов по «природе первичного взаимодействия».

Особенностью естественно-научного эксперимента является то, что, имея предметную направленность, эксперимент, по существу, заключается в реализации взаимодействия исследуемого материального объекта с некоторым материальным фактором, называемым прибором или инструментом.

Методологическая идея принципа: познавательные возможности экспериментальных естественно-научных методов определяются природой первичного взаимодействия в конкретной экспериментальной ситуации. Под понятием «первичное взаимодействие» имеется в виду взаимодействие исследуемого материального объекта, свойства которого неизвестны, с другим материальным объектом, свойства которого известны. В результате такого взаимодействия получается первичный сигнал, или материальный отклик, поддающийся регистрации, преобразованию и интерпретации. Выявление и формулировка данного принципа необходимы для содержательного разделения понятий «физический метод», «химический метод», «физико-химический метод», «биохимический метод» и т. п.

Показательный пример – метод изотопных меток, применяемый в химии или биохимии, который обычно относят к физическим методам, что является некорректным. Учитывая, что в данной конкретной экспериментальной ситуации первичное взаимодействие

реализуется посредством внесения в исследуемую систему химического агента (прибора), вступающего в определенные химические или биохимические реакции, мы на основании предлагаемого критерия классификации по природе первичного взаимодействия будем иметь, соответственно, химический и биохимический методы. Радиоактивная изотопная метка в данном случае есть именно метка, и ее сигнал о локализации меченых групп является вторичным. Таким образом, один и тот же инструмент может применяться для реализации различных по природе методов.

Итак, с точки зрения методологии организации экспериментальной ситуации «прибор – исследуемый объект» важно учитывать взаимодействие, которое я назвал «первичным». Именно первичное взаимодействие определяет принципиальные возможности экспериментального познания исследуемого объекта. Предлагаемое решение проблемы классификации экспериментальных методов значимо как для анализа экспериментальных данных, так и для формирования единого понятийно-терминологического аппарата экспериментальных методов исследования.

Философско-методологический анализ супрамолекулярной химии и нанохимии позволил определить состояние и перспективы новых областей химии и смежных наук в конвергентных процессах взаимосвязей научно-технологического знания [10]. Определено, что данные области соизмеримы по значимости с традиционной химией, они существенно расширяют горизонты мультидисциплинарных областей естествознания и техники и удваивают объект-предметную область химии.

Обосновано, что ситуация в нанохимии на рубеже XX–XXI вв. похожа на ситуацию рубежа XIX–XX вв., когда зародилась квантовая механика. Характерная черта последней – микроразмерные эффекты, а при их описании классическая физика с ее макроскопическим по природе языком оказалась неприменимой. Характерной чертой нанохимии также являются размерные эффекты наноуровня, для описания которых макроскопический по природе язык классической химии также оказался неадекватным.

В мире материальных механических систем от макроскопического до наноразмерного уровня обоснована значимость «механической идеологии» в трехвековой истории развития естествознания от механицизма к молекулярным наноразмерным машинам, которые конструируются из единичных молекул. Движущиеся части в такого рода машинах запускаются и управляются с помощью электрохимических, фотонных или химических сигналов.

Существенно также отметить, что в данной ситуации развития естествознания мы получили свидетельство ограниченных возможностей прогнозов направлений развития науки и техники – в первой половине XX в. никто не предсказал существования специфических объектов нанохимии и супрамолекулярной химии или возможность создания реально действующих молекулярных машин. Исторический анализ, проведенный автором, выявил, что раскрытие названных областей было потенциально обусловлено непреходящей атмосферой механической идеологии в химии.

В итоге определены перспективные направления философско-методологических исследований в предметной области познания микроразмерных объектов [7–10]: 1) переосмысление вопроса о конечности и бесконечности вещественного разнообразия мира в контексте новых данных современного естествознания; 2) изучение исторического и актуального взаимодействия новых классов материальных объектов естественного и искусственного миров, включая взаимосвязь и взаимодействие научно-технического и философско-методологического знаний в этой области; 3) выявление новых закономерностей и форм развития научного знания (например, от получения и изучения полимеров в искусственных условиях к открытию и изучению биополимеров или наоборот – от открытия естественной супрамолекулы ДНК к искусственному синтезу супрамолекул, а далее – вновь к открытию новых супрамолекул в живых системах); 4) расширение горизонтов общенаучной и/или философской проблемы «силы слабых», которая своеобразно формулируется и переосмысливается для систем неорганического, органического и социального миров; 5) расширение знаний о селективных действиях и распознавании при взаимодействии систем различной при-

роды и различного уровня организации; 6) анализ новых форм конвергенции научно-технического знания, в частности синтеза фундаментальных и прикладных знаний, периодической обратимости и дополнительности знаний о естественном и искусственном вещественных мирах, в том числе в сфере молекулярной информатики.

Все названные новые области сейчас объединяют в предметную область полидисциплинарных исследований НБИКС-технологий. Современная наука и техника демонстрируют преимущественно взаимообусловленность знаний. Хороший пример взаимодействия естествознания и техники (технологии) представляют интегративные области с активным функционированием химических знаний. Современная химия в ее научной лабораторной части становится все более и более технологичной, а современная промышленная технология – все более и более научной. Понятие «высокие технологии» хорошо выражает эту тенденцию.

На основании анализа истории химии и ее взаимодействия с другими науками сформулировано определение понятия «химия», соответствующее современному состоянию этой естественнонаучной области знания.

Химия – это наука о материальных естественных и искусственных объектах атомно-молекулярного и супрамолекулярного уровня организации, изучающая их структуру и качественные превращения в исследованиях явлений как на макроскопическом уровне, так и на уровне размерных эффектов и специфических механизмов наноуровня. Объекты химии сами по себе относятся к неживой природе, хотя некоторые из них – биомолекулы – являются неотъемлемыми составляющими живых организмов [8–9]. Определение научной дисциплины, соответствующее современности, имеет существенное значение: для преподавателей и студентов – для лучшего понимания предметной области изучения; для научных работников – для лучшего осознания своей области исследовательской деятельности; для управленцев в системе научно-образовательных институтов – для адекватности управленческой деятельности.

В результате исследования взаимодействия наук выявлены взаимосвязи экологии и эсхатологии в ключе проблем философии, религиозных учений, естествознания и этики. В частности, установлены факторы нарастания экологической проблемы: природные естественные; природные антропогенные; духовные антропогенные и социальные естественные. Эти факторы могут привести к концу человечества, что следует учитывать при решении практических задач сохранения окружающей среды [3–6; 8].

В завершение анализа процессов взаимодействия научных знаний поделюсь личным наблюдением. В течение многих лет я веду занятия с аспирантами университетов и академических институтов Казани, среди них есть математики, физики, химики, биологи, медики, специалисты аграрных наук. С каждым годом темы исследовательских работ аспирантов, представляющих различные области естествознания, все более и более оказываются взаимосвязанными с медико-биологическими и аграрными науками. Этот факт новейшей истории науки свидетельствует о том, что проблема познания человека и его жизнеобеспечения, или антропология в широком смысле этого понятия, вновь становится центральной [10].

В заключение считаю важным сказать, что возросшая актуальность философских проблем естествознания дает основания для возрождения регулярно проводимых в прошлом Всесоюзных совещаний по философским вопросам современного естествознания. На этих совещаниях встречались и обменивались идеями, новыми знаниями и методологическими подходами ведущие ученые в областях физики, химии, медико-биологических наук и философы. Предлагаю провести в Казани первое Всероссийское совещание по философским вопросам современного естествознания и техники в хорошо зарекомендовавшем себя формате предыдущих Всесоюзных совещаний при участии Института философии РАН с последующим проведением в различных регионах России.

* * *

Наша жизнь определяется в значительной степени встречами с замечательными людьми. После окончания физического факуль-

тета Казанского государственного университета меня уже в стенах Казанского химико-технологического института приобщил к науке доктор химических наук Д.Г. Победимский. Благодарен доктору технических наук, члену-корреспонденту АН СССР П.А. Кирпичникову и доктору физико-математических наук А.П. Кирпичникову за плодотворные беседы о науке и жизни; доктору химических наук Ю.И. Соловьеву из Института истории естествознания и техники АН СССР, раскрывшему передо мной мир истории науки. Благодарен сотрудникам Института философии РАН докторам философских наук Л.Б. Баженову, Р.С. Карпинской, Е.А. Мамчур, В.Г. Горохову. Их работы, как и личное общение с ними и другими незаурядными сотрудниками Института философии РАН, обогатили мою жизнь в науке. Хочу также выразить благодарность доктору физико-математических наук, академику РАН К.М. Салихову и доктору биологических наук, академику РАН И.А. Тарчевскому за творческое общение на разных этапах этой работы.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Курашов В.И., Соловьев Ю.И. О проблеме «сведения» химии к физике // Вопр. философии. – 1984. – № 6. – С. 89–98.
2. Курашов В.И. Познание природы в интеллектуальных коллизиях научных знаний: научная мысль России на пути в XXI век. – М.: Наука, 1995. – 283 с.
3. Курашов В.И. Экология и эсхатология // Вопр. философии. – 1995. – № 3. – С. 29–36 (переиздана: Kurashov V.I. Ecology and Eschatology // Russian Studies in Philosophy. – Winter 1998–99. – Vol. 37. – № 3. – P. 8–19).
4. Курашов В.И. Философия: познание мира и феномены технологии. – Казань: КГТУ, 2001. – 327 с.
5. Курашов В.И. Начала философии науки. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. – 516 с.
6. Курашов В.И. Химия с историко-философской точки зрения. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2008. – 524 с.
7. Курашов В.И. Супрамолекулярная и нанохимия: философско-методологический анализ // Философия науки и техники. – 2018. – Т. 23. – С. 79–87.

8. Курашов В.И. История и философия химии: учебное пособие. 2-е изд. – М.: КДУ, 2019. – 354 с.
9. Курашов В.И. От механицизма к молекулярным машинам: революционные этапы трехвековой истории взаимодействия химии и физики // Восьмой Российский Философский Конгресс – «Философия в полицентричном мире». Секция (II). Сборник научных статьей. – М.: РФО – ИФРАН – МГУ; Издательство «Логос», 2020. – С. 2095–2097.
10. Курашов В.И. Познание природы во взаимодействии научных знаний. – М.: «КДУ»; «Университетская книга», 2021. – 354 с.

© Курашов Владимир Игнатьевич

Лысенко Виктория Георгиевна*

ИЗУЧЕНИЕ ИНДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

I. Как историк индийской философии, я всегда видела основную свою цель в том, чтобы ввести в научный оборот тексты, термины, понятия, категории, проблематизацию, методы и идеи этой оригинальной философской традиции. Реализация данной цели в нашей отечественной философской среде часто сталкивается с весьма предвзятым отношением к так называемой «восточной философии». Разделяя, осознанно или неосознанно, гегелевское убеждение в западном происхождении философии, большинство отечественных философов скептически воспринимают сведения о существовании философии где-нибудь еще. Европоцентризм в философии, поддержанный такими крупными авторитетами, как Гуссерль и Хайдеггер, стал своего рода «фоновым знанием», пока еще редко подвергаемым сомнению в нашей стране.

Это отражается и в отечественной системе философского образования, где на долю так называемой «восточной философии» (нет никакого другого отличительного признака, объединяющего мыслительные традиции, подразумеваемые под этим понятием, – китайскую, индийскую и арабо-мусульманскую, кроме того, что они не западные) приходилось до последнего времени примерно 5% учебного плана. В такой ситуации «введение в научный оборот» какого бы то ни было элемента из философского арсенала любой из

* Лысенко Виктория Георгиевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора восточных философий Института философии РАН.

названных традиций каждый раз требует обоснования его философской «релевантности» («философия» ли это или просто «мудрость»?).

Главной задачей историка индийской философии становится не только исследование философских идей и дискурсов, но еще и реконструкция их культурного, религиозного, социального и цивилизационного контекста вплоть до самых элементарных сведений, ведь, скажем честно, знания об Индии среднего, даже весьма эрудированного, российского философа близки к нулю.

А между тем, по моему мнению, из всех не западных философских традиций Азии именно индийская наиболее близка европейской. Я обосновываю этот тезис ссылкой на общую для обеих традиций индоевропейскую структуру языка, на близость ряда европейских языков и санскрита и, соответственно – близость некоторых фундаментальных языковых и философских категорий (субстанции/существительного, качества/прилагательного, движения/глагола, а также категорий бытия, существования, становления, причины и следствия, части и целого). Ввиду этой системно-структурной близости санскритские тексты в принципе транслируемы в материале европейских языков, в том числе и русского, имеющего структурные преимущества в сравнении, скажем, с английским, на который переводится большинство санскритских текстов (система падежей, родов существительных и прилагательных, морфологическая структура частей речи).

Мои переводы – это не попытка передать мысль индийских философов, как если бы они говорили на русском языке (принцип Ф.И. Щербатского, заимствованный им у Владимира Соловьева, который выдвинул его в отношении переводов Платона). Для меня важно сохранить следы происхождения мысли индийских философов именно из санскрита. Это позволяет выпуклее представить в переводе и отрефлексировать в исследовании структуру мышления на этом индоевропейском языке, а также ввести в оборот некоторые санскритские термины, которые не имеют удовлетворительных переводов на русский язык (манас, читта, атман, прамана, индрии и др.).

Однако, фиксируя моменты сближения санскритской и европейской мыслительных традиций, я делаю это с учетом дистанции между ними, моментов нестыковок, разрывов, вызванных теми или иными причинами, которые следует искать в культурном и – шире – цивилизационном наследии обеих традиций.

И здесь для меня первостепенную важность приобретает рефлексия герменевтической ситуации меня как исследователя. Необходимость отдавать себе отчет в том, каким образом и в какой степени моё понимание другой культуры в её инаковости обусловлено моим собственным образованием и «культурным багажом». В этой ситуации важно не принять мою интерпретацию за положение самой интерпретируемой мысли. Точкой отсчета должно стать самоописание и саморефлексия индийской традиции. Индийская культура сама себя прекрасно объясняла и классифицировала, что и служит для меня основным «ориентиром на местности» при реконструкции санскритских философских дискурсов.

За свою долгую карьеру специалиста по индийской философии я исследовала:

– Школу вайшешика, её философию природы, атомизм (кандидатская диссертация 1982 г.), а затем вайшешиковскую теорию категорий, или модусов реальности (падартха), и их связь с санскритской лингвофилософской традицией (докторская диссертация 1999 г.). Это отразилось в моем переводе и историко-философской реконструкции главного классического сочинения вайшешика VI в. Прашастапады «Собрание характеристик категорий» с комментарием логика X века Шридхары.

– Философию раннего буддизма, эпистемологию восприятия в абхидхарме и в махаянской традиции йогачара (логико-эпистемологическая традиция Дигнаги-Дхармакирти). Объектом перевода и исследования были тексты палийского буддийского канона Типитаки, санскритские тексты Васубандху (ок. V в.), Дигнаги (VI в.), Дхармакирти (VII в.) и Шантаракшиты (VIII в.).

В научных комментариях к своим переводам я использую методы «медленного чтения текстов» (это выражение впервые упоминается Ницше) и методы историко-философской реконструкции

(термин введен российским индологом В.И. Рудым). «Медленное чтение» состоит из анализа морфологии, синтаксиса ключевых санскритских терминов и высказываний, анализа этимологии и ассоциативных рядов отдельных терминов, их сопоставлений с западной терминологией и т. п. В переводах я делаю ставку на скобки и примечания, на указание исходных санскритских терминов всякий раз, когда использую западную терминологию (часто в переводе с английского, а часто просто кальку), так как считаю, что это помогает сохранить биполярность, присутствие двух языковых горизонтов в дискурсе переведенного текста: русского (западного) и санскритского. Они образуют двухполюсное межкультурное пространство, в которое я хочу ввести и моего русскоязычного читателя. Приучая его таким образом к санскритской терминологии, я пытаюсь добиться того, чтобы он научился мысленно связывать «западные» (в широком смысле, включая русские) термины с санскритскими.

Мои историко-философские реконструкции (ИФР), во-первых, вводят отечественного читателя в общий контекст «борьбы идей» в индийской философии, в которую вовлечены авторы исследуемых текстов в определенный исторический период; во-вторых, они указывают на параллели и, напротив, различия индийских и западных философских проблематизаций, подходов и конкретных идей. В-третьих, они разъясняют трудности реконструкции смысла текстов и разные точки зрения на это зарубежных и отечественных ученых. Все это вводит исследуемый текст в актуальную философскую «повестку дня».

Исследования санскритских текстов разных школ индийской философии, а также многолетнее изучение историко-философских работ зарубежных и отечественных индологов и буддологов привели меня к выделению нескольких важных культурно-цивилизационных факторов, определяющих идентичность индийской философской традиции и её своеобразие в сравнении с западной:

Генезис философского мышления в тесной связи с категориями и методологией древнеиндийской фонетической и лингвофилософской традиции (вьякарана).

Развитие логики и эпистемологии из диспутологии (диалектики и эристики) – древней традиции философских диспутов (катха), благодаря которой в Индии возникло общее интеллектуальное пространство, объединявшее всех философствующих субъектов, независимо от их принадлежности к тем или иным школам и направлениям. На этом пространстве происходили чисто интеллектуальные баталии, в которых главным инструментом были не столько сами доктрины противоборствующих сторон, сколько методы их логического доказательства или опровержения. Основная стратегия критики системы оппонентов состояла в выявлении противоречий в логике самой системы оппонента, и только во вторую – в критике позиции оппонента с точки зрения системы пропонента.

Эмпирической базой индийской философии, помимо обыденного опыта, был также и йогический опыт измененных состояний сознания, к которому приводили определенные психопрактики. Этот опыт считался в Индии развитием естественных способностей сознания, доступным каждому человеку. Важно понимать, что сотериологическое, религиозно-практическое измерение индийской философии состоит не столько в том, что философские идеи должны воплощаться в жизни философов, что имело место и в истории западной философии (стоики, киники, философия жизни, экзистенциализм), а в том, что многие индийские философы (особенно буддисты) осознанно сделали опыт измененных состояний сознания предметом философской рефлексии и источником конструирования картины мира.

II. Важной темой моих философских размышлений, начиная с аспирантуры, была идея атома и атомизм. Слово «атомизм» обычно понималось двояко: 1) как философское учение и 2) как научная теория. Я добавила к этому третье важное понятие – «атомистический подход», или «атомистический стиль мышления». Идея атомистического стиля мышления, которую я развиваю в нескольких публикациях, состоит в том, чтобы объяснить происхождение и структуру сложных объектов через выделение предельно малых неделимых единиц и их комбинацию в целостные объекты. Атомистический подход отличается от «естественного аналитизма», свой-

ственного научному мышлению как таковому, тем, что он, во-первых, онтологизирует выделяемые единицы, превращая их в «сущие»; во-вторых, обязательно предполагает конструирование целого и, собственно, ради этого предпринимается. В связи с этим я разработала несколько моделей целостности: аддитивную, или механико-атомистическую, эмерджентную, функциональную, холистико-континуальную, холистико-дискретную. Атомистический стиль мышления может существовать в разных науках, в том числе в физике, химии, наряду с учением об атомах.

Занимаясь сравнением атомизма индийской философской школы вайшешика с атомизмом Демокрита – Лукреция Кара, поставила перед собой проблему объяснить, как получилось, что идея атома появляется в двух совершенно разных древних культурах – греческой и индийской: было ли тут влияние одной культуры на другую? До настоящего момента у нас нет никаких убедительных доказательств такового ни с той, ни с другой стороны. Индийский атомизм мог хронологически предшествовать древнегреческому или древнегреческий – индийскому, но это не доказывает, что греки заимствовали свой атомизм у индийцев или индийцы у греков. Даже если мы допустим влияние, все равно сохраняется условие: чтобы какая-то идея могла попасть из одной культуры в другую, необходимо, чтобы принимающая культура имела мыслительные и языковые средства, позволяющие эту идею ассимилировать и выразить. Это доказывает случай с Китаем, в традиционной мыслительной культуре которого не было инструментов для передачи идей индийского атомизма, попавшего на китайскую почву вместе с текстом индийской школы вайшешика (этим вопросом занимался известный китаист А.И. Кобзев).

В своих исследованиях атомизма я всегда исходила из предположения о том, что оба атомизма возникли в соответствующих традициях независимо друг от друга. Размышляя над проблемой: что именно в этих культурах способствовало возникновению в них атомистических представлений, я постепенно пришла к гипотезе, которую назвала «лингвистической гипотезой происхождения атомизма». Гипотеза вдохновлена концепцией Сапира – Уорфа о влия-

нии языка на мышление. В этом влиянии, как показывают многие современные исследования, нет жесткого детерминизма: структура языка создает некоторые условия или предпосылки для развития мысли (так сказать, оформляет сцену), но сама мысль, будучи автономной силой, может преодолевать концептуальный строй собственного языка, выходить из его «дома» или развиваться даже вопреки его «логике».

В случае атомизма я выделяю две категории фактов: первая – это общий индоевропейский языковый субстрат обеих традиций – греческой и индийской, и прежде всего общий принцип алфавитного письма, согласно которому из некоторого ограниченного набора «незначимых» букв можно создать бесконечное число значимых слов и высказываний; вторая – это некое общее проблематическое поле, которое создается в мышлении, прибегающем к структурно сходным языковым инструментам.

Отметим, прежде всего, что схема порождения языковых единиц и в древнегреческом, и в санскрите выглядит одинаково: от букв (элементарных звуков) или элементарных слогов к частям слова (префиксам, корням, суффиксам, окончаниям), от частей слова – к словам, от слов – к предложениям. Симптоматично, что греческие философы (Аристотель) прямо указывают на буквы как на образ атомов.

Индийская традиция, которая, в отличие от греческой, долгое время была, как известно, устной, развила уникальное явление культурно-цивилизационного порядка, которое часто обозначается термином «фоноцентризм»: принцип сакральности звука и звучащей Речи (Вач). Устная трансмиссия сакральных санскритских текстов (Вед) породила методы фонетического, морфологического, грамматического и семантического анализа, не имевшие аналогов в других культурах. Звучащая речь так же делилась на свои предельно малые составляющие части, как и письменная, о чем свидетельствует раннее развитие в Индии научной фонетики (шикша, пратишакья – первые фонетические сочинения датируются VI в. до н. э.), первой в истории человечества каталогизации звуков речи на основе изучения принципов звукоизвлечения органами артикуляции,

достижения которой сопоставимы лишь с современной фонетической мыслью.

Усилия древнеиндийских фонетистов «уловить» и «измерить» «звуковые атомы» сопоставимы в рамках индийской культуры со стремлением буддистов, джайнов и вайшешиков установить предел делимости субстанции в форме физических атомов. И эта общность интеллектуальных усилий по поиску конечных составляющих в отношении разных «материй» была отрефлексирована самими индийскими философами. Например, Васубандху (ок. V в.) в «Абхидхармакоше» (3.85) 85 карике из 3-: «Атом (параману), атомарный звук/фонема (варна) и момент (кшана) являются пределом [деления] чувственной материи (rūpa), имени и времени».

«Лингвистической гипотезе происхождения атомизма» оказались созвучны идеи знаменитого русского лингвиста Вячеслава Всеволодовича Иванова и китаиста Артема Игоревича Кобзева о значении алфавитного письма. С 2013 по 2015 г. я руководила междисциплинарным проектом РГНФ «Атомизм и мировая культура» (№ 13-03-00547), который объединил историков философии, историков и исследователей культуры, историков и философов-методологов физики и математики (информацию о мероприятиях и 23 публикации по проекту можно найти здесь: https://iphras.ru/atomizm.htm).

Идея, которая вдохновила этот проект, заключается в том, что атомизм как философское учение мог возникнуть только в культуре с индоевропейской лингвистической основой. Язык выступает здесь моделью для артикуляции ментальных содержаний, глубинной неосознаваемой матрицей мысли, которая содержит свою собственную объяснительную схему реальности и свой собственный эвристический потенциал. Это – необходимое условие. Достаточное условие следует искать в области наработок теоретического мышления, если смотреть на него с точки зрения тех его возможностей, которые, собственно, и обеспечиваются средствами языка. В санскрите и в древнегреческом мы находим свидетельства во многом сходной теоретической работы – и в том и в другом были осуществлены концептуальные дистинкции между свойством и его но-

сителем (субстанцией и качеством, субстанцией и движением, качеством и движением, субъектом и объектом, пространством, временем, субстанцией и движением и т. п.), а также между бытием и становлением, существованием и процессом, причиной и следствием, частью и целым. Как мне представляется, благодаря этим языковым и понятийным дистинкциям стало возможным появление в мыслительном пространстве проблем, решение которых и привело к формулированию «атомистической гипотезы».

III. В настоящее время меня больше всего интересуют когнитивные исследования сознания и те новые перспективы, которые открылись перед нейронауками в связи с изучением мозговых процессов у медитирующих буддийских монахов, инициированным Далай-ламой XIV и нейрофизиологом Франциско Варелой 30 лет назад. Сегодня такие исследования широко распространены, но особо успешно они развиваются в США (лаборатория Ричарда Дэвидсона). К ним недавно подключились и российские ученые (группа академика С.В. Медведева), которым удалось с помощью Далай-ламы XIV открыть физиологические лаборатории прямо в буддийских монастырях Индии.

В целом эти исследования ярко свидетельствуют о том, что сознание через длительную практику медитации способно изменить функционирование и структуру мозга. В связи с этим мне представляется, что теории сознания, которые разрабатывались индийскими и буддийскими мыслителями, приобретают особую эвристическую ценность. Современные теории сознания, по моему глубокому убеждению, должны учитывать базу данных, в которой наряду с результатами лабораторных исследований и экспериментов и выводами из них, а также западным набором интерпретационных схем должен присутствовать культурный и религиозный опыт (нейротеология) в самом широком смысле, включающем его теоретическое, философское осмысление (если оно имело место) в соответствующих цивилизациях, среди которых индийская играет, на мой взгляд, важнейшую роль не только своими разработками эффективных психопрактик, но и высочайшим уровнем их теоретической рефлексии.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ (ПО ТЕМАМ)

I. Переводы, исследования текстов, методологические проблемы:

1. Лысенко В.Г. Универсум вайшешики (по «Собранию характеристик категорий» Прашастапады) / В.Г. Лысенко; Ин-т философии РАН. – М.: Вост. лит., 2003. – 486 с.
2. Прашастапада. «Собрание характеристик категорий» с комментарием «Ньяякандали» Шридхары / пер. с санскрита, предисл., введ., ист.-филос. исслед., библиогр. и указатели В.Г. Лысенко; Ин-т философии РАН. М.: Издательство Вост. лит. 2005. – 639 с.
3. Лысенко В.Г. Непосредственное и опосредованное восприятие: спор между буддийскими и брахманистскими философами (медленное чтение текстов). – М.: Ин-т философии РАН, 2011. – 233 с.
4. Лысенко В.Г. Европоцентризм как тормоз современных историко-философских исследований // История философии: вызовы XXI века. – М.: «КАНОН+» РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 237–245.
5. Лысенко В.Г. Индийские философы о природе восприятия: Дигнага и его оппоненты. Тексты и исследования / В.Г. Лысенко; Ин-т философии РАН. – М.: Наука ; Вост.лит., 2022. – 593 с.

II. «Лингвистическая гипотеза происхождения атомизма»:

6. Lysenko V. Atomistic Mode of Thinking" as Exemplified by the Vaiśeṣika Philosophy of Number // Asiatische Studien. – 1994. – XLVIII. 2. – P. 781–806.
7. Лысенко В.Г. Постведийские науки: фонетика и этимология в свете категорий дискретного и континуального // Историко-философский ежегодник 2001. – М.: Наука, 2003. – С. 167–192.
8. Лысенко В.Г. Генезис учения об атомах как проблема языка и мышления // Вопросы философии. – 2014. – № 6. – С. 9–28.

III. Специфика предмета индийской философии:

9. Лысенко В.Г. Опыт йоги и медитации как предмет философии в Индии // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 161–176.
10. Лысенко В.Г. Эпистемология йогического восприятия: школа Дигнаги – Дхармакирти // Вопросы философии. – 2021. – № 10. – С. 153–165.

© Лысенко Виктория Георгиевна

Мартыненко Владимир Владимирович*

КРЕДИТОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Главным направлением моих научных исследований является создание новой научной дисциплины – кредитологии, дающей инновационный анализ философско-социологической проблематики государства и государственных сообществ, восстанавливающей осмысленность кредитной экзистенции homo politicus. Сам кредит – это баланс всей человеческой мысли, он представляет собой не только социальный предикат, но и социальный субъект. В этом смысле кредит есть мера происходящих в обществе изменений. По сути, кредит выдает метрику обществу.

С помощью определенных категорий кредитологии (баланс и т. д.) воспроизводится почти математически точная мера социальных явлений, выстраивается система показателей и больших данных, которые характеризуют структурное соотношение или подвижное равновесие в постоянно изменяющейся социальной целостности. Эта мера выражает динамическое единство качественной и количественной определенностей социального объекта, схватываемых кредитным разумом. В истории мысли уточнялся социальный статус кредита, его нормативная структура, пересматривались методологические приоритеты его исследования, но при этом сам кредит страховал свою культурно-историческую идентичность.

* Мартыненко Владимир Владимирович – профессор, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии – обособленного подразделения ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Теоретический каркас кредитологии актуализируется в условиях жёсткого противостояния политических систем в современном мире. Правда, сама его актуализация осмысливается сегодня в довольно мифологической тональности – например, в суждениях об институциональной риторике как условии удержания политического пространства, интенсивном сворачивании политического поля России. Но такая мифология далека от понимания сущности политического; она сводится, по сути, к трактовке определенных политических технологий, которые, если основываться на такой их трактовке, вряд ли смогут налаживать социальные связи.

Государство – это не просто определённая форма правления. В нашем представлении, государство – это политическая форма кредитной самоорганизации общества, обеспечивающая реализацию страховых возможностей экзистенциального порядка. Мы подходим к построению системы государства как системы «универсального конститутивного синтеза» (Эдмунд Гуссерль), позволяющего ухватить многомерные процессы формирования кредитным сознанием социальных, экономических, юридических, психологических, культурных целостностей. В границах указанной науки мы выявляем условия возможности того, как думать кредитом и как думать кредит.

Если перефразировать известное определение, то можно сказать, что сама политика есть искусство кредитно возможного. Кредитология есть междисциплинарное научное знание, объединяющее практическую и прикладную философию, математическую философию и логику (в их социальном приложении), а также целый комплекс социальных и гуманитарных наук.

Фундаментальной задачей самой философии, как практической, так и теоретической, является поиск единства мира, в решении которой она совпадает с математикой. Если говорить о социальных импликациях, то здесь во весь рост встает проблема поиска единства социального мира, единства социальных наук. В современных исследованиях эта тема нередко отходит на второй план, так как пока не удается найти своего рода монаду (понятие единого), служащую условием возможности социального знания. В результате многолетних исследований мы пришли к выводу, что та-

кой монадой может служить понятие кредита – не в его обыденном, а в его теоретическом понимании – как методологического принципа, положенного в основание социальных теорий, как принципа взаимодействия различных научных дисциплин, направленных на постижение общества. Оно служит объединяющей чертой все расширяющегося многообразия социальных теорий и концепций. Социальная энтелехия кредита ориентирует на формирование целостного взгляда не только на область социальной мысли, но и социальной практики, новых структур социального опыта; она удерживает социальные вещи в их политическом, страховом и денежном бытии.

Поэтому, задумываясь о кредите, мы размышляем о тех внутренних глубинных условиях, которые должны существовать, чтобы социальный процесс вообще был возможен. Кредит – это не просто экономическая или финансовая операция; если мыслить его социально-философски, то нетрудно усмотреть в нем способ генерации социальных связей, становления политической очевидности, явления государства.

В нашем представлении государство – это политическая форма кредитной самоорганизации общества, обеспечивающая реализацию страховых возможностей экзистенциального порядка. В то же время государство – это и страховая конструкция, которая должна минимизировать социальные риски, распределять их и перестраховывать. Сюда входят, например, риски от технологических катастроф, природных катастроф, голода и других бедствий. В.И. Вернадский создавал кадастры и запасы семян, которыми мы до сих пор пользуемся. Даже во время войны их не использовали, потому что это была наша страховка с точки зрения реализации продовольственных программ.

Возможно, политика опережает сегодня другие формы осмысления социальной реальности, поэтому так важно отрефлексировать эти формы через структуры кредитной концепции.

Вопрос о политическом – это вопрос о некой изначальной социальности, структуры которой позволяет понять обоснованная нами кредитная когнитивистика. Кредитология представляет собой естественно-аксиологическую дисциплинарную матрицу, в сердцевине которой находится понятие доверия. К его анализу издавна

обращалась философская мысль. Но в самих философских исследованиях разработка этого понятия не доводится до кредитного уровня, его связи с политическим пространством. На самом деле доверие – это потенциал развития общества. Оно представляет собой сознательную оценку социальных рисков и их страховку. Поэтому и возникают социальные группы, общины, выступающие гарантами этого доверия. Даже количество золота в монете – это тоже гарантия степени, величины кредитного инструмента, то есть контракта.

Отталкиваясь от политических установок, от критики социального статуса политики, мы попытались создать своего рода метрическую многомерную «геометрию» социального мира, представляющую его не только как объединение социальных субъектов, но и как сложное многомерное пространство с заданной мерой – «мерой общества», обобщающей в том числе и результаты измерения политического дискурса.

Открытие такого пространства – это действие, которое требует перестройки предшествующей социальной теории в самом её фундаменте, требует заново научиться тому, что, собственно, может означать основание социальности. Именно в кредите мы находим такую основу для познания общества, на которую можно было бы положиться.

Предложенная нами уникальная гипотеза исходит из того, что только кредитные установки теоретического мышления позволяют сформировать адекватную модель общества.

Поэтому, задумываясь о кредите, мы размышляем о тех внутренних глубинных условиях, которые должны существовать, чтобы социальный процесс вообще был возможен. Кредит имеет отношение к вопросу, как устроен социальный мир. Социальные и кредитные структуры проходят друг сквозь друга. Если мы имеем кредитное уравнение социальности, то мы познаем ее в совершенстве. И математическая логика способствует выявлению алгоритма коллективных решений кредитного уровня, которые могут справляться с задачами, непосильными для индивидуального сознательного поведения, предназначенными для усиления интенсивности социальных связей.

Концепция кредита описывает естественно-когнитивный способ связи индивидуального и коллективного (своего рода, используя термин Дэвида Блура, «когнитивный коллективизм» кредитного региона); даёт эпистемическую оценку кредитных практик, исходя из внутреннего дуализма – дуализма социальной механики прав и концепции поля обязанностей. Обязательства, обязанности необходимы для того, чтобы субъект мог стать коллективным и осуществить свои права.

Кадастр балансов прав и обязанностей создаёт предпосылки для функционирования коллективного в динамике, а следовательно, во времени истории. Содержательно эти структуры в нашей теории модифицируются, обретая статус специфических социальных групп.

Динамический потенциал существования общества в истории всегда является обобщённым и векторным, определяющим альтруизм социальных субъектов. Положительные балансы их деятельности и развивают само общество, не требуя выполнения обязательств по предоставленным им правам, а только фиксируя их с возможностью исполнения в будущем.

Права и обязательства охватывают весь спектр многообразной деятельности – от культурологического и интеллектуального до практического, знаниевого и фундаментально научного, включая и конфессиональные свободы.

Человек кредитует только как социальное существо, а сам кредит сформировался исторически, он требует своего обновления в каждый новый момент истории. Кредитная рациональность предполагает социальность, а социальность невозможна без кредитной рациональности. Кредит открыт не индивидуально, а коллективным разумом; он является результатом коллективного творчества.

Сама коллективность представляется социальной общностью, описываемой теорией кредита как ее глубинного измерения. Эта теория выявляет уникальные характеристики социальных взаимодействий, в результате которых проявляются свойства новой балансовой методологии социальных наук как совокупности приёмов и операций для построения фундаментальной системы социального баланса прав и обязанностей. Каждый человек с момента своего

рождения непосредственно включается в коллективную целостность, способ его вхождения в коллективность определяется как раз уже *его* балансом прав и обязанностей, который со временем наполняется: вначале этот баланс нулевой, затем он становится отрицательным или положительным. Кредитные установки важны и для развития политического сознания. Они дают возможность по-другому мыслить и политику, и общество.

Искомая «мера» общества должна представлять собой универсальное правило социального взаимодействия. Другими словами, «мера общества» – это алгоритм, позволяющий в динамике замерять «расстояние» между социальными субъектами (их различными объединениями), а совместно с заданной «арифметикой» на пространстве между ними фактически структурировать указанные объединения. А сам алгоритм, как говорил академик А.Н. Колмогоров, означает, что теоретически мы пытаемся делать то, что можно, как нужно. В современных философских исследованиях начинает анализироваться проблематика социальных вычислений, но когда знакомишься с результатами этих исследований, то сразу возникает масса вопросов, например, в рамках какой социальной модели ведутся эти вычисления. Ведь они ведутся для того, чтобы разрешить какую-то модель, получить определенный результат. Но сегодня нет модели, которая описывает социальность. И мы делаем первый шаг к построению такой модели. В нашем представлении социальные связи – это кредитные функции, с которыми люди умеют работать. Например, и банковская система всего мира, и все домохозяйства всегда считают балансы, свои взаимоотношения с партнёрами. Фактически речь идет о балансовой модели социальности.

Дмитрий Менделеев, размышляя о свободе в своём духовном завещании будущим поколениям – книге «Заветные мысли», писал: «Признавая, что свобода в ее основах много приобрела от революций, утверждаю, что только развитие просвещения и промышленности её развило, развивает и развивать будет, от тирании предохранит, незыблемой поставит и права с обязанностями уравнове-

сит»[83]. А система прав и обязанностей, структурированная во времени, и даёт нам сущность денег как социальной категории.

Баланс прав и обязанностей – как сущность «меры общества» – является основным правилом, его структурирующим. Это и позволяет выявить каналы кредитных связей, которые можно определить как «кредитный коллектив», то есть как общество. Такой подход не даёт нам воспринимать социальный кредит в упрощённом экономическом нарративе.

В обществе, в его истории есть некоторые упорядоченные структуры, которые мы называем кредитными. Они имеют свои законы жизни и существуют в зависимости от того, насколько интенсивные усилия совершают люди, чтобы эти кредитные структуры действовали объективно. Кредит – это словарь, выстраивающий мир, мир общества. А деньги – словарные статьи, наполняющие этот мир смыслом существования человечества.

Итак, философская сущность кредита представляет собой функцию взаимодействия социальных субъектов или их доверителей (банковский кредит – это простейший частный случай такого взаимодействия). Или возьмём другой пример – рутинный «подоходный налог». В идеале он предназначен для страхового стимулирования возможностей социальных субъектов, баланс прав и обязанностей которых по отношению к общественному балансу отрицательный. Прописные русские пословицы «С миру по нитке – бедному рубаха», «Мир по слюнке плюнет, так море», «Полено к полену – и дрова», «По капельке море, по воложке (былинке) стог, по зёрнышку ворох» и другие контаминируют страховые заряды (смыслы). Линию вертикальных взаимосвязей, структурирующих общество в динамике, то есть во временном диапазоне жизни социальных субъектов, выражает социальная страховка, которую можно рассматривать и как политический институт общества. Тогда Глобализация (не в её вульгарном проявлении как экспансии «золотого миллиарда») представляется перестраховочным институтом, структурирующим эти локальные пучки вертикальных взаимосвязей, которые проявляются в структурах международных договоров. А они

[83] Менделеев Д. И. Заветные мысли. М.: Мысль, 1995. С. 405.

и есть суть страхового задела человечества. Кредит и страховка проецируются друг на друга, формируя самих себя, развивая и дополняя. Политика как социальный институт (а фактически – набор социальных институтов страхования и перестрахования) страхует горизонтальные кредитные отношения, которые выстраивают между собой социальные субъекты. Различные примеры страховых проекций Политики на текущие жизненные ситуации в государственном управлении в нашем описании и в реалиях практической философии представлены в различных видах: табеля о рангах, систем награждения, пенсионных накоплений, налоговых и других платежей. Эти примеры страховых конструкций мы артикулировали, чтобы слушатели чётче могли осознать и представить себе вертикальные скрепы политического в обществе. Классическое правило жизни общества – разделение властей – представляется простейшим примером страховки общественных горизонтальных связей, структурирующих общество. Социальные институты используют это правило, чтобы хоть как-то контролировать страховую жизнедеятельность общества. Правда, получается это не каждый раз; иногда случаются катаклизмы и революции различной этимологии. В международных отношениях и политике кредитное выстраивалось такими страховыми и перестраховочными институтами, которые позволяли бы минимизировать риски техногенных катастроф и социальных конфликтов.

Корреспондентские отношения между государствами – это страховка различных социальных групп, а сами межгосударственные отношения являются перестраховочными инструментами, которые должны использоваться в условиях различных катаклизмов. Такие перестраховочные механизмы предохраняют от того, чтобы действовало право сильного. Страховые суперпозиции можно назвать кредитным государством, которое конструирует страховку и перестраховку так, чтобы не нарушались социальные связи. Социальная страховка выстраивает законодательную базу, формирует резервную среду, накапливает средства для поддержания социальных связей.

Кредитология открывает путь к разрешению важнейшего вопроса современной практической философии – взаимоотношения

коллективного и индивидуального. Разрешение этого вопроса не только в теоретическом, но и в практическом плане увеличивает арсенал государственного строительства: мы понимаем, как связать его не только с банальным видением абстрактного большинства или меньшинства в обществе и производных от них диктатур, суверенитетов, движений и прочих конструкций-формаций, а с соединениями, описываемыми более сложными философскими категориями.

Такие соединения влекут за собой потребность выстраивать страховые институции, страхующие социальные взаимодействия между различными социальными стратами, а это уже область политического, описывающего генезис государственного строительства.

Социальные состояния в мире существуют в той мере, в какой работают кредитные механизмы, вносящие порядок в социальный хаос и запускающие социальное обустройство. Эти механизмы работают не только в теоретическом плане, но и в плане практической философии государственного строительства. В обществе нечто устраивается само собой в виде кредитной целостности; эта целостность обладает своей логикой, она несопоставима с логикой конечного человеческого разума. Поэтому перемалывание её и преобразование на основании неминуемо конечных измерений, которые разум в состоянии дать, может привести к весьма нежелательным последствиям. Они и порождают современную социальную алхимию в виде нереализуемых программ, лозунгов или в виде господствующей сверхреальности, а она оказывается на самом деле феноменом несуществования социального кредита.

Кредитные процессы изначально вели себя по логике, предписываемой математической теорией, математическими моделями. Кредитные формулы можно перенести в современную проблематику математической логики и математической философии. И раз кредитное допущение положено в основу социального опыта, так сказать, с математической точностью, то это предположение приобретает статус достоверного знания. Указанную метрическую многомерную геометрию социального мира мы строим не просто на языке чистой математики, а на языке математической логики (развитие которой связано с исследованием философских принципов математики у Бертрана Рассела и Луи Кутюра), соотнося эти уста-

новки с разработками практической философии. В рамках настоящего доклада невозможно развернуть аппарат приложения математической логики к кредитологии. Мы лишь задаем основные направления для разработки структур развития этого приложения. Одно из таких направлений связано с рассмотрением особого аспекта того, что Луи Кутюра называл логистикой, а именно кредитной логистикой, которую мы подвергли кропотливому анализу, построив её на основе теоретического осмысления большого массива социальных данных.

Кредит, рассмотренный философски, представляет собой структурный синтез как минимум трёх субстанций – общения, деятельности и ответственности. К этому синтезу приводит некий дополнительный элемент, представляющий собой такую ценностную категорию, как доверие: Fides facit fidem (доверие рождает доверие). А само «доверие, *как говорил Мераб Мамардашвили,* есть всегда результат метафизического выбора, ибо для него нет и не может быть эмпирических причин и оснований»[84]. В этом смысле кредит имеет своего рода сверхопытные, социально универсальные основания. Пространство кредитных отношений, которыми человек владеет и может реально практиковать в процессе договорных отношений, – это социальное пространство. А сами договорённости и есть основа социальных взаимодействий. Не только определение, но и осмысление кредитного эйдоса – задача чрезвычайно сложная.

Кредит как искусство социального измерения присутствует в социальном и культурном полях, он предстает как способ построения социального единства, включая и количественное единство. Можно сказать, перефразируя *Гуссерля*, что кредит предстаёт перед философом, который ещё не знал социальной геометрии кредита, но которого мы должны помыслить как её изобретателя[85]. То есть кредит предстаёт перед философским сознанием, если воспользоваться понятием, введённым Феликсом Клейном в «Эрлангенской программе» в 1872 г., как содержащее в своей основе инвариантность социальных предметов относительно групп экономических, юриди-

[84] Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. С. 382.
[85] См.: Гуссерль Э. Начало геометрии. М.: Ad Marginem, 1996. С. 384

ческих, культурных преобразований, предстаёт изобретателем самой социальной инвариантости. И открытая нами «геометрия социального мира» подсказывает нам, как мастерится кредитный мир.

Результатом проведённых мной исследований является разработка теории кредитной природы формирования политических, экономических и правовых отношений в обществе. Отсюда следует также концепция денег как категории социального права. В предложенной концепции впервые раскрыты социальные причины исторической эволюции денежных форм. Также выявлен социально-политический смысл денежной власти и социально-политическое значение демонополизации денежной эмиссии. Доказано, что обесценение денег важно рассматривать как выражение крупных диспропорций в системе формирования и распределения прав и обязанностей в государстве и обществе.

Это обесценение говорит об отсутствии социальной культуры полноценных кредитных отношений, а также необходимых условий для их развития. Мной определены условия рационального взаимодействия и оптимизации функций «политической» и «денежной» властей. Эта система призвана отражать саму процессуальную субстанциональность денег, каковой является развитие социальности.

Общий вывод заключается,

во-первых, в необходимости рассматривать государственную власть и власть денег в том числе и как производные от естественно возникающих кредитных отношений в обществе, от его ценностных ориентиров; необходимости давать социальную оценку знаний, полученных в социальных и гуманитарных науках, с точки зрения кредитных процессов;

во-вторых, в выявлении условий возможности адекватности государственного регулирования. Значение и смысл вводимых в государстве законов, а также направлений деятельности органов государственной власти различных уровней целесообразно анализировать и оценивать прежде всего сквозь призму их соответствия задачам социально полноценного страхования и поддержания полноценных общественных кредитных отношений.

Кредитология позволяет демифологизировать представления о возможностях государственного строительства и государственного регулирования. Разрабатываемая методологическая позиция важна для поиска путей минимизации социально-политических рисков, включая риски социального распада, а также угрозы, связанные с перенастройкой всего политического поля современной цивилизации.

Кредитология может быть использована в качестве предпочтительной основы для построения новой социально-политической парадигмы.

© Мартыненко Владимир Владимирович

Нестеров Александр Юрьевич*

ОБЩАЯ СЕМИОТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЯ И ОНТОЛОГИЯ

Невозможно воспринимать, рассуждать или выполнять какие-либо действия, не обращаясь с предметом восприятия, рассуждения или деятельности как со знаком. Никакой предмет никогда не существует сам по себе, в себе или для себя. Он всегда обозначает нечто, находящееся вне его, включен в систему предметов, задающую его конкретное место, даже существует в качестве предмета только потому, что употребляется в актах восприятия, коммуникации или деятельности как определённый знак. Это исходное положение вещей наглядно сформулировано в метафоре пещеры Платона, в мифе о богине Майе, набросившей на мир своё покрывало, в тысячах философских, литературных и кинематографических текстов.

Знак – фундаментальная философская категория. Невозможно ответить на вопрос, что есть знак, не пользуясь знаками и знаковыми системами, не участвуя в процессах интерпретации и образования знаков. Поскольку невозможно выйти из процессов семиозиса, постольку определение знака, как правило, формулируется функционально или генетически. Знаком является то, что употребляется в качестве знака, системно связано с другими знаками, выполняет функцию обозначения.

«Средство, которое применяется или может применяться, чтобы познать действительность другой вещи, есть знак (signum),

* Нестеров Александр Юрьевич – доцент, доктор философских наук, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии Самарского национально-исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

назначение знака – обозначаемое (signatum). Следовательно, знак – источник познания действительности обозначаемого… между ними – знаковая взаимосвязь… которая называется значением…»[86]. Это формулировки А.Г. Баумгартена, предложенные им в «Метафизике» в 1739 году. Его ученик Г.Ф. Майер в «Попытке об общем искусстве истолкования» в 1756 году повторяет и дополняет эти определения: «Знак (signum, character) есть средство, через которое может быть познана действительность другой вещи. Вещь в той мере, в какой её действительность познаётся из знака, называется обозначаемым (signatum), она называется значением знака (significatus), поскольку её действительность познаётся из знака. Следовательно, значение есть намерение знака, а знак – основание познания обозначаемой вещи»[87]. Современное употребление термина «знак» восходит к статье «О смысле и значении» Г. Фреге 1892 года, где значение знака определено как обозначаемый знаком предмет, а смысл знака – как системный способ данности значения. В XX веке понятия «семиозис» или «знаковый процесс», различение семантических, синтаксических и прагматических правил восходят к статье «Основания теории знаков» Ч.У. Морриса, обобщающей колоссальный теоретический базис как наследия Ч.С. Пирса, так и логического позитивизма. Общая идея репрезентационизма в его семиотическом выражении сформулирована Э. Кассирером в «Философии символических форм» как восхождение от «сферы чувственного восприятия к сфере созерцания, от созерцания к понятийному мышлению, а от него – к логическому суждению»[88].

Теория познания, будь она реалистского или конструктивистского толка, исходит из того, что первичные ощущения, возникающие в живом организме в ответ на то или иное внешнее раздражение и обрабатываемые затем сверхсложными алгоритмами живой материи, являются знаками, указывающими на те или иные положения дел в самом организме или за его пределами. Ощущения,

[86] Baumgarten A.G. Metaphysik. Jena, 2004. § 248. P. 71.

[87] Meier G.F. Versuch einer allgemeinen Auslegungskunst. Hamburg, 1996. § 7. P. 7.

[88] Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. М.; СПб., 2002. С. 245.

превращаемые в процессе восприятия в объекты, существуют не сами по себе, но в качестве обозначений тех положений дел, что требуют учёта и внимания со стороны организма. За счёт рассудка или – в терминах XX века – за счёт языка комплексы ощущений в качестве объектов обозначаются словами, предложениями или текстами. Язык опредмечивает ощущения чувственного восприятия, которые объективируют те положения дел, что служат изначальным стимулом к взаимодействию внешнего и внутреннего в живом организме. Два слоя знаковых процессов – восприятие и язык – находятся в сложном взаимодействии, которое после Н. Кузанского выражается иерархией инстанций восприятия, рассудка и разума, связанных процедурой рецептивного или проективного обозначения.

В кантианской традиции всякое «явление» есть знак «вещи самой по себе», возможный за счёт пространства и времени как врождённых навыков восприятия. В модели общей семиотики распознаваемый средствами чувственного восприятия объект является способом задания объективно существующего значения, возможным благодаря имеющимся у организма навыкам распознавания. Любой воспринимаемый объект является смыслом некоторого иначе не доступного значения, где смысл – продукт конкретного организма, заданный его биологией и историей. Как можно видеть, семиотика полностью снимает противопоставление реализма и конструктивизма: минимальный семиотический треугольник, фиксирующий «явление», требует учёта значения как реальности среды, относительно которой осуществляется указание, так и механизмов формирования внутрисистемных способов задания значения, смыслов, посредством которых это указание осуществляется и вне которых оно просто невозможно.

Межсубъектный язык – наиболее изученный и ясно определяемый слой семиозиса. Проблема соотношения «слов и вещей» есть вопрос о соответствии двух систем кодирования: внутрисубъектных процессов познания и межсубъектных процессов коммуникации. Синтаксический аппарат естественного языка так же относится к обозначаемым посредством него явлениям чувственного восприятия, как и синтаксический аппарат восприятия – к обозначаемой среде объективной реальности. Знак языка в виде элемента алфави-

та или звука, слова, предложения представляет собой способ задания значения как воспринимаемого объекта. Для самых простых случаев употребления естественного языка, «протокольных предложений»[89], знак языка – это способ задания способа задания обозначаемого действительного положения дел. На уровне рассудка как межсубъектного языка существенную роль играют навыки означивания, правила употребления знаков в качестве знаков, прагматика семиозиса. Невозможно естественнонаучными средствами объяснить, почему воспринимаемый объект «стол» задаётся языковым предметом «стол»: синтаксическая последовательность из четырёх букв русского языка каузально никак не связана с процессом работы нервной системы, формирующей эту перцепцию. Тем не менее мало кто ошибётся в эмпирической интерпретации в случае стола или аналогичных элементов базисной лексики. Знак естественного языка «стол» функционирует как обозначение формируемого восприятием образа стола в силу памяти, опыта, сформированной привычки, навыка применения этого слова. Извлечь этот навык сугубо из правил образования и преобразования знаков невозможно. Семантические и прагматические правила языкового знака обладают существенно большим количеством степеней свободы, нежели аналогичные правила знаков чувственного восприятия, это обстоятельство затрудняет естественнонаучный анализ феномена межсубъектного кодирования. Прагматика восприятия прошита в физиологическом аппарате восприятия, прагматика коммуникации свободно настраивается в процессах небиологического наследования информации.

Взаимодействие семиозиса восприятия и семиозиса языка фиксируется разумом или интеллектом (intellectus, Vernunft). Всякий раз, когда возникает вопрос о том, как языковой предмет, сформированный в диахронии и синхронии культуры, соотносится с чувственно воспринимаемым объектом, сформированным физиологией homo sapiens, ответ на него возникает в анализе интеллектуального понятия. Разум – третий слой семиозиса, фиксирующий в

[89] Stöltzner M., Uebel T. Einleitung der Herausgeber // Wiener Kreis. Hamburg, 2006. P. LVI-LX.

«понятиях», «концептах» или «фантасмах» исторически и симультанно возникающие формы рефлексии, задающие объекты восприятия на фоне предметов рассудка. Общая семиотика, вводя интеллект как самостоятельный слой семиозиса, занимает в целом реалистскую позицию, восходящую к Платону, Августину, Ансельму, Декарту. Допущение «мира идей» или «врождённых идей» как конечного множества денотатов, доступных интеллекту и превращающих семиозис познания и семиозис деятельности в обозначение или осуществление тех или иных вневременных сущностей, позволяет в целом избавиться от бесперспективного схоластического поиска оснований рефлексии в языке и восприятии как таковых. Великие представители позитивной метафизики XX века в том или ином виде разделяют реалистскую интерпретацию семиозиса. К.Р. Поппер допускает, наряду с «третьим миром» языка, существование четвёртого и пятого миров этики и эстетики и таким образом заново открывает возможность вневременного анализа ценностей: теоретическая и практическая работа над понятиями как комплексами рефлексивных правил задания предметами объектов есть осуществление истины, добра и красоты. Ф. Дессауэр[90], разделяя сформулированный П.К. Энгельмейером подход к технике, формулирует идею «четвёртого царства техники» как мира «предустановленных форм решений», из которого черпаются изобретения как способы решения практических задач. Технические решения осуществляют ценность «пользы»: интеллект функционирует как инструмент извлечения единственно верного в данных условиях решения, которое в режиме объективации как проективного обозначения выражается межсубъектным языком и осуществляется за счёт обработки в слое чувственного восприятия как новый объект[91].

Общая семиотика является онтологической доктриной, утверждающей знаковый характер любого рода объектов, предме-

[90] Дессауэр Ф. Спор о технике / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Самара, 2017.

[91] Nesterov A.Y. Cosmos and Metacosmos in Dessauer's Philosophy of Technology: Inventing the Environment // Bylieva D., Nordmann A. (eds.) Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. PCSF 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol 345. Springer, Cham, 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-89708-6_3

тов, понятий, процессов, состояний и положений дел, с которыми человек имеет дело. Теория познания и теория деятельности представляют собой комплексы знаковых процессов, так что невозможно ощутить, назвать, помыслить или осуществить такое положение дел, которое не было бы исполнением того или иного правила семиозиса.

Существуют лишь правила. Сложность этого онтологического тезиса в том, что нигде в природе как таковой правила прямо не наблюдаются и не именуются, они выявляются разумом в акте самопознания через сопоставление объектов и предметов и фиксируются в исторической памяти, как правило, в языковой форме в виде абстрактных высказываний, лишённых непосредственного эмпирического значения. Знак в качестве значения может обозначить лишь знак – это открытие всеобщей герменевтики XVII века прямо говорит о том, что незнаковым знакового процесса является правило его осуществления.

Правила, правила для правил, правила для правил для правил – это предмет семиотики как онтологии. Здравый смысл и обыденное сознание имеют дело с объектами, предметами и понятиями как таковыми, фиксируя их преимущественно через реализацию семантического правила. Научное познание в модели Венского кружка как соединение чувственного восприятия и логического анализа языка стремится к выявлению синтаксических правил для объектов, предметов и понятий. Семиотическая онтология как новая попытка построения модели «единой науки» стремится к выявлению комплексов прагматических, синтаксических и прагматических правил познания и деятельности.

Методология как таковая является инструментом онтологического анализа, превращающим в терминах Х. Вольфа смутную «естественную онтологию» в точную «искусственную онтологию»[92], позволяющим решать задачи, добиваясь поставленной цели. Собственно метод семиотического исследования заключается в том, чтобы всякое явление рассматривать как знак, выявлять его прави-

[92] Wolff Ch. Erste Philosophie oder Ontologie. Hamburg, 2005. § 21, § 22–24. P. 51–53.

ла, определять слой и вектор семиозиса, находить базовую цель семиозиса. Если то или иное явление рассматривается в качестве знака, то оно: осуществляет семантическое правило (связывает смысл и значение индексальным, иконическим или символическим правилом обозначения), синтаксическое правило (обладает смыслом как исчислимым местом в системе знаков, является результатом образования и преобразования комбинаций элементов алфавита, аксиом или принятых предпосылок), прагматическое правило (интерпретируется в силу навыка, нормы или теории в качестве знака на некотором незнаковом фоне, включенного в синтаксическую систему и выполняющего функцию обозначения), материально воплощено (выражено в том или ином материальном субстрате, позволяющем реализовать прагматическое, синтаксическое и семантическое правила). Осуществление этих четырёх правил определяется слоем семиозиса: знаки чувственного восприятия (объекты), знаки рассудка (предметы), знаки разума (понятия) обладают не только различающимся материальным субстратом, но по-разному реализуют функции обозначения, выражения и применения (интерпретации в качестве знака). Знак «вода» как ощущаемая водная гладь, как слово “aqua” или запись H2O, как рефлексивное соотнесение слова и ощущения включен не только в разные материальные среды, но и в разные прагматические, синтаксические и семантические ряды.

Различение слоёв семиозиса позволяет выявить референцию знака, возможности наложения синтаксических систем разных уровней, задающих знак, сложностное взаимодействие навыков применения знака. Определение вектора семиозиса позволяет осуществлять процедуры целеполагания и целереализации, дифференцируя задачи получения новой информации и использования имеющейся информации для создания новых положений дел. П.К. Энгельмейер остроумно отмечал, что в магии следует различать два случая: «когда красна девица гадает и когда она ворожит»[93]. В психологических терминах это векторы субъективации и объективации, интериоризации и экстериоризации, в терминах Э. Кассирера это ситуация, когда один и тот же знак рассматривается либо как

[93] Энгельмейер П.К. Теория творчества. М., 2010. С. 36.

символ, либо как орудие труда[94]. В терминах общей семиотики это рецептивный и проективный векторы. Полный круг семиотической деятельности сознания включает в себя три слоя, вектор семиозиса позволяет определить правило следования слоёв друг за другом. Рецептивный семиозис – это ситуация прямого познания, в которой объекты чувственного восприятия обобщаются в предметах рассудка: на первом шаге осуществляется восприятие, на втором – языковое схватывание, на третьем – категориальное обобщение средствами интеллекта. Идеальным результатом рецептивного семиозиса является понятие, сформированное индуктивным обобщением. Проективный семиозис – это ситуация косвенного познания или разумной рефлексии, в которой понятия конкретизируются рассудком и воплощаются в слое чувственного восприятия: на первом шаге осуществляет себя идея как продукт разума, на втором – рассудочная конструкция идеи путём языкового выражения, на третьем – воплощение конструкции путём обработки физической материи.

Наиболее сложными вопросами при анализе векторов семиозиса остаются момент перехода от рецепции к проекции и момент новизны, возникающей в этом переходе. Традиционно переход от познания к действию фиксируется в понятии интуиции, различаются чувственная, рассудочная и интеллектуальная интуиция как уровни осознания комплексов правил, задействованных в этом переходе. Семантически интуиция маркируется потерей знаком прямого значения и обретением им косвенного значения в акте рефлексии. Классический пример – рождение философского непредметного языка в милетской школе: «вода» или «воздух» перестают обозначать ощущаемые объекты и начинают обозначать понятия, задающие онтологические модели «мира в целом». Синтаксически – осознанным учётом системы мест, через которые осуществляется предметное выражение, увеличением числа применяемых в этом выражении правил. После порождения философского языка милетцами количество предметных мест, через которые задаётся онтологическое основание сущего, не поддаётся учёту и требует кропот-

[94] Шольц Г. Символы и орудия труда. Основы культуры у Шлейермахера и Кассирера // Пятые Лемовские чтения. Самара, 2020. С. 134–148.

ливого историко-философского анализа. Прагматически – новым навыком использования синтаксиса не только в целях констатации текущих положений дел, но и в целях создания новых мест, через которые осуществляется задание существующих и не существующих пока значений.

Теория творчества, как правило, подчёркивает, что акт интуиции свойственен человеку. Переход от познания к действию, связанный с пересборкой опыта, памяти и влекущий трансформацию того или иного правила семиозиса, – это повседневная рутинная практика, которая осознаётся в качестве таковой лишь в случае столкновения с радикально новыми правилами. Ситуации последнего рода переживаются как «откровение», «озарение», порождение нового.

Новое как таковое – это изменение семантического, синтаксического или прагматического правила семиозиса в слое восприятия, рассудка или разума, возникающее в прямом познании или рефлексивном техническом действии. В общей схеме семиотического круга можно выделить восемнадцать модельных способов осуществления нового, где в прямом познании сдвиги вызываются учитываемыми сознанием изменениями окружающей среды, а в проективной рефлексии – изменением применяемой сознанием теории репрезентации. Наиболее масштабные случаи последнего рода описаны, например, И.И. Лапшиным как «философские изобретения»[95].

Важнейшие научные результаты в онтологии и теории познания, отражённые в работах автора по общей семиотике, заключаются в следующем:

Разработана, обоснована и проинтерпретирована в предметных исследованиях модель семиотического круга (спирали) познания и деятельности. Существовать – значит быть знаком, познание есть рецептивный знаковый процесс (семиозис), деятельность – проективный.

[95] Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: введение в историю философии. М.: Республика, 1999.

Разработана методология семиотического анализа как выявления правил, определяющих ступени (sensus, ratio, intellectus), измерения (прагматическое, синтаксическое, семантическое, вещественно-материальное) и векторы (рецептивный и проективный) семиозиса («знакового процесса»).

Сформулировано и обосновано семиотическое решение проблемы нового: новое есть сдвиг в применении конкретного (прагматического, синтаксического, семантического, вещественно-материального) правила на определённой (sensus, ratio, intellectus) ступени в определённом векторе (рецептивном и проективном) семиозиса. Определены предпосылки для построения семиотической теории нового как теории инженерно-технического и художественного творчества.

Важнейшие научные результаты в философии науки и техники:

1. Разработана концепция семиотики техники, основанная на применении модели семиотического круга (спирали) познания и деятельности к процессам технической (проективной) деятельности, показана структура объективного деятельностного знания, выявлена историческая преемственность форм деятельностного знания от модели «трёхакта» П.К. Энгельмейера через идею «формообразующих способностей человека» Ф. Дессауэра к ступеням проективного семиозиса в семиотическом круге (спирали) познания и деятельности.

2. Актуализирована в русскоязычном пространстве платонистская модель философии техники Фридриха Дессауэра: концепция «царства предустановленных форм решений» показана в качестве правилосообразного пространства синтаксического измерения семиозиса на ступени интеллекта, концепция «изобретения» – в качестве пространства прагматического измерения на каждой ступени.

3. Сформулировано семиотическое решение проблемы интуиции как перехода от познания к деятельности: «интуиция» показана как изменение вектора семиозиса с рецептивного на проективный, сопровождаемое знанием о знании правил, задающих ступени

познания и деятельности (чувственная, рассудочная и интеллектуальная интуиция).

4. Сформулированы и обоснованы концепции «вектора прогресса» и «третьей природы»: прогресс определён как последовательное техническое освоение человеком сначала сферы чувственно воспринимаемого мира, затем сферы логико-грамматических схем рассудка, затем сферы рефлексии в интеллектуальной деятельности; наполнение каждой из ступеней артефактами за счёт «силы техники» (Ф. Дессауэр) создаёт искусственную природу сначала первого порядка (артефакты уровня чувственного восприятия, «машины по переработке энергии»), затем – искусственную среду второго порядка (артефакты уровня рассудка, «машины по переработке информации»), затем – искусственную среду третьего порядка (артефакты уровня интеллекта, автономных агентов с сильным ИИ, «третью природу»).

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Nesterov A.Y. Technology as semiosis // Technology and Language. 2020. Vol. 1. № 1. P. 71–80. https://doi.org/10.48417/technolang.2020.01.16
2. Nesterov A.Yu. Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology // Bylieva D., Nordmann A., Shipunova O., Volkova V. (eds) Knowledge in the Information Society. PCSF 2020, CSIS 2020. LNNS. Vol. 184. P. 3–11. Springer, Cham, 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_1
3. Nesterov A.Y. Cosmos and Metacosmos in Dessauer's Philosophy of Technology: Inventing the Environment // Bylieva D., Nordmann A. (eds) Technology, Innovation and Creativity in Digital Society. PCSF 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 345. Springer, Cham, 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-89708-6_3
4. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара, 2017.
5. Нестеров А.Ю. Границы технического сознания: немыслимое vs. невозможное // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 3. С. 60–66.
6. Нестеров А.Ю. «Исполнение» в семиотике техники // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 3. С. 11–118.

7. Нестеров А.Ю. Семантические стратегии преодоления неопределенности интерпретации (на примере рецептивной эстетики и философии техники) // Философия науки. 2019. № 3 (82). С. 142–153.
8. Нестеров А.Ю. Типы неопределённости в рецептивном и проективном семиозисе // Философия науки. 2020. № 2 (85). С. 28–44.
9. Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 6–13. DOI: 10.18287/2782-2966-2021-1-1-6-13.
10. Нестеров А.Ю. Проблема субъекта в искусственной природе // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 22–28.

© Нестеров Александр Юрьевич

Островская Елена Петровна*

БУДДИЙСКАЯ ЭТИКА В ТРАКТАТАХ ПОСТКАНОНИЧЕСКОЙ АБХИДХАРМЫ

Настоящее сообщение посвящено одноименному исследованию, выполненному мною в 2019–2021 гг. по программе НИР Института восточных рукописей РАН. Научный интерес к нравственной стороне буддизма имеет в мировой индианистике давнюю историю, восходящую к последней четверти XIX в. В то время классиками англо-германской буддологической школы Томасом и Каролиной Рис Девидс, Германом Ольденбергом была поставлена задача описания морального учения Будды на основе текстов палийской Винная-питаки («Корзины дисциплинарных наставлений» – первого раздела канона южного буддизма). Дальнейшее изучение ценностно-нормативной системы, зафиксированной в канонических источниках, уже не ограничивалось палийскими текстами. В научный оборот были введены обнаруженные в ходе археологических обследований Центральной Азии манускрипты северной буддийской традиции, содержащие фрагменты Винаи на санскрите и еще не известных науке мертвых языках. В распоряжении ученых имелись также и переводы канонического наследия ранних школ северного буддизма на китайский и тибетский языки.

За полуторавековой период своего развития это направление обогатило науку ценнейшими сведениями о морально-нормативной регуляции поведения членов буддийской сангхи (сообщества монашествующих и мирян) и социокультурном укладе жизнедеятельности древних монашеских орденов. Но одновременно в науке

* Островская Елена Петровна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН.

утвердилось мнение, что буддийские этические представления сводятся к практическим нравственным поучениям.

Цель моего исследования состояла в изучении буддийской этики как теоретической рефлексии о морали, зафиксированной в канонических текстах. Его источниковую основу составили фундаментальный компендиум Васубандху (IV–V вв.) «Абхидхармакошабхашья» («Энциклопедия Абхидхармы и комментарий»), комментаторское сочинение Яшомитры (VIII в.) «Спхутартха Абхидхармакошавьякхья» («Смыслопроясняющее истолкование Энциклопедии Абхидхармы») и частично лакунированное оригинальное произведение «Абхидхармасамуччая» («Компендиум Абхидхармы») Асанги (IV в.), родоначальника йогачары – школы философской мысли, относящейся к махаяне. Эти источники в своей совокупности являются богатым историко-философским информационным ресурсом, ибо все то, что ныне принято называть буддийской философией, развилось на основе постканонической абхидхармы[96] и ранней йогачары.

Основные результаты исследования. Проблемно-тематический анализ рассмотренных мною источников показал, что теоретики абхидхармы уделяли значительное внимание разработке концептуальных решений вопросов, специфичных для этического дискурса. Но вместе с тем вследствие космологического характера буддийской мыслительной традиции, сложившейся в раннесредне-

[96] Термин «абхидхарма» имеет несколько значений, концептуально взаимосвязанных представлением о мудрости как понимании вероучения Будды. В высшем смысле абхидхарма — чистая, т. е. свободная от аффективных загрязнений, мудрость просветленных религиозных подвижников. А в конвенциональном — способность понимания, т. е. когнитивный инструмент познания, а также наука обретения чистой мудрости, т. е. «высшее учение», изложенное в канонических трактатах, разъясняющих Слово Будды (Винаю и Сутру — каноническое собрание проповеднических бесед Учителя).

«Постканоническая абхидхарма» — принятое в буддологии обозначение круга экзегетических произведений (оригинальных трактатов и комментаторских сочинений), созданных в раннесредневековой Индии на этапе формирования школ философской мысли, отличных от так называемых ранних школ — древних монашеских орденов.

вековой Индии, этика не имела перспективы предметного обособления – превращения в относительно автономную область философского знания. И в «Абхидхармакошабхашье», и в «Абхидхармасамуччае», и в комментаторском сочинении Яшомитры этический дискурс выступает неотъемлемым компонентом трактовок религиозной антропологии (учения о составе человеческого существа и о человеческой деятельности), космологии и историософии, праксиологии и сотериологии.

Буддийские представления о высшем благе и смысле человеческой жизни непосредственно связаны с философским истолкованием четырех Благородных истин – вероучительных постулатов, охватывающих весь концептуально-смысловой диапазон буддизма. Согласно агиографическим жизнеописаниям Будды, к открытию Благородных истин о страдании как вселенском атрибуте всего причинно обусловленного, о причинах страдания, удерживающих индивидуальный поток сознания в безначальном круговороте рождений (сансаре), о возможности прекращения страдания благодаря устранению этих причин, о пути, ведущем к спасительной цели, основатель буддизма пришел в собственном созерцательном опыте обретения истинного знания о природе реальности. Убедившись в ложности брахманистских воззрений о существовании Атмана – субстанциального Я (души) и божественного владыки вселенной, периодически творящего и разрушающего мироздание, Будда узрел, что подлинными причинами страдания живых существ в круговороте рождений являются аффекты (санскр. клеша), загрязняющие человеческое сознание, и карма – причинно-следственная закономерность возникновения нового рождения, продуцируемая аффективно мотивированной человеческой деятельностью. Поэтому спасительный путь прекращения страдания предполагает искоренение аффектов посредством ментальных практик постижения Благородных истин и созерцательного культивирования постигнутого.

Благо освобождения (санскр. мокшабхагия) от круговорота рождений теоретики абхидхармы трактовали как высшее благо, наделяющее человеческую жизнь истинным смыслом, – ведь было бы верхом нелепости усматривать какой-либо смысл в аффективной

привязанности к сансаре, где невозможно избежать бесцельных страданий, старения и смерти. Моральное самосовершенствование в соответствии с пратимокшей – учением Будды о воздержании от безнравственных поступков (убийства, воровства, прелюбодеяния, лжи, потребления опьяняющих веществ) – рассматривалось как необходимое условие достижения высшего блага.

Вопрос о природе и источниках морали рассматривался теоретиками абхидхармы, и в частности Васубандху, в контексте буддийских историософских представлений[97]. Следует в данной связи подчеркнуть, что буддийская историософия, повествующая в форме мифологического нарратива о ключевых событиях космического цикла – великой кальпы, состоящей из 80 малых кальп, представляет собой нетеистический вариант индийских религиозно-идеологических концепций исторического круговорота. Общими типологическими чертами этих концепций выступают представления о неизбежной деградации человеческой природы вследствие накопления неблагоприятной кармы – уменьшении возрастной продолжительности жизненного цикла, физическом вырождении, умственном и нравственном упадке, об обветшании вселенной и эсхатологической катастрофе, завершающей космический цикл.

В отличие от брахманистских историософских нарративов буддийская историософия не содержит мифа о золотом веке торжества добродетелей и социального порядка, ибо согласно каноническим текстам человеческая природа изначально несвободна от аффективной привязанности к «миру желаний» (санскр. камадхату) – космической сфере своего обитания. Процессы возникновения собственности, формирования общества, зарождения царской власти и правового регулирования истолковываются в буддийской историософии как явления заведомо безрезультатного противодействия воровству и лжи, проистекающим из свойственной людям алчности и стремления избежать раскрытия совершаемых ими преступлений. Социум, как полагали буддийские мыслители, не может служить

[97] *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы III и IV. С. 286–289.

источником морали, поскольку ее сущностная природа не имеет ничего общего с сансарой.

Привнести нравственные начала в общество способна только великая личность, соприродная Будде. В качестве таковой в буддийской историософии выступает Чакравартин – харизматический вселенский правитель[98], приходящий в мир, чтобы объяснить людям онтологические различия между добром и злом и наставить их на 10 благих путей деятельности, исключающих убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь, клевету, словесные оскорбления, суесловие, стяжательство, поступки, мотивированные ненавистью или упорствованием в безнравственности.

Чакравартин имеет те же 32 признака великой личности, что и Будда, но его славное предназначение состоит в управлении миром без применения насилия. Он в отличие от Будды является не Учителем истины, а благим государем, обретающим вселенскую власть, не причиняя никому вреда, не свергая местных правителей, а по добровольному приглашению на царство, исходящему с их стороны.

Как источник морали Чакравартин выступает предтечей Будды. В данном аспекте весьма интересно замечание Васубандху, что те из людей, что последовал наставлениям Чакравартина, обрели следующее рождение среди дэвов – пребывающих в наслаждении смертных божеств мира желаний[99]. Смысл этого замечания заключается в том, что праведность, опирающаяся на нравственное наставление благого государя, приносит свой благоприятный кармический плод. Но всеобъемлющим источником морали является только Будда, проповедующий истинное вероучение и нравственную дисциплину из великого сострадания ко всем живым существам. И у людей эта проповедь пробуждает веру в реальность и достижимость высшего блага для каждого человека.

---

[98] *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы III и IV. С. 282–286.

[99] *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы III и IV. С. 285.

Проблема свободы воли. Религиозная этика немыслима без допущения свободной воли и свободного признания сотериологической цели вероучения высшим благом и смыслом жизни. В вероучительных доктринах теистических мировых религий человек предстает Божьим творением, изначально наделенным свободой воли, и поэтому отправным пунктом этического дискурса выступает вопрос о самоопределении человеческого существа по отношению к Богу и перспективе спасения души. Но в буддийском вероучении, отрицающем существование Бога и души, постановка такого вопроса абсурдна, а подход к проблеме свободы воли базируется на третьей Благородной истине, постулирующей принципиальную возможность прекращения страдания – разрыва кармической причинно-следственной закономерности, удерживающей индивидуальный поток сознания в круговороте рождений.

В трактатах постканонической абхидхармы рассмотрение данной проблемы начинается с анализа волевого побуждения (санскр. четана), возникающего у так называемого «обычного человека» (санскр. притхатджана) – индивида, аффективно привязанного к миру желаний[100]. Согласно буддийской религиозно-антропологической теории действия волевое побуждение, являясь осознанным, мысленно сформулированным намерением, определяется как ментальное действие, выступающее порождающей причиной поступка – телесного или речевого действия. В силу аффективной привязанности к миру желаний любой поступок обычного человека всегда мотивирован определенным интересом. И поэтому ему свойственна желанность деятельности, непосредственно связанной с объектом интереса как базой приложения энергии[101]. По своей сущностной природе желанность такой активности есть жажда приятного чувствования. Соответственно, и интересы обычного человека, несмотря на их содержательное разнообразие, сводятся в

[100] *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы III и IV. С. 285.

[101] Abhidharmasamucchaya of Asaṇga / Ed. by P. Pradhan. Santiniketan, 1950 (Visva-Bharati Studies, 12). P. 6.

конечном итоге к стремлению испытывать удовольствие или удовлетворенность содеянным.

Поскольку обычному человеку, стоящему вне буддийского вероучения, свойственно загрязненное аффектами неведение, он ошибочно принимает за благо все то, что соответствует его гедонистическим устремлениям либо позволяет избежать переживаний страдания или чувствования неудовлетворенности. Следуя своим желаниям, обычный человек пребывает в иллюзии свободного волевого целеполагания, ибо не ведает, что его намерения и порождаемые ими поступки не самоопределяемы, а детерминированы аффективными предрасположенностями, загрязняющими сознание, ложными воззрениями и извращенными представлениями о реальности. Наличие этой обусловленности всегда присутствует в волевом побуждении обычного человека, не имеющего истинного ценностного ориентира. А поэтому то, что представляется ему актом свободной воли, в действительности оказывается проявлением невежественного своеволия – намерения поступать по собственной прихоти, не обладая истинным пониманием следствий совершаемого поступка.

Но такая трактовка волевых побуждений обычного человека вовсе не означала, что теоретики абхидхармы стояли на позициях отрицания свободы воли. У обычного человека, как полагали буддийские мыслители, свобода воли заблокирована невежеством, загрязняющим свойственную человеческому существу психическую способность понимания (санскр. праджня). Уничтожение невежества посредством проповеди Истинного учения актуализирует свободу воли. Слова проповедника о неизбывности страдания в круговороте рождений, о реальности и достижимости нирваны позволяют сознанию обычного человека впервые эвристически соприкоснуться с высшим благом – благом освобождения. Об этом сакраментальном опыте свидетельствуют доступные внешнему наблюдению психосоматические признаки экстаза: волосы на голове и теле слу-

шателя вздымаются, а из глаз изливаются неудержимые потоки слез[102].

Начальным проявлением свободы воли становится самоопределение обычного человека по отношению к четырем Благородным истинам и «трем драгоценностям» (санскр. триратна) – Будде (просветленному учителю), Дхарме (истинному вероучению), Сангхе (символическому сообществу буддийских подвижников, ушедших в состояние высшего покоя, и живых). Акт этого самоопределения – словесно оформленное принятие трех драгоценностей в качестве спасительного духовного прибежища от страдания. Затем согласно свободному волеизъявлению новообращенный буддист (или буддистка) принимает мирские обеты воздержания от безнравственных поступков.

Критерии нравственной оценки поступка. С точки зрения регламентов Винаи любой поступок, являющийся нарушением того или иного обета, признавался аморальным. А поскольку обеты представляли собой заповеди воздержания, каждому из них соответствовали нормативные правила, соблюдение которых существенно облегчало моральный самоконтроль и укрепляло памятование о должном. Однако с позиций этики, разработанной теоретиками абхидхармы, мерилом нравственной оценки поступка выступал анализ волевого побуждения, продуцирующего телесное или словесное действие. И Васубандху, и Асанга указывали на ключевую роль волевого побуждения в формировании ценностного вектора активности сознания, так как именно волевое побуждение направляет поток сознания в область благого или неблагого. В мире желаний согласно каноническим представлениям неблагое[103] волевое побуждение обладает значительно большей силой, нежели благое. Ввиду его полной аффективной загрязненности за ним закрепилось наименование «черное». Благое волевое побуждение, будучи противоположностью неблагого, характеризовалось как «белое».

[102] *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы III и IV. С. 625.

[103] *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы III и IV. С. 562.

Вследствие недостаточной силы благое побуждение смешивается с неблагими, и это двусмысленное черно-белое намерение неизбежно порождает столь же двусмысленный в нравственном отношении поступок. Хрестоматийным примером такого «черно-белого» волевого побуждения служит намерение подать милостыню нищему, омраченное алчным помыслом об обретении богатства в грядущей жизни как кармическом плоде проявленной щедрости.

Обычный человек, стоящий вне истинного вероучения, не возделывает «корней благого» – свойственных человеческой природе ментальных явлений неалчности, невраждебности, неупорствования в заблуждении. А поэтому его поведение бывает, как подчеркивает комментатор Яшомитра, либо смешанным в нравственном отношении, либо неблагим[104], ибо человеку от рождения присущи не только «корни благого», но и «корни неблагого» – алчность, враждебность, невежество.

Детально разработанная в постканонической абхидхарме типология «10 неблагих путей деятельности» дает отчетливое представление о репертуаре поступков, расценивавшихся в буддийской этике как безнравственные или недобродетельные. Она включает убийство, воровство, прелюбодеяние, ложь, клевету, оскорбительную речь, суесловие, алчность как ненасытное стяжательство и рвачество, враждебность как деятельное проявление злобы и ненависти, невежество как наглую проповедь религиозного нигилизма (отрицание онтологических различий добра и зла, благого и неблагого, существования кармической причинно-следственной закономерности, блага освобождения и просветленных подвижников). Васубандху подробно проанализировал варианты обусловленности каждого из этих путей одним или двумя и тремя «корнями неблагого»[105].

Благие пути деятельности определялись теоретиками абхидхармы как полная противоположность неблагим. Следование этими путями становится возможным для буддиста благодаря упорному

[104] Sphuṭārthā Abhidharmakošavyākhyā by Yašomitra / Ed. by Unrai Wogihara. Tokyo: The Publishing Association of Abhidharmakošavyāknya; 1932–1936. P. 224.

[105] *Васубандху*. Энциклопедия Абхидхармы (Абхидхармакоша). Разделы III и IV. С. 574–590.

культивированию «корней благого», набирающих силу посредством практики подношения даров, дружественной благорасположенности ко всем живым существам и изучения Истинного учения. Подношение материального дара является достойным действием только в том случае, если оно мотивировано свободным намерением принести пользу одариваемому или выказать ему искреннее уважение и почитание. Адресатами дара могут выступать учители, наставники, родители, а также страждущие – люди и даже дикие животные, претерпевающие болезни, ранения, голод, климатические катаклизмы. Материальный дар может быть поднесен и сакральным объектам – буддийским святилищам и реликвариям, пластическим изображениям Будды и его прославленных учеников. Такой дар является знаком почитания, «украшающим сознание дарителя»[106].

Однако согласно этическим воззрениям теоретиков абхидхармы всецело нравственный образ жизни становится возможным для добродетельного буддиста только тогда, когда он, пребывая в монашеском статусе, полностью осваивает практику постижения Благородных истин и тем самым окончательно освобождает свое сознание от аффектов, привязывающих к миру желаний, и неведения, загрязняющего его способность понимания. Эта психическая способность обретает характер незапятнанной мудрости: он видит реальность таковой, какова она есть в действительности, и не совершает поступков, рассогласующихся с вероучением Будды.

© Островская Елена Петровна

[106] Там же. С. 617.

Попова Ольга Владимировна*

КОММОДИФИЦИРУЯ ЖИВОЕ: ОТ ПРАКТИК КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ К ДАРООБМЕНУ В РАЗВИТИИ БИОМЕДИЦИНСКОГО ЗНАНИЯ

Под феноменом коммодификации я буду понимать процесс придания различным аспектам человеческой жизни денежной стоимости, превращения их в товар и объект продажи на рынке. Современный этап научно-технического развития характеризуется экспансией капиталистических отношений в область человеческой биологии и наук о жизни. Объектом коммодификации становится человеческое тело.

Биотехнологическое расширение телесности проявляется в процессе ее «опредмечивания» в биоматериалах человеческого тела, которые наполняют хранилища биобанков, виртуализируются в информационных базах биомедицинских данных и одновременно становятся ликвидным товаром.

Среди наиболее распространенных современных тенденций коммодификации телесности можно упомянуть продажу биообразцов, патентование генов, развитие нелегальных рынков человеческих органов и тканей человека, продажу жидкостей тела – то есть те явления, которые, с одной стороны, свидетельствуют о лежащем в основании технократической биомедицины принципа де-

* Попова Ольга Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, лауреат Премии Правительства Москвы для молодых ученых (2020 г.).

ления индивида на составные части и измеримые сегменты[107], а с другой – отражают факт пересечения тенденций осуществляемого с их помощью воспроизводства жизни и производства капитала.

Процесс коммодификации остро ставит вопрос о формировании новых отношений между капиталом, биомедицинским знанием и человеческой жизнью[108]. Они характеризуются особым прагматическим использованием жизни и здоровья с характерным для него процессом формирования серых этических зон, в которых альтруистические посылы, облеченные в формулировку «как помочь науке», оказываются сопряженными с прагматической интенцией «как продать себя науке» с характерным для нее инструментальным пониманием человеческого тела.

Развитие инструментального отношения к своему телу являет собой одновременно и акт освоения (и присвоения) субъектом своей телесности, и акт «освоения» тела в различного рода социальных практиках. Особым модусом этого освоения является приписывание телу характеристик деперсонифицированного товара. Осуществившаяся в Новое время либерализация отношения к своему собственному телу как к инструменту, объекту манипуляций, собственности заложила антропологические основания современных процессов коммодификации человеческого тела и во многом предопределила современное отношение к научному знанию (в частности, в области биоматериалов) как к товару, который можно запатентовать и впоследствии продать.

Современный этап развития научного знания во многом способствует углублению противоречия между ценой и ценностью человеческого тела. Процесс коммодификации биоматериалов человеческого тела, сопровождающий практики биотехнологического конструирования, раскрывает две дополняющие друг друга встречные тенденции: во-первых, пошаговую легитимизацию и легализацию тела и его частей в качестве товаров, во-вторых, своеобразное

[107] См.: Davis-Floyd R. Birth as an American Rite of Passage. Berkeley: University of California Press, 1992.

[108] См.: Корсани А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос. 2007. № 4(61). С. 123–143.

«возвращение» человеку его отчуждаемого тела. Как только стоимость «телесных» активов достигает своего предела, ценность человека может трагически обнулиться. Эта тенденция требует установления биоэтических процедур, призванных обеспечить индивиду защиту его телесной воплощенности, реализацию его соматических прав.

Процесс коммодификации органично вписывается в общекультурный проект конструирования человека и его биотехнологического улучшения. Естественная данность человеческого тела и полученных из него биоматериалов превращается в артефакты, биологические образцы, продукты знания и технологий, в вещи, которые можно продать и распространить на рынке. Биомедицина способна интенционально превращать человеческую телесность в артефакт, конструируя из естественного – искусственное. В технологической перспективе человеческая природа становится лабильной: ее модифицируют, очищают, улучшают в различных вариациях, репрезентируя биологические субстанции и части человеческого тела – то как объект исследования, то как патент, то как высоколиквидный товар, наделяя естественное онтологической значимостью артефакта.

Процессы коммодификации затрагивают не только само человеческое тело, но и его виртуальные аналоги. Биобанки, аккумулирующие огромное количество образцов биологического материала, все еще имеют дело с частями и фрагментами человеческого тела. В то же время информационные базы данных, даже если они расположены при существующих биобанках, имеют дело не с телесностью как таковой, но с ее информационной репрезентацией. Тело, таким образом, виртуализируется. Базы данных тесно связаны между собой и образуют сеть цифровых репрезентаций человеческих тел, которые напрочь лишены качеств живого, чувствующего индивида, но тем не менее требуют его защиты в связи с возможностями злоупотребления персональными биологическими данными.

Отчетливей разглядеть конфликты, порождаемые обращением с биоматериалами человеческого происхождения в оптике осуществляющейся в контексте развития биомедицинской науки коммодификации, позволит рассмотрение сложившихся модусов отно-

шений между индивидом, биомедициной и обществом. Речь пойдет о характерных способах человеческого и институционального действия в процессе использования биоматериалов человеческого происхождения, которые условно названы мною 1) модусом противостояния индивида и науки; 2) альтруистическим модусом; 3) компенсаторным модусом. Это своего рода эпистемологические режимы, демонстрирующие процесс получения биомедицинского знания через аспекты донорства и коммодификации биоматериалов.

Первый модус характеризует этическую позицию ряда ученых и научных институтов как индифферентную к благу отдельного индивида и его соматическим правам. Здесь господствует частный интерес ученого, связанный с получением прибыли. В контексте данного модуса отношений периодически возникают скандалы, связанные с поиском источников происхождения биоматериалов. В этой связи, к примеру, можно упомянуть случай с нашумевшей выставкой немецкого анатома Гюнтера фон Хагенса, где в качестве экспонатов используются бальзамированные биополимером трупы. Сама выставка рассматривается ученым как научно-просветительское событие. В то же время она вскрывает расположенную в серой этической зоне практику международного трупного обмена в «научных» и одновременно коммерческих целях.

В рамках второго (альтруистического) модуса отношений сам индивид стремится внести вклад в науку, не возражая против использования полученных из его тела тканей, клеток, субстанций или связанной с ним биологической информации, жертвуя их во благо развития науки. В целом практика дарения, определяющая персональный модус материальной или интеллектуальной щедрости, является примером эпистемической добродетели, имплицитной контексту развития современной биомедицины. Однако теневой стороной альтруистического модуса является ложный альтруизм, когда индивида, к примеру, могут поощрять к донорству биоматериалов, не акцентируя внимание на возможных рисках этой процедуры, то есть игнорируя сложившиеся критерии ограничения дара (донорства), а также скрывая свой собственный коммерческий интерес.

Практика неполноценного дарения возникает также тогда, когда не акцентируется внимание на коммерческом интересе исследователей. Здесь дар становится продуктом, имеющим конкретную стоимость, а финансовая незаинтересованность донора используется материально заинтересованными лицами из мира науки (стремящимися запатентовать линии полученных клеток, мутации генов и т. д.). При этом сами ученые далеко не всегда готовы делиться друг с другом полученными биоматериалами и связанной с ними информацией, тормозя развитие биомедицинских исследований.

В этом контексте особенно важным становится отделение донорства как практики, не имеющей цены, от тех феноменов, которые наделены ею. В обороте биоматериалов ценность человеческого тела, обеспечивающая его неприкосновенность, обрастает ценниками: универсальный юридический запрет на торговлю органами сосуществует с воспроизводящимися черными рынками человеческой плоти, существующими до тех пор, пока имеется потребность (в том числе среди исследователей) в органах и тканях.

Такая ситуация характеризует очень важный аспект дарения, который условно можно обозначить принуждением к дару. Его формы многообразны и связаны не только с глобальной проблемой бедности, заставляя индивида нелегально продавать свое тело науке под видом донорства, но также имеют отношение к практикам принуждения к сдаче биоматериалов, где важным аспектом становится использование лингвистических манипуляций. Манипулятивное использование риторики дара позволяет скрыть факт наделения биологических объектов стоимостным эквивалентом.

Компенсаторный модус отношений между индивидом, биомедициной и обществом связан с попытками возмещения индивиду или его родственникам материального или морального ущерба за использование его биоматериалов (клеток, субстанций, органов) в биотехнологических целях.

Компенсаторный модус тесно связан с защитой гражданских прав. Его можно проиллюстрировать, обратив внимание на нашумевшее дело американской компании Myriad Genetics, которое было связано с проблемой патентования генов – характерного явления процесса коммодификации биоматериалов. Myriad Genetics облада-

ла патентами на два гена, выявление мутаций в которых указывало на повышенный риск развития рака молочной железы и рака яичника, и отказывалась обновлять свой тест, то есть игнорировала научные данные о новых мутациях, полученных другими учеными, что приводило к ошибочной диагностике. Это обстоятельство, связанное с ненадежностью научных данных, используемых компанией, стало поводом к борьбе ученых, специалистов в области медицины и пациентов за абсолютный запрет на патентование генов, рассмотрение их в качестве искусственных продуктов, выплаты компенсаций за причиненный здоровью вред. В мировоззренческом плане речь шла о возвращении природе естественного (генов).

Рассматривая различные модусы отношений между наукой, индивидом и обществом, следует обратить внимание на то, что развитию современной биомедицины присуща антагонистичность различных социальных технологий. Развившемуся тренду патентования биологических объектов противостоят выработанные технологии защиты прав индивида перед махиной коммерциализированного научного знания, которые были недоступны во времена «чистой» науки. Процесс их формирования продолжается по мере развития правового сознания и нормативного поля биоэтики.

Так, в последние годы на развитие современной биомедицины оказывают влияние тенденции, связанные с формированием высокотехнологичной экономики дарения[109], в рамках которой в научных целях осуществляется безвозмездная передача биоматериалов и генетической информации, а также развитие системы открытого доступа к знаниям. Экономика дарения развивается также в цифровой среде. Последняя позволяет осуществлять молниеносный обмен научной информацией и размещать результаты своих исследований в сети, объединяться в исследовательские коллективы, состоящие как из экспертов, так и профанов (прецедент гаражной биологии), оказывая поддержку ученым и заинтересованным гражданам. Тем самым процесс всепроникающей коммодификации в той или иной степени ограничивается набирающими силу гуманистическими

[109] См.: Рот Э. Кому что достанется – и почему. Книга о рынках, которые работают без денег. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2016. 256 с.

тенденциями, апеллирующими не к стоимости научного знания, человеческих ресурсов, телесных активов и т. д., но к их ценности.

Какие можно выделить основополагающие характеристики дарообмена в современной биомедицине применительно к донорству биоматериалов человеческого происхождения?

Здесь следует обратить внимание на то, что практика дарообмена в современной биомедицине отчасти напоминает дарообмен в традиционном обществе. Человек, принимающий дар в традиционном обществе, впоследствии осуществлял еще больший дарообмен, брал на себя обязательство ответного дара. В современной биомедицине циркуляция биоматериалов человеческого происхождения влечет за собой циркуляцию знания, его прирост, несущий благо для человеческого сообщества.

Циркуляция даров в биомедицине держится на модальности надежды. Надежды на то, что пожертвование биоматериалов и науке будет не напрасным, сможет спасти чью-то жизнь или обеспечит прирост знания в науке. При этом действует логика обоюдности. В обмен на персональные телесные дары ученые предоставляют знание, распределяемое между членами человеческого универсума, создают клеточные линии, производят вакцины и т. д. Персональный соматический дар трансформируется в универсальный коллективный подарок от лица научного разума.

В обмене дарами социальные партнеры всегда осуществляют опыт действительного признания[110].

Экстраполируя этот тезис в сферу развития биомедицины, можно утверждать, что первый аспект признания связан с пониманием человека – источника биоматериалов в качестве субъекта научных исследований, с волеизъявлением которого должен считаться ученый, используя его дары в строго оговоренных рамках. Второй аспект тесно связан с первым. Важно, чтобы полученное ученым знание было признано научным сообществом.

Однако акт признания в современной науке требует соблюдения определенных эпистемических добродетелей, следования при-

[110] См.: Рикёр П. Путь признания. Три очерка / пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 231.

нятому в научном сообществе добросовестному способу получения знания. Неправомерность его получения зачастую влечет за собой невозможность его открытости и воспроизводимости.

На практики дарения также могут накладываться социокультурные ограничения. Даже если альтруистический акт дарения в пользу биомедицины характеризует предельную заинтересованность самого индивида в ее развитии, он может противоречить принятым в обществе и самой науке нормам. Здесь мы сталкиваемся с обнулением потенциала дара.

Так, в биомедицине вводятся ограничения на желания субъекта раздарить себя полностью. Идет ли речь о плазме крови для больных коронавирусом или о женских яйцеклетках для проведения научных исследований – принимающий дар врач или ученый, как правило, может принять его только в том случае, если абсолютно уверен в сохранении здоровья того, от кого исходит дар.

Современная биомедицина сталкивается с различными апориями дарения. К примеру, в системе обмена донорство органов и биоматериалов определяется как односторонний дар, за который доноры не получают никакой компенсации. Донорство – это жест доброй воли, гуманистический акт. Однако существующая глобальная проблема торговли органами и биоматериалами, их использование для извлечения прибавочной стоимости, для генерации капитала для других сфер жизни вскрывает теневую сторону дарения, где очевидна ее прагматическая составляющая. Практика донорства оказалась тесно связана с базовой экономической категорией – конкурентоспособностью. Особый тренд современного мира – не только обнародовать показатели по ВВП, но и демонстрировать показатели по донорству, создавая беспрецедентные гонки за живым биоматериалом, развивая трансплантационный туризм. Здесь происходит метаморфоза альтруистического дара в коммерческий обмен.

Несмотря на то что дар, воплощенный в конкретных формах органного донорства, является формой солидарности, имеет смысл упомянуть о таком феномене, как тирания дара.

Например, как оценивать практику донорства после эвтаназии, легализованнуой в некоторых странах мира?

Она демонстрирует, как идея автономного распоряжения собственным телом интегрируется с идеей дара и помощи ближнему в

целях оказания медицинской помощи. Находясь под давлением моральных стандартов о необходимости жертвы (донорства), субъект может подвергать существенной трансформации свое моральное сознание, меняя собственное отношение к этической аксиоме о ценности человеческой жизни или же технологически преодолевая фундирующий медицину принцип «не навреди». Здесь один этический принцип (дарения, донорства) устанавливает диктатуру над другими, способствуя легитимизации морально сомнительной практики (эвтаназии).

В заключение хотелось бы акцентировать внимание на том, что практики дарения в науке имеют тесную связь с порядками признания. Вспомним, что обвинение нацистских врачей на Нюрнбергском процессе было связано с нарушением моральных норм, прикрытых благими целями получения научного знания (истины). Здесь стал очевидным конфликт интеллектуальных и моральных добродетелей. Человек как испытуемый в этой ситуации оказался познанным, но не признанным.

На сегодняшний день прогресс в области биомедицины невозможен без альтруистической компоненты в выстраивании отношений между отдельным индивидом и институтом науки. Участие в научных экспериментах, завещание своих органов для исследований или безвозмездное предоставление ученым биоматериалов или генетической информации характеризуют бесценный, бескорыстный дар, сопровождающий процесс накопления научного знания. Этот дар возможен лишь в особом доверительном пространстве коммуникации.

Отчуждение человеческого тела в целях науки и связанная с ним его добровольность оказываются немыслимы друг без друга. Последняя черта позволяет выявить истинные намерения получающих данные ученых и установки морального сознания субъекта, осуществляющего акт дарения. Современное научное знание – это не только факты, но и сопряженное с ними безграничное поле смыслов и ценностей. В биомедицине позитивистская трактовка знания дополняется социокультурными коннотациями, артикулирующими требование этичного обращения с субъектом в процессе получения данных. Этос добросовестной биомедицинской науки с

необходимостью определяется пронизанностью познания пафосом признания. Только в этом случае можно говорить о добровольном дарении (донорстве), а не о человеческих жертвах.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Белялетдинов Р.Р., Попова О.В., Тищенко П.Д., Шевченко С.Ю. Биоэтические вызовы технологий редактирования генома эмбрионов человека // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 70–82.
2. Попова О.В. Социокультурные основания формирования различных национальных систем органного донорства // Апории современной трансплантологии / под ред. О.Н. Резника. М.: Канон-Плюс, 2020. С. 156–216.
3. Попова О.В. Дарение как эпистемическая добродетель: казус биомедицины // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 4. С. 158–174.
4. Попова О.В. Коммодифицируя живое: нормативные проблемы коммерциализации биоматериалов в процессе развития геномики // Социодинамика. 2021. № 5. С. 35–48.
5. Попова О.В. Тело как объект экспериментирования и становление этоса биомедицины: уроки Нюрнберга // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 125-–141.
6. Попова О.В. Тело как территория технологий. От социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования. М.: Канон-Плюс, 2020. 352 с.
7. Попова О.В. Этические проблемы развития донорства после необратимой остановки сердца // Апории современной трансплантологии / под ред. О.Н. Резника. М.: Канон-Плюс, 2020. С. 112–127.
8. Попова, О. В. Человек, его цена и ценность: к проблеме коммодификации тела в научном познании // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 140-–157.
9. Попова О.В. Человек как текст и этика читателя: биополитический контекст // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Институт философии Российской академии наук. М., 2013. С. 123–146.
10. Попова О.В. Этические апории развития органного донорства // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2018. Т. 20. № 4. С. 121–133.

© Попова Ольга Владимировна

Прокофьев Андрей Вячеславович*

ФЕНОМЕН ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ (ЭТИКА ПРОФЕССИЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОРАЛИ)

Большую часть своей академической биографии я занимался анализом того, как моральные ценности и требования реализуются в общественной практике и – главное – в какой мере они могут быть в ней реализованы. Для моральной философии именно этот вопрос является ключевым. Он связан с глубоким конфликтом, который возникает в связи с несовпадением основных императивов морали и внутренней логики социальных институтов, поддерживающих упорядоченность, продуктивность и конкурентоспособность больших сообществ. Несущие социальные институты и некоторые базовые общественные практики построены на основе системы иерархизированных социальных ролей, прямо используют или имеют своим фоном принуждение, вплоть до массового применения силы, построены на монополизации оценки и т. д. Здесь присутствует силовая вертикаль. А мораль исходит из равенства всех людей, опирается на свободный выбор и самообязывание, формирует подозрительное отношение к любым формам применения силы, базируется на горизонтальных оценках каждого каждым.

Этот конфликт часто рассматривался в качестве непреодолимого. В философской мысли последних 150 лет выстраивается линия

* Прокофьев Андрей Вячеславович – доктор философских наук, доцент, врио заместителя директора, ведущий научный сотрудник сектора этики Института философии РАН.

от Л.Н. Толстого и А. Швейцера до Э. Левинаса и З. Баумана. Сначала 2000-х гг., опираясь на философскую классику и современные образцы политической и социальной этики, я пытаюсь показать, что противоречие все же преодолимо, и создать такую модель морали, в которой та была бы трансформирована в соответствии с условиями общественной жизни, но не потеряла бы себя в качестве морали. Для обозначения этой относительно самостоятельной нормативной и регулятивной системы я пользуюсь термином «общественная мораль», что соответствует складывающемуся в российской этике словоупотреблению и отчасти способствовало его формированию[111].

Первое направление трансформации морали в соответствии с условиями общественной жизни касается степени формализованности требований. В той мере, в какой мораль является проявлением индивидуальной творческой свободы, пространством свободного выбора поступков и образа жизни, она сопротивляется формализации своего ценностно-нормативного содержания в виде единообразных развернутых кодексов, выходящих за пределы очень небольшого количества основополагающих запретов (таких как «не убивай!» или «не лги!»). Эти запреты лишь дополняют возвышенный идеал практического совершенства («живи для другого», «возлюби ближнего» и т. д.). Любой развернутый моральный кодекс резко ограничивает возможности проявления индивидуализированной нравственной мудрости и снижает ответственность человека за выбор правильного жизненного пути. Однако в условиях массового организованного сосуществования людей элементы кодификации морали оказываются необходимы, поскольку они облегчают эффективную кооперацию и способствуют уменьшению морально неприемлемого вреда.

[111] См.: *Прокофьев А.В.* Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Серия «Монографии». Вып. 6. Великий Новгород, 2006; *Прокофьев А.В.* Концептуализация понятия «общественная мораль»: некоторые проблемы и трудности // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 51–61.

Второе направление трансформации касается способа вменения нравственных требований. В сфере морали, в отличие от права, реализация требований обеспечивается на основе самообязывания индивидов. Так как мораль требует от человека совершенствовать не только поведение, но и характер (собственную личность), то институциональное принуждение не может быть ни единственным, ни основным средством достижения ее целей. Однако вне институционального принуждения она оказывается попросту бессильной. Если самообязывание не подкрепляется иными способами обеспечения нравственного отношения к другому человеку, то обязанность сохранять такое отношение ложится на каждого из нас бесконечно тяжелым бременем. Быть нравственным, находясь среди людей, которых не ограничивает ни голос совести, ни окрик закона, под силу только святому. Кроме того, на фоне, заданном эффективной работой правовых институтов и внесиловым понуждением со стороны различного рода локальных сообществ, самообязывание членов общества протекает легче, приобретает массовый характер. Таким образом, для общественной морали ключевым вопросом оказывается вопрос обеспечения баланса между моральным качеством и эффективностью общественных институтов.

Третьим направлением трансформации является выработка специфических нормативных принципов, которые определяют моральную приемлемость (предпочтительность) социальных институтов и отдельных общественно значимых решений. Первую группу таких критериев представляют собой методики, восходящие к утилитаристской социальной этике (к примеру, методика определения коллективных (общественных) выгод и затрат, активно используемая в современной законодательной и административной практике). Однако эти методики не могут претендовать на положение единственного критерия моральной оценки социальных институтов и общественно значимых решений. Самыми существенными их недостатками являются отсутствие чувствительности к невосполнимым потерям и пренебрежение интересами меньшинства. Отсюда следует, что расчет коллективных (общественных) выгод и затрат должен быть дополнен системой индивидуальных прав, выступающих в

качестве жестких внешних ограничений как для стремления реализовать частные потребности и интересы, так и для стремления увеличить суммарное благосостояние общества. Однако существуют случаи, в которых жесткость ограничений, связанных с правами, теряет свою моральную оправданность. Таковы ситуации, в которых нарушение прав является единственным способом для предотвращения катастрофического для общества сценария. Удостоверенная возможность спасти большое количество человеческих жизней является достаточным основанием для нарушения права тех людей, которые не покушались на право другого, или нарушения тех прав, которые вне катастрофической перспективы сохраняются даже за самым злостным и опасным нарушителем. В современной нормативной этике такая позиция называется «пороговой деонтологией» (для самого по себе критерия вынужденного нарушения прав используется обозначение «логика меньшего зла»).

Четвертое направление трансформации связано с тем, что в общественной практике присутствуют морально оправданные виды деятельности, требующие от своих представителей систематически нарушать нравственные запреты без обязательного осознания того, что они действуют в рамках логики исключений из правил («логики меньшего зла»). Моральное обоснование подобного положения опирается на следующее рассуждение: если какой-то общественный институт или род деятельности эффективно исполняет свою роль в обеспечении общественного блага, то необходимые для его функционирования нарушения нравственных запретов, будучи введены в ограниченные, строго определенные рамки, приобретают характер морально оправданных действий. Подобное раздробление, или партикуляризацию, моральной нормативности закрепляют соответствующие специализированные кодексы поведения.

И наконец, пятое направление трансформации касается характерного для индивидуальной морали принципа возложения ответственности, звучащего следующим образом: «нельзя быть ответственным за те последствия поступка, наступление которых нельзя было предвидеть и предотвратить». Однако в области принятия общественно значимых решений, в особенности в сфере политики,

проявляет себя так называемый эффект «грязных рук». Он возникает в тех случаях, когда политик совершает выбор в пользу «меньшего зла» (см. выше). Политик знает о негативных последствиях своего решения, вполне может их предотвратить, но не делает этого, поскольку альтернатива еще менее приемлема с точки зрения морали. То обстоятельство, что «зло», которое стало следствием принятого решения, является «меньшим», не снимает с политика моральной ответственности. Уместной реакцией на наступление негативных последствий решения является «остаточное» переживание вины. Нарушает правило предвидения и контроля и другая особенность общественной морали: воплощение моральных ценностей посредством общественных институтов делает неизбежным строго ограниченные проявления коллективной ответственности[112].

Для подтверждения выводов о природе и ценностно-нормативном содержании общественной морали мною были проведены частные исследования, которые касались того, как общественная мораль работает в разных социальных контекстах и на какие нормативные концепты при этом опирается. Главный из них – понятие справедливости. Уточнению его содержания и истории использования была посвящена большая обобщающая книга[113].

В своем сегодняшнем выступлении я хотел бы сосредоточиться на той сфере общественной жизни, по отношению к которой аргументы, снимающие конфликт морали и общества, почти излишни, поскольку здесь моральные ценности и социальная практи-

[112] Подробнее об отдельных свойствах общественной морали см.: *Прокофьев А.В.* Долженствование и возможность // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 69–83; *Прокофьев А.В.* О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 73–85; *Прокофьев А.В.* Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль: ежегодник. Вып. 9. М., 2009. С. 122–145; *Prokof'ev A.V.* Kant, Deception, the Use of Force // Russian Studies in Philosophy. 2010. Volume 48. Number 3. P. 66–81; *Прокофьев А.В.* Принцип согласия и применение силы // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 35–44.

[113] *Прокофьев А.В.* Воздавать каждому должное… Введение в теорию справедливости. М., 2013.

ка соединяются наименее противоречивым образом. Не без трудностей, связанных в основном с первым и четвертым направлениями трансформации морали в социальной среде, но и без острого трагизма. Я имею в виду область профессионального труда, причем в узком или специальном смысле слова «профессиональный». Важная для функционирования современного общества система отношений в данном случае не просто подкрепляется моральными убеждениями и ценностями, но во многом организована вокруг них. Профессиональная этика как нормативное явление задает некоторые критерии, по которым мы определяем степень профессиональности врача, инженера или юриста. А профессиональная этика как особая исследовательская дисциплина интегрирована в процесс развития моральной регуляции труда. Я подчеркиваю, конечно, что имею в виду идеальный образ профессионализма, и в дальнейшем скажу кое-что о проблеме соотношения этого образа с реальностью.

Есть и другая причина, почему я сегодня хотел бы говорить именно о профессиональной этике. Она персональная. В моем опыте именно в этой области ориентированные на практику исследования напрямую смыкались с самой практикой. Я никогда не выступал консультантом в сфере распределительной справедливости, устройства пенитенциарных институтов или алгоритмов отклика общества на чрезвычайные ситуации. Анализ этих нормативных проблем и какие-то выводы, которые можно рассматривать как рекомендации, оставались частью академического дискурса. Но зато мне доводилось быть членом и даже руководителем групп, работавших над кодексами профессиональной этики, консультантом конкретных профессиональных ассоциаций, я постоянно преподаю профессиональную этику, правда, представителям ограниченного круга специальностей.

Мне представляется, что профессиональную этику следует отграничивать от этики бизнеса, этики организаций и этики добросовестного труда и что для понимания ее специфики лучше всего использовать то представление о профессии и профессионализме, которое сложилось в традиции, ведущей от Т. Парсонса и У. Гуда к Э. Фрайдсону. В этой идеально-типической модели профессиона-

лизм рассматривается как особая форма организации труда, отличающаяся двумя ключевыми особенностями: 1) опорой трудовой деятельности на специальную теорию, обслуживающую именно эту деятельность; 2) умением специалиста творчески применять эту теорию к уникальным случаям. Отсюда вытекает неалгоритмизируемый, требующий высокой степени независимости, или автономии, характер труда. А это, в свою очередь, создает ситуацию, в которой клиент профессионала оказывается очень уязвим для злоупотреблений. Уязвимость клиента невозможно устранить на основе рыночных механизмов, но это невозможно и на основе менеджериального или государственно-бюрократического контроля. Отсюда следует, что выгоды и преимущества, которые дает профессиональный труд обществу, можно сохранить только на основе моральной саморегуляции специалиста. Профессионал оказывается достойным доверия своих клиентов и общества лишь в том случае, если у него имеются устойчивые убеждения, касающиеся индивидуального призвания и профессионального долга, и если он высоко ценит свою репутацию.

Формирование индивидуальных убеждений, поддержание института репутации, а также горизонтальный контроль качества труда осуществляют профессиональные сообщества, которые имеют доступ к системе профессионального образования. Эти же сообщества декларируют свои моральные ценности и создают этические кодексы профессий. Эффективно осуществлять все эти функции сообщества могут лишь в том случае, если они, как и отдельные профессионалы, будут автономны. Содержательно профессиональная этика в одной своей части подчеркивает значение каких-то ценностей и требований общечеловеческой морали, а с другой – вводит специфические требования, которые не распространяются на всех. Они могут увеличивать область обязательных или недопустимых поступков, а могут и сужать (скажем, интерпретация требования «не лги!» в этике юриста-представителя является сужением, а не расширением пространства обязательного).

Такова, на мой взгляд, лучшая теоретическая рамка для работы над кодексами профессиональной этики и для формирования ее инфраструктуры. Именно этот подход, учитывающий все три эле-

мента: профессиональное призвание, профессиональная репутация, профессиональное сообщество, препятствует подмене профессиональной этики этикой простой трудовой добросовестности. Такая подмена часто встречается и в российских, и западных исследованиях.

Однако нужно помнить, что перед нами идеальная модель. В реальности профессиональные сообщества могут быть пронизаны групповым эгоизмом, ретроградными, замкнутыми, пытающимися монополизировать рынок труда. Их представители, за редкими исключениями, погружены в мир иерархически устроенных, бюрократизированных организаций, внутри которых представления о профессиональном долге и институт репутации могут или ослабевать, или же использоваться для эксплуатации работников. Сами идеалы профессионализма размываются в связи с некоторыми особенностями современного общества (этот феномен неплохо изучен социологами). Реалистический учет всех этих обстоятельств необходим как в этической теории, так и в консультационной и преподавательской практике. Но я уверен, что позитивный потенциал классического профессионализма далеко еще не исчерпан, что и попытался показать в ряде работ[114].

Кроме этой реалистической оговорки, я хотел бы подчеркнуть, что, работая в сфере профессиональной этики, необходимо учитывать динамичность профессиональных этосов и причины такой динамики. Они могут быть внешними и внутренними по отношению к самим профессиональным сообществам. Скажем, для академической этики ключевым выражением автономии профессионала является академическая свобода в ее неполитических выражениях. Преподаватель университета как эксперт в своей дисциплине должен обладать значительной независимостью при подборе образовательного содержания курсов. Однако сегодня мы сталкиваемся с процессом цифровизации университета, с появлением массовых онлайн-курсов, и это пространство независимости сужается или

[114] См., напр: *Прокофьев А.В.* Автономия профессионала и автономия профессии // Ведомости прикладной этики. 2017. Вып. 50. С. 9–29.

трансформируется по объективным причинам. Над курсами работают команды специалистов, часть которых не имеет отношения к преподаваемой дисциплине, одни и те же курсы используются в разных университетах и т. д. В итоге меняются этические требования к преподавателю. Если бы этический кодекс МГУ имени М.В. Ломоносова, в разработке проекта которого я участвовал более 10 лет назад, готовился сегодня, то, конечно, там появились бы новые статьи[115].

Но импульс может идти и от самого сообщества. Именно такой характер имели изменения, касающиеся проблемы лжи в этике юриста, происходившие в англо-американском юридическом сообществе. Я имею в виду двухсотлетнее обсуждение проблемы «страстного рвения» при защите интересов клиента (warm zeal) и его влияние на кодексы этой профессии. И именно в те моменты, когда профессиональный этос переживает трансформацию, увеличивается роль философов, занимающихся профессиональной этикой. Именно они, включаясь во внутренний дискурс сообщества, помогают ему точнее определить социальное назначение профессии и сохранить связь профессиональных норм с общеморальными императивами и нормативным содержанием общественной морали.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Прокофьев А.В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов. Серия «Монографии». Вып. 6. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. 284 с.
2. Прокофьев А.В. Концептуализация понятия «общественная мораль»: некоторые проблемы и трудности // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 51–61.
3. Прокофьев А.В. Долженствование и возможность // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 69–83.
4. Прокофьев А.В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 73–85.

[115] См.: *Прокофьев А.В.* Этика профессора в цифровом университете // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 31–53.

5. Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль: ежегодник. Вып. 9. М.: ИФ РАН, 2009. С. 122–145.
6. Prokof'ev A.V. Kant, Deception, the Use of Force // Russian Studies in Philosophy. 2010. Volume 48. Number 3. P. 66–81.
7. Прокофьев А.В. Принцип согласия и применение силы // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 35–44.
8. Прокофьев А.В. Воздавать каждому должное… Введение в теорию справедливости. М.: Альфа–М, 2013. 512 с.
9. Прокофьев А.В. Автономия профессионала и автономия профессии // Ведомости прикладной этики. 2017. Вып. 50. С. 9–29.
10. Прокофьев А.В. Этика профессора в цифровом университете // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 31–53

© Прокофьев Андрей Вячеславович

Пружинин Борис Исаевич*

ТРИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯ МОЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ РАБОТЫ

Мои философские интересы и мои задачи как научного руководителя сектора философии естественных наук связаны, прежде всего, с тематикой философии и методологии современной науки. В центре моего внимания – проблемы внутринаучной коммуникации, возникающие в рамках междисциплинарных исследовательских проектов (программы мегасайенс), в связи с их коллективным (основанном на коллаборации) характером. Именно живое *общение,* ориентированное присутствующими в речи историческими и культурными установками (а не формальная коммуникация), обеспечивает полноценное взаимопонимание сотрудничающих ученых и открывает перспективы новых исследовательских областей.

В качестве главного редактора журнала «Вопросы философии» я концептуально и практически занимаюсь проблематикой, связанной с совершенствованием современного русского философского языка, открывающего возможность для *общения* ученых различных специальностей и направлений, и шире – для интеллектуального сообщества России и мира.

Кроме того, в сферу моих научных интересов входит история русской философии, и прежде всего становление и развитие рус-

* Пружинин Борис Исаевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН; главный редактор журнала «Вопросы философии»; профессор НИУ ВШЭ; почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан.

ского философского языка как инструмента интеллектуального *общения* в отечественной культуре. С 2012 года я работаю в качестве главного редактора над изданием книжной серии «Философия России первой половины XX века». На сегодня в рамках серии вышло 35 томов, посвященных анализу и, подчеркну, актуализации идей русских философов того периода, а также ряд коллективных монографических изданий.

1. Эпистемология и философия естественных и социально-гуманитарных наук – сфера моих личных научных интересов. Я автор 315 научных работ (включая 15 монографий, две из них индивидуальные), большая часть которых так или иначе связана с философско-методологической проблематикой современной науки.

Для адекватного понимания эпистемологических особенностей современного научного познания чрезвычайно важно иметь в виду, что наука ныне является важнейшей социально-экономической составляющей практической жизни общества, а в плане организационной структуры современное научное сообщество фактически представляет собой социальную институцию. Соответственно, заметную роль в научно-познавательной деятельности играют сегодня философско-методологические установки, ориентирующие ученых на получение непосредственно прикладных, социально значимых результатов. Однако в центре моего внимания – эпистемологически значимые когнитивные и мировоззренческие факторы, способствующие сохранению и развитию философско-методологических установок, направляющих научное познание прежде всего на фундаментальные исследования, не зависящие напрямую от их практического приложения. С этой целью я занимаюсь разработкой философско-методологической проблематики культурно-исторической эпистемологии, ориентирующей ученых, как в области социально-гуманитарных наук, так и в области наук естественных, на культурную роль и историческую преемственность научного познания.

Культурно-историческая эпистемология акцентирует методологическую функцию стандартов научности не только как критери-

ев оценки корректности полученного знания, но прежде всего как инструментов достижения новых экспериментальных результатов. Эта функция стандартов научности приобретает особую актуальность в контексте проблем современной продвинутой науки – междисциплинарных поисковых программ мегасайенс. В частности, в этом ракурсе рассматриваются мной философско-методологические проблемы новых форм коммуникации (*общения*) в науке, новых вариантов соотношения фундаментальных и прикладных исследований, новых типологий наук, проблемы воспроизводимости знания, соотношения фундаментальных и прикладных исследований, выполнения экспертных функций науки и др.

В случае фундаментальной науки перспективы и ход исследований определяются главным образом задачей расширения, дополнения знания, достижения новых открытий. И соответственно, методологическую значимость приобретают прежде всего особенности именно такого рода расширения знания. Так что центральной типологической характеристикой фундаментальной науки предстает методологическая оценка ее преемственного вклада в рост знания, а не просто построение некоторых внутренне непротиворечивых объяснительных схем, структурирующих локальные опытные данные. Очевидно, такая трактовка фундаментальной науки существенно отличается и от того понимания естественнонаучного познания, которое господствовало в рамках дихотомии естественных и социально-гуманитарных наук, и от локальных методологических установок прикладных исследований.

Приведу поясняющий пример: требование воспроизводимости научного знания (принципиальная его характеристика как деятельности по самой своей сути коллективной) предстает в контексте культурно-исторической эпистемологии не просто как формальный стандарт научности, но прежде всего как инструмент расширения сферы познанного. Здесь процедуры воспроизведения также связаны с вариациями условий и техники их выполнения, но, как правило, в центре внимания оказываются как раз отклонения, возникающие в ходе репликации полученных данных. Особенно демонстративно такого рода ориентация методологического обращения к вос-

производимости обнаруживается в ходе экспериментов, выполняемых в рамках таких междисциплинарных программ, как эксперименты на Большом адронном коллайдере. Методологическое осмысление воспроизводимости такого рода экспериментов акцентирует именно отклонения, возникающие в ходе их осуществления, ибо принципиальная установка фундаментальной науки на расширение знания привлекает внимание к неучтенным свойствам исследуемого объекта, а стало быть, открывает перспективы получения нового знания. Таким образом, реальное повторение эксперимента (репликация) может рассматриваться не только как подтверждение концептуально предположенной верности его результатов, но и как инструмент расширения сферы знания. И в этом качестве воспроизводимость как методологическая норма научного познания используется все чаще, причем также и в рамках социально-гуманитарных исследований, где проблема воспроизводимости знания всегда стояла традиционно остро.

Этой тематикой я занимаюсь и ныне. И она сегодня представляется мне весьма актуальной. Я вернулся в 2019 году в Институт философии в качестве главного научного сотрудника и был назначен научным руководителем созданного к этому времени сектора философии естественных наук. Сектор объединил специалистов, занимавшихся философскими проблемами современной физики и биологии. При этом стало ясно, что философско-методологические запросы современной науки требуют обновления тематики научной рациональности. И это, в свою очередь, предполагает расширение контактов (*общения*) с учеными, работающими и в социально-гуманитарных, и в естественных науках. Сектор ведет в этом направлении интенсивную работу в рамках семинара, где выступают отечественные и зарубежные ученые.

2. Повествуя о развертывании своих эпистемологических взглядов, я несколько отступил от тематики, над которой я одновременно работал последние 30 лет в журнале «Вопросы философии». С 2009 года я в качестве главного редактора этого журнала последовательно реализую его важнейшую задачу – разработку современного русского философского языка. Журнал затрагивает ши-

рокую философскую тематику, представлен в отечественных и зарубежных базах данных (Scopus, Web of Science и др.), но ориентирован на отечественного читателя. И в этом плане ведет постоянную языковую работу с авторами по всей стране и на пространстве СНГ.

Фактически журнал является площадкой, где *общаются* философы и ученые самых разных специальностей и направлений, политологи и физики, литературоведы, юристы, биологи и специалисты в области искусственного интеллекта, лингвисты, математики, педагоги... И работа над русским философским языком, позволяющим им *общаться* и *понимать* друг друга, входит в сферу моих философско-методологических интересов.

До недавних пор в социальной сети Facebook существовала группа при журнале «Вопросы философии». К профессиональному содержанию журнала подписчики этой весьма разнородной группы прямого отношения не имели, но содержанием журнала интересовались. К моменту закрытия этой соцсети их было 11 тысяч.

3. В связи с работой в журнале в сферу моих научных интересов и занятий попадала еще одна область философских исследований – русская философия как особый интеллектуальный и культурный феномен, в поле внимания которого изначально присутствовала проблематика *общения* (*соборности*).

Когда в 1989 году я начал работать в журнале «Вопросы философии», там, в рамках серии «Из истории отечественной философской мысли», впервые в стране началось издание трудов прежде запретных русских философов. При этом казалось, что вот сейчас мы Струве издадим, вот сейчас мы Бердяева издадим, и нам всё станет ясно – они нам объяснят, как философия сегодня, в эпоху крутых социально-экономических изменений должна выполнять свои общественные интеллектуальные функции. Однако постепенно приходило понимание того, что существует исторический разрыв между философскими размышлениями эпохи начала прошлого века и современными запросами, осознавался разрыв общения, возникало ощущение «несоотносимости» их идей с новой реальностью. Философы первой половины XX века отвечали на вопросы,

которые им ставила их реальность, а мы сталкивались со своей. И мы все острее осознавали аисторическую абстрактность нашего прочтения их текстов. Переиздание без анализа и актуализации оказалось не возрождением, а буквальной репликацией. Возникало понимание необходимости серьезной, основанной на истории комментаторской работы, вводящей труды философов начала XX века в современные проблемные контексты.

И, как мы поняли позднее, сама работа историков русской философии является хотя и обязательным, но лишь одним из условий актуализации идей. Другое условие (для многих до сих пор, к сожалению, не очевидное) выявилось в процессе издания томов о философах, которые работали в советское время (о настоящих философах, а не о работниках «идеологического фронта»). Именно это издание и восстановило (восстановило отчасти, в какой-то степени, естественно) исторический пробел, отделявший нас от русских философов начала XX века. Эту работу выполнил В.А. Лекторский, издавший 22 тома о философах советского периода.

В 2012 году работу по изданию томов серии о философах России первой половины XX века начал я и в качестве главного редактора продолжаю ее до сего дня. И в ходе этой работы проступала одна чрезвычайно актуальная, а на мой взгляд, центральная для современной русской философии тема – тема целостности отечественной философии как феномена русской культуры. Замечу сразу: говоря о русской философии и философах, я имею в виду творчество тех мыслителей, которые размышляли о философских проблемах на русском языке и благодаря этому были укоренены в русской культуре. Их судьбы складывались очень по-разному, они могли жить в России и не в России, они могли писать свои работы на русском и не на русском языке, они могли интересоваться и исследовать самые разные философские сюжеты, они могли разрабатывать самые различные тенденции, религиозные или научные. Но родной язык пронизывал их размышления и определял их идейные горизонты.

Конечно же, отнюдь не только через язык они впитывали в себя отечественную культуру во всей ее полноте, но именно через

родной язык они реализовывали ее потенциал в своих поисках и *общении*. И именно это обстоятельство образует «тематическое единство» русской философии. Русских философов, весьма различных по своим идейным предпочтениям, привлекают близкие, созвучные, перекликающиеся сюжеты. Что, например, общего у Густава Шпета и о. Павла Флоренского? Подготовленные тома показывают: это семиотика, которая, кстати, через Якобсона попала на Запад, а затем во многом благодаря Лотману вернулась в Россию. Аналогичные тематические связи можно проследить в ряде других областей, в том числе и в весьма неожиданных на первый взгляд для русской философии – в эпистемологии, например. А в основе их интеллектуального созвучия лежит, как показывает опять же опыт работы над серией, интерес русских философов к теме *общения, к разговору как форме общения и стилю философствования…*

Сегодня мы очень часто слышим о новой «русской идее», что, мол, философы ее должны нам немедленно сформулировать. Но я полагаю, что эта идея не является продуктом заказа, она результат усиленной работы, которая идет ежедневно в учебных аудиториях, за письменными столами, в архивах, на круглых столах, конференциях и иных обсуждениях. Я, по возможности, принимаю в них участие.

Недавно Редсовет серии (соруководители Редсовета А.А. Гусейнов и П.Г. Щедровицкий) принял решение расширить временные рамки серии.

© Пружинин Борис Исаевич

Рубан Лариса Семеновна*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ТРИАДА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕВИАЦИИ (ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ И ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ)

Социальная философия, анализируя общество, использует достижения всех общественных наук. Исходя из этого, в докладе показано философское обоснование теоретических положений и подтверждение их социологическими методами.

Философия вырабатывает у социальных индивидов не только умение работы с понятиями, но и способность генерировать новые идеи, формирует мировоззрение, определяющее жизненные позиции человека, его убеждения, ценности, цели, мораль, и мотивирует принятие решений и совершение поступков в процессе социальной деятельности. Через самопознание и миропонимание идёт формирование социально ответственной активной личности.

Отмечая активную природу социальных индивидов, академик В.С. Стёпин указывал: «Человек… – это активное, деятельное существо,

* Рубан Лариса Семеновна – доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

и только благодаря его активности воспроизводится и изменяется общество как целостный организм. Причём деятельность характеризуется направленностью на преобразование объектов. Человек целенаправленно изменяет окружающий мир»[116].

Сопоставление философских концепций позволяет показать их культурную составляющую, и тут надо отметить неразрывную связь между культурой и философией, обосновывающей ценности и раскрывающей их смысл. Причём «задачей культуры является формирование человека как активного субъекта общественных отношений и культурной среды жизнедеятельности»[117]. Этот процесс определяется целями, основанными на убеждениях, идеалах и ценностях, что автор раскрыл в монографиях «Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах» (1998), «Формирование гражданского сознания молодёжи в полиэтничных регионах (2020) и ряде научных статей.

В первой части доклада «рассматривается протекание процесса социокультурной эволюции в современном российском обществе, складывание идентичности индивидов, их целеполагания, жизненного идеала и принципов социального взаимодействия с учётом изменяющейся реальности»[118]. Более подробно этот вопрос рассмотрен автором в процессе изучения социокультурной эволюции в контексте эволюции ценностных критериев и норм, которое проводилось на основе социологических методов с использованием системного анализа и социокультурного подхода. **Целью** исследования является выработка чёткой социокультурной ориентации,

[116]. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: Классика гуманитарной мысли. 2011. С. 37.

[117] Рубан Л.С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах. М.: ВНИИ МВД, 1998. С. 56.

[118] Рубан Л.С. Кто мы такие и как нам не потерять себя в современном мире? (Проблемы социокультурной эволюции современного российского общества) // Вопросы политологии. Т. 12. № 3 (79). С. 655.

разграничение ценностных критериев, норм, оценок и фиксация их эволюции.

При изучении процесса социокультурной эволюции мы рассматривали в сопоставлении развитие философии патриотизма и национализма через анализ идентичности социальных индивидов, которая складывается в обществе и «влияет на него через индивидуальные и групповые действия. Общество воздействует на идентичность индивида через разделяемые и утвердившиеся в нём понятия, ценности, язык»[119]. Идентичность выражается в отношении индивидов друг к другу и обществу, проявляется через язык, культуру, социальную коммуникацию. Не случайно М.М. Ковалевский, анализируя национальность, указывал, что для неё характерно чувство взаимного тяготения, а как «общую черту отмечал осознание взаимной зависимости и общности исторического прошлого, языка, других культурных особенностей»[120].

В ходе лонгитюдных опросов в 12 регионах РФ молодёжь отвечала, что «для них быть представителем своей национальности означает (1-я группа – до 65%): любить и гордиться своей национальностью и своей страной; её историей и народом; всем лучшим, что есть на Родине, сохранять свои национальные признаки. 2-я группа делала акцент на межэтническую толерантность»[121]. 3-я группа (24%) связывала свою этническую идентичность с семейными ценностями (родной дом, мать, семья), «назывались конкретные нациеконсолидирующие признаки: жить на Родине, по обычаям своего народа, быть патриотом; отношение к родному языку как к нациеобразующему фактору, основе культуры и нации. И только 8-

[119] Мамедов А.К., Якушина О.И. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // Вестник МГУ. Серия 18 «Социология и политология». 2015. № 1. С. 28, 21.

[120] Ковалевский М.М. Национальный вопрос // Новый Вавилон. 1994. № 1. С. 37.

[121] Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах. М.: Academia, 2020. С. 60-–61.

.

я группа ответила, что национальность для них не имеет значения, им всё равно, и они даже не задумывались об этом»[122].

Уточним, что вся система формирования и развития массового сознания и самосознания и его функционирование в сфере межгрупповых и межэтнических отношений, а также отношений индивидов с обществом является элементом идеологии. Причём в общественном сознании существует ряд понятий сакрального характера, такие как «патриотизм», «Родина», которые считаются священными. Как отмечал русский философ И.А. Ильин, «патриотизм будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле что-то священное, а подвиг – это сложный нравственный выбор и жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть»[123].

В статьях автора «Гражданское формирование школьной молодежи в полиэтничных регионах и роль педагогов в этом процессе» (2018), «От конфликта к толерантности. Трудный путь к консенсусу» (2006) и обобщающей монографии «Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах» (2020) указывается, что «через характеристику понятий: Родина, патриотизм, быть патриотом, интернационализм, национализм, в ходе наших исследований определялся уровень гражданского сознания молодёжи. До начала 90-х гг. XX в. традиционным считалось, что формирование понятия Родина у учащихся от младших классов к старшим идёт от малой Родины (место, где родился и живёшь, родной дом) к высшему этапу → страна, государство. Но опросы, проведённые нами в Астрахани и Астраханской обл. в 1990–1991 гг. и 1995–1998 гг., показали, что 75–80% учащихся многонациональных школ определяли Родину как малую Родину, но в 2000-х гг. стала складываться новая тенденция, показывающая осознание Родины как сильной страны, защищающей своих граждан, и

[122] Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах. М.: Academia, 2020. С. 64–65.

[123] Ильин И.А. Наши задачи. Волгоград: Комитет по печати, 1997. С. 11.

уже в 2001–2007 гг. при опросах 44% определяли Родину как страну, защищающую своих граждан и 34% – как малую Родину»[124].

При сопоставлении понятий «национализм» и «патриотизм» следует учитывать, что в западной традиции даётся позитивная трактовка национализма – как разновидности патриотизма, с учётом, что это, прежде всего, политический принцип. В России традиционно национализм характеризовался негативно. В.С. Соловьев трактовал национализм как дело совершенно «безнравственное, некоторая популярность которого заключается в смешении его с патриотизмом», а «патриотизм» характеризовал как «любовь к Родине, привязанность к культуре, его глубокое нравственное значение в сознании своих обязанностей по отношению к Отечеству и верное их исполнение, что образует добродетель патриотизма»[125]. В работах Н.А. Бердяева, так же как у В.С. Соловьёва, указывается на губительность национализма для самой нации. Наиболее чётко и образно высказался по этому поводу академик Д.С. Лихачёв, указав, что патриот любит свой народ, а националист ненавидит все другие.

В наших лонгитюдных опросах до 1991 г. и в 1991 г. понятие «быть патриотом» большинством респондентов раскрывалось как «совершение неординарного поступка в экстремальной ситуации», т. е. «подвиг во имя Родины» (до 70%), но постепенно нарастали установки на продолжительное повседневное действие, и сейчас молодёжь делает ставку не только на собственную карьеру, а также на практическую патриотическую деятельность на благо Родины, отстаивание интересов своей страны, помощь своему народу (2001 г. – 9–12%, 2005 г. – 15%, 2015 г. – 15%)[126]. Такая позиция означает для молодых людей быть патриотом. О Родине они говорят как о самом дорогом, за что можно отдать жизнь (10–18%). Быть патриотом означает для них: любить Родину, быть верным, служить ей и

[124] Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах. М.: Academia, 2020. С. 66–68.

[125] Соловьёв В.С. Национализм и Патриотизм // Новый Вавилон. 1994. № 1. С. 33, 36.

[126] Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах. М.: Academia, 2020. С. 72–74.

защищать. Таким образом, в обществе происходит постепенный переход к укреплению этики ответственности и утверждению в реальной жизни её положений о должном в поведении и действии социальных индивидов.

Следует отметить, что постепенно шло нарастание положительных оценок национализма. К 2016 г. до 60% респондентов определяли его как «проявление очень сильной любви к Родине, своей истории, культуре, а до 52% – как единственную основу объединения нации, для предотвращения её раскола»127. В менталитете нации под «влиянием особенностей национального бытия у представителей разных наций складываются представления о добре и зле, норме и отклонении, эстетические предпочтения. Формирование патриотического сознания индивида включает осознание своего отношения к Отечеству, своему народу, усвоение определённой шкалы ценностей и установок, становление ценностных ориентаций, развитие патриотизма на основе национальной гордости, исторической памяти, национальных обычаев, традиций и нравов»[128].

В монографии «Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах» (2020) автор подчёркивал, что «отношения к представителям других национальностей складываются на основе повседневного опыта, национальных стереотипов, системы воспитания. Целью этого воздействия в зависимости от государственной политики может быть формирование культуры межнационального общения или межнациональной розни и ненависти. Формирование политической культуры включает оценку политической ситуации в стране и мире, отношение к системе политической власти и её институтам, складывание системы взглядов, симпатий и антипатий, убеждений и подготовку к реали-

[127] Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах. М.: Academia, 2020. С. 109–110.

[128] Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах. М.: Academia, 2020. С. 40–41.

зации их в гражданской деятельности»[129]. Обобщая всё это, мы можем констатировать, что за постсоветский период произошли социокультурные и идеологические изменения в сознании населения, переоценка ряда политических и социокультурных ценностей.

Во второй части доклада представлена авторская концепция: «Триада политической девиации, которая включает криминализацию политического режима – криминализацию массового сознания – и криминализацию конфликта»[130], автор раскрыл её в монографиях «Чеченский узел кавказского кризиса» (1996) и «Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах» (1998) на конкретном примере чеченского кризиса. В настоящее время мы можем констатировать совпадение этой ситуации с событиями на Украине, где в феврале 2022 г. российской стороной была предпринята специальная операция.

Говоря о криминализации политического режима, следует отметить, что проявление национализма на Украине имело место ещё в советский период. Показателен в этом плане исход в 1960–1970-е гг. из Киева ведущих философов-евреев и русских, вытеснение из вузов студентов и преподавателей неукраинской национальности. В постсоветский период началось активное отступление от соблюдения правовых норм на Украине. К примеру, высшие посты занимали П. Порошенко, Ю. Тимошенко, В. Янукович, ранее подвергавшиеся уголовному наказанию. Размышляя о компетенции в госуправлении В. Зеленского, следует отметить, что у него нет опыта госслужбы, культуры управления страной и осознания последствий своей деятельности. А как должно осуществляться социальное действие? Сначала вырабатываются суждения, формируются умозаключения, затем они проверяются социальной практикой. При отсутствии компетенции предпринимаются непродуманные действия без чёткой стратегии и постановки тактических задач. Это

[129] Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах. М.: Academia, 2020. С. 106.

[130] Рубан Л.С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах. М.: ВНИИ МВД, 1998. С. 104, 170.

приводит к мысли, что у Зеленского нарушена адекватность восприятия и оценки своих действий. Его позиция близка взглядам поэта и философа-прагматика Ф. Шиллера, утверждавшего, что истина и реальность для каждого есть то, что ему кажется, а в жизни нужно руководствоваться «бездумным действием, без размышлений, которые только мешает действию»[131].

Сопоставляя события на Кавказе и Украине, заметим, что, придя к власти, Дудаев сформировал национальную гвардию из уголовников СИЗО в Грозном. На Украине в период майданной революции 2014 г. использовались криминальные методы, а в феврале 2022 г. указом В. Зеленского из тюрем были освобождены преступники, которых вооружили, также происходила массовая милитаризация населения, которому бесконтрольно выдавалось оружие. Придя к власти в 2014 г., руководство Украины стало внедрять националистическую идеологию, основанную на антирусскости, и проводило в соответствии с ней политическую деятельность. И здесь необходимо акцентировать внимание на философском аспекте проблемы, ведь философия способствует формированию не только мировоззрения каждого отдельного человека, но и общественного сознания, создавая обобщенную систему взглядов на мир и указывая место в нём социальных индивидов, а этическая функция философии касается поведения людей и отношений, складывающихся в обществе.

Криминализация массового сознания во многом была обусловлена переходом Украины на позиции агрессивного национализма и дискриминации неукраинского населения и оппозиционных сил. Президент Зеленский закрыл все русские школы на Украине, осуществив лингвистический поворот, когда язык оказался в центре политики и стал маркером этнического разграничения для дискриминации русского населения Украины. И здесь следует остановиться на социальной значимости языка, его роли в процессе передачи мыслей и суждений в форме речи, через которую они становятся

[131] Schiller F. Studies in Humanism. L., 1907. P. 317.

действительностью, только будучи облеченными в языковую оболочку[132]. Соответствие же суждений реальности определяется через личный опыт и социальную практику.

Основываясь на анализе национального менталитета, сделанного А.В. Юревичем в статье «Базовые компоненты национального менталитета» (2013), раскрывающей его компоненты: «коллективную память; социальные представления, отношения и установки, обусловливающие их; коллективные эмоции, чувства и настроения; идеалы, ценности; национальный характер; язык; духовную культуру; социальное восприятие; поведенческие образцы и нормы; идентичность»[133], а также эмоционально окрашенные социальные представления; исторически сложившиеся групповые долговременные умонастроения, единство установок, автор хотел бы подчеркнуть их выражение в социальном действии через утверждение в обществе допустимых и поощряемых форм поведения.

Остановимся на исторической памяти и сложившемся групповом умонастроении с учётом не только патриотических героических действий украинцев в годы Великой Отечественной войны, но и того факта, что украинские националисты поддержали фашистов и принимали участие в уничтожении евреев (Бабий Яр и др.), славян на Украине, в Белоруссии и Польше (Хатынь, Волынь), создали Украинскую повстанческую армию, воевавшую на стороне гитлеровской Германии, а после окончания Второй мировой войны – бандеровские отряды на Западной Украине. Это тоже историческая память, и потомки националистов на Украине помнят эти события и вдохновляются нацистской идеологией.

В XXI в. на Украине на государственном уровне производилась мифологизация истории, переписывались учебники, менялся процесс образования и воспитания молодёжи. В детских и юношеских военизированных лагерях велась не только физическая подготовка с милитаристским уклоном, но и идеологическая обработка

[132] Таванец П.В. Вопросы теории суждения. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. С. 15.

[133] Юревич А.В. Базовые компоненты национального менталитета // Вестник РАН. 2013. № 12. С. 1083—1090.

молодёжи в агрессивном националистическом духе и шло разжигание межэтнической розни и ненависти. На основе агрессивной националистической идеологии и поощрения её на правительственном уровне произошёл переход значительной части населения на позиции нацизма, героями стали Бандера и Шухевич, уничтожались памятники павшим воинам Великой Отечественной войны, запретили празднование Дня Победы и его атрибутику, звучат призывы к убийству русских, сформировались националистические идеалы и ценности.

Проводится воздействие на сознание украинцев, граждан западных стран, поддержку которых хотели бы получить на Украине, и на россиян с целью их разобщения и запугивания. Происходит демонизация и дегуманизация образа России и русских, которые выставляются как неполноценная по сравнению с украинцами нация, жестокие убийцы, что оправдывает бесчеловечное к ним отношение. Идёт распространение когнитивной агрессии через СМИ и социальные сети с целью манипулирования сознанием и изменения самосознания населения, его мировоззрения, ценностей и приоритетов[134].

Среди украинского населения активно распространяется схожая с нацистской теория об исключительности украинской нации, её превосходстве над другими, в первую очередь русскими. С другой – на Украине долго крепло стремление приобщиться к «европейской мечте», желание интеграции в ЕС, чтобы получить свободу перемещения по Евросоюзу, приобщения к европейскому уровню жизни. Этим во многом объясняется массовый поток (3,5–5 млн) украинских беженцев в Европу и их агрессивное поведение после того, когда они понимают, что их ожидания беспроблемной благополучной жизни на Западе не оправдываются.

[134] Латышев С. Битва за мозг. Третья мировая будет не атомной, а когнитивной. URL: https://tsargrad.tv/ articles/bitva-za-mozg-tretja-mirovaja-budet-ne-atomnoj-a-kognitivnoj_433395 [Дата обращения 17.04.2022].

Итак, криминализация массового сознания населения на Украине осуществляется в соответствии с агрессивной националистической теорией и внедрением её в жизнь через тотальный идеологический контроль за СМИ, превращением их в инструмент нагнетания националистической истерии. Этот процесс идёт при активном внешнем влиянии (в первую очередь США). Уместно привести высказывание Э. Дюркгейма, что «во время кризиса, спада деловой активности и инфляции жизненный опыт человека перестаёт соответствовать идеалам, воплощённым в социальных нормах, что дезориентирует социальных индивидов и способствует росту девиантного поведения»[135], и отметим формирование вынужденной массовой девиации на Украине, ведь социальные факторы могут способствовать адаптации субъекта в асоциальном направлении и стать причиной совершения преступлений. Поэтому понадобились специальные лагеря на Украине для подготовки военных под руководством иностранных советников, в также военизированные молодёжные лагеря не только для милитаристской подготовки, но и идеологической обработки в духе нацистской идеологии и ненависти к не украинцам.

Следует отметить, что режим П. Порошенко развязал террор против несогласного с ним населения в Донбассе. Националистические военные формирования («Азов», «Айдар», «Торнадо» и др.) были введены в состав государственных воинских формирований Украины, тем самым была проведена легитимация террора против собственного народа. Таким образом, подрываются традиционные моральные устои, привнося в общественную жизнь Украины культ насилия и полнейшее неуважение к другим народам, элементы вседозволенности и моральную распущенность. Криминализация конфликта стала апофеозом триады политической девиации. Украинские войска ведут обстрел домов и социальной инфраструктуры своих же граждан, применяя в т. ч. и запрещённые кассетные и фосфорные боеприпасы, прикрываются мирным населением, как

[135] Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 25–26.

«живым щитом», занимаются мародёрством и бандитизмом, препятствуют выходу гражданских лиц по гуманитарным коридорам.

В настоящий момент главной в научном и социально-политическом контенте становится проблема гуманизма, задача произвести поворот в массовом сознании населения в сторону осознания и утверждения абсолютной ценности человека, его жизни, требования глубокой нравственности социальной деятельности, сплачивающей людей. Главной в научном и социально-политическом контексте становится проблема гуманизма в противовес массовой общественной радикализации Запада, поэтому встаёт задача произвести поворот в массовом сознании в сторону осознания и утверждения абсолютной ценности человека, его жизни, требования глубокой нравственности социальной деятельности, направленности её на сплочение людей.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что мировоззренческой формой сознания является ответ человечества на вызов времени, а жизнь в устойчивом мире – это крупнейшая потребность человека, неразрывно связанная с первой жизненной потребностью – обеспечением безопасности, поэтому в научном плане назрела потребность дальнейшего развития философии устойчивого развития. Необходимо противодействие гуманитарной интервенции, которая применяется ЕС и США для оправдания интересов Запада по утверждению в мире собственных ценностей.

Ранее основой стратегии устойчивого развития обозначалось равновесие окружающей среды, экономики и населения. В настоящий момент устойчивость общества в глобальном масштабе обусловливается необходимостью обеспечения безопасности всех социальных субъектов и групп, государств и т. д. Стремление к утверждению США своего мирового господства на основе философии гегемонизма кардинально нарушает устойчивость общества в глобальном масштабе и может привести к краху мировой цивилизации. И здесь закономерно выстраивается проблема рационального принятия решений, так как устойчивое развитие общества возможно только при сбалансированности отношений как внутри общества,

так и в мире в целом. Столкновение интересов ведущих мировых держав обусловило неспособность мирового сообщества достигнуть эту сбалансированность в глобальном масштабе и поставило человечество на грань Третьей мировой войны и реальной угрозы самому существованию людей.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Рубан Л.С. Формирование гражданского сознания школьной молодёжи в полиэтничных регионах. М.: Academia, 2020. 240 с.
2. Рубан Л.С. Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах. М.: ВНИИ МВД, 1998. 250 с.
3. Рубан Л.С. Чеченский узел кавказского кризиса. М.: ВИА, 1996. 227 с.
4. Рубан Л.С. Гражданское формирование школьной молодежи в полиэтничных регионах и роль педагогов в этом процессе (по материалам социологических исследований в Астрахани и Астраханской области, Барнауле, Грозном, Иванове, Краснодаре, Майкопе, Махачкале, Москве, Нальчике, Назрани, Пскове и Ставрополе) // Этнодиалоги. 2018. № 1 (55). С. 79–112.
5. Рубан Л.С. Кто мы такие и как нам не потерять себя в современном мире? (Проблемы социокультурной эволюции современного российского общества) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 3 (79). С. 655–663.
6. Рубан Л.С. Россия и россияне: имидж в глазах Запада в истории и современности // 2021. Т. 20. № 3 (140). С. 200–207.
7. Ryazantsev S.V., Ruban L.S. Geopolitical Transformation and new Trends of Russian Foreign Policy in the Conditions of Globalization // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 2021. № 2 (390). С. 235–244.

© Рубан Лариса Семеновна

Рыскельдиева Лора Турарбековна*

О РЕАЛЬНОСТИ СМЫСЛА

Фундаментальная для наших дней проблема сознания была поставлена в Новое время, в эпоху формирования основ современного индивидуализма: что такое cogito? кто такой мыслящий Я? – вопросы, доставшиеся нам от философии этой эпохи. Наше время трансформировало их, спрашивая о том, что такое сознание и какую «добавку» к ИИ нужно сделать, чтобы получить сознательно мыслящую машину, придать ей субъектность. Для получения ответа необходимо, чтобы субъект сознания, способный мыслить весь мир, все возможные предметности, смог помыслить и самого себя. Как может сознание быть предметом мышления и как сознанию познать самого себя? Очевидно, что речь идет о философском познании и деятельности философа. А в чем суть этой деятельности?

Со времен Гегеля историю философии принято рассматривать в качестве истории учений, воззрений и школ, истории отвлеченных идей, как если бы они были способны самостоятельно существовать в культурном пространстве и времени. Результатом такого рассмотрения становятся схемы и периодизации школ, направлений и исторических эпох в разных контекстах. Откуда берутся эти схемы, каковы основания для периодизации или классификации – отдельный вопрос, но известно, например, что Франц Брентано увидел свою схему под воздействием высокой температуры во время тяжелой ангины.

* Рыскельдиева Лора Турарбековна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

Однако реальное бытие того, что мы считаем историей философии, – бытие текстовое, и именно в тексте можно видеть исследовательскую эмпирию и признать, что рефлексия не способна её редуцировать к иному предмету. Внетекстовая и бесписьменная философия нам не известна, о Сократе мы знаем из Платона, словосочетание «философский фольклор» лишено смысла, а неграмотный философ становится пророком. Другими словами, текст можно считать рабочим местом философа, и только с текстами имеет дело историк философии на практике. Что же делает текст философским, в чем его специфика?

Я предлагаю выделять ее, используя понятие текстовой полноты. Полным философским текстом будет такой текст, в котором присутствуют три части или слоя: текст теоретической философии, направленный на познание того, что есть, – сущего; текст практической философии, интендированный идеей должного, и метафизическая компонента, соответствующая фундаментальному для философской рефлексии опыту целостности, вбирающей в себя мир, язык и культуру. Этот опыт является гарантом того, что мир – мой, он же обеспечивает презумпцию его понятности, осмысленности. Ключевое слово здесь – смысл, именно оно выражает специфику философского текста, именно с ним связана работа историка философии, ориентированного на исследования текстовой эмпирии. Что же такое смысл?

Метафизика смысла

С одной стороны, попадание смысла в область философской рефлексии – одно из главных следствий того, что называют «поворотом к языку» в XX веке, но, с другой стороны, сам поворот осуществился вместе с постановкой вопроса о смысле. С чего это началось? Отмечу «Идеи…» Э. Гуссерля и его указание на смысл как на «ядро ноэмы», сделанное на пути исследования чистой предметности, а также различение «смысла» (*sinn*) и «значения» (*bedeutung*), введенного Г. Фреге в целях логического анализа языка. Однако феноменология, давшая импульс развитию философской герменевтики, и логический анализ, во многом породивший семиотику, ис-

ходят из принципиально разных установок. Для Фреге логическое движение от смысла (мысли) к значению (предмету) есть движение как бы «вперед», и оно указывает направление логического анализа: объекты предметного мира есть цель познания. Смысл производен от соответствия мира и мысли, предмет – условие истины: «Именно стремление к истине и заставляет нас двигаться вперед, от смысла предложения к его значению», – пишет Фреге[136]. Для Гуссерля же путь к смыслу – от «сущностной дескрипции сознания к сущностной дескрипции сознаваемого»[137] – есть путь как бы «назад», в глубочайшее «ядро ноэмы». То есть анализ мира значений стал предметом интереса со стороны аналитической философии, а мир смысла и механизм смыслопорождения – со стороны герменевтической. Между ними существенная разница. Определяющим для отнесения исследователя к тому или другому направлению стало решение проблемы различия между смыслом и значением, основные ходы в ее решении – от смысла к значению и обратно в зависимости от языка, так как разные языки имеют разную степень «чуткости» к проблеме смысла. Исследуя пару понятий значение/смысл в европейских языках, следует учесть путаницу, произошедшую при переводе основных работ по этой теме (прежде всего, «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна) с немецкого на английский. По мнению авторов известного «Европейского словаря философий…», средневековое различие между «обозначать» и «называть», к которому восходит пара значение/смысл, за термином *sens* в дальнейшем закрепило «значение», но в дальнейшем английский перевод «Логико-философского трактата», сделанный Ч. Огденом, связал *Bedeutung* с *meaning*, притом что Б. Рассел называл *meaning* смыслом предложения и денотатом сложного знака. Когда же в 30–40-х гг. по известным причинам произошел массовый переход философии языка с немецкого на английский, тогда «философский

[136] Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы / Пер. с нем. В.А. Куренного. М.: ДИК, 1997. С. 23.

[137] Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: ДИК, 1999. § 128.

язык наложил на понятие *meaning* печать всех измерений и всех споров по поводу понятий смысла и значения…»[138].

Особая ясность сути различия между значением и смыслом хорошо видна нам в русском языке: «значение» явственно связано со знаками и способно указать на их коммуникативную и конвенциональную природу, «смысл» же для нас ближе к пониманию предмета и существа дела, он глубже и требует усилий по своему обнаружению. Кроме того, говоря о смысле по-русски, мы способны задавать на один вопрос больше. Во-первых, спрашиваем о знаках и значениях (*meaning*) – «что это значит?», во-вторых, спрашиваем, в каком контексте они значат (*sens*), – «что ты имеешь в виду?». Но еще и в-третьих, собственно, о смысле: «в чем смысл?» На первый вопрос лучше ответит анализ и аналитическая установка, на второй отвечает интерпретация и герменевтический подход, а третий вопрос указывает на какой-то специфический «смысл». Его специфика – то, что «с мыслью», то, что определяется деятельностью сознания как осознания, способностью мгновенно соотнести все со всем, единичное с целым. Это именно такое целое, которое больше суммы своих частей, несводимо к ней и осознается именно на основе метафизического опыта. Такой смысл нельзя проанализировать или редуцировать к значениям, однако и опыт осмысления не является опытом художественным, несмотря на возможность метафоры в философском тексте. И вот что интересно: точного перевода этого слова *смысл* и именно в этом контексте в европейских языках нет. *Smysl* – таким будет для них этот термин в качестве непереводимости.

Откуда вообще различие между значением и смыслом? Оно неизбежно, если мы осознаём различие между языком и мышлением и видим, что значение и смысл – начала разных рефлексивных рядов. Можно ли их рассматривать по отдельности? Нет, если мы понимаем, почему говорим о «повороте к языку». Можно ли их объединить? Разумеется, нет, если мы понимаем, что это не части

[138] Европейский словарь философий: Лексикон непереводимостей / Под общей ред. Б. Кассен. Т. 1. Киев: Дух і Літера, 2015. С. 239.

целого. Значит, рефлексия мышления и языка начинается с осознания их различия в неразделенности как целостности, ясно данной нам в значениях нашего языка и в понятности, осмысленности его выражений. Однако в русском языке, кроме стандартных «что это значит?» и «что ты имеешь в виду?», есть еще один вопрос: *«в чем смысл?»,* и этот вопрос следует признать более серьезным, чем предыдущие, именно в ответе на него я должен быть способен к осмыслению. Как оно происходит?

Деонтология смысла

Как реагировать на популярный нынче тезис о том, что «философия есть порождение новых смыслов»? Как можно порождать смыслы? Можно ли научиться творчеству смыслов так же, как сейчас учат, например, писать «хороший текст» или статью? Какая лексика адекватна для выражения смысла?

«*Смысл есть*» – это словосочетание нельзя считать ответом, оно, скорее, является продолжением вопросов, а вопрос «в чем смысл?» трансформирует проблему смысла в задачу, к ней уже можно поставить вполне конкретный вопрос: если смысл есть, то в чем он? Дополнение в родительном падеже еще более конкретизирует задачу и понуждает к конкретному ответу. Ответ и указание на это «в чем» делают из смысла понятие, открывают его семиотическому анализу и тем самым редуцируют к значениям – именно это происходит с понятием смысла в аналитических процедурах. «*Смысла нет*», или утверждение бессмыслицы, продолжает теоретическое рассмотрение проблемы и поиск ответа на наши ожидания того, что мир должен нам предъявить смысл, что он должен появиться в мире. Утверждение абсурда как отсутствия смысла, тезис о том, что «смысла нет», – обратная сторона наивного утверждения «смысл есть», естественное следствие смыслового редукционизма, а «поминки по смыслу» – заметное явление современной интеллектуальной культуры.

«*Смысл может быть*»: философия возможного и семантика возможных миров не дают смыслу принципиально иного бытия, а мыслимый возможным, он всегда – следующий момент по отношению к действительности, результат протенциального сдвига в вос-

приятии, постоянного забегания вперед и заглядывания в будущее, в котором «смысл есть». Надо сказать, что мышление в модусе возможного приобретает оттенок столь актуального сейчас предвидения или, как его называют, «визионерской компетенции», но как это влияет на реальность и осмысленность моего мира в настоящем, сказать нельзя. Если же вести речь о «*необходимости смысла*», то это, скорее, выражение потребности, когда смысл мне/миру необходим, я не могу без него обойтись и потребность в соединении смысла и мира неустранима. При этом ничего принципиально не меняется, так как необходимость как категория задает мышление о должном по образцу мышления о сущем. А вот утверждение «*смысл должен быть*» задает иную топологию смысла, при которой он размещается не в сущем, а в пограничной зоне – между сущим и должным.

Смысл маргинален, он никогда не наличный, проблему смысла нельзя решить, превратив в задачу его обнаружения, философия смысла – это философия не теоретическая. Однако осмысление как онтологическая процедура не есть привнесение смысла в мир: как только мы осознаем эту привнесенность, признаемся себе в том, что он не объективен, в то же мгновение мы его уничтожаем, то есть привнесенный смысл теряется, как только акт привнесения рефлексируется. Это означает, что смысл как условие мирового целого, как то, что осмысливает бытие, такой **смысл должен быть** и должен быть объективным. Смысл здесь имеет аподиктическую модальность и, как выражался М.К. Мамардашвили, «амплифицирует» мир, как бы увеличивая его до целостности – той целостности, которая всегда больше целого в качестве суммы его частей. Но за эту амплификацию всегда отвечаю я, долг и ответственность за объективность смысла лежат на мне, на моем осмысляющем мышлении. Это значит, что теоретический вопрос «что есть смысл?» следует преобразовать в практический вопрос «что я должен делать, чтобы смысл был?».

Этим вопросом обозначается особый момент рефлексии, в котором требуется остановка или, как выражался И. Кант, «привал» (*ein Ruheplatz*) для разума, на этом месте он может «избрать даль-

нейший свой путь с большей уверенностью…»[139]. Если остановить концептуальный или лингвистический анализ и осуществить осмысление как постижение целого, тогда эта остановка будет моментом синтеза. Результатом синтеза будет целостность мира-языка-культуры, которая и определяет исходные интуиции анализирующего субъекта. Такая целостность, как в философии В. Соловьева, указывает и истоки, и цели моего мышления, я осознаю, о чем мыслю, у моих размышлений есть начало и задано направление – у них есть смысл. Эта целостность фундирует мой анализ и указывает на его пределы: выясняется, что это *мои* мир, язык и культура, за них я несу ответственность. А это, в свою очередь, означает, что есть *другие* языки и культуры, в которых смысл осознается иначе, то есть существуют другие философии. Этот тезис – эффективное средство от европоцентризма, который не дает возможности выйти за рамки эссенциального, субстанциального, алфавитного мышления и не формирует необходимые навыки осмысленного философского диалога с Другим.

Телеология смысла

Осмысленный философский диалог – диалог о смысле – можно считать целью текстовой деятельности в философии. Эта цель двуслойна. Внешний слой определяется форматом текста: статья, доклад, трактат, лекция и проч. Здесь – начиная с Платона и его критики письма – кроется постоянный источник аберрации смысла, а усилия по его адаптации к формату определяются профессиональными качествами мыслителя. Внутренний слой цели, в свою очередь, двух видов: это либо исследование, поиск (*re-search*) знания, охота за истиной, либо сократический диалог, живая беседа «о главном», проходящая в публичном пространстве. Метафора охоты здесь не случайна и вызвана, вероятно, каким-то культурным клише или традицией, нашедшей яркое выражение именно в британской

[139] Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Сочинения на немецком и русском языках: в 4 т. Т. 2. Ч. 1 / под ред. Б. Тушлинга, Н.В. Мотрошиловой. М.: Наука, 2006. С. 961.

эмпирической философии, её употребляют и Локк, и Юм, и Бентам. Она вполне применима к философскому исследованию во многих трактатах Нового времени и хорошо понятна в аналитической интеллектуальной культуре, склонной «отдавать» смысл знакам и предметам, искать простые объекты и редуцировать смысл к значениям. Диалог же признан в качестве основной модели интерпретации в философской герменевтике, которая начинает с целого, высоко ценит метафору и равнодушна к требованию ясности процедуры наделения значениями. Современная европейская философская мысль как бы балансирует между аналитикой и герменевтикой, при этом аналитика настаивает на научности методологии философского познания, а герменевтика склонна сближать опыт философской рефлексии с искусством. Какая из них ближе к смыслу? Ни та ни другая по отдельности. Однако владение приемами анализа и интерпретации – аналитической методологией и герменевтическим подходом – обязательно для профессиональной работы с философскими текстами. Другими словами, историко-философское исследование как осмысление философского текста имеет деонтологические параметры: если исследователь ответственен за смысл, то его сохранение – долг, применение и аналитических, и герменевтических приемов – обязанность.

Однако, несмотря на существенную разницу, аналитика и герменевтика представляют собой разные версии одного – европейского – способа осуществления рефлексии смысла, использующего одну и ту же сетку различий: объяснение и понимание, аналитика и герменевтика, субъект и объект, система и элемент, материя и сознание, человек и общество, гражданин и государство и т. д. Эту сетку в контексте метафоры охоты можно понимать как средство для ловли – своеобразные силки, инструмент для добывания дичи. В буддийской философии это называется *vikalpa*, в европейской ее принято называть понятийно-категориальным аппаратом философских исследований. Вариантов отношений между членами оппозиций, строго говоря, только два, самостоятельность членов этих отношений относительна, а глубина различий между ними иллюзорна. Особенно хорошо эта иллюзорность видна на примере особой пары

различий: *Ego* и *Alter Ego*, что по-русски более точно называется Я и Другой. Иллюзорность глубины различий в парах хорошо представлено парой *Ego* и *Alter Ego*: Другой в ней сведен ко мне, он есть Я, только с другой стороны, он есть, скорее, угол зрения, модуляция моего взгляда. Суть диалога с таким Другим не ясна. Аналитическая философия глуха и закрыта по отношению к Другому, отрицает возможность эмпатии и вполне принимает солипсизм. В герменевтической философии хорошо виден эгоизм, так как вычленение моих предрассудков имеет целью мое самопознание, точнее, понимание себя. Где же тогда топос современного диалога и как сейчас возможна беседа «о главном»?

Смысл как предмет философии сознания

Если в философии XXI в., в условиях активной коммуникации реальным предметом осмысленного диалога должна стать *другая философия*, то философ-исследователь может быть специалистом именно по этой – другой философии. И если уж видеть в философии диалог, то именно диалог с другой философией: вести беседу философ может только с другим философом или с тем, кто в рамках этой беседы им становится. И другого здесь следует понимать не как коррелят Я, не как *Alter Ego*, а так, как мы понимаем по-русски, – как *реально другого Другого*. Иными словами, требуется отклонение от главной дороги европейской философии – поворот к другой философской культуре. Осуществить его нам нетрудно, так как трудолюбивые и любопытные люди эту дорогу давно проторили, облегчив нам продвижение.

Я имею в виду философское востоковедение, переживающее сейчас в России небывалый расцвет. К настоящему моменту накоплен огромный текстовый материал, результат переводческой деятельности в области индологии, буддологии, синологии и арабистики, включающей в себя и уникальные в мировом масштабе проекты – в этой сфере нам есть чем гордиться. Данный материал мы можем рассматривать именно как материал для философских исследований. И достижение цели таких исследований будет гарантировано именно смыслом, его особого рода *реальностью*, открытой сред-

ствами русского языка и способной гарантировать реальность инаковости Другого. В такого рода исследованиях я вижу две существенные импликации.

Во-первых, смысл как особая реальность/вещность попадает в тематическое поле европейской метафилософии, сам факт появления которой, на мой взгляд, свидетельствует о глубине кризиса, когда философия вынуждена рассуждать о самой себе и исследовать саму себя, а не «существо дела» (Гадамер). Исследование, размышление, рефлексия смысла, презумптивно признаваемого в качестве деонтологической реальности, смысла, ответственность за который в качестве профессиональной обязанности лежит на субъекте рефлексии, если она ведется «всерьез», – такое исследование неизбежно приведет к истокам мышления и понудит начать его «с самого начала». Только в этом случае оно получит толчок «от самих вещей» (Гуссерль) и станет ясно, куда приводит, по сути, метафилософское исследование философских текстов, которое, пусть и поиному, исходя из интенции обнаружить специфическую философскую предметность, но все же интересуется тем, «что такое философия». Выходя на размышления о никогда не наличном смысле, сознание как субъект рефлексии теряет предметность и становится способным мыслить самого себя. Перестав со времени Канта претендовать на статус субстанции и став мыслящим *cogito*, Я-сознание европейского субъекта превратилось в неустранимую, но неуловимую «добавку» к каждому акту мысли, в незаметность того, что любой из них – мой. Но в смыслополагании – деонтологической деятельности сознания – мы как раз обнаруживаем единство полагания и полагаемого, то есть осознание презумптивности смысла выводит сознание на самого себя. Мышление смысла в его неустойчивости, противоречивости и маргинальности есть краткий пусть само-осознания, а осмысление – особая деятельность самого сознания. Такое сознание – не бытие, а всегда «амплифицирующая» деятельностная добавка к миру, который в результате становится осмысленным.

Во-вторых, исследование инокультурного бытия смысла и обнаружение иных способов образования мира значений – длинный

путь сознания к самому себе – выводит поиск смысла в прикладной аспект проблематики философии сознания. Феноменологический подход к сознанию через его акты плодотворен, но опосредован, длинен (даже громоздок!) и требует дополнительных процедур для его своеобразной седиментации. Аналитическая философия сознания тонет в парадоксах, поисках аргументов и попадает в зависимость от прикладных разработок. При этом метафизическая, по существу, проблема сознания не получает решения в качестве проблемы, а на вопрос «что есть сознание?» наука не дает позитивного ответа. Однако проблема сознания при этом не исчезает, но становится неиссякаемым источником научно-исследовательской креативности, в частности, будучи переосмысленной как серия позитивных задач в области моделирования интеллектуальной деятельности. Поиск адекватных ей алгоритмов и создание ИИ в настоящее время успешно осуществляются на материале анализа мышления одного – европейского – типа. Но анализ иных сеток различий, иных разметок реальности, иных способов осмысления открывает перспективу исследования всех существующих способов работы сознания. Открывает ли это возможности обнаружения иных алгоритмов? Возможны ли иные связи значений? Как мыслить в иной логике? Возможен ли иной (недвоичный?) код программирования? Ответов на эти вопросы я не знаю, но понимаю, что они имеют непосредственное отношение к когнитивистике. При этом очевидно, что поиск ответов на них имеет не только интеллектуально-технологический, но и гуманитарный аспекты: происходит развитие «не-искусственного интеллекта», проникновение в основы своей и знакомство с бытием чужой культуры. Плодотворность и нужность этих процессов сомнения не вызывают.

Итак, возвращаясь к поставленной в начале доклада проблеме сознания:

1. Контекст современной культуры меняет её онтологическую и эпистемологическую – декартовскую – постановку и смещает фокус рефлексии с форм мышления на его содержание. Антиметафизическая установка современности не сработала, и на помощь само-

осознанию пришел язык, позволивший увидеть в сознании деятельность осмысления.

2. Смысл есть неустранимая добавка к любому мышлению о мире, даже если оно утверждает его бессмысленность. Реальность смысла утверждается в процессе постоянной соотнесенности каждого акта мышления с целостностью, данной в интуиции понятности языка.

3. Понятность моего языка для меня гарантирует такую же понятность его языка для Другого, что ставит фундаментальную установку европейского индивидуализма под серьезное сомнение.

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ АВТОРА:

1. Рыскельдиева Л.Т. Искусство делать добро, или О смысле философских заимствований // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 47–58.
2. Рыскельдиева Л.Т. О деонтологии, долженствовании и эстетизме // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 1. С. 147–160.
3. Рыскельдиева Л.Т. Антиципация смысла, или О цели философского текста // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 116–127.
4. Рыскельдиева Л.Т. О деонтологии и лексике смысла // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 76–85.
5. Рыскельдиева Л.Т. О грамматике и метафизике смысла // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 70–80.
6. Рыскельдиева Л.Т. Текстовая культура как объект историко-философских исследований // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 1. С. 136–153.
7. Рыскельдиева Л.Т. О философской текстологии или Чему должна учить история философии // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 106–115.

© Рыскельдиева Лора Турарбековна

Тихонов Михаил Юрьевич*

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ

Деятельность школы в последние десятилетия составляет предмет многочисленных публичных и специальных дискуссий: введение стандартов образования и измерительных механизмов (ЕГЭ), воспитание или его «ненужность», «услуга» или «общественное благо», «онлайн»- и «офлайн»-обучение, цифровизация. Школа и общество как будто «ищут себя» и формы взаимодействия в современных условиях.

Если на время отложить технологические вопросы, видно, что истоки многих споров следует искать в дискуссиях о судьбах российского образования начала XX века и в последующих событиях. Русская школа воспитывала молодых граждан в святоотеческих традициях и в собственных педагогических устоях. Среди обсуждавшихся в Европе истоков нравственности (из религиозного начала; из врожденного нравственного начала; из чистого опыта) приоритет отдавался религиозному началу. Православие, русская религиозная философия составляла прочный базис для отечественной педагогики, смыслов школьной жизни и формирования мировоззрения школьников, поэтому основная полемика велась по поводу безконфликтного соединения веры, ведения и власти.

Выступая в Московском университете с речью «Неотложные задачи современной мысли»[140] в январе 1917 г., Л.М. Лопатин (1855–1920) говорил: «Источник мировоззрения находится не в достижениях естествознания, а в самосознании человека, в осмыслении им своей творческой самобытности».

---

* Тихонов Михаил Юрьевич – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА.

[140] См.: Лопатин Л.М. Неотложные задачи современной мысли // Вопросы философии и психологии. М., 1917. Кн. 136. С. 3–79.

Такой вывод следовал из необходимости трансцендентных допущений в определении реальности, сверхчувственного и сверхопытного толкования чувственных ощущений, духовного взгляда на окружающий мир.

Отечественная школа, имевшая в качестве бесспорного приоритета воспитание детей на основе доверительных отношений между участниками образовательного процесса и необходимого принуждения, сохраняла жизненные ценности и была адекватно включена в интеллектуальное пространство государства[141]. Это единство – исходная точка нашего исследования.

Во время революционных событий 1917 г. информационное, а затем и физическое пространство империи было расколото, а общественная и интеллектуальная жизнь страны разделена на два несмешивающихся потока. Один – внутри новой Советской России, где была принудительно отменена вся прежняя философия и педагогика, и второй – за ее пределами. С этого времени уместно вести речь о двух ветвях русской и советской общественной мысли и их взаимодействии, взаимовлиянии друг на друга.

Зарубежная ветвь русской философии образования и педагогической науки представлена трудами В.В. Зеньковского (1881–1962), С.Л. Франка (1877–1950), Н.А. Бердяева (1874–1948), И.А. Ильина (1883–1954), Н.О. Лосского (1870–1965) и других подвижников, чьи имена и тексты стали известны широкому российскому читателю лишь в 1990-е гг. XX в.

Сохранение духовного взгляда на реальность, философия всеединства, софиологические концепции, в сохраняющемся диалоге с европейской философией, и развивающаяся на этой основе педагогическая теория давали силу русской школе в эмиграции.

Победившая партия большевиков не нуждалась в «философии прошлого», однако и она искала теоретические основания для нового общественного устройства. Такие основания были найдены в диалектическом и историческом материализме. Бог, душа и человеческое духовное «Я» были объявлены неясными продуктами чело-

[141] См.: Тихонов М.Ю. О востребованности философии для воспитания детей // Этнодиалоги. Альманах. № 3–4. М., 2021. С. 79–108.

веческого мозга и нервной системы и больше не заслуживали философского осмысления.

Первый декрет Совета народных комиссаров в 1918 г. назывался «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя». Школе была поставлена задача ликвидации неграмотности и воспитания «нового человека» – строителя коммунистического общества.

Необходимо отметить, что при ясно выраженной политической воле усилиями российских учителей, носителей отечественной педагогической традиции, латентно включающей ценности прежней русской школы, к 1930 г. удалось обеспечить введение всеобщего начального обучения, а к 1936 г. было обучено около 40 млн неграмотных.

Советская школа в утилитарном смысле (в предметном преподавании) выросла из классической гимназии. Точнее, русская дореволюционная классическая гимназия в течение активной жизнедеятельности одного поколения в 40-е гг. «проросла» через смену общественной формации в советскую школу.

К середине века советская образовательная система была признана в мире. Как и сломанная имперская, она была выстроена на приоритете воспитания и сочетании доверительных отношений с принуждением. Воспитательное пространство, хотя и выстроенное на совершенно иных основаниях, представляло собой органичную основу для предметного преподавания и дополнительных занятий с детьми.

Из школы были удалены Закон Божий, классические греческий и латинский языки, сословные ограничения, но устойчивая система детско-взрослых человеческих отношений со столь же устойчивым социально-информационным пространством, определяющим уклад школьной жизни, во многом сохранилась. Обратим внимание, что преемственность школьной жизни оказалась возможной при совершенно разных философских основаниях, а уклад школьной жизни оказался устойчивее политической конъюнктуры. Доверие, совесть, профессионализм и объективность не обесценились, а составили основу для дальнейшего развития.

Разумеется, преемственность сохранилась в основном в организации естественно-научного предметного преподавания. Но она жила и за пределами официальной идеологии. Так, связь умственной деятельности школьника с нравственными переживаниями (Н.И. Пирогов), идеи народного воспитания (К.Д. Ушинский) и им подобные исправно служили делу формирования научного марксистско-ленинского мировоззрения школьников.

Система советского коммунистического воспитания, выстроенная «из чистого опыта», дала высокие образцы патриотизма и, как это ни странно прозвучит, – человеческого духа. Однако в 1990-е гг. большинство граждан Советского Союза без сожаления осознали себя свободными от ранее данных «торжественных обещаний, клятв и присяг» в рамках советского государства.

Во второй половине XX в. по мере развития информационных технологий, в рамках идеологического противоборства социалистических стран с государствами «империалистического лагеря» возникло понимание важности так называемой контрпропаганды. Проще говоря – потребности в защите собственного ценностного информационного пространства, как государственного, так и всех его социальных систем, включая школу и даже личность. Практика показала, что одних лишь директивно-идеологических инструментов для этого оказалось недостаточно, потому что распространению информации невозможно поставить универсальные технологические ограничения.

В последнее десятилетие XX в. была обоснована необходимость становления социальной информационной системы «наука – образование» как центральной, системообразующей, предназначенной для обеспечения общества информационными ресурсами, как главной движущей силы сохранения и оптимального развития его информационного пространства[142].

Особую важность работа по оптимальному информационному обеспечению приобретает во время перемен. Советская школа, впитавшая и развившая традиции русской школы в части служения

[142] См. подробнее: Тихонов М.Ю. Информационное общество: философские проблемы управления наукой и образованием. М., 1998.

отечеству, в рамках официальной идеологии была информационно защищена и не нуждалась в особой поддержке. Деидеологизация, декларация отказа от воспитания, упразднение самодеятельных детских и юношеских общественных объединений (пионерия, комсомол) и иные процессы, сопровождавшие разрушение Советского Союза, поставили школу на грань смыслового и физического выживания.

Слом советской школы в ходе реформ конца XX в., утрата, в силу естественных причин, субъектности русской школы за рубежом нанесли серьезный удар по культурно-исторической и отечественной педагогической традиции. Подчеркнем, что дважды в течение одного века школа принудительно ставилась перед необходимостью радикальной замены мировоззренческих и воспитательных ориентиров. Вместе с тем она во многом сохранила собственный уклад жизни и педагогические смыслы, в очередной раз пронеся через все нестроения устойчивую систему человеческих отношений в соответствующем информационном пространстве.

С другой стороны, впервые за много лет созданы условия для восстановления единства отечественной философии и образования, позволяющего вновь начать процесс оценки достижений и практического строительства русской школы на собственной основе и современном технологическом базисе.

Проиллюстрируем это несколькими примерами возможного использования философского инструментария названных выше двух ветвей российской мысли для решения актуальных сегодня проблем.

В современной «аналитической» школе, выражающей ценности академической философии англоязычного мира, по признанию С. Фуллера[143], «никогда не было согласия ни относительно природы, ни относительно критериев истины».

В качестве первого мыслителя модной сегодня концепции постистины называется Платон с его учением о двойной истине. Учение «постулирует, что и элиты, и массы должны быть заинтересо-

[143] См.: Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ.; под науч. ред. А. Смирнова. М., 2021. С. 22.

ваны в наличии двух “истин”: одна распространяется на всякий возможный мир, в котором мы могли бы жить (постистинностный смысл “истины правителей”), а другая заверяет каждого в том, что мир, где мы сейчас на самом деле живем, справедлив»[144].

«Истина» как консенсус экспертов, как надежность; случайная или необходимая «истинность» в борьбе за модальную и реальную власть; умение по ходу игры менять ее правила в свою пользу – все это содержит практически безграничные возможности манипулирования человеком в современном высокотехнологическом мире. С. Фуллер говорит о «состоянии постистины» и связывает его с развитием киберграмотности[145]. «Университеты функционируют как уничтожители доверия к знанию, чьи корпоративные способности к “созидательному разрушению” мешают новому знанию превращаться в интеллектуальную собственность»[146].

Рассматриваемая концепция претендует на «новое миропонимание». Возникают вопросы: где искать прочные мировоззренческие основания для учителя, родителя и ученика, как защитить информационное пространство школы и личности от деструктивных воздействий и манипуляций? Убедительных ответов эта концепция не дает.

Вернемся к началу века, к рассуждениям русских философов об истине, знании и бесконечности бытия. Рассматривая в ряду работ Л.М. Лопатина «Положительные задачи философии», Н.О. Лосского «Обоснование интуитивизма», книгу С.Л. Франка «Предмет знания», Н.А. Бердяев пишет: «Сфера бытия данного сознания ограничена, сфера же бытия, имеющаяся у меня до всякого опознания, бесконечна.

То, что для знания есть еще трансцендентная задача, имеется уже у меня, как бытие.

[144] Там же С. 66.
[145] Там же С. 67.
[146] Там же С. 94.

И только поэтому и возможно знание». И далее: «*Не бытие имманентно знанию, а знание имманентно бытию – оно есть внутреннее творческое событие в бытии*»[147].

Представление о погруженности человека в бесконечное бытие всеединства, характерное для русской философской традиции, получило развитие в эмиграции. Представляет интерес актуальная сегодня, на наш взгляд, работа С.Л. Франка «Непостижимое», завершающая, по слову автора, изложение его философского мировоззрения.

Представляя человеческую личность как «высшую, духовную «самость»…, как она стоит перед лицом высших, духовных, объективно значимых сил и вместе с тем проникнута ими и их представляет»[148], С.Л. Франк особым образом решает вопрос об истине. «Мудрость простого русского слова “правда” – в двуедином смысле “правда – истина” и “правда – справедливость” (или “правомерность”) – свидетельствует о том, что истина в этом смысле есть то, чему служит каждый шаг нашей жизни… Ибо то, чего мы в конечном счете ищем в жизни, есть именно эта живая правда – ценное в себе, которое было бы подлинным, “правильным”, “истинным” бытием»[149]. Истина как последнее основание, как правда, как первооснова всего сущего сегодня, к сожалению, отсутствует в педагогическом дискуссе!

Сожаление связано с упрощенным пониманием духовной жизни, к примеру, в части наблюдаемого бурного развития информационных технологий в образовании. Цифровой контент, геймификация, дополненная реальность, элементы искусственного интеллекта и иные технологические новации не оказывают должного влияния на желаемое воспитание детей. Так называемая метавселенная, понимаемая как новый виртуальный мир, где сочетаются виртуальная реальность, социальные сети, игры, технологии сов-

[147] Бердяев Н.А. Два типа миросозерцания (по поводу книги С.Л. Франка «Предмет знания») // Вопросы философии и психологии. Кн. 134 (IV). М., 1916. С. 303, 310.

[148] Франк С.Л. Сочинения. М., 1990. С. 409.

[149] Там же С. 442.

местной работы и электронная коммерция, на поверку оказывается лишь видимостью приюта человеческой души.

Саморазвитие здорового ребенка происходит непрерывно вне зависимости от желания или нежелания взрослых. Их дело – содействие этому развитию, но уж точно не за счет помещения «бессознательного чувствилища»[150] ребенка в искусственную виртуальную среду. Мировоззрение и нравственность есть прежде всего плод саморазвития и не могут быть привнесены извне.

Поэтому педагогическое воздействие на ребенка может рассматриваться как внешняя по отношению к нему сила. Однако эта сила, чтобы быть силой, «должна существовать в себе и для себя, должна иметь свою собственную и внутреннюю реальность, предваряющую ее реальность в каких-либо внешних эффектах. И это ее внутреннее бытие должно быть иным, чем ее внешнее бытие для другого»[151] (в нашем случае – ребенка. – *М.Т.*).

«Внутреннее бытие силы» в рассматриваемой ситуации есть не что иное, как жизнедеятельность педагогического коллектива, создающего воспитательное пространство и формирующего мировоззрение ученика. Исключение действия коллектива, замена его «слепком» или «репликой» в форме информационной технологии на первый взгляд передает необходимую информацию, однако при этой передаче страдает смыслообразование.

Сведущему человеку или ребенку достаточно войти в школьное здание, чтобы почувствовать «дух школы», получить во многом иррациональное, но точное представление о том, хочется ли ему еще раз прийти сюда. Речь идет об особой компоненте школьного социально-информационного пространства, не менее важной, чем остальные.

Это подтверждает и опыт дистанционного обучения школьников во время пандемии Covid-19. Он показал незаменимость лич-

[150] Ильин И.А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1993. С. 226.

[151] Лопатин Л.М. Неотложные задачи современной мысли // Вопросы философии и психологии. М., 1917. Кн. 136. С. 27.

ного школьного общения даже самыми современными информационными технологиями.

Если говорить о кибербезопасности и защите информационного пространства школы и формирующейся личности ребенка, то и здесь технологические возможности компьютерных систем сильно ограничены. Конечно, контент-фильтрация, то есть блокирование опасной для детской психики информации, сохранение персональных данных необходимы. Только школа представляет собой открытую систему, ее информационные границы широки и размыты, а технологические возможности пространственно и временно локализованы. Школа многосубъектна. Точнее, *субъектность самой школы дает основания для творческой «самости», то есть субъектности ее подсистем и конкретных учителей и учеников*. А при умалении субъектности школы, при превращении ее в послушный орган выдачи документов об образовании проблема защиты информации решается только формальными и нормативными средствами, что, как было показано выше, малоэффективно. Надежной защитой информационного пространства детства (и школы, и ребенка) является именно мировоззрение, духовная крепость учителей, педагогического коллектива и самого ребенка.

Логический круг замыкается. Лишь душевно богатый человек может воспитать себе подобного. Мировоззрение учителя формирует мировоззрение ученика. Инструментальный характер всех информационных систем не меняется с их совершенствованием, но предъявляет новые, более серьезные требования к учителям. Расчет на возможность «облегчения» либо сокращения объема учительского труда в расчете на одного ученика к педагогике не имеет никакого отношения.

Из сказанного можно сделать следующие выводы: а) информационное пространство школы, университета, любого учебного заведения не исчерпывается информацией, доступной компьютерному процессированию; б) научение жизни в цифровом мире, эффективность цифровых информационных технологий в воспитании и становлении мировоззрения обучающихся непосредственно зависит от ценностных ориентаций, качества человеческих отношений в

педагогическом коллективе и его постоянной включенности в данные технологии; в) мировоззрение человека обеспечивает более надежную защиту его информационного пространства, нежели внешние инструменты.

И главное, успешное развитие российской школы на современном технологическом базисе с необходимостью требует учета ценностей и традиций отечественной философии и педагогики, синтеза русского и советского опыта и понимания школы как государствообразующего социального института.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Информационное общество: философские проблемы управления наукой и образованием: монография. М.: «ИКАР», 1998 (16 п.л.).
2. «Скажите государю…», или Загадка графа П.Н. Игнатьева для средней и высшей школы // Вестник Моск. Ун-та. Серия 20. Педагогическое образование. 2006. № 2 (0,5 п.л.).
3. О востребованности философии для воспитания детей // Альманах «Этнодиалоги». М., 2021. № 3–4 (1,2 п.л.).

© Тихонов Михаил Юрьевич

Труфанова Елена Олеговна*

К ВОПРОСУ О РЕАЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

Мои исследования сосредоточены вокруг двух ключевых тем: 1) анализ субъекта познания; 2) анализ дискуссий реализма и антиреализма в научном познании. Эти две темы связаны между собой через проблему реализма, если в первом случае речь идет об обосновании реальности субъекта, то во втором – о преимуществах реализма как эпистемологической позиции.

В рамках второй темы, опираясь на критический анализ социального конструкционизма – направления в социогуманитарных науках, выросшего из критики социальной психологии и ставшего одним из наиболее ярких представителей антиреализма в эпистемологии, я продемонстрировала риски, связанные с предлагаемым антиреалистами отказом от понятий истины и объективности в науке, и показала, что значимость позиции реализма заключается в том, что дискуссии о реальности напрямую касаются дискуссий о возможности взаимопонимания между людьми – представителями разных наций, культур, традиций, политических лагерей и т. д.

Это дискуссии о том, как возможно взаимодействие с людьми, которые в силу языковых, культурных, религиозных и прочих различий мыслят иначе, чем мы. Я показала, что эпистемологический и научный реализм лежит в основе, вероятно, единственного пути к взаимопониманию, который заключается в признании единства мира, в котором мы живем, единства реальности объектов и

* Труфанова Елена Олеговна – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора теории познания Института философии РАН.

событий, которые нас окружают, и наших возможностей действия в этом мире [1].

Подробней я бы хотела остановиться на основных результатах моих исследований, связанных с первой темой – проблемой субъекта познания. Квинтэссенцией субъективности является понятие Я. В разных философских концепциях оно может и полностью подменять собой понятие субъекта, и рассматриваться как центр субъекта, связующий воедино все его проявления, или же – как трансцендентальная основа субъекта. Я связывают с теми же проблемами, что и понятие субъекта – и то и другое может рассматриваться как носитель познания, деятельности, автономии и ответственности, таким образом, в большинстве случаев правомерно рассматривать понятия субъекта и Я как взаимозаменяемые.

Вопрос о существовании Я, о его реальности или иллюзорности обсуждается в философии очень давно. Однако за последние полвека эта проблема приобретает особую популярность, которая, вероятно, связана с текущими социокультурными трансформациями, которые вызывают у человека чувство зыбкости, неустойчивости его индивидуального бытия по сравнению с теми мощными социальными потоками, в которые он вовлечен. Как следствие, возникают сомнения в том, что мы вообще можем говорить о какой-либо стабильности этого бытия, и, следовательно, существование индивидуального Я оказывается под вопросом. Укорененные в классической философии концепции Я перестают удовлетворять текущей ситуации, и возникает потребность в переосмыслении этого понятия в новых обстоятельствах. В то время как целый ряд современных подходов в философии и психологии (прежде всего – упоминавшийся ранее социальный конструкционизм) предлагает отказаться от понятия Я (субъекта), я попытаюсь показать, почему не стоит этого делать.

Можно выделить два основных аспекта проблемы субъекта. Первый аспект – эпистемологический, связанный с тем, как именно человек реализует свои познавательные способности, как мы можем описать познавательного агента, можем ли мы сводить процесс познания к системе субъект – объект и т. д. В античной и нововремен-

ной европейской философии главным отличительным свойством человека считался разум: именно этот обезличенный разум и становится основой для понятия субъекта познания.

Второй аспект – этико-политический – касается проблем свободы и ответственности, индивидуализма и коллективизма. Если в первом случае речь идет в первую очередь о проблематике классической эпистемологии, то во втором мы имеем дело с вопросами праксеологическими и социально-политическими, с моральным и правовым субъектами, несущими ответственность за свои действия.

Критика классических представлений о субъекте в философии середины – второй половины XX века была связана не в последнюю очередь с «политическими» мотивами: переосмысление понятия субъекта (в сторону попытки отказа от него) оказывается неким идеологическим требованием времени – сначала (в постмодернизме) это бунт против традиции, затем (в социальном конструкционизме) это требование демократии и идеологии постколониализма.

Основной тезис, который объединяет различных сторонников отказа от понятия Я, можно сформулировать следующим образом: вопреки тому, что полагала классическая европейская философия, Я не существует как цельная самостоятельная и независимая сущность, как отдельная субстанция, как стержень в основе всей деятельности человека. Таким образом, субъект в классическом виде не существует, а значит, и вся классическая эпистемология, построенная вокруг этого понятия, неверна. В XX–XXI веках те авторы, которые принимают сформулированный выше тезис, выдвигают несколько версий относительно того, что «на самом деле» стоит за понятием Я:

1) Я растворяется в совокупности социальных связей и информационных потоков, в которые индивид включен, оно является исключительно результатом социальных отношений и, таким образом, также не обладает независимым бытием. Человек не обладает Я, он лишь пропускает через себя различные дискурсы, которые управляют им. Он теряет ответственность за свои слова и поступки, происходит т. н. «смерть субъекта» (см., например, у Кеннета Гергена [2]).

2) Я существует только «грамматически», европейская рациональность строится на грамматике языка, в которой важная роль отводится перспективе первого лица, и наличие подобной грамматической конструкции (я) создает иллюзию наличия некой реальности за пределами языкового выражения. В неевропейских языках классическое понимание Я отсутствует, поскольку отсутствуют соответствующие грамматические формы (см., например, у Рома Харре [3]).

3) Я существует только как нарратив, как история, связывающая прошлое, настоящее и предполагаемое будущее субъекта (см., например, у Теодора Р. Сарбина [4]).

Пожалуй, наиболее обсуждаемый в последнее время аргумент утверждает, что Я – это продукт исключительно европейской культуры и рациональности, зародившейся в античности и прошедшей через христианское Средневековье, Возрождение с его культом Человека, нововременной культ Разума и т. д., т. е. сугубо историческая и социокультурная конструкция. Сторонники этого аргумента отмечают субъектоцентричность не только европейской философии, но и всей европейской культуры в целом и полагают, что европейцы мнят себя и свою цивилизацию выше других и поэтому считают, что их понимание мира и сознания правильное, а следовательно, правильно именно такое, и никакое иное, понимание субъекта. Хотя обвинение в европоцентризме в данном вопросе имеет под собой определенные основания, однако я не считаю их достаточными, чтобы полагать, что Я было «придумано» европейцами.

Признавая, что понимание субъекта и Я должно быть иным, нежели несколько столетий назад, я, тем не менее, полагаю более продуктивным говорить о переосмыслении понятия субъекта без отказа от данного понятия. Сложность, размытость субъекта в современном обществе, социокультурные вариации понятия Я успешно объясняются через многообразие доступных индивиду идентификаций, которые, тем не менее, все привязаны к единой инстанции, в качестве которой выступает субъект.

Здесь является полезным использование понятия личностной идентичности, которому я посвятила ряд специальных исследова-

ний. В частности, мной были исследованы различные аспекты проблемы идентичности личности и ее трансформаций под воздействием новых технологических и социокультурных вызовов (помимо цикла исследовательских статей по этой проблематике [5–8] мной была подготовлена статья «Индивидуальная (Я) идентичность», опубликованная в энциклопедическом издании «Идентичность: Личность, общество, политика», вышедшем под грифом ИМЭМО РАН [9]). Анализируя соотношение индивидуальной и коллективной памяти в рамках коллективного проекта РНФ под моим руководством, я показала, что точкой их пересечения становится именно понятие идентичности – в то время как память лежит в основе личностной идентичности, коллективная память скрепляет идентичности сообществ [10].

Что касается представлений о субъекте как социокультурной конструкции, то мне представляется, что само свойство субъектности человека было «придумано» не какой-то отдельной культурой, но природой. Этой точки зрения придерживаются многие представители нейронауки, например, американский нейробиолог Антонио Дамасио полагает, что Я возникает в результате человеческой эволюции [11]. Культурой же лишь формируется то, каким именно образом мы описываем определенные состояния нашей психики, относящиеся к самосознанию. Несомненно, Я не является какой-либо самостоятельной субстанцией, однако его значимость для нашего опыта – как внутреннего, так и внешнего – не становится от этого меньше. Я как «точка отсчета», из которой исходят разные интенции и в которой мы «стягиваем» разные сюжеты своей жизни, необходимо для нашего выживания, вне зависимости от того, какими способами мы описываем этот феномен. Можно отметить, что основной причиной, по которой ряд исследователей предлагает отказаться от Я, является то, что Я понимается как единичный простой феномен (и подобное понимание не выглядит удовлетворительным), тогда как следует понимать Я как сложную систему, включающую множество разных феноменов как составные части [12].

Бесспорно, современная эпоха бросает субъекту множество вызовов. Благодаря развитию средств коммуникации мы оказываемся постоянно погружены в мозаику различных информационных фрагментов, испытывая затруднения с тем, как справиться с такими объемами разнородной информации одновременно. Именно поэтому Я производит впечатление распадающегося, а целостность Я представляется иллюзорной.

Тем не менее представления о субъекте как об исключительно социальной конструкции (лингвистической, культурно опосредованной и т. д.) являются необоснованными, поскольку все люди, независимо от языков и культур, обладают схожим опытом взаимодействия как с внешним миром, так и со своим внутренним миром. Сходство этого опыта обусловлено сходством возможностей человеческого взаимодействия с объектами окружающего мира и единой реальностью, с которой люди способны вступать во взаимодействие. Слово «я» и его аналоги возникли для удобства коммуникации и обозначения места говорящего в ней, но одновременно с этим люди пытались выразить некую реальность, которая описывается этим словом (или словами), которая связана с их переживаниями мира внутри и вокруг себя.

Наконец, сохраняя понятие субъекта в качестве универсальной категории описания человеческого опыта, мы сохраняем целый ряд важнейших ценностей, лежащих в основе всех социальных взаимодействий, – прежде всего свободу и ответственность личности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2018. 320 с.
2. Gergen K.J. The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. N. Y.: Basic Books, 2002.
3. Harré R., Mühlhäusler P. Pronouns and People: The Linguistic Construction of Social and Personal Identity. Oxford: Basil Blackwell, 1990.
4. Sarbin T.R. The narrative as root metaphor for psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. N. Y.: Praeger, 1986. P. 3–21.

5. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–22.
6. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 95–105.
7. Труфанова Е.О. Личностная идентичность в междисциплинарной перспективе // Проблема сознания в междисциплинарной перспективе / под ред. В.А. Лекторского. М., 2014. С. 174–182.
8. Труфанова Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 1. С. 14–38. DOI: 10.46539/gmd.v3i1.130
9. Труфанова Е.О. Индивидуальная (Я) идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 263–267.
10. Емельянова Н.Н., Лекторский В.А., Летняков Д.Э., Рогов А.В., Романова А.П., Сабанчеев Р.Ю., Стычинский М.С., Суханова М.И., Сясина Т.В., Труфанова Е.О., Федорова М.М., Яковлева А.Ф. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: коллективная монография / под ред. Е.О. Труфановой (отв. ред.), Н.Н. Емельяновой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2022. 424 с.
11. Damasio A. Self Comes to Mind. Constructing the Conscious Brain. N. Y.: Pantheon Books, 2010.
12. Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010. 256 с.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. 1.Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2018. 320 с.
2. Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2010. 256 с.
3. Н.Н. Емельянова, В.А. Лекторский, Д.Э. Летняков, А.В. Рогов, А.П. Романова, Р.Ю. Сабанчеев, М.С. Стычинский, М.И. Суханова, Т.В. Сясина, Е.О. Труфанова, М.М. Федорова, А.Ф. Яковлева. Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху: Коллективная монография // Под ред. Е.О. Труфановой (отв. ред.), Н.Н. Емельяновой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2022. 424 с.

4. Труфанова Е.О. Индивидуальная (Я) идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 263–267.
5. Труфанова Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2021. Т. 3. № 1. С. 14-38. DOI: 10.46539/gmd.v3i1.130
6. Труфанова Е.О. «Ситуационное знание» и идеал объективности в науке // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2017. № 4. С. 99–110. DOI: 10.5840/eps201754475
7. Труфанова Е.О. Ускользающая реальность и социальные конструкции // Философия науки и техники / Philosophy of Science and Technology. 2017. Т. 22. № 1. С. 61–77. DOI: 10.21146/2413-9084-2017-22-1-61-77
8. Труфанова Е.О. Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 100–112.
9. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–22.
10. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. № 6. С.95–105.

© Труфанова Елена Олеговна

Фишман Леонид Гершевич*

СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС РЕСЕНТИМЕНТА И ЕГО КЛАССИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Среди моих научных достижений считаю необходимым упомянуть следующие.

В начале 2000-х гг. мной было осуществлено исследование ***трансформации метапарадигмальных (религиозных и философских оснований) современных социально-политических наук. Было показано, как изначальные религиозно-философские парадигмы осмысления социально-политической реальности трансформировались в современные парадигмы, в которых, с одной стороны, исследовались политические и социальные институты и процессы, с другой – человеческое поведение на самых разных уровнях социальной реальности.*** (Или, если более кратко, в проблематику «системы» и «жизненного мира».) Дальнейшая же история этих наук подтвердила их неспособность отказаться от явного или скрытого разделения реальности на сферы имманентного и трансцендентного, что отразилось в истории социальной философии, социологии, политической науки, психологии (Фишман Л.Г. В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2004).

Была предложена оригинальная концепция политического Постмодерна как образа мышления, в очень значительной мере близкого к просвещенческому. Раскрыты и исследованы характерные особенности российской политической мысли конца 1990-х –

* Фишман Леонид Гершевич – профессор РАН, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

начала 2000-х. Показано, что ***в ситуации ухода на периферию публичной политики идеологий и утопий на сцену вышли другие типы политических дискурсов, аналоги которых порой удается отыскать в прошлом. Было обосновано, почему современные российские политические дискурсы уже нельзя рассматривать как модерновые идеологии и утопии, а также, в целом, почему не следует искать идеологии и утопии там, где их еще или уже нет*** (Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург: УрО РАН, 2004).

Отдельным направлением исследований стал анализ специфики постсоветских политических дискурсов, идеологий, утопий в художественной литературе. В частности, в российской фантастической литературе 1990-х – 2000-х были выделены ***элементы неотрадиционализма, имперского реваншизма и исторического ревизионизма*** (Фишман Л.Г. Фантастика и гражданское общество. Екатеринбург: УрО РАН, 2002).

Мною был также предпринят комплексный анализ специфики исторических условий, в которых возникает и получает свое философское и моральное обоснование демократия. Доказано, что развитие демократии вытекает в большей степени не из развертывания философско-политических дискурсов на тему прав человека и не из совещательных процедур принятия решений элитами, имеющих место как в античной, так и в модерновой республиканской традиции. ***Демократия появляется тогда, когда правящим классам оказывается нужна массовая армия, и за это они готовы платить политическими правами и социальными гарантиями*** (Фишман Л.Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург, 2011).

Исследование ряда глобальных процессов во второй половине 2010-х гг. привело к формулированию ***концепции становления «рентного общества»*** на Западе и в России. В ней ***переосмысливалась роль феномена ренты в развитии человеческой цивилизации. Доказывалось, что итогом совокупности ряда процессов в развитии современных обществ становится уменьшение роли труда и капитала в перераспределении ресурсов. Соответственно, было показано, что ряд политико-философских дис-***

курсов, имеющих место в истории и современности, являются способами обоснования такого рода рент – классовых, сословных – ввиду принадлежности к расе, полу, гражданам того или иного государства и т. д. (Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019).

Последнее завершенное исследование посвящено советской морали и ее трансформациям вплоть до нынешнего времени. ***Советская мораль конструировалась как двухъярусная. Верхний ярус – коммунистическая (а шире, гуманистическо-прогрессистская леволиберальная идеология и вытекающие из нее универсальные принципы). Нижний ярус – необходимая любому обществу «этика добродетелей».*** Ценности этой этики во многих отношениях вовсе не были социалистическими или коммунистическими, а были аристократическими или буржуазными. Они никуда не исчезли, более того, они в какой-то момент стали представляться как обладающие самостоятельным значением. По этой причине ***катастрофа советского строя не сопровождалась такой же сокрушительной моральной катастрофой. Когда роль верхнего яруса советской морали ослабела, возобладала в разных обличьях этика добродетели. Она же господствует и сейчас*** (Фишман Л. Эпоха добродетелей: после советской морали. М.: Новое литературное обозрение, 2022).

Перехожу к основной части доклада.

Ресентимент

В настоящее время я занимаюсь проблематикой социального генезиса такого феномена, как ресентимент. Актуальность проблематики ресентимента трудно переоценить, поскольку сейчас обвинение в ресентименте часто бросают в адрес тех политических сил, которые хотят упрекнуть в неискренности декларируемых ими намерений и обвинить в низменном своекорыстии. Я исхожу из понимания ресентимента, вытекающего из сочинений Ницше и Шелера, т. е. как феноменального единства переживаний и действия, обусловленного бессильным негодованием ввиду невозможности изменить свое положение, из чего вытекает моральная установка «переоценки ценностей» с сознательной и бессознательной целью

отомстить виновникам перманентного унижения. При этом считается, что ресентимент присущ низшим классам, являясь, по большому счету, «восстанием рабов в морали».

В конечном счете концепция ресентимента делит всех на сильных и слабых (в моральном плане). В ее основе находится обличение слабых в склонности к «ложным самоотчетам», причиной которого является неготовность признаться в том, что ты отказался достигнуть вполне достижимой цели. Иными словами, это обличение недовольных в том, что на самом деле они ленивы, безвольны и неспособны признать, что именно в этих их качествах заключается главная причина их бед. От этого они начинают переоценивать ценности и, таким образом, изощренно мстить успешным и сильным.

Сколь бы самоочевидной в силу подкупающей простоты ни казалась связь между ресентиментом и низшими классами, сам комплекс характерных для него моральных чувств и стратегий поведения вряд ли мог *появиться* среди низших классов. Гораздо резонней предположить, что для его появления как значимого социального феномена было необходимо не уникальное сочетание черт личности у раба или крестьянина, одержимого, подобно старухе из сказки о золотой рыбке, неправомерной гордыней, а положение в социальной структуре, которое бы генерировало «высокие, сдерживаемые втуне притязания, гордыню, не соответствующую внешнему статусу». Социально обусловленная зависть, которая, как считается, лежит в основании ресентимента, возникает и поддерживается вовсе не тогда, когда расстояние между завистником и объектом зависти велико, а, наоборот, когда оно минимально. А если и не минимально, то видится вполне преодолимым легальным путем. Правдоподобные представления о генезисе ресентимента в более ранние эпохи (то есть, если следовать Ницше, в эпоху античности и Средние века) можно получить путем выявления таких социальных групп (и типичных для них «человеческих ситуаций»), статус которых хотя бы в некоторых существенных отношениях близок к статусу высших классов, а «слабость» и «униженность» лишь относительны и оставляют надежду на изменения к лучшему.

К слову, еще Шелер заметил, что крестьяне не завидуют своим господам, а ремесленники рыцарям; также и современные про-

летарии, по словам американского исследователя П. Фассела, совсем не завидуют самым высшим классам; напротив, все оттенки зависти низших к высшим легко обнаруживаются между различными градациями среднего класса.

Поэтому картина, согласно которой рабы и маргиналы совершают колоссальную духовную работу по переоценке ценностей, в результате чего чувства бессилия и отчаяния, желание мести и осознание того, что она не может реализоваться в адекватных поступках, подвергаются колоссальной культурной переработке, и в итоге бессилие трансформируется в силу, поражение – в победу, а «ressentiment сам становится творческим и порождает ценности», выглядит малоубедительной. Не стоит забывать, что революционеры, которые формулируют и воплощают на практике «ресентиментные» теории, обычно происходят из не самых обездоленных слоев, а часто все из тех же аристократов или буржуа. То же касается и феноменов, в которых типичным для ресентимента образом тесно переплетаются политика и искусство. Так, литературная «школа ресентимента» в Америке возникла не тогда, когда негры были рабами, а женщины домохозяйками, а тогда, когда многие из них стали университетскими профессорами и развернули идеологизированные этнические, гендерные и «квирные» штудии.

Мы вряд ли ошибемся, предположив, что человеческие ситуации, порождающие феномен ресентимента близ верхушки социальной пирамиды, возникают и в среде других социальных групп того периода, который Карл Маркс называл предысторией человечества. Например, буржуазии или интеллигенции. Отдельного исследования в рамках данной проблематики заслуживает специфическое положение женщин господствующих классов. Каким бы привилегированным оно ни было относительно прочих социальных слоев, по отношению к мужчинам того же класса женщины почти всегда оставались в подчиненном и ущемленном положении.

Иными словами, ***генезис ресентимента следует искать в высших классах или близких к ним социальных группах***. Но, конечно, нельзя отрицать, что в дальнейшем свойственный ресентименту комплекс моральных чувств и поведенческих стратегий может быть перенят другими классами. В этом виде он обращает на

себя внимание в эпохи, когда угнетенные классы приобретают реальные возможности для изменения своего положения или, во всяком случае, получают основания считать, что могли бы достичь большего, если бы такая возможность им была предоставлена.

Другое направление исследования ресентимента заключается в выдвижении гипотезы, что концепция ресентимента есть одновременно критика «ложного сознания» справа и проявление ложного сознания.

Концепция ресентимента детерминирована особенностями мировосприятия представителей деклассированных высших классов, которую они, конечно, считают нормой и специфической чертой которой является комплекс порождающих ресентимент практик. Выражаясь словами Шелера, ресентимент изначально заложен в структуру их морали, это их веками практикуемый ответ на ситуацию относительно приниженного, отчасти угнетенного, неравного положения в системе отношений внутри их собственного класса. И суть этого ответа в том, что практикующие ресентимент по большому счету хотят изменить не мир, а только – свое место в системе отношений. Они веками пережевывают свои большие и маленькие обиды и негодования, травятся своим ядом бессилия – с тем чтобы забыть об этом, когда положение улучшится, и вспомнить вновь, когда фортуна в очередной раз повернется к ним задом. Поэтому, когда они видят, что другие ранее угнетенные классы начинают борьбу на интеллектуальном поле против своих угнетателей, они меряют их своей меркой, уличают их в тщательно маскируемом под возвышенные утопии желании занять место угнетателей. Для них поэтому идеологии и утопии только прикрытие единственно понятной недовольному своим положением аристократу карьерной мотивации. Таким образом, концепция ресентимента – некритическая (и потому однобокая) экстраполяция мышления одержимой ресентиментом же части аристократии на другие социальные группы. *Отсюда вытекает характерная стратегия «разоблачения» как ресентимента любого революционного и реформаторского порыва.*

Разновидностью и продолжением такой стратегии является всякая критика неуспешных людей и их реакций на свое положение с точки зрения успешных и процветающих. Позиция последних ос-

нована на представлении, что мир в целом хорош и справедлив, что «кто хочет, тот добьется», а если не добился, то исключительно сам в этом виноват. И все его недовольство, равно как и действия, продиктованы чувством зависти к успешным и желанием отомстить. Мы без труда можем провести определенные ассоциации, заметив, что именно так и реагируют на всякое недовольство наименее совестливые представители правящих классов и их идеологическая обслуга. Таковы аристократы французского старого порядка, ангажированные интеллектуалы Германии конца XIX – начала XX в., современные неолиберальные учителя успешной жизни, значительная часть американского демократического истеблишмента, когда они обличали сторонников Трампа и т. д. До недавних пор это была реакция ряда представителей наших отечественных элит, когда их уличали в показной роскоши или в лицемерии на тему «я сам всего добился». Все они были не прочь поучить всяких неудачников, почему-то не сумевших интегрироваться в лучший из возможных миров.

Упор на иммобилизм, паразитизм и иные негативные черты страдающего ресентиментом субъекта – характерная черта классического дискурса о ресентименте, который повествует об ущербной во всех отношениях личности. Ей противопоставляется личность благородная, гармоничная, сильная, словом – образец человека, который должен выступать в качестве объекта для подражания. Так, Ницше пишет о «высокородных», которые чувствуют себя счастливыми, потому что являются активными людьми, не лгут себе, «позитивны» в отличие от пассивных, «бессильных, угнетенных, гноящихся ядовитыми и враждебными чувствами людей». Это крепкие и цельные натуры, «в которых преизбыточествует пластическая, воспроизводящая, исцеляющая и стимулирующая забывчивость сила (хорошим примером этому в современном мире является Мирабо, который был начисто лишен памяти на оскорбления и подлости в свой адрес и который лишь оттого не мог прощать, что – забывал)» . «Активный, наступательный, переступательный человек все еще на сто шагов ближе к справедливости, нежели реактивный; …Оттого фактически во все времена агрессивный человек, в качестве более сильного, более мужественного, более знатного, обладал

и более свободным взглядом, более спокойной совестью…» Ему противопоставляются люди ressentiment, «эти физиологически увечные и источенные червями существа», придумавшие самую «нечистую совесть». Ницше во многом вторит Шелер, для которого ресентимент также является отрицанием естественного, жизнеутверждающего, подлинного, «аристократического» начала. Для Шелера, к примеру, «очевидно», что в основе трудовой теории собственности «лежит зависть трудящихся классов к тем группам, которые получили собственность не ценой труда», сословный социальный порядок, в основе которого лежит «благородная кровь и традиция» для него «осмысленная селекция лучших», «слепок присущей всей живой природе аристократии». Ресентимент для Шелера – «источник переворотов в извечном порядке человеческого сознания, одна из причин заблуждений в познании этого порядка и в претворении его в жизнь».

Иными словами, в рамках концепции ресентимента если некто долго[152] испытывает характерные для ресентимента чувства, то он, несомненно, «раб», ущербный человек и ему должно быть стыдно признаваться в самом наличии этих чувств. Акцентирование внимания на этом достаточно примитивная манипуляция, которая с сегодняшней точки зрения достойна коучей, рисующих нам портрет позитивного и по-хорошему «агрессивного человека», старающегося не фокусироваться на плохом. Она предназначена для масс как один из инструментов «буржуазной пропаганды», ставящей своей целью убедить свой объект, что с существующим порядком вещей борются лишь ущербные, слабые, ресентиментные людишки. Объект же пропаганды не слаб, он успешный человек. И пусть он, как замечает Х. Вайс, принадлежит объективно к «заведомо низшим слоям общества», он стремится доказать обратное, например, относя себя к «среднему классу» и ради этого амбициозно влезая в долги.

[152] Если недолго, то можно, ибо, согласно Ницше, недолго испытывать ресентимент могут и подлинные аристократы духа, наделенные благотворной способностью забывания плохого.

В заключение следует отметить, что, хотя изложенные выше тезисы получили развитие в некоторых публикациях[153], они все еще находятся в стадии разработки и требуют дальнейших обоснований.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Вайс, Х. (2021). Мы никогда не были средним классом. М.: Издательский Дом ВШЭ.
2. Ницше, Ф. (1990) К генеалогии морали. Полемическое сочинение. *Сочинения: в 2 т*. Т. 2. М.: Мысль».
3. Хиршман А. (2010) *Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность*. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.
4. Шелер, М. (1999) *Ресентимент в структуре моралей*. СПб: Наука; Университетская книга.
5. Фассел П. (2021) Класс: путеводитель по статусной системе Америки. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Фишман Л.Г. В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
2. Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург: УрО РАН, 2004.
3. Фишман Л.Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины). Екатеринбург, 2011
4. Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
5. Фишман Л. Эпоха добродетелей: после советской морали. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

© Фишман Леонид Гершевич

[153] Фишман Л.Г. Наследник и бастард (заметки о социальном генезисе ресентимента) // Полития. 2021. № 4. С. 145–162; Фишман Л.Г. Речи ни к кому (об эффективности критики российского ресентимента) // Дискурс Пи. 2022 (в печати).

Чубаров Игорь Михайлович*

КРИЗИС ОТНОШЕНИЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ И ПРИКЛАДНОЙ НАУКИ В ГИПЕРМЕДИАТИЗИРОВАННУЮ ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ

Аннотация

Разрыв между фундаментальной и прикладной наукой в современном мире обусловлен рядом социальных, политических, а сегодня и биологических факторов, связанных с угрожающими человечеству вызовами – климатическими изменениями, международным терроризмом, жесткой межстрановой конкуренцией и, наконец, пандемиями. Наша задача состоит в поиске нового системного подхода к проблеме отношений фундаментального и прикладного знания на основании методов АСТ, объектно-ориентированной онтологии и мыследеятельностного подхода ММК.

Жизнь и/или познание

Мы не только познаем мир и жизнь как ученые, но и живем в этом мире, что заставляет иногда говорить о своеобразном конфликте интересов, ведь это не просто взаимодополняющие друг друга модусы человеческого существования.

* Чубаров Игорь Михайлович – доктор философских наук, директор Института социально-гуманитарных наук, проректор Тюменского государственного университета, заведующий кафедрой философии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет».

В пределе, когда на кону оказывается смысл научной деятельности, они могут стать альтернативными, взаимоисключающими стратегиями выбора. Но в чем состоит этот смысл и этот выбор? Живем ли мы ради познания, какими бы ни были его результаты, либо ради того, чтобы правильно жить, следуя претендующей на истинность теории, либо просто как-то живем, используя считающиеся научными знания для целей выживания, превосходства и господства над себе подобными? В зависимости от акцентов в ответе на эти вопросы может быть прояснено различие между фундаментальной, прикладной и «полевой»[154] наукой.

В стратегии не утилитарного, не прикладного (под задачу) познания, неангажированной исследовательской деятельности норму представляет ситуация, в которой вновь открытые феномены и установленные закономерности могут оказаться несовместимыми с устоявшимися жизненными ценностями и даже противоречить целям выживания человеческого рода. Но сегодня господствует другой, «слишком человеческий» взгляд на науку, когда она рассматривается не в качестве состоящей в познании цели жизни, а в качестве средства для выживания или улучшения ее качества. И дело тут даже не в прикладном характере соответствующего знания, а в смысловых акцентах и жизненных приоритетах. У биологической жизни есть своя логика, заставляющая даже убежденного самоубийцу в последний момент «передумать» и сделать не свободный выбор в ее пользу. Но есть и обратная ситуация, когда природная и социальная жизнь подталкивает человека броситься в бездонную пропасть или раствориться в бессмысленной социальной массе, и только индивидуальное сознание оказывается способным ей сопротивляться.

Принципиально никакого противоречия между фундаментальным и прикладным в науке нет – любое знание, если в нем действительно узнано что-то закономерное, технологически воспроизводимое, может быть приложимо к удовлетворению базовых по-

[154] Ср.: Куренной В. Лабораторная и полевая наука: эпистемология // Социология власти. М., 2021. № 3. С. 8–51.

требностей человечества. Но вопрос в том, находятся ли потребности в «чистом» мышлении – спекулятивной философии, теоретической физике или математике – в числе базовых человеческих потребностей либо они без остатка переводимы в удовлетворение потребностей выживания биологических и социальных тел, лишь воспроизводя их цели на своем более абстрактном уровне? Или, иначе, есть ли у этой потребности свой особенный предмет, никак не переводимый на уровень элементарных потребностей и базовых условий существования, но включающий их в себя?

Положительным ответом на последний вопрос в ряду – Бог, бытие, вечность, бесконечность, «мир в целом» и т. д. – соблазнялись многие поколения философов. Но сегодня задача состоит в том, чтобы изменить само мышление на основе интенсивно изменяющегося мира, сделать его более прагматичным, но не потерять при этом содержание и предмет самой мыслительной деятельности – объективную действительность во всей ее сложности.

Извратить можно все что угодно, и, к сожалению, прикладная наука прекрасно существует сегодня без фундаментальной. Хорошо известно, что государственные институты и думающие только о самосохранении научные сообщества то и дело вставляют науке палки в колеса и часто закрывают путь индивидуальному и социальному интеллектуальному развитию на многие годы, ориентируя общественные ресурсы только на злободневные политические проблемы и идеологические цели. Истории с кибернетикой в СССР или биоинженерией сегодня – только самые наглядные примеры.

В некотором смысле это не важно – наука в конечном счете пробьет себе дорогу, если понадобится, через научные революции и смену парадигм мышления, отрицая наличный мир и его ценности. Доходя до определенного уровня, даже самое политизированное, подчиненное и напуганное научное исследование может столкнуться с границами разрешенного и табуированного и двинуться дальше – вопрос в том, сможет ли оно сделать правильный выбор на границе фундаментального и прикладного и выйти к изменению жизни без риска ее разрушения. Примером этого является сегодня генная

инженерия, а в середине XX века им была технология ядерных реакций.

И тогда, и сейчас перед человечеством стояла альтернатива – стагнировать, ради сохранения и укрепления устоявшихся социально-политических институтов, норм и правил, или развиваться дальше, расщепляя материю и смело вторгаясь в человеческое тело на микробиологическом уровне.

Стоящие за этим выбором две модели отношения к науке замешаны на принципиально различной онтологии и эпистемологии: 1) картине мира, созданной великим Мастером, существующей согласно его Замыслу или 2) мира, развивающегося в бесцельность и неизвестность, в котором человеку отведена не последняя, но столь же двусмысленная роль разрушителя и созидателя в одном лице (прямо по Шумпетеру: Ср.: Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия. М.: Экономика, 1995).

Сказать в этом контексте, что проект науки Модерна противоречив – имея в виду, что жизнь является его единственным предметом и целью – недостаточно. Потому что даже ориентация науки на цели выживания не обеспечивает нужного результата автоматически ввиду сложности, неоднозначности и непредсказуемости объективного мира и необоснованности субъективных установок человечества, пытающегося свести его к корреляционистским схемам.

Новоевропейская научная парадигма никогда не выберет «истину без человека», даже если она будет подкреплена убедительными аргументами о вселенской справедливости или физическими законами развития той же вселенной. С этим связана пресловутая антропоцентристская онтология и миф о человеческой исключительности, замешенные на религиозных представлениях о человеке как «венце творения» или биологических предрассудках о нем же как «венце эволюции».

Но отвергать их не в силах человека, даже если приписывать последнему культурный мазохизм, влечение к смерти, инстинкт саморазрушения или социальную энтропию. Ибо это сук, на котором он «сидит». Более того, попытка предположить подобное отвержение в каком-нибудь мысленном эксперименте или реальной

политике только укрепит миф о центральном положении человека в мире и будет выглядеть как руководство к его выживанию в кризисных условиях. Так, неуклюжие попытки соблюдать сегодня права животных или вкладываться в экологические проекты также работают на человека, выступая его этическими и экзистенциальными проекциями – «белые начинают и выигрывают».

Парадокс конкуренции

К счастью, фундаментальные научные знания при прочих равных дают человеку конкурентные преимущества как раз в борьбе за власть и преобладание, которую он зачастую ведет вопреки стремлению к научной истине или объективности. И именно в этой точке наука и жизнь могут совпасть и синхронизироваться.

Этот парадокс берет начало в феномене конкуренции – несмотря на то, что она в пределе противоречит выживанию человечества, ставя под угрозу его наличное существование, в итоге она может достичь целей выживания, ибо направлена на выгоду человека, хотя и за счет другого. Также научное исследование и познание, не привязанное к сиюминутным целям, может прийти к отрицанию и уничтожению самого мира человека, но может, пройдя через кризис «малой смерти», вывести его на новые рубежи развития.

В этом смысле открытие атомного оружия стало первым порогом и сломом модернистского проекта научного познания в обвязке парадигмы bellum omnium contra omne и концепции превосходства человечества над живыми и неживыми нечеловеческими агентами. То, что человечеству удалось поставить это открытие под контроль конкурирующих за мировое господство государств, еще один пример иронии истории, говорящий отнюдь не о срабатывании какого-то этического предохранителя, проявлении доброй воли разумного человечества (куда ставить кавычки?) и т. д.

Стратегия научной политики Модерна амбивалентна, и при сохранении ее основных установок и ценностей история с угрозой атомной катастрофы может показаться нам вскоре детской сказкой на ночь. Кстати, и сама эта угроза не ушла в ночь, она просто приобрела характер перманентной войны (или бессрочной полицейской

операции), легитимировавшей межстрановую ненависть и управляемой своего рода приручённым к человеческим целям Пантократором, который все еще ждет своего «второго пришествия».

Философия развития

Но какой другой предмет и цель могут быть у фундаментального научного познания при понимании, что исследование как таковое – без цели – может быть истолковано как всего лишь имманентное качество или функция живого мыслящего существа и ничем не отличаться в этом смысле от прикладной науки par excellence?

Ответ на этот вопрос предполагает несколько иное, нестандартное понимание объективного мира и его «картин», а также способов их познания, так сказать, второго уровня. Оно связано с уже несколько раз прорывающимся здесь понятием развития. Онтология развития и соответствующая эпистемология является искомым третьим подходом к науке, позволяющим выбраться из тупиков знания ради знания и знания как тени существующего мира, его корреляционистского слепка.

Мы говорили о прикладном научном познании как применении открытых закономерностей об уже существующем как-то мире (истины как «естины») к решению консервативных социально-политических задач национальных государств, с экзистенциальными и моральными издержками на выходе.

Соответствующему пониманию науки, содержащему своего рода крипторелигиозность, якобы противостоит религиозная Истина как Замысел творца.

Это означает разделяемое религиозным и научным мировоззрением понимание мира как картины – законченного произведения или развивающегося по раз и навсегда определенным законам, даже если они еще не до конца известны[155].

[155] Ср. у *Хайдеггера*: «Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком. Где дело

Этому подходу к познанию действительно принципиально противостоит философское познание мира как всего лишь метафоры. О мире мы знаем лишь то, что он способен к развитию, оставаясь в себе объектом без цели, неприрученным, без надежды на его исчерпание в познании, но не сказать, что непознаваемым. Познание как развитие также предполагает принципиально иное понимание эпистемологических проблем. Об этом в последней части.

Вернемся к понятию развития. Первый вопрос, который просится здесь на язык: зачем вообще развиваться? Какое фундаментальное основание мыслимо для стратегии развития как особой деятельности, которое могло бы быть связано с научным познанием как способом и условием существования человечества и с соответствующим пониманием философской эпистемы?

Понятие «фундаментальное основание» совсем не случайно отдает тавтологией и в нашем случае вовсе не означает какой-то скрытой сущности, субстанции, бытия или Бога, стоящих за всем видимым и невидимым. Основание для развития требует уточнения самой идеи основания – оно оказывается аргументом, который объяснил бы желание развиваться, сам феномен развития. Ибо он не очевиден. Так, необоснованно было бы приписывать материальному миру саморазвитие априори – это лишь вывернутая наизнанку идея божественного Замысла, проекция его на объективный материальный мир. Но и на основании эмпирических наблюдений говорить о его развитии было бы тавтологично. Поэтому важно теоретически эксплицировать и технологизировать сам принцип развития. Основным аргументом здесь должна выступить онтологическая модель развития сущего, и только она могла бы стать основанием для любых других представлений о развитии как в области эпистемологии, так и в области социологии и антропологии.

доходит до картины мира, там выносится кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего» (Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления. 1993).

Зачем развиваться миру

Начнем с действительно базового уровня. Ну, во-первых, не «зачем», а почему. Говорить о цели мирового развития абсолютно религиозная затея. Цели у мира и истории быть не может, если, конечно, некий субъект не навязал ему такую цель либо сам мир не обладал бы подобным целеполаганием в качестве некоей субъект-субстанции.

Современная философия уже не хронологического или историко-культурного понимания времени, а скорее квантового, выбралась из тупиков философии Модерна, связанных с определяющей ролью суверенного субъекта и его разума, предполагающей понимание мира как всего лишь пучка его представлений, его «картины».

Вопрос о «почему» обусловлен фактом того, что мы как наблюдатели и участники подобного развития фиксируем качественные изменения мира в той его части, которую якобы знаем или в которую вмешиваемся практически, в производственной сфере. Итогом соответствующего наблюдения, вмешательства и понимания оказывается вариативность, непредсказуемость и неопределенность результата.

Что мы действительно знаем о «мире», кроме того, что это некая картина, нарисованная субъектом по им же самим сформулированным законам композиции? Под развитием здесь понимались бы лишь те сотни отличий, которые можно фиксировать при переходе от одной картины мира к другой или усложнении господствующих на сегодня взглядов на мир. Но развитие представлений, образа мира не есть собственное развитие объектного мира, даже если речь идет о «конструкте опредмечивающего представления» (Хайдеггер). А он ускользает от определенности, но наше в него пассивное или активное вмешательство как-то связано с этим обескураживающим результатом. Результат этот может означать для человечества и самоубийство, и вечную жизнь, причем одновременно.

В этом смысле развитие – это то, что не вписывается в устойчивую мировую картину, выходит за рамки наших онтологий. Можно, конечно, сказать, что развивающийся мир не совпадает с самим собой, является понятием условным, становясь чем-то тождественным себе только в рамках религиозного, псевдонаучного или художественного, мировоззрения. Но для сознания философского мир – это действительно не более чем метафора. И поэтому сказать, что мир – это яйцо, мир – это сущее в целом, мира не существует или миров множество – абсолютно равнозначные в своей необоснованности утверждения.

Мир – это то, что только человек способен называть миром. И здесь (внимание!) он оказывается миром для человека, «домом, которой построил Jack». На этом и сыграл в свое время Мартин Хайдеггер, перевернув аргументацию ad hominem – только человеку доступно бытие как принципиальная конечность сущего (Dasein), и, соответственно, мир, в котором мы живем, – это только наш мир, а бытие-в-мире предполагает доступную только человеческому бытию «мирскость»[156].

Но здесь ничего не сказано о том, может ли этот мир изменяться не только в представлениях людей, даже если это не субъективные фантазии, а социальные конструкты науки. Бытие у Хайдеггера не развивается в череде мировоззренческих декораций и смены научных парадигм, оно лишь деградирует. Но мир, независимо или в неопределенной связи с хайдеггеровским Dasein, продолжает развиваться.

Однако нельзя не согласиться с Хайдеггером в том, что говорить о развитии сознания в истории нужно из контекста соответствующих «картин». Сознание как «единое поле сознания», как цельная система мышления, интенционально направленная на внешнее и на самое себя, является в этом смысле лишь слепком, двойником его же картины мира – «сущего-в-целом».

[156] Лучше бы сказать «мерзкость», так как в этой, казалось бы, скромной и примирительной формуле заключена неимоверная по размаху претензия и целая политика исключения (лишенных подобной «мирскости» животных, например).

Но это не снимает вопроса о происхождении сознания, свойственной человеку страсти к познанию и целой бессознательной вселенной психического и нейрофизиологического, того, что в соответствующих науках выступает как до- и сверхэгологическое мышление.

Мир как Целое

Появление человеческого сознания является, безусловно, чем-то новым по отношению к миру, но одновременно делает возможным само его понятие. Не в том смысле, что мир в этом понятии просто осознается, существуя до этого бессознательно, а в том, что появляется как мир только в этом осознании. Однако опять же не как человеческая фантазия, а как конструкция, результат человеческой деятельности. Отсюда становится понятным, почему развитие не может быть приписано миру. Развитие налицо как появление чего-то нового из уже бывшего, но миром не являвшегося. Что же это такое?

Здесь понятно, что сущему в целом как предмету онтологии Модерна развиваться некуда, если мир заранее понят как такое целое. Абстракция целого в отношении всего сущего противостоит идее появления нового и развития прежде бывшего.

Хитрость здесь состоит в том, что любое Целое понимается нами как конечное, а не бесконечное множество предметов, свойств и отношений. Даже если понимать это целое только на основе бытия его элементов, то есть на основании того, что они как-то существуют, в него войдет только актуально сущее в целом так понимаемого бытия. Поэтому если сущее в целом, как утверждал Хайдеггер, лежало в основании и расшифровывало нововременную картину мира, то, скорее всего, Модерна действительно не было (Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006) или он основывался на другой идее – идее конечного мира, созданного человечеством «под себя».

Другими словами, проблема с определением «сущего в целом» состоит в том, что оно не понято, а только названо и противоречиво выражено. Оно не представимо, несмотря на характер представления и представленности его объектов. В нем мыслится ко-

нечная система элементов некоего целого, притом что само сущее не собирается ни в какое целое, о котором можно было бы говорить как таковом даже на основании того, что доступные нашему опыту элементы, аналогии, фантазии и представления как-то существуют.

Единственный способ сделать понятие «сущего в целом» хоть сколько-нибудь релевантным – допустить, что это такое сущее, в «целое» которого у нас есть вход через практику изменения этого сущего. Здесь важно понимать, что если «мир» – это относительное, релятивное понятие, то не обязательно только относительно человека. Мыслимы и другие, нечеловеческие акторы как возможные агенты мирового развития. Поэтому если происхождение человеческого сознания неразрывно связано с имманентным развитием мира объектов, то и, обратно, дальнейшее мировое развитие будет во многом зависеть от переосмысления роли в нем человека, осознания заблуждений корреляционизма, тупиков антропоцентризма и глобальных рисков антропоцена.

© Чубаров Игорь Михайлович

Шохин Владимир Кириллович*

РАЗДЕЛЯЯ «СИНОНИМЫ» И ВЫСТРАИВАЯ «ПАРАЛЛЕЛИ»: БАЗОВЫ/Е ТЕМЫ ФИЛОСОФИИ И ИНТЕРКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Основные результаты моих штудий можно условно расположить на хронологической карте в следующем порядке. Основной вектор можно было бы описать как движение от моей историко-философской alma mater в виде индологии к исследованию предметных структур философии с регулярным учетом компаративистской перспективы.

Впервые на русский язык с санскрита были осуществлены комментированные переводы базовых текстов двух системообразующих школ индийской философии с их каноническими толкованиями – «Ньяя-сутр» (III–IV вв.) с комментарием Ватсьяяны (V в.) и «Санкхья-карики» Ишваракришны (V в.) с комментариями Гаудапады (VII в.) и Вачаспати Мишры (X в.). Позднее издавались комментированные переводы с пали отдельных сутр буддийского канона «Типитака» и с санскрита толкований к «Брахмасутре» основателя адвайта-веданты («веданта абсолютного монизма») знаменитого Шанкары (VII–VIII вв.).

* Шохин Владимир Кириллович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии религии Института философии РАН.

Была предложена и новая периодизация истории индийской философии – на основе учета не только того, о чем мыслили индийцы, но прежде всего как они это делали, – и институционального принципа «школьной истории». Исследован был и ее начальный период, основанием чему послужили не только индийские первоисточники, но и общая концепция философии как теоретической рефлексии, реализующейся уже на начальном своем этапе в критике суждений (диалектика) и систематизации понятий (аналитика), применяемых в исследовании сущего, должного и самого познания. Было показано, что при учете этого «культурологического условия» истоки индийской *философской практики* (не философических прозрений, сколь бы впечатляющими они ни были) восходят не к мировоззренческим гимнам Вед и даже не к утонченному монистическому гносису Упанишад, как это обычно принято считать в индологии, но к дискуссиям шраманского периода индийской истории и культуры (середина I тыс. до н. э.), в которых уже рационально обосновываются pro и contra, диалоги пропонента не только с эмпирическим, но и виртуальным оппонентом. Было выяснено также, как это изначальное диалогическое, полемическое ядро индийского философского дискурса, восходящее в общем контексте древнеиндийской культуры к интеллектуальным соревнованиям первых ритуаловедов и языковедов, реализуется далее на протяжении всей его последующей истории. Это осуществлялось в реальном функционировании индийских философских школ в качестве участников общего *дискуссионного клуба*, а также в самой структуре памятников основного жанра индийской философской литературы – классического комментария. Он строился по диалогическому принципу (каждое положение пропонента отвоевывается у реальных и виртуальных оппонентов), находящему выражение и в структуре индийского многочленного силлогизма (который был сокращен до трехчленного только в буддийской школе Дигнаги – V в.). Впервые в индологии расписана и иерархия индийской школьной литературы: ядро каждой школьной традиции составляли базовые тексты (сутры и карики – см. выше), над которыми надстраивались комментарии трех категорий – нормативистские, учебные и теоретизирующие (в последнем случае смысловые матрицы базовых текстов станови-

лись лишь поводом для конструкции собственных теорий комментатора).

Этот полемический стиль индийской философской практики в двуединстве диалектики и аналитики (см. выше) с преимущественным вниманием к формальным правилам дискурса позволил усомниться в том, что аналитический тип философии (которая представляет собой набор не определенных доктрин или даже тем, а исследовательских методов) начинается вовсе не с Рассела и Мура, но восходит к истокам классической философской практики примерно одной и той же эпохи, в которую работали в Греции софисты и Сократ, в Китае – Гуньсун Луна и его «школа имен», а в Индии – старшие современники Будды и он сам. Хотя эта позиция не устраивает тех, кто считает (как учил Гегель) восточные философии не совсем философиями, по моему мнению, это объясняется и тем, что аналитическое философствование все-таки продолжают связывать с мировоззренческими установками неопозитивизма середины XX века, а не с определенной теоретической деятельностью – вопреки пониманию философии у такого первостепенного аналитика, как Витгенштейн. Но и Витгенштейн не открыл операциональную фактуру того типа философии, который он представлял: в комментарии Ватсьяяны к «Ньяя-сутрам» философия (*анвикшики = ньяя*) трактовалась как последовательность номинирования (и классифицирования), дефинирования и экзаменации дефинирования исследуемых объектов.

Переход от историко-философской индологии к структурным подразделениям предметной философии не оказался очень затруднительным, так как я изначально считал, что мы занимаемся любой историей философии не только для уточнения своеобразия соответствующей культуры, но и для того, чтобы делать актуальную философию. В общефилософском же контексте развитие основных тем осуществлялось мною через дифференциацию предметностей, смешиваемых, как правило, и теоретиками, и историками философии. Так, было предложено различение двух типов онтологии исходя из нетождественности понятий *бытия* и *реальности* как двух «равноправных» (в оппозиции Гуссерлю, считавшему реальное лишь

«внешним бытием», и Хайдеггеру, для которого реальное равнозначно лишь онтическому, но не онтологическому) измерений сущего на основании сопоставления онтологических вертикалей. В нетрансцендентальной «онтологии бытия» *иерархизация сущего* осуществляется при оставлении за скобками самого познающего субъекта (классический пример – категориальная «пирамида» Порфирия, вершину которой составляют высшие роды бытия, а подножие – низшие виды, которая находит прямые параллели в онтологической пирамиде школы вайшешика). В трансцендентальной же «онтологии реальности» (один из примеров – различение у Канта вещи в себе, объектов обычного и иллюзорного опыта) *квантификация сущего* организуется по отношению к субъекту и потому с необходимостью учитывает и многообразие ментальных объектов (вплоть до химеры, золотой горы, круглого квадрата и т. д.), для первого типа онтологии значения не имеющих. Выяснилось, что здесь философская компаративистика дает очень много: стратификация реальности у Шанкары и его последователей (еще раньше у буддистов Асанги и Васубандху – IV в.) может быть типологически исходной для понимания, например, близких онтологических вертикалей у Брэдли и других западных идеалистов, начиная еще с Беркли. И она позволила установить общую онтологическую дигрессию в идеалистических системах, в которых различаются существование Абсолюта, эмпирических объектов и ментальных.

Однако ни восточные, ни западные философские направления до совсем недавнего времени не работали с едва ли не самым интересным классом *ментальных объектов* (хотя воображаемым объектам типа перечисленных выше внимание уделялось, а на Западе – особенно в период второй схоластики – и весьма значительное). Здесь я обратил внимание на то, что, хотя феномен *художественного сопереживания* сопровождает историю литературы изначально и постоянно, онтологические основания этого феномена начали специально проблематизироваться только с 1970-х годов – в виде теорий «парадокса беллетристики» (the paradox of fiction), инициированных Колином Рэдфордом, в соответствии с которыми речь идет о парадоксальном сопереживании несуществующему как существующему. «Отрецензировав» эти теории, я пришел к выводу о

том, что на деле никакого парадокса нет, а представление о нем порождено лишь одноэтажной редукционистской онтологией, которая приходит в противоречие и с феноменологией художественного сопереживания, но также и с теми индексами самого существования, которые предоставляет европейская философия и которые имеют надежные параллели и за ее пределами – с перцептивностью и каузальностью. Второй из этих параметров был проакцентирован мною более подробно: *активность объектов* художественного сопереживания по отношению к его субъектам сообщает им несопоставимо более высокий онтологический статус, чем химерам и золотым горам (не говоря уже о круглых квадратах). Это дало основания не только для опровержения идеи онтологической фиктивности объектов художественного сопереживания, но и для выдвижения специальной концепции качественной *неоднородности существования* (помимо и идеи возможности его квантифицирования).

В итоге различаются онтология «объективная» и «субъективная». Но аналогичным образом (и еще ранее) я стал различать общечеловеческие естественные *потребности* и неделимые личностные *значимости*, которые, как правило, однозначно смешиваются (даже у М. Шелера «ценностные модальности» соответствуют лишь потребностям – витальным, эстетическим, этическим, духовным) и которыми я стал заниматься значительно раньше. Но и среди вторых я предложил различать по крайней мере три класса – в виде *предпочтений*, *благ* и *ценностей*, которые можно расположить на различных уровнях шкалы персональных значимостей (а не все сливать в третий «отсек», как это обычно делается, что давно ведет к «обесцениванию ценностей»). Так, предпочтения (домен вкуса) мы разделяем с очень большим количеством людей, блага (домен практического разума) являются интерсубъективными, а ценности (домен сердца) чисто субъективны, и человек может иметь «чужие ценности» не в большей мере, чем родиться или умереть за кого-то другого. Хайдеггер был прав, призывая прислушиваться к языку, а русский язык является единственным (и в этом смысле гениальным) в том, что «ценность» (ср. «драго-ценность») в нем и морфологиче-

ски отделяется от «стоимости» (ср. value, Wert, valoir, valore и т. д., где оба значения слиты), и только в одном русском языке также морфологически «благо» отделяется от «добра» (лишь от первого можно, а с философской точки зрения и должно, образовывать множественное число, не от второго). Очень долгий и неуверенный путь европейской философии к персоналистическому пониманию ценностей был воспроизведен в специальной монографии, посвященной ранней («додисциплинарной» аксиологической мысли). Но именно блага занимают то место среди значимостей, что именно они могут считаться основными *субстратами целеполагания*, т. е. рациональной деятельности субъекта, направляемой духовно-нравственной интенциональностью.

В связи с этой дифференциацией мною была инаугурирована новая субдисциплина – на границе этики и антропологии – под названием *агатология* (учение о благах). Впервые была проведена реконструкция учений о благах за более чем двухтысячелетний период истории мысли – от древней Индии, Китая и греко-римских школ до нововременной философии и современной аналитической традиции. В рамках этого проекта агатологическая этика была противопоставлена «большой триаде» современных больших программ этики в виде этики утилитаристской, деонтологической и аретической (здесь я солидаризовался с Ф. Шлейермахером, считавшим блага приоритетными по отношению к обязательствам и добродетелям). В том же контексте было предложено «встроение» *агатологической телеологии* (как развития идеи Аристотелевой «практической рассудительности» в качестве «строительной науки») в фундамент всей практической философии (здесь моим предшественником был в определенном смысле Я.-Ф. Фриз) и восстановление приоритетов благ в сравнении с добродетелями и обязательствами.

В области наук о религии и «наук о духе» была проакцентирована необходимость дифференциации философии-о-религии и философии-в-религии (которые, как правило, «синонимизируются» в англо-американской, а нередко и в европейско-континентальной традиции, как, впрочем, и в отечественной), с настойчивостью на предметном разделении философии религии и рациональной теологии. Было предложено учитывать, что предметом первой по опреде-

лению должен быть сам многомерный феномен религии, а не объекты религиозных верований, и что между ними существует не меньшее различие, чем между развитием науковедения и самой науки.

Так была написана первая история именно философии-о-религии и предложена ее периодизация. Три способа периодизации, наличные в историографии, были сочтены неудовлетворительными. И первая, исходившая из того, что философия религии восходит уже к самим религиозным мировоззрениям и продолжается теологиями (что равнозначно было бы тому, чтобы начинать историю литературной критики с самого народного эпоса, а продолжать историей романов). И вторая, предполагавшая, что ее история может хотя и начинаться с самих религиозных мировоззрений, но продолжаться самой «философской наукой о религии» (что было бы равнозначно, например, тому, как если бы философия права могла начинаться с кодекса Хаммурапи, а продолжаться школами естественного права). И даже третья, наиболее близкая к рациональности, которая ограничивается только «философской наукой о религии» (так как философская рефлексия о религии должна начинаться здесь только в Новое время и Просвещение, что никак не соответствует действительности). Поскольку же философия, в отличие от «обычных наук», является авторефлективным дискурсом по преимуществу (если, например, вопрос о том, что такое химия, не является химическим, а биология – биологическим, и эти науки вполне могут нормально развиваться, не вникая в свое самосознание, то для философии вопрос о ее собственной природе был многие века первостепенно важным). А потому в эту периодизацию было заложено становление религиологической авторефлексии. Положив в основание деления ее исторического пространства 1772/73 годы, когда появились первые ее трактаты в виде «философий религии» З. фон Шторхенау и Ф. Пара дю Фанжаса, кажется, удалось решить вопрос, дискутировавшийся в отечественной литературе, с какого мыслителя начинается «настоящая философия религии» (предлагались кандидатуры и Спинозы, и Юма, и Канта, и даже Гегеля). От этого времени только и можно отсчитывать начало философии ре-

лигии как отдельной философской дисциплины (значительный вклад в ее становление в этом качестве внесли уже первые кантианцы, начиная с К. Рейнгольда). Но было показано, что и «доавторефлективные» стадии этой рефлексии восходят не к Новому времени, а еще к античности, когда было дано не только первое определение религии (у Цицерона), но и оформлены все три отношения философии к традиционной религии – в виде ее натуралистической деконструкции, философской апологии и создания «философской религии» -– сохранившиеся до настоящего времени.

Другая дифференциация «синонимов», которую я реализовывал в связи с философской теологией, – это вопрос о рациональном статусе основных теистических утверждений, в первую очередь о существовании Бога. Если в англо-американской философии мало кто сомневается, что речь может идти здесь о *логических доказательствах* (отсюда синонимизация понятий arguments и proofs), если и не о дедуктивных, то об индуктивных (вероятностных), вследствие недостаточного понимания различия между самими «фактурами» мышления в естественных науках и в теологии (пусть и философской), то я настаиваю на том, что мы можем говорить здесь об аргументации в рамках *неформальной логики* -– абдуктивного типа («метод остатков» в первую очередь). Оно имеет скорее диалектический, чем логический статус (при возможности применения такого понятия, как метод остатков), а потому можно говорить не о доказательности, а об убедительности. Что же касается классификации этих обоснований, то их правильнее делить не на априорные и апостериорные (как тоже очень принято в аналитической теологии), но на умозаключения от – от лучшего объяснения и от философских понятий, при этом «тест на убедительность» лучше проходят первые (от разумного замысла, религиозного опыта и другие), чем вторые (онтологическое и космологическое).

Поскольку же речь идет о рациональности в рамках неформальной логики, которую противоразумно «сциентизировать», специальное внимание было уделено *иллюстративной аргументации*, которая едва ли не с самых начал философской теологии была задействована в апологии базовых религиозных верований. Я и здесь предложил их дифференциацию, различив простые аргументы от

аналогии (обоснование разумного устройства мира через параллели с деятельностью архитектора жилых сооружений уже у стоиков), полемические аргументы типа reductio ad absurdum (приравнивание Цицероном картины мира эпикурейцев к допущению того, что «Анналы» Энния могли быть «написаны» вихревым движением латинских литер, брошенных наудачу ветром) и развернутые иллюстрации-притчи. Таково, например, сравнение у Энтони Флю после его обращения в «аристотелевский теизм» из атеизма его бывших единомышленников с людьми, живущими на острове и убежденными в том, что звуки, улавливаемые радиотелефоном, производятся не внешними абонентами, а самим этим устройством.

В настоящее время мои исследования в выделенных «регионах» продолжаются. Фокус индологических штудий частично смещается в область системного изучения индийских классификаций дисциплин знания в текстах политологических, законоведческих и, конечно, философских, где эти дисциплины осмысляются в контекстах целей человеческого существования и специально в определении места, занимаемого в их систематизации самим философским дискурсом. В области изучения истории интеркультурной онтологии на очереди стоят дальнейшие уточнения типов иерархизации сущего – как «объективистского», так и трансцендентального. В философии религии интерес и актуальность представляет возможность уточнения модальностей отношений религиозного субъекта к «религиозному другому»: помимо эксклюзивизма, инклюзивизма и релятивизма целесообразно рассмотрение еще одного типа, который можно назвать преференциализмом. В философской теологии представляется актуальным рассмотрение ее ресурсов в качестве важнейшего основания для межрелигиозного диалога, обеспечивающего очень востребованный в современном мире баланс между крайностями экспансионизма и политкорректности. А в области практической философии на очереди стоит аретология (учение о добродетелях), прежде всего изучение истории античной схемы четырех кардинальных добродетелей (рассудительность, мужество, терпение, справедливость), их апроприации в христианстве и их сопоставлении с каталогами добродетелей в Индии и Китае.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Лунный свет санкхьи: Ишваракришна, Гаудапада, Вачаспати Мишра. Изд. подгот. В.К. Шохин. – М.: Ладомир, 1995. – 325 с.
2. Ньяя-сутры. Ньяя-бхашья. Историко-философское исследование, перевод с санскрита, комментарий В.К. Шохина. – М.: Восточная литература, 2001. – 504 с.
3. Шохин В.К. Школы индийской философии. Период формирования (IV вв. до н. э. – II в. н. э.). – М.: Восточная литература, 2004. – 413 с.
4. Шохин В.К. Стратификации реальности в онтологии адвайта-веданты. – М.: ИФ РАН, 2004. – 289 с.
5. Шохин В.К. Так называемый парадокс художественной литературы и трансцендентальная онтология // Философский журнал / Philosophy Journal. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 20–35.
6. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. – М.: РУДН, 2006. – 455 с.
7. Шохин В.К. Философия практического разума: агатологический проект. – СПб.: Владимир Даль, 2020 – 421 с.
8. Шохин В.К. Философия религии и её исторические формы (античность – конец XVIII в.). – М.: Альфа-М, 2010. – 783 с.
9. Shokhin V. “Vishnu the Greater” and “Vishnu the Smaller”, or on the Continued Widening of Philosophy of Religion’s Zone // European Journal for Philosophy of Religion. – 2019. – Vol. 22. – № 4. – P. 197–207.
10. Шохин В.К. Философская теология: канон и вариативность. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 495 с.
11. Шохин В.К. Философская теология: вариации, моменты, экспромты. – СПб.: Издательство СПБДА, 2022. – 509 с.
12. Shokhin V. Natural Theology, Philosophical Theology and Illustrative Argumentation // De Gruyter Open Theology. – 2016. – Vol. 2/1. – P. 804–817.

© Шохин Владимир Кириллович

Янгутов Леонид Евграфович*

ФИЛОСОФИЯ И СОТЕРИОЛОГИЯ БУДДИЗМА СТРАН ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В докладе рассматриваются проблемы исследования буддизма, получившего распространение в странах Дальнего Востока и Центральной Азии. Выделяются два мира махаянского буддизма – китайский и тибетский. Представлены специфические особенности этих миров в сравнительном аспекте. Показана значимость философии и сотериологии как важнейших компонентов буддийской теории и практики. Определены место и роль буддизма в современном мире, его потенциал в решении проблем третьего тысячелетия.

Ключевые слова: философия, сотериология, мир махаянского буддизма, праджняпарамита, абхидхарма, герменевтика, «материнский» буддизм.

Богатая философская традиция буддизма, которая обеспечивает единство и взаимосвязь его религиозных, социальных и культурных компонентов на каждом конкретном отрезке его исторического развития, обеспечивает исключительную устойчивость его влияния на цивилизационное развитие стран Дальнего Востока и Центральной Азии.

* Янгутов Леонид Евграфович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, координатор работы отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Философия, составляя важнейший компонент буддийской теории и практики, выступает системообразующим началом, обусловливает его этические, социальные и политические аспекты и практики в повседневной жизни. Она тесно переплетена с сотериологией, являющейся доминантой всего буддийского комплекса. Именно по сотериологическому принципу произошло разделение буддизма на Хинаяну и Махаяну, при этом сотериология составила динамическую часть буддийского учения, а философия – консервативную. Это было обусловлено уже исходными для буддизма четырьмя благородными истинами.

Первые две истины, утверждающие, что жизнь – страдание, а страдание имеет причину, определили философско-мировоззренческую направленность буддизма, а две другие истины, объявляющие возможность и путь избавления от страдания, определили сотериологическую стратегию, оказавшую большое влияние на эволюцию его школ и направлений за пределами его исторической родины – Индии.

Философская и сотериологическая стратегии буддизма оказали большое влияние и на формирование нравственной ориентации личности в социальном пространстве ареала его распространения в странах Дальнего Востока и Центральной Азии, принимая при этом активное участие в политической, общественной и культурной жизни этих стран.

Комплексное исследование философского и сотериологического содержания буддизма в Китае, обусловившего его дальнейшее развитие на Дальнем Востоке и буддизма в Тибете, оказавшего влияние на развитие буддизма в Центральной Азии, позволило предложить концептуальный подход к пониманию исторического развития махаянского направления буддизма за пределами Индии и его современного состояния в контексте дивергентных цивилизационных процессов прошлого и настоящего, согласно которому сделан вывод о том, что китайские и тибетские герменевтические стратегии определили направление формирования двух миров махаянского буддизма на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. И именно различия в их герменевтической стратегии стали одной из

важнейших причин того, что два мира махаянского буддизма за пределами Индии стали формироваться в разнополярных направлениях.

Сформулирована идея, что буддийский мир Китая, сконструированный в результате столкновения двух равных по древности и по своему богатству великих цивилизаций, обусловивших качественно новый этап развития буддизма на Дальнем Востоке, является в своей сущности феноменом китайской цивилизации, в то время как буддийский мир тибетцев – благодаря стремлению тибетцев добиваться максимальной аутентичности и преемственности с индийским («материнским») буддизмом – представляет собой индотибетское направление буддизма.

Обосновано, что разнообразие и гибкость адаптационных возможностей буддизма, представленных в многообразии форм трансляции буддийской традиции, позволяют сохранять в современном мире его традиционное содержание, обеспечивать ее привлекательность вне конфессиональных границ, укреплять его позиции на этнокультурном, национальном и государственном уровнях, а его субъектам – участвовать в межкультурном и межконфессиональном диалоге.

В отличие от точки зрения современных представителей критического направления буддизма, набирающего все больше сторонников, утверждающих, что буддизм, получивший распространение в Китае, является неистинным, еретическим, искажающим учение подлинного буддизма, установлено и обосновано, что формирование китайского мира махаянского буддизма – это закономерный результат дальнейшего развития буддизма на Дальнем Востоке, позволяющий говорить о китайском буддизме как логическом продолжении развития положений буддизма, содержащихся в классических текстах буддизма Махаяны, созданных на его родине в Индии.

Понятие «китайский буддизм» необходимо отличать от понятия «буддизм в Китае»[157]. Буддизм в Китае включает в себя все школы хинаяны и махаяны, пришедшие в Китай из Индии и получившие там распространение.

В первые века нашей эры в Китай проникали учения практически всех школ и направлений махаяны и хинаяны, а позже ваджраяны. Китайский буддизм не включает в себя школы хинаяны и ваджраяны.

Китайский буддизм – это буддизм махаяны. Но не все школы махаяны представляют собой китайский буддизм. Среди школ махаяны различаются школы, оформившиеся на базе индийских школ, как, например, школа саньлунь – китайский вариант мадхьямаки – и школа фасян – китайский вариант йогачары, а также школы, не имеющие своего прообраза в индийском буддизме. Это школы тяньтай, чань хуаянь и цзинту. Философское и сотериологическое учение этих школ и представляет собой китайский буддизм[158].

Сформированный в Китае в результате трансформации китайский буддизм открыл новый (мгновенный) путь к спасению, который не противоречил индийскому («материнскому») постепенному пути спасения, а лишь дополнял его. Новому пути была дана собственная философская интерпретация, созвучная китайскому менталитету и сохранившая при этом логический контекст индийской («материнской») философии.

Определено, что понятийный аппарат философии китайского буддизма оформился в русле праджняпарамитских идей. Он отразил основные аспекты трансформации философских и сотериологических принципов буддизма в Китае. Его формирование произошло в результате взаимовлияния понятий индийского буддизма и философской традиции Китая, для которой была характерна терминоло-

[157] См.: Янгутов Л.Е. Трансформация религиозных и философских принципов буддизма в цивилизационном пространстве Китая // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 184.

[158] См.: Янгутов Л.Е. Единство, тождество и гармония в философском учении китайского буддизма. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1995. С. 41.

гическая устойчивость, обусловленная недоверием китайцев ко всему новому, нетрадиционному. В традиционной китайской философии новые идеи облекались старыми терминами и понятиями. Такая практика передачи новых идей обусловила полисемантизм и взаимосвязанность терминов китайской философии и в конечном счете их символический характер, доходящий порой до совмещения различного содержания. Символический характер терминов китайской философии способствовал переводу санскритских терминов на китайский язык через непосредственное использование семантически соответствующих терминов китайской философии, а их устойчивость обеспечила преимущество перевода через калькирование над транскрипцией[159].

Выявлено, что формированию собственно китайской махаянской традиции предшествовало преодоление возникших трудностей, обусловленных различиями двух мировосприятий – китайского и индийского. Китайское мировосприятие, ориентирующееся на прагматические ценности, вступило в противоречие с индийским мировосприятием с его ориентацией на духовные ценности. Вступили в противоречие натурфилософские установки китайской философской традиции и психологизм индобуддийской философской традиции[160]. Преодоление этих противоречий явилось одним из важных факторов формирования китаизированных форм буддизма.

Сравнительное исследование китайского и тибетского миров буддизма выявило, что видимое многообразие буддизма и его проявление в повседневных практиках, социокультурных и политических процессах Китая, Японии, Кореи, Тибета, Монголии и России (Бурятии, Калмыкии и Тыве) основывается на его фундаментальных философских установках, сформировавшихся и развивавшихся в

[159] См.: Буров В.Г. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня. М.: Наука, 1976. С. 3.

[160] См.: Торчинов Е.А. Даосско-буддийское взаимодействие: Теоретико-методологические проблемы исследования // Народы Азии и Африки. М., 1988. № 2. С. 48.

непосредственной зависимости от его сотериологических приоритетов.

Выявлена роль абхидхармических и праджняпарамитских принципов в развитии буддийской философии и сотериологии и формировании миров махаянского буддизма в Китае и Тибете. Выдвинуто положение о том, что Абхидхарма и Праджняпарамита являются двумя традициями буддизма, определившими все его философское мироощущение. Исходя из этого положения обосновано, что исследование философского учения школ китайского и тибетского буддизма необходимо ввести в контекст праджняпарамитских и абхидхармических традиций, что даст возможность более глубокого и всестороннего анализа сущностных характеристик буддийского учения в его исторической эволюции, обеспечившей устойчивость и единство мировоззренческих принципов буддизма на каждом историческом этапе его развития.

В Тибете материнская (индийская) линия праджняпарамитского учения не претерпела существенных изменений, было продолжено развитие индийских принципов праджняпарамитской философии, в соответствии с этим было продолжено и развитие сотериологических приоритетов постепенного пути. Индо-тибетская версия праджняпарамиты была в полной мере воспринята в Монголии и Бурятии.

Философия китайского буддизма – это философия, ориентированная на человека. Ее суждения о природе Будды представляют собой не что иное, как попытку объяснить природу человека в понятиях в контексте буддийской концепции истинно сущего, которое понимается как изначальная, не тронутая внешним опытом, истинная природа человека. Обосновано, что в текстах, развивающих основные принципы философии китайского буддизма, истинно сущее или природа Будды имманентно индивидуальным сознаниям и не может мыслиться вне их. Ее неадекватность психическому состоянию каждого из индивидуальных сознаний не означала дуализма природы Будды как истинно сущего и индивидуального сознания. Представления о дуализме возникают вследствие омраченности сознания, не осознающего своей тождественности истинной природе

– природе Будды. И здесь очень важно помнить, что индивидуальное сознание не есть производное от истинно сущего, а есть тождество с ним. Но тождество в данном случае – это не абсолютное равенство. Оно подобно тождеству нирваны и сансары, рассмотренному в психологическом контексте. В конечном счете существует только истинное сознание, которое проявляет себя в ложном Я, наделенном эмоциями, чувствами и желаниями, порождающими, в свою очередь, мир внешних объектов и ощущений[161].

Буддийский мир Китая, «сконструированный» благодаря специфической герменевтической стратегии адаптации и китаизации буддизма, является в своей сущности феноменом китайской цивилизации, тогда как буддийский мир тибетцев и монгольских народов был, благодаря тибетской стратегии обеспечения максимальной аутентичности и преемственности с махаянским буддизмом Индии, тесно связан с индийской махаяной

Определено, что важнейшей функцией буддизма, наряду с компенсаторной, является интегративная, когда философско-сотериологические установки, определяющие буддийские религиозные символы, ценности, обряды, способствуют сплоченности общества, обеспечивают его устойчивость и стабильность. На протяжении исследуемого исторического периода мировоззренческая функция буддийской религии, строящаяся на религиозной вере, оставалась в целом неизменной, но приобретала новые коннотации в связи с общей рационализацией общественного и индивидуального сознания и под воздействием политико-идеологических установок в государстве.

Богатый потенциал философского наследия буддизма обусловил высокую степень его адаптивности и взаимодействия с традиционными обществами в странах Центральной Азии и на Дальнем Востоке, которые характеризуются различными культурными, социальными, политическими и природными условиями. Эту способность он не утратил и в нынешнем третьем тысячелетии. Он про-

[161] См.: Янгутов Л.Е. Единство, тождество и гармония в философском учении китайского буддизма. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1995. С. 192.

должает реагировать на все явления и процессы – социальные, политические, экологические, происходящие в современном мире, остро реагируя на последствия глобализации и информатизации.

Сегодня перед учеными стоит актуальная задача исследования философского потенциала буддизма, его возможности обеспечить адаптацию к современным вызовам третьего тысячелетия, его влияния на государственные структуры и общественные институты, а также на представителей различных слоев общества. Необходимо исследование места и роли буддизма в современном мире, его роли в решении современных проблем третьего тысячелетия.

Использованная литература:

1. Янгутов Л.Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1995. – 222 с.
2. Янгутов Л.Е. Трансформация религиозных и философских принципов буддизма в цивилизационном пространстве Китая // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 182–192.
3. Буров В.Г. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуаньшаня. М.: Наука, 1976. 221 с.
4. Торчинов Е.А. Даосско-буддийское взаимодействие: Теоретико-методологические проблемы исследования // Народы Азии и Африки. М., 1988. № 2. С. 45–54.

Избранные публикации автора:

1. Янгутов Л.Е. Философское учение школы хуаянь / Л.Е. Янгутов. – Новосибирск: Наука, 1982. – 143 с.
2. Янгутов Л.Е. Единство, тождество и гармония в философии китайского буддизма / Л.Е. Янгутов. – Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1995. – 222 с.
3. Янгутов Л.Е. Китайский буддизм: тексты, исследования, словарь / Л.Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 1998. – 160 с.

4. Янгутов Л.Е. Традиции Праджняпарамиты в Китае / Л.Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2007. – 272 с.
5. Янгутов Л.Е. Традиции Абхидхармы в Китае / Л.Е. Янгутов, А.К. Хабдаева. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. – 276 с.
6. Янгутов Л.Е. Религиозные верования в политической культуре императорского Китая. / Л.Е. Янгутов, О.Р. Халтаева – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2016. – 156 с.
7. Янгутов Л.Е. Презентация индийской Абхидхармы в китайской и тибетской йогачаре / Л.Е. Янгутов, А.Ц. Гулгенова. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского научного центра СО РАН, 2018. – 169 с.
8. Янгутов Л.Е. Полемика о душе в религиозной традиции Китая / Л.Е. Янгутов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35. – Вып. 4. – С. 674–683.
9. Янгутов Л.Е. Идея гармоничного мира в современной идеологической стратегии КПК, её духовные истоки / Л.Е. Янгутов // Вестник Бурятского научного центра СО РАН, 2021. – № 4 (44). – С. 75–81.
10. Янгутов Л.Е. Трансформация религиозных и философских принципов буддизма в цивилизационном пространстве Китая / Л.Е. Янгутов // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 182–192.

© Янгутов Леонид Евграфович

Доклады кандидатов по специальности «социология»

Левашов Виктор Константинович*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ОБЩЕСТВА: ТЕОРИЯ, ИЗМЕРЕНИЯ, СТРАТЕГИИ

Понятие «устойчивость» в приложении к обществу («социальная устойчивость») существует в диалектической связи с понятием «неустойчивость», экстремумом которой является кризис общества вплоть до распада. Социальная устойчивость слагается из относительно самостоятельных сфер общественной жизни: социально-экономической, социально-политической, социально-идеологической, социально-психологической устойчивости.

В наших работах о развитии российского общества конца XX – начала XXI века разрабатывается понятие **«социально-политическая устойчивость»**. В предлагаемом докладе излагаются результаты социологического мониторинга социально-политической устойчивости российского общества «Как живешь, Россия?», проводимого под научным руководством автора в Институте социально-политических исследований РАН в 1992–2022 гг. Глубина, масштабность и неоднозначность результатов социальных и политических преобразований в российском обществе и государстве поставили вопрос о теоретическом обосновании и создании адекватной социологической измерительной системы устойчивости

* Левашов Виктор Константинович – доктор социологических наук, директор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

общества. Принципиальная научная новизна подхода, предложенного автором в этой области в социологической теории и практике, заключается в следующем:

автор впервые в отечественной социологии ввел в научный оборот понятие «устойчивое развитие» и подверг философско-социологическому анализу содержание этого понятия;

рассмотрел соотношение глобальных и региональных аспектов концепции устойчивого развития в применении к России;

разработал метод измерения и анализа социально-политических процессов на основе введения системы категорий «устойчивое развитие – стабильность – кризис – катастрофа – распад» и эмпирических показателей;

на обширном социологическом материале провел системный анализ социально-политических процессов в российском обществе в период радикальных реформ, построил сценарные прогнозы и предложил научные рекомендации для разработки и формирования социальных аспектов устойчивого развития.

Социально-политическая реальность в каждый конкретный момент жизнедеятельности социума складывается как диалектическое взаимодействие процессов социализации государства и этатизации общества и отражается в массовом сознании в виде суждений, мнений, оценок, ориентаций, ожиданий, прогнозов, которые исследуются методами эмпирической социологии.

Перевод вербальных определений в квантифицируемые показатели предполагает создание системы социальных индикаторов, которые измеряются эмпирическими методами, в том числе с помощью репрезентативных опросов общественного мнения. Каждому из индикаторов придается своя шкала значений, в своей совокупности они использованы автором для построения **интегрального индекса социально-политической устойчивости общества (ИСПУ)**.

Измерение социально-политической устойчивости общества производится в условном квантифицированном континууме от [+100] до [-100]. Связь состояний системы, выражаемая в понятиях системного анализа, с узловыми точками указанного континуума, была определена следующим образом: **устойчивость (+100), ста-**

бильность (+50), кризис (0), катастрофа (-50), распад (-100) (см. схему 1).

Схема 1

Критерии квантификации и понятия социально-политического континуума были определены с учётом международного опыта изучения социально-политических отношений[162].

Устойчивое социально-политическое развитие означает, что в системе отношений «политические партии – государство – общество» происходит самоподдерживающееся оптимальное при данных условиях согласование интересов, что создает для всех субъектов и институтов системы социально-политических отношений режим устойчивого развития в настоящем и ближайшем будущем.

Стабильное социально-политическое развитие означает, что система отношений стабильно функционирует в настоящем и способна справляться с нарушениями равновесия (дисфункциями по Парсонсу) за счет действия внутренних регуляторов и резервов, однако развития системы не происходит.

Кризис социально-политических отношений означает нарушение состояния равновесия и появление тенденций деградации и возможной катастрофы системы.

Катастрофа наступает при разрушении системы, распаде ее на отдельные части, разрыве связей между субъектами социально-политической сферы.

[162] В частности, при конструировании шкалы социально-политической устойчивости, отборе индикаторов и индексов были учтены результаты сравнительного анализа социологических методик, используемых в разных странах, проведенного известным французским социологом М. Доганом.

Распад означает гибель данной системы социально-политических отношений с уничтожением всех или большей части ее составляющих.

Обобщенное выражение динамики социологических индикаторов и индекса социально-политической устойчивости (ИСПУ) за весь период наблюдений представлено в сконструированном континууме. Из графика видно, что все составляющие имеют устойчивое отрицательное значение и находятся в зоне кризисного развития (см. график 1).

График 1

Динамика интегрального индекса и индикаторов социально-политической устойчивости

Общие выводы исследования динамики ИСПУ представлены ниже.

Во-первых, начиная с конца 2014 года сформировалась и сохраняется тенденция отчуждения населения от социально неэффективной проводимой политики реформ и минимизации последствий санкций. Пока эта тенденция демпфируется политической поддержкой граждан действий Президента РФ по реализации целей специальной военной операции на Украине. Сегодня большая часть населения не доверяет новым группам элиты: банкирам, крупным предпринимателям, должностным лицам госаппарата, правоохранительным органам. В обществе сохраняется фундаментальное социально-политическое противоречие: государство своей политикой в экономической и социальной сферах не успевает отвечать на жизненно важные запросы общества, а общество, исчерпывая внутренние резервы выживания, теряет мотивацию поддержки реформ.

Во-вторых, как показывает тренд ИСПУ 1992–2000 годов, у большинства населения сложилось негативное отношение к эффектам и результатам радикальных реформ 90-х. Этот фактор будет продолжать оказывать дестабилизирующее влияние на социально-политическую ситуацию в стране. Правительству не удалось выполнить главную политическую задачу реформ – создать в обществе стойкую убежденность в эффективности и справедливости проводимой политики преобразований. Отсутствие в общественном сознании консолидирующих социальных и политических образов и смыслов актуального настоящего и будущего разобщает социальную базу гражданского общества и правового государства.

В-третьих, в течение всего периода реформ продолжает воспроизводиться тотальная социально-политическая отчужденность, которая складывается из двух потоков негативных явлений, «разрывающих» страну: социальной дезинтеграции и политического отчуждения населения от системообразующих институтов власти. По мнению большинства населения, увеличиваются противоречия между бедными и богатыми, власти не заботятся о жизни простых людей, центр не проводит политику в интересах регионов, граждане не чувствуют себя участниками событий в стране и не могут на них

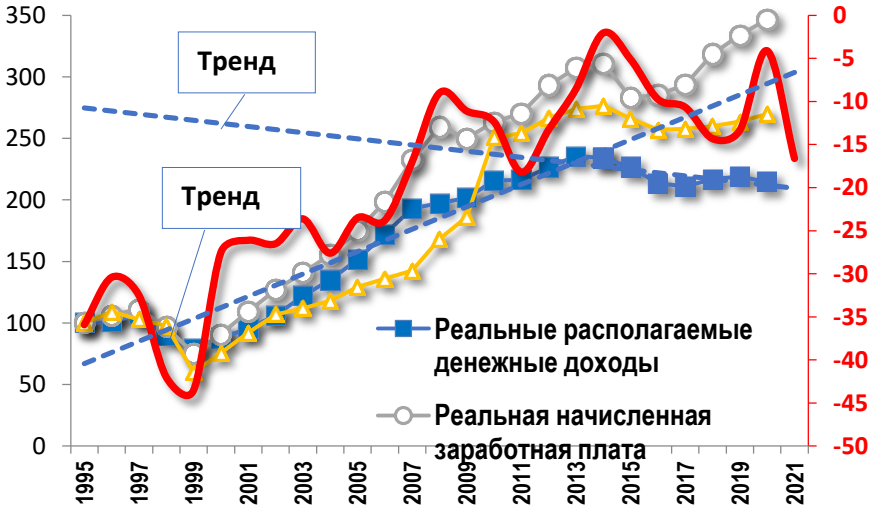
влиять. Гражданское общество и государство теряют накопленные в прошлые периоды резервы социально-политического единства.

В-четвертых, политическая система общества в ее нынешнем виде не удовлетворяет подавляющее большинство граждан. Элитарные механизмы власти вошли в противоречие с потребностью российского гражданского общества в проведении широких социальных реформ, которые можно осуществить только при задействовании высокой социальной мотивации граждан в системе социально-политических отношений. Процесс отчуждения общества от власти привел к качественным изменениям в доверии граждан к исполнительной власти. Динамика социологических показателей показывает, что в обществе развивается социально-политический кризис, разрешение которого невозможно без продолжения модернизации системы публичной власти, её приближения к народу.

Мониторинг общественного мнения, безусловно, является зеркалом социальных изменений. Используемые в социологии эмпирические методы дают возможность оценить изменения в материальных условиях жизни, потребностях населения лишь косвенным образом, через их отражение в сознании людей. Сопоставление динамики интегрального индекса социально-политической устойчивости (субъективного показателя) с основными объективными показателями, характеризующими изменение состояния экономики, дает следующую картину (см. график 2).

График 2

Основные виды денежных доходов населения в реальном выражении
(1995 = 100)



Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России: Статистический сборник // Госкомстат России. М., 2002; Российский статистический ежегодник – 2010 г., Российский статистический ежегодник – 2016 г., Российский статистический ежегодник – 2021 г.

Анализ динамики объективных социально-экономических и субъективных социально-политических показателей развития российского общества в период радикальных реформ показывает, что в стране происходило **противоборство двух социально-**

политических тенденций. Первая определяется совокупным действием тех социальных и политических сил, которые стремятся продолжить курс радикального неолиберального реформирования. За этой тенденцией стоит сравнительно небольшая часть общества: крупная буржуазия и новая бюрократия, которая обслуживает квазилиберальные реформы. На практике курс радикальных реформ выразился в переделе общественной собственности в интересах узкого слоя крупных отечественных и зарубежных собственников и создании привилегий для узкого круга лиц, допущенных к управлению, владению и распоряжению ключевыми отраслями экономики. В результате в стратегическом плане движение России по пути экономического и социального прогресса было обращено вспять, стратегическим партнерам и соперникам созданы преимущества за счет дискриминации национальных политических и экономических интересов России.

Антисоциальные результаты реформ и вызванное ими тотальное обнищание населения стали основанием для **второй социально-политической тенденции** российского социума: общество осознаёт пагубность радикальных реформ и необходимость принятия нового пути развития, учитывающего стратегические интересы большинства граждан российского общества.

Будущее устойчивое развитие страны вызревает на платформе осознания национально-государственных интересов и социальных приоритетов, равноправного вхождения России в систему международных экономических отношений, задействования позитивных социальных механизмов мотивации труда в целях создания социально устойчивого демократического сообщества народов, проживающих на постсоветском пространстве и евразийских территориях. Россия подошла к развилке выбора траекторий движения в будущее. В одном случае может произойти абсолютизация властных ресурсов на стороне элитарного либерального корпоративного меньшинства, контролирующего государство, в ущерб обществу, и тогда наступит деградация социума. На другой траектории власть и ее ресурсы могут быть бездумно распылены в обществе, и тогда в стране может вновь, как это было в 90-х годах XX века, воцариться

хаос. Необходим комплекс сознательных усилий, чтобы страна пошла **по траектории устойчивого развития, на которой государство эффективно реализует в политике интересы большинства населения.**

Послевоенный опыт успешных экономических реформ в Европе и Азии показывает, что существуют фундаментальные **социополитические принципы устойчивого развития** государства, которые должны соблюдаться наравне и в согласованности с национальными особенностями социально-экономических и политических отношений.

Принцип рациональной экономической свободы, на основе которой формируется смешанная экономика, обеспечивающая необходимое количество рабочих мест и достаточное производство товаров и услуг для общества.

Трудовые отношения в обществе выстраиваются на принципах социального партнерства государства, наемного труда и работодателей.

Принцип обязательного государственного регулирования рыночных отношений, достижение оптимальных для общества, природы и человека уровней и соотношений производства и потребления.

Государство во всех своих действиях преследует соблюдение принципа социальной справедливости, что сопровождается перераспределением общественного продукта в пользу нетрудоспособных и нуждающихся.

Принцип демократического коллективного управления производством и социальной сферой общества, обеспечивающий оптимально возможную степень социальной солидарности.

Соблюдение и наполнение этих принципов реальной деятельностью реализуется в процессах этатизации общества и социализации государства, сводит отчуждение между обществом и государством до минимума. Совокупность этих правил и составляет сущность **социально ориентированного управления,** как в планетарных, так и в национальных масштабах.

Анализ социально-политических процессов показывает, что в российском обществе и в мире в целом **столкнулись две логики действий**: логика консервативного либерализма «господства над природой», войны с природой ради искоренения бедности во имя богатства, и новая логика устойчивого развития – сосуществования человека, общества и природы. В российском обществе и государстве в условиях санкций, борьбы с Ковид-19 и специальной военной операции идет медленный процесс осознания приоритетов и целей устойчивого развития, продолжается процесс социализации государства – восприятия и гибкого оперативного учета в актуальной политике материальных и духовных потребностей и интересов общества. Сегодня важнейшей задачей является смена экономической мотивации деятельности с финансово-спекулятивной на производственную созидательную. Противостояние новых и старых идей, нового и старого способов жизнедеятельности цивилизации проявляется на национальном и глобальном уровнях. Уходящий конкурентный потребительский способ жизнедеятельности человечества неминуемо ведет к деградации человека общества и природы. Новый – интегральный – оставляет перспективу для живущих. В рамках этой логики, объединив усилия ученых естественных и социальных наук, нужно определить угрозы, интересы, цели и средства и попытаться найти выход из **тупика потребительской цивилизации**.

Для России после тридцати лет рыночных реформ, которые в некоторых промышленных секторах приняли формы хозяйственной разрухи и зарубежной зависимости, о чем со всей очевидностью говорят темпы развития и данные статистики, на фоне борьбы с Ковид-19 и проведения военной специальной операции на Украине наступает очередной судьбоносный момент истины для выбора стратегии и тактики развития. Со всей вероятностью императивы восстановления промышленного потенциала, наращивания и диверсификации производства продукции АПК, ускоренного развития ИКТ диктуют логику интегральной цифровой индустриализации и модернизации экономики, политики и социальной сферы.

От того, насколько стратегически мотивированно удастся увязать цели, задачи и механизмы этого качественно нового периода развития российского общества и государства, будет зависеть темп движения всей нашей страны в будущее и траектория ИСПУ.

Предложенные автором методологические и методические подходы измерения социально-политической устойчивости стали социологической основой научных докладов серии «Социальная и социально-политическая ситуация в России», подготовка которых осуществляется в ИСПИ ФНИСЦ РАН с научно-организационным участием автора. Разработанная автором методика и полученные на ее основе научные результаты стали также составной частью инициированных академиком В.А. Коптюгом комплексных исследований проблем устойчивого развития. Совместно с академиками В.А. Коптюгом и В.М. Матросовым автор является редактором и автором ряда разделов коллективной монографии «Новая парадигма развития России в XXI веке», в которой на основе междисциплинарного подхода излагаются идеи и возможности перехода РФ к устойчивому развитию. В рамках работы Комиссии Государственной Думы по проблемам устойчивого развития В.К. Левашов принял участие в подготовке коллективной монографии «Научная основа стратегии устойчивого развития» (раздел «Социальные приоритеты стратегии устойчивого развития»). В соавторстве с чл.-корр. Ж.Т. Тощенко подготовлена статья «Социология» в «Энциклопедии систем жизнеобеспечения – знания об устойчивом развитии», изданной ЮНЕСКО.

АВТОРСКИЕ МОНОГРАФИИ:

1. Левашов В.К. Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегии. М.: Academia, 2002. 6 п.л.
2. Левашов В.К. Глобализация и патриотизм. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. 11 п.л.
3. Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества: 2000 – 2006. М.: Academia, 2007. 29 п.л.

4. Левашов В.К. Социально-политическая устойчивость общества: теория, измерения, стратегии. М.: Научный мир, 2010. 39,3 п.л.
5. Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 28,5 п.л.
6. Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ: монография. 2-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. (Сер. 28 Актуальные монографии). 28 п.л.
7. Левашов В.К. Политическая культура российского общества (Опыт социологического исследования): монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 307 с.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ:

1. Новая парадигма развития России (комплексные исследования проблем устойчивого развития). Издание первое и второе / под ред. В.А. Коптюга, В.К. Левашова, В.М. Матросова. М.: Academia, 1999, 2000. 60 п.л.
2. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: коллективная монография / под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. 786 с. 47 п.л.
3. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году: [монография] / В. К. Левашов [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с. 34,8 п.л.

© Левашов Виктор Константинович

Зубок Юлия Альбертовна*

МОЛОДЕЖЬ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

Изменения, происходящие в современных обществах, затрагивают основы функционирования и взаимодействия всех структурных элементов. Такие изменения происходят и в механизмах включения молодежи в общественные отношения, отражаясь в характере и способах взаимодействия этой особой социально-демографической группы с обществом. Без их фундаментального теоретического осмысления невозможно обоснование способов поддержания целостности и устойчивости общества.

Начало такому осмыслению было положено в конце 80-х годов в период радикальной общественной трансформации, когда изменение социальных механизмов функционирования российского общества опережало их научное понимание. Большинство существовавших социологических концепций перестали отражать новые общественные реалии, в том числе и в молодежной среде.

* Зубок Юлия Альбертовна – профессор, доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Института социологии ФНИСЦ РАН; руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.

Во-первых, разработанные для условий стабильности и преемственности, они оказались неприменимы в условиях социальной дестабилизации и дезорганизации. Во-вторых, базовая парадигма взаимодействий молодежи и общества, регулируемых на основе понимания молодежи как объекта целенаправленных стратегий управления, вытеснялась пониманием молодежи как активного субъекта. В-третьих, доминировавшее, особенно в управленческих кругах, понимание молодежи как слабо дифференцированной группы вошло в противоречие с нараставшей социально-экономической и социокультурной дифференцией и не объясняло новых социальных явлений. В-четвертых, ряд ключевых теоретических идей социально-философского характера нуждался в социологическом обосновании и эмпирической верификации. В-пятых, осмысление новой реальности еще не было осуществлено в рамках теоретической социологии, что лишало социологию молодежи готовых для применения схем, но стимулировало активную теоретическую работу. Все это стало стимулом к бурному развитию отраслевых теорий, не только определивших «лицо» современной социологии молодежи, но внесших заметный вклад в социологическую науку в целом. Таким образом, социология молодежи самостоятельно вышла в поле теории.

Отмеченные эпистемологические предпосылки послужили формированию целостной концепции социального взаимодействия молодежи с меняющимся обществом и механизмов их регуляции. Использование понятия «механизм» призвано отразить внутреннюю взаимосвязанность его элементов, а также степень их влияния на различные аспекты жизнедеятельности молодежи и общества.

Основу новых авторских подходов составил социально-воспроизводственный подход к пониманию молодежи, ее роли и места в общественном воспроизводстве[163], обосновавший ключевые элементы механизма социального развития в процессе взаимодействия молодежи как становящегося социального субъекта с изменяющимся обществом. Его дальнейшее развитие осуществлялось

[163] Теоретическая разработка начата в 1985 г. коллективом ученых Института социологии АН СССР под руководством доктора социологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Владимира Ильича Чупрова.

автором доклада в направлении обоснования изменений в механизмах социального развития, социальной интеграции, саморегуляции и самоорганизации. Эмпирическую базу составили результаты всероссийских социологических исследований, проводимых автором или при его непосредственном участии в Центре социологии молодежи ИСПИ (ФНИСЦ) РАН в период с 1990 по 2020 год.

1. Обоснована новая парадигма *социального развития*, соответствующая условиям нестабильности и кризиса. Обоснованы его характерные особенности: а) усиление в механизме воспроизводства инновационной составляющей (отрицания) и акцент на социальное новаторство молодежи, наделяемое в период кризиса особым, экзистенциальным смыслом; б) нарушение принципа достаточности социальных условий (внутренних и внешних), когда не складывается вся совокупность необходимых условий, что ведет к *неопределенности*.

Если в условиях определенности переход потенциальных возможностей молодежи в действительность происходит однозначно и предсказуемо, то неопределенность вносит многозначность и проявляется как неясность перспектив и случайность. В социальном развитии нарастает нелинейность, оно становится неустойчивым, вариативным и неравномерным (в индивидуальном и групповом плане). Реализация конкретного варианта (направления) происходит через индивидуальный выбор, внося, с одной стороны, разнообразие в жизненные пути молодежи. Однако их реализация находится в зависимости от случайных факторов, усиливая социальное неравенство.

Новый подход к пониманию развития полностью отвечал условиям изменяющейся реальности и поставил вопрос о критериях развития. Главная проблема в этой сфере состоит в отсутствии общественного консенсуса в отношении целей общественного развития, что не позволяло сформулировать социальные ожидания и оценить значимость процессов, протекающих в молодежной среде.

Для эмпирической оценки социального развития молодежи использована разработанная ранее[164] и дополненная с учетом новых целей комплексная система показателей. Она охватывает развитие молодежи как субъекта производства жизненных средств (условий жизни) и как субъекта производства духовных и физических сил человека (духовное производство). В каждом направлении оценивалось социальное положение молодежи, личностный потенциал; мотивация и социальная деятельность. На основе сравнения стартовых и достигнутых позиций разных групп молодежи, а также сравнения их со старшим поколением обоснованы тенденции развития молодого поколения в условиях нестабильности и неопределенности. Их количественная оценка произведена по 70 показателям на основе разработанного индекса развития (Ир) в каждой из сфер общественного производства[165].

Использованный подход позволил наиболее полно отразить степень изменений по отдельным показателям и по группе показателей, измерить динамические характеристики социального развития, выявить деформационные процессы. Выявлена разбалансированность развития и а) *углубление основного противоречия* между развитием в материальной и духовной сферах (в материальной – отклонения стремительны по меньшему числу показателей и склонны к быстрому восстановлению; в духовной – наоборот, по большему число показателей, но в латентной форме); б) *эскалация социальных противоречий* как следствия разрушенного механизма интеграции молодежи в общество.

2. **Разработка теоретической концепции социальной интеграции и ее особенностей в условиях социальной нестабильности**. Эскалация противоречий, лежащих в основе развития молодежи, приводит к их перерастанию в конфликты, которые проявляются как конфликты между обществом как целым и молодежью как

[164] Чупров В.И. Развитие молодежи: концептуализация понятия // Молодежь России: социальное развитие / отв. ред. В. И. Чупров. М.: Наука, 1992; Чупров В.И., Черныш М.Ф. Мотивационная сфера сознания молодежи: состояние и тенденции развития. М.: Институт молодежи,1993.

[165] Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М.: Социум, 2003. С. 31–36.

его частью. Помимо конфликтов, являющихся общими, выделяются *специфически молодежные конфликты*, обусловленные ее спецификой как социально-демографической группы (возрастным неравенством социального статуса, взаимодействием с институтами социализации, принадлежностью к субкультуре).

Обоснованы две модели их разрешения – модель *социальной интеграции* и *социального исключения*, промежуточной для которых является модель *дифференциации*. *Интеграция объединяет в себе два параллельных процесса: механическое включение в социальную общность и органическое, т. е. осознание себя частью этой общности*. Обосновано, что интеграционное поведение может выступать в форме *конформизма и инновации,* а также *эскапизма, ритуализма и бунта*.

Эмпирически выявлена устойчивость конформизма и ритуализма, подвижность инновационного поведения и его чувствительность к средовым условиям, ситуативность эскапизма и бунта как крайних реакций.

Модель социального исключения (в современной литературе чаще именуется «эксклюзией») реализуется в отторжении молодежи от социальных ресурсов, благ, институтов и выражается в трех формах: *социальной дискриминации* (непривилегированные группы), *социального отчуждения* (отрыв от функций в общественном воспроизводстве, формирование социально отверженных групп), *маргинализации* (смещение в пограничные социокультурные слои, нарушение идентификации с обществом).

Каждая из форм соотносится с одним из трех типов специфически молодежных конфликтов и в случае эскалации становится их следствием[166].

В условиях затяжного кризиса расширяется социальная база исключения, а *интеграция приобретает особенности*: локализуется в отдельных группах, строится на общинных связях, опосредуется индивидуализацией и различными девиантными практиками. Все

[166] Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М.: Социум, 1998.

это расширяет пространство неопределенности, нелинейность стратегий развития и продуцирует *риск.*

3. Разработана социологическая концепция риска в социальном развитии молодежи. Становление субъектности молодежи имманентно связано с риском, что в индивидуально-личностном плане обусловлено различными социальными экспериментами молодых людей на пути взросления, а в широком общественном – институциональными дисфункциями, порождающими противоречия и не содействующими их разрешению. *Риск рассматривается как фактор изменения направленности и темпов развития.* Принципиальное отличие разработанной концепции состоит в понимании риска и его связи с неопределённостью: риск проявляется не в самой ситуации неопределенности, а в процессе *перехода от неопределенности к определенности и наоборот*. Исходя из этого, *обосновано понимание риска как сущностной характеристики молодежи*, возникающей в ситуации перехода от неопределенности и амбивалентности ее статусных позиций к определенности, характеризующей социальную зрелость.

Обоснованы две формы риска в социальном развитии: *средовая,* как характеристика условий жизнедеятельности, и *деятельностная*, как установка на рискованную деятельность во имя различных индивидуальных или групповых целей[167].

Теоретически разработан механизм воспроизводства неопределенности и риска, формирования на основе их взаимодействия рискогенных сред. Черты, присущие социальной реальности (нестабильность и неопределенность), конвертируются в поведенческие установки (необходимость рисковать), являясь специфической стратегией интеграции отдельных групп молодежи в изменяющееся общество.

На индивидуально-личностном уровне риск отражается в системе социальных установок (диспозиций), образуя горизонтальный срез, содержащий противоположные установки (аттитюды) – «безопасности» и «опасности», связанные с противоположными состояниями субъекта – самосохранением и изменением/развитием.

[167] Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.

Риск выступает мерой между ними, регулируя индивидуальные поведенческие установки на шкале между этими экстремальными состояниями.

Эмпирическое обоснование риска как фактора социального развития молодежи показало разнонаправленность влияния его средовой и деятельностной форм. Для анализа был разработан *коэффициент риска*[168]. Расчет показал, что средовая составляющая риска влияет на развитие молодежи преимущественно отрицательно, замедляет его. А деятельностная – в целом положительно, интенсифицируя его, но при этом не во всех сферах, деформируя тем самым общий результат. Сама же установка молодежи на изменения и риск существенно ниже установки на стабильность и спокойствие и снижается в ситуациях острого кризиса.

4. **Разработаны механизмы социальной регуляции и саморегуляции жизнедеятельности молодежи**.

Для выработки научно обоснованных подходов к социальному управлению потребовалось детальное исследование изменений, происходящих в механизмах социальной регуляции. Исходя из понимания социального регулирования как процесса упорядочения социальных взаимодействий, выделены две стороны этого механизма – целенаправленное регулирование и саморегуляция. Основу первой составляют социальные институты, а второй – сами индивиды и группы. Саморегуляция включает разные формы воздействия индивидов и групп на себя и условия своей жизнедеятельности, приведение их к желаемым образцам. Подчиненный внутренней целесообразности, этот процесс рационализируется посредством разных форм *саморегуляции* и *самоорганизации*[169].

[168] Коэффициент риска Кр представляет собой отношение значения отклонения по каждому показателю в группе риска (Oip) к значению отклонения по этому показателю в целом по молодежи (Oi). Он указывает, насколько (т. е. в какое количество раз) велико отклонение значения показателя развития в группе риска по отношению к общему распределению, и выражает *степень риска*.

[169] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: ACADEMIA, 2008.

Глубинную основу саморегуляции социальных взаимодействий составляют *социокультурные механизмы*. Их концептуализация произведена с теоретических позиций феноменологии и сводится к формированию *смысловых оснований образов реальности* в процессе интерсубъективных межпоколенческих и внутрипоколенческих взаимодействий на основе исторического и актуального опыта, воспринятого в бессознательной форме и отрефлексированного в процессе жизнедеятельности. Исторический опыт закрепляется в коллективном бессознательном (архетипах, ментальных образцах, габитусах, стереотипах) и составляет устойчивую основу базового образа реальности. Актуальный, отражающий конкретные жизненные ситуации разных групп молодежи, определяет ситуативную часть образа. В зависимости от совпадения/не совпадения базового образа и ситуативного опыта изменяется отношение молодых людей к конкретным объектам. Оно проявляется в доверии или недоверии к ним[170].

Разработана и эмпирически исследована структура смыслового пространства реальности молодежи. Смыслы, формируемые в результате интериоризации молодежью образцов традиционной и современной культуры, унаследованные в бессознательной форме и перешедшие в область сознания в результате рефлексии, проявляющиеся в виде архетипов, ментальных и современных черт характера, габитусов и стереотипов, составляют структуру смыслового пространства реальности. Соотношение осознанного и бессознательного, объективного и субъективного, чувственного и рационального, традиционного и современного формирует разные типы саморегуляции, но и предопределяет противоречия.

Наиболее устойчивые смысловые конфигурации определяют основу моделей социокультурной саморегуляции разных групп молодежи. Как показали исследования, доминирующим основанием саморегуляции является гибридный тип, в структуре которого взаимодействуют традиционные и современные смыслы. Анализ их динамики показывает сохранение доминанты традиционных, но

[170] Зубок Ю.А. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма: доклад // Учёные записки ФНИСЦ РАН / отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск 7. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.

интенсивное нарастание современных смыслов в образах реальности. В разных сферах жизнедеятельности это проявляется поразному.

Выявлена фундаментальная функция доверия в саморегуляции взаимодействий. Оно лежит в основе воспроизводства традиционной модели саморегуляции, а его противоположность – недоверие – современной.

Для исследования механизма социальной саморегуляции в наиболее целостном виде использовано структурно-таксономическое моделирование[171]. Его цель – установить связи между элементами внутри социокультурного механизма и изучить их связи со смысловыми характеристиками жизнедеятельности молодежи. Поскольку часть этих связей образуется в коллективном бессознательном, их изучение позволило обосновать воспроизводство смыслов, содержащихся в архетипических и ментальных компонентах культуры, габитусах и стереотипах, рассматриваемых в данной концепции в качестве элементов социокультурного механизма. Конечный результат моделирования – обоснование общего и особенного в моделях саморегуляции молодежи.

Моделирование проведено на основе 120 показателей, характеризующих пространство жизнедеятельности молодежи (культурная жизнь, досуг, межличностное общение, самоорганизация, взаимодействия в семейной, трудовой, образовательной, политической сферах) и 45 показателей, отражающих элементы социокультурного механизма саморегуляции (архетипы, ментальные и современные черты социального характера, габитусы, смысложизненные ценности, типы культуры, выделенные с применением концепции П.А. Сорокина, а также смысловые образцы субкультурного пространства молодежи, доверие). Получена гипотетическая структура наиболее существенных (по критерию «максимальной близости») связей между показателями. Оценка меры их близости произведена на основе коэффициента линейной корреляции Пирсона.

[171] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020 и др.

Установлено, что в смысловом пространстве молодёжи формируются сложные конфигурации, имеющие далеко не очевидный характер. Многообразие смысловых конфигураций определяет 1) вариативность моделей саморегуляции разных групп и 2) взаимодействие разных смыслов в картине мира.

Модели саморегуляции различаются не только смысловым наполнением, но и тем, какой именно элемент механизма саморегуляции оказался смыслообразующим. В зависимости от этого различается и их устойчивость в процессе жизнедеятельности.

Двухуровневая таксономия выявила как минимум восемь смысловых единств, на основе которых выстраивается саморегуляция. Они, в свою очередь, объединяются в более сложные смысловые композиции второго уровня, где прослеживаются не только доминирующие смыслы, но и стоящие за ними элементы механизма саморегуляции.

Во-первых, обоснованы две базовые (корневые) модели саморегуляции. Первая – формируется на основе гибридной структуры смыслового поля, от которой ответвляются еще три – «базовой духовной культуры», «материального благополучия» и «конфронтационная (недоверие)». Вторая – базируется на смыслах, составляющих типичный набор традиционных семейных и общественно-политических ценностей. Из нее также выходят три модели – «базовой духовной культуры», «солидарности (доверия), «имперско-националистическая». Как видно, модель «базовой духовной культуры» выявилась в обоих случаях, что говорит о ее смысловой структуре как универсальном основании саморегуляции в молодежной среде.

Во-вторых, выявлена ключевая регулятивная роль смыслов, составляющих основу ментальности, идентифицируемых молодежью как черты национального характера. Они проявляются во всех ключевых сферах – семье, образовании, труде, политике.

Практическое применение полученных знаний способно служить научному обоснованию стратегий сбалансированного социального управления и гармонизации взаимодействий молодежи и общества.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. *Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества*. М.: Социум, 1998. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015.
2. *Проблема риска в социологии молодежи*. М.: Изд-во Московской гуманитарно-социальной академии, 2003. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015.
3. *Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи*. М.: Мысль, 2007. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2015.
4. *Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи*. М.: ACADEMIA, 2008. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2016 (соавт. В.И. Чупров).
5. *Социология молодежи.* М.: Норма, 2011; 2-е изд. 2013. Переиздание НИЦ-ИНФРА-М, 2016 (соавт. В.И. Чупров).
6. *Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности*. М.: Норма, 2019 (соавт. В.И. Чупров, Н.А. Романович).
7. *Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма*: доклад // Учёные записки ФНИСЦ РАН / отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск № 7. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
8. *Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности*. М.: Норма, 2020 (соавт. В.И. Чупров).
9. *Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики* / науч. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: Эпицентр, 2021.
10. *Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование* / под общ. ред. Ю. А. Зубок; ФНИСЦ РАН. Белгород: Эпицентр, 2022.

© Зубок Юлия Альбертовна

Локосов Вячеслав Вениаминович*

СОЦИОЛОГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (1991–2021 ГГ.)

Социальная трансформация – это третий тип (наряду с революцией и эволюцией) существенного изменения общества в целом или его системообразующих элементов. От революции его отличает прежде всего б*о*льшая преемственность происходящих общественных изменений, от эволюции – более высокие темпы. Именно понятие «трансформация» точно отражает содержание тридцатилетнего постсоветского переходного периода. И как следствие, «трансформационная» терминология стала основной для научного описания и объяснения современных общественных изменений.

Научная проблема заключается в необходимости преодоления несоответствий имеющегося теоретического и эмпирического осмысления процесса трансформации целям развития России в XXI веке. Это предполагает концептуальную разработку закономерностей процесса трансформации, исследование социологическими методами ее движущих сил, динамики, диагностики, последствий, рисков, технологий, обеспечение ее научно-практического сопровождения.

Проведенный комплексный анализ трансформации российского общества в 1991–2021 годах и его социальных последствий приводит к следующим выводам, которые эмпирически и статистически подтверждают большинство социологических исследований.

* Локосов Вячеслав Вениаминович – доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН.

Во-первых, процесс трансформации проходил в два этапа: первый этап (1991–2000) неолиберальный, когда шли радикальные изменения в соответствии с неолиберальной идеологией. Второй этап (2001–2020) адаптационный, в течение которого происходило приспособление общества, населения к новым реалиям. В результате произошла трансформация советской социальной системы и был сформирован новый общественный строй.

Во-вторых, новый общественный строй носит чрезмерно рискованный характер, он не разрешил основных противоречий, свойственных позднесоветскому периоду: экономика слабо конкурентоспособна; интеллектуальное регулирование догматично и мифологизировано; уровень и качество жизни большинства населения низкие. Слабость концептуально-теоретического сопровождения перемен в конечном счете оборачивалась переходом от одних просчетов к другим, а следом – к новым потрясениям. К сожалению, проводимая в последние десятилетия социальная трансформация опиралась на наукообразное клише «иного не дано» и вновь поставило российское общество у черты выживания.

В-третьих, инерционное продолжение реформ ведет к пролонгации критических противоречий общественного развития. Для преодоления этих противоречий нужен новый этап трансформации российского общества – цели, интересы, ценности которого понимают и разделяют большинство граждан.

Главная сложность оценки (диагностики, измерения) общественного развития методами социальных наук состоит в многообразии этих процессов, которые к тому же субъективно обусловлены и экспериментально мало доступны. Однако если мы трактуем социальные науки как «точные», то разработка методов и соответствующих им методик измерения общественного развития остаётся одной из главных задач научного поиска. Одним из таких методов является метод предельно критических (пороговых) показателей развития общества.

Метод предельно критических показателей изучения и конструирования объектов, их функциональных связей давно и плодотворно используется в различных областях научного знания.

Наиболее эффективно он применяется в технических разработках, например при обосновании надежности машин. Он успешно применяется при изучении живых систем: в медицине – при диагностике состояния организма человека; в экологии – при определении степени загрязнения биосферы. Этот метод присутствует в статистических оценках финансового состояния фирм (определение банкротства), вычислении экономических, в том числе страховых, рисков.

Впервые разработка метода предельно критических (пороговых) показателей для оценки общественного развития была поставлена нами как научная проблема в 1994 году и предпринята попытка построения такой шкалы показателей. При его разработке мы исходили из четырёх концептуальных положений.

Во-первых, общество рассматривается как система, связи между элементами которой носят вероятностный характер.

Во-вторых, по каждому жизненно важному параметру есть граница, переход за которую означает приближение к угрозе распада данной системы, то есть общественная система имеет предельно критические (пороговые) значения энтропии (меры беспорядка, хаоса, отклонения от нормы, кризиса), превышение которых свидетельствует об увеличении рисков распада этой системы как интегрированной целостности.

В-третьих, вхождение социальной системы в предельно критическое состояние можно измерить с помощью определённого перечня показателей и соответствующих им индикаторов.

В-четвёртых, оценка рисков методом предельно критических показателей позволяет принять управленческие меры по их нейтрализации.

Итак, мы имеем три базовых компонента диагностики ситуации: сложившуюся общественную систему, риски (вызовы, угрозы), которые препятствуют поступательному развитию этой системы, и предельно критические значения (ПКЗ) показателей этих рисков, некую «красную» черту, выход за которую означает повышение вероятности радикальных изменений и далее – распада сложившейся общественной системы, ее переходного состояния и реорганизации (рис. 1).

Рисунок 1.

Схема возможной трансформации общественной системы при превышении предельно критических значений показателей ее развития

Источник: схема составлена автором с учетом: Живая планета – 2010. Биоразнообразие, биоемкость и развитие. Доклад. WWF Intl, 2010. URL: https://feww.wordpress.com/category/ecological-footprint/ (дата обращения: 23.07.2021).

За прошедшие годы по поручению секретаря Совета безопасности России была разработана и утверждена система показателей экономической безопасности и их пороговых значений, появился ряд научных исследований, диссертационных работ, в которых прямо или косвенно разрабатывается или используется этот метод,

предлагаются различные варианты построения шкал показателей. В научной литературе встречаются около 140 показателей состояния общества, по которым даны и проинтерпретированы их предельно критические значения.

Согласно измерению состояния основных сфер общественной жизнедеятельности в России методом предельно критических (пороговых) показателей по большинству важнейших параметров их значения находились за критической чертой. Отчасти на этом основании делается вывод о чрезмерно рискованном характере нового общественного строя.

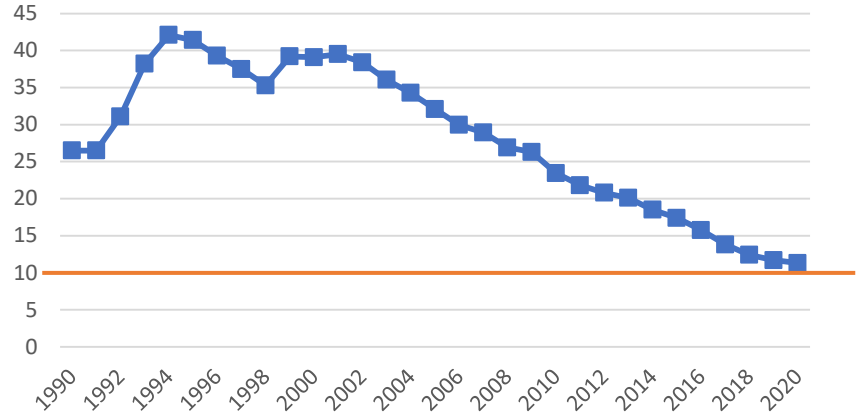
В последние годы ситуация стала выправляться, в частности, в сфере оборонно-промышленной, продовольственной безопасности, по некоторым показателям девиантного поведения. Например, по показателям коэффициентов убийств и самоубийств, потребления алкоголя. Но по основным показателям социальной сферы (демографии, здоровья, уровня и качества жизни), отражающим воспроизводство человеческого потенциала, ситуация остаётся критической. Здесь базовыми являются показатели коэффициента естественного прироста населения, ожидаемая продолжительность жизни, в том числе здоровой жизни.

Для иллюстрации двух разнонаправленных трендов приведем динамику за 30 лет двух показателей: коэффициентов самоубийств и естественного прироста населения. Первый показатель, долгие годы превышая предельно критическое значение в 20 самоубийств на 100 тыс. населения, пришел в норму, второй – остался за критической чертой (см. графики 1, 2).

Источник графиков: ЕМИСС Государственная статистика. https://www.fedstat.ru/indicator.

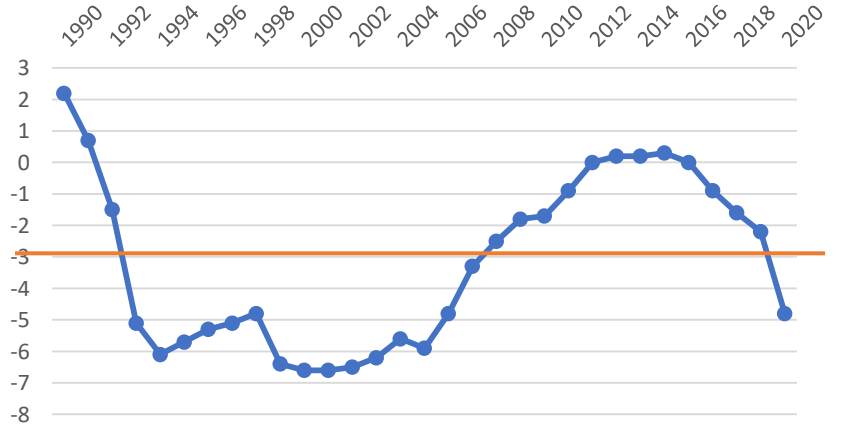
Динамика коэффициента самоубийства в РФ в расчете на 100 тыс. населения *(человек, значение показателя за год)*

График 1



Динамика общего коэффициента естественного прироста населения в РФ *(значение показателя за год)*

График 2



В целом сохраняется абсурдная ситуация, когда ради формирования условий эффективного развития общества разрушается основа его жизнедеятельности – человеческий потенциал.

В контексте социологии трансформации предложен и разработан концепт общества-трансформер – такой организации общества, которая блокирует его способность к суверенному, автономному и самобытному развитию. Трансформация как социальный процесс носит амбивалентный характер, и одно из возможных деструктивных последствий этого процесса заключается в придании социальной системе таких качеств, как «мягкий суверенитет», «социальная энтропия» и «суррогатная идеология». Эти качества ослабляют способности и возможности общества к реализации стратегических целей и «больших проектов», защите своих интересов и ценностей, что в конечном счете создает опасность формирования общества-трансформер (см. табл. 1).

Таблица 1

Сущностные качества и характеристики общества-трансформер

Сущностные качества	Характеристики	Последствия
1. «Мягкий суверенитет»	Введение ограничений на государственный суверенитет, дискредитация национальной государственности, продвижение негативного образа государства как внутри страны, так и за рубежом. Отчуждение от народа права суверена и дискредитация способности народа к суверенному развитию. Блокировка ведения народом освободительной борьбы и других способов защиты суверенитета	Политическая дезорганизация страны, ослабление политической воли и способности к реализации общей цели и «больших проектов»

2. «Социальная энтропия»	2.1. Затратное, неэффективное распределение общественной энергии, направление ее в девиантное русло. 2.2. Поддержка чрезмерной индивидуализации общества, его дезорганизации, слабой структурированности, маргинальных групп. 2.3. Стимулирование состояния аномии, инертности	Тотальная дисолидация общества и неспособность реализации общенациональных интересов
3. «Суррогатная идеология»	3.1. Блокировка становления идеологии государства. 3.2. Латентная пропаганда определенного типа идеологии при формальной плюралистичности и фрагментарности передаваемых идеологем. 3.3. Стимулирование состояния смысловой дезориентации, агрессии инокультурных и девиантных ценностей	Перманентный кризис идентичности и неспособность сохранить, защитить свои базовые ценности

Источник: разработано автором.

Управлять обществом-трансформер относительно просто, т. к. оно в основном самоорганизуется в целях выживания, что определяет его повышенные адаптивные способности. Снижение социальной энергии, разобщенность, маргинальность и крепкие адаптивные способности помогают сохранению относительного спокойствия и инертности в системе социальных отношений. Современное российское общество имеет предпосылки перехода в общество-трансформер. В частности, из этого следует вывод о целесообразности проведения третьего этапа трансформации.

Методологической основой третьего этапа трансформации выступает закономерность смещения естественно-исторических процессов в сторону социально-исторических, когда определяющую роль в развитии общества играют социально-экономические, социокультурные факторы, качественные характеристики населения. Экономико-центристский подход, сведение представлений об успешности развития общества к сравнению количественных показателей экономического роста и материального положения населения, в современных условиях некорректен. Экономический рост не только не решает проблемы социальных диспропорций, бедности, демографии, экологии, а иногда наоборот, может их усугублять.

На практике реализация этой закономерности ведет к трансформации *организации современного обществ в новый институционально-сетевой тип – в со-общество.* Важное эвристическое значение для понимания нового типа социальных отношений представляет обращение к диаде Ф. Тённиса «общность – общество» и её расширение до триады «общность – общество – со-общество». Страны, которые сумеют первыми построить «со-общественные отношения», получат хорошие шансы для мирового лидерства, как примерно 400 лет назад такие же шансы получили страны, первые отошедшие от «общности» к «обществу» (см. табл. 2).

Таблица 2

	Основные термины
Общность	Родство, соседство, духовность, дружба, эмоциональность, достоинство, служение, хозяйство, дом, семья, народ
Общество	Рабочая сила, рынок, капитал, рациональность, унификация, прогресс, потребление, фабрика, государство, население
Со-общество	Человеческий потенциал, знания, инновации, персонализация, самоорганизация, коммуникации, творчество, социальные сети, гражданское общество, народонаселение

Источник: разработано автором.

«Со-общественный» тип социальных отношений призван соединить позитивные качества «общества» и «общности»: институциональную иерархичность по стратегически важным для социальной системы организованным «вертикалям» и сетевую открытость по обыденным самоорганизующимся «горизонталям». Институционально-структурная иерархичность социальной системы, которая свойственна обществу, дополняется коммуникативно-сетевой самоорганизацией, свойственной общности. Социальная структура, в основе которой находились сословия, классы и иные страты, видоизменяется в сторону более подвижных, пересекающихся социальных объединений, в которых одну из ведущих ролей играют социокультурные характеристики. *Сообщества как относительно неформальные, открытые, не обязательно иерархичные, зачастую социокультурные объединения людей способны стать одной из основ социальной структуры будущего общества.*

В настоящее время в России, по социологическим данным ведущих научных учреждений, большинство населения примерно одинаково негативно оценивают как советское, так и неолиберальное устройство общества. Одновременно эмпирически доказывается наличие потенциала консолидации российских граждан и обширного корпуса общих целей, интересов, ценностей, что является важным условием для перехода к третьему этапу трансформации российского общества и получения им массовой поддержки. Это предполагает разработку более надежного способа концептуально-теоретического, информационно-аналитического обеспечения трансформации и включение социологического знания в систему управления обществом.

© Локосов Вячеслав Вениаминович

Доклады кандидатов по специальности «право»

Бабурин Сергей Николаевич*

О НРАВСТВЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ, ВРЕМЯ КОТОРОГО ПРИШЛО

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Через современное переосмысление вопросов динамики территории как элемента государства, роли территориального сознания и геополитических закономерностей (аксиом), через новые подходы к проблеме суверенитета удалось выйти на решение фундаментальной проблемы совмещения незыблемости суверенитета с межгосударственной интеграцией, разработана концепция консолидированного суверенитета союзных государств.

Консолидированный суверенитет означает совместное (объединенное) верховенство государственной власти двух или более объединившихся государств над объединенной территорией и её населением.

При исследовании соотношения динамики развития международного, интеграционного и национального конституционного права создана концепция интеграционного конституционализма как непреложного правооснования построения современных союзных государств.

* Бабурин Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник – научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук.

Интеграционный конституционализм – это происходящий в условиях легитимности процесс трансформации национальных конституций, направленный на создание единого государственного образования – федерации или союзного государства.

Анализируя феномен нескольких уровней сущности государства, особенности культурно-исторического развития государств, удалось разработать теорию нравственного государства как условия и государственно-правовой основы перехода к новому общественному строю – цивилитарному обществу.

Нравственным является правовое социальное государство, основанное на верховенстве моральных принципов, приоритете добродетелей и нравственных решений, воплощённое в конституционно закреплённой духовно-нравственной самоорганизации общества. Форма правления нравственного государства должна отвечать национальным культурно-историческим особенностям общества.

Не случайно И.Г. Фихте был убеждён, что новый мир должен быть создан в пределах мира чувственного высшей моральностью[172]. Через анализ взаимопроникновения права и духовно-нравственных ценностей общества сформулированы признаки нравственного государства, предложены цивилизационные модели его политико-правовых механизмов и конституционные пути их конструирования.

Эпоха секулярного гуманизма привела не к торжеству человека, а к доминированию в обществе потребительского эгоистического начала, утрате духовной сущности человека и самой социальности в существовании людей. Конец XX века породил потребность каждой цивилизации в возвращении к собственным культурно-историческим корням, к устройству даже универсализма на духовно-нравственных началах. Назрела потребность общества в нравственном государстве.

Признаками нравственного государства являются: 1) охват признаваемыми публичной властью высшими ценностями общества

[172] *Фихте И.Г.* Сочинения. СПб.: Наука, 2008. С. 695.

как достоинства, свобод и прав человека, так и духовно-нравственных приоритетов нации (народа), включающих стремление к общепланетарному согласию; 2) конституционное закрепление духовно-нравственных ценностей общества в форме правовых категорий, то есть публичное принятие государством на себя обязанности оберегать духовно-нравственные ценности общества; 3) существование в обществе конституционно закреплённых органов публичного духовно-нравственного контроля над органами публичной власти; 4) осуществление над деятельностью любых органов государственной и муниципальной власти народного контроля, основы которого закреплены конституционными нормами.

ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ НРАВСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Идея нравственного государства уходит корнями в глубь веков, но это были поиски идеала. Мыслители Античности, да и Древнего Востока, рассуждая о совершенстве – правильном устройстве государства, видели, как, например, Платон, корни этого совершенства в мудрости, мужественности, рассудительности и справедливости[173]. Даже разделяя нравственность, государство и право, мыслители на протяжении столетий спорили преимущественно лишь о степени единства или разъединения этих явлений. Великий русский философ В.С. Соловьев, например, считал право низшим пределом или определенным минимумом нравственности. Право, писал он, есть требование реализации этого минимума, т. е. осуществления определенного минимального добра, или, что то же, действительного устранения известной доли зла, тогда как интерес собственно-нравственный относится непосредственно не к внешней реализации добра, а к его внутреннему существованию в сердце человеческом[174].

[173] *Платон.* Государство // Сочинения: в 3 т. / пер. с др.-греч. под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971. С. 217; *Аристотель.* Категории. Топика // Соч.: в 4 т. Т. 2 / ред. З.Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. С. 72, 77, 364; Он же. Политика / пер. с др.-греч. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 208.

[174] *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия // Собрание

В момент, когда ресурс традиционного позитивистского понимания государства в очередной раз практически исчерпан, пришло время создания фундаментальной духовно-нравственной общей теории государствоведения, обобщающей, синтезирующей, интегрирующей знания всех общественных и гуманитарных наук о государстве и перспективах его развития, как к этому некогда призывал член-корреспондент РАН профессор Д.А. Керимов[175].

Начало XXI века. Цивилизационный кризис человечества. При анализе нарастающего паралича международного правопорядка есть основания вспомнить академика РАН Н.Н. Моисеева и его предостережение конца XX века о сценарии планетарного тоталитаризма, которому потребуются навыки с манипулированием зомбированным населением. Выдающийся отечественный мыслитель указывал на вероятные последствия развития миросистемы ТНК[176]. Сегодня мы видим, что в опасности все государства и нации, их пытаются цифровым произволом глобального нивелирования лишить смысла существования. Более того, великий русский конструктор и православный мыслитель И. Сикорский ещё в 1947 году писал о начавшейся духовно-нравственной деградации человечества, а О. Шпенглер о закате Европы, как известно, в 1918-м.

Какое устойчивое развитие, на которое человечество ориентируют последние 30 лет? Ныне именно всё человечество переживает цивилизационный кризис, а давний претендент на всемирное лидерство – Запад – ещё и кризис духовно-нравственный, чреватый утратой в человеке человеческого.

Убеждён, что выход из кризиса идей и социального управления – только на пути межгосударственной интеграции, укрепления потенциала интеграционного конституционализма и в нравственном обновлении общества – через формирование нравственных

соч. 2-е изд. Т. 8. СПб. // Собрание соч. В.С. Соловьева. Фототипическое изд. Брюссель, 1966. С. 407, 408.

[175] *Керимов Д.А.* Всеобщее учение о государстве // Избр. произв.: в 3 т. Т. 3. М.: Изд. дом «Академия», 2007. С. 139.

[176] *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. С. 153–158.

государств. Без укрепления в человеке его человеческой, а не звериной сущности, без упрочения его разума и души, справедливости и гармонии в межличностных отношениях человечество погибнет. Корень нарастающих проблем зарыт не в экономике, политике или праве, а в нравственных качествах личности и самого общества.

Смысл перехода к нравственному государству заключается в практическом конструировании модели идеального государства, которая при универсальности политико-правовых критериев основывается на культурно-исторических и духовно-нравственных традициях каждой нации. В обществе должен быть обеспечен приоритет добродетелей и нравственных решений. Форма правления в нравственном государстве должна отвечать национальным культурно-историческим особенностям и быть основана на общей воле народа. Конституционализм обретает новую динамику, когда духовно-нравственные нормы, получая в результате коренных изменений жизни закрепление в конституции, становятся частью политико-правовой основы развития общества на следующем историческом этапе, поскольку именно конституция обладает учредительной функцией и создает предпосылки для новых общественных отношений.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА К НРАВСТВЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ

О признаках нравственного государства уже говорилось. Характеризуя пути перехода государств к нравственной форме своего существования, следует иметь в виду цивилизационные особенности таких трансформаций. Даже универсализм нравственного потенциала империй будет иметь индивидуальные цивилизационные характеристики. Одно дело Китай или Иран, Индия или Латинская Америка, другое дело Славянский мир во главе с Россией или больная западнизмом Европейская цивилизация.

Но при любых цивилизационных особенностях перехода к нравственному государству первые шаги в этом направлении – это продуманные конституционные реформы духовно-нравственного характера. Для Российской Федерации шанс на успешное развитие

и на переход к нравственному государству создан конституционной реформой 2020 года, укрепившей социальный характер Российского государства, включившей в число конституционных норм дополнительные духовно-нравственные основания. Другие государства также могут строить свой путь духовного оздоровления исходя из собственных цивилизационных особенностей и культурно-исторических предпочтений.

Основой нравственного государства и интегрирующей целью социального развития может быть только новый общественный строй, способный осуществить идеалы свободы и справедливости, способный преодолеть недостатки как капитализма, так и советского социализма. Я говорю о цивилитарном обществе.

Никакая социально значимая цель не может возникнуть без духовно-нравственных и интеллектуальных потребностей общества. Если в основе социально-экономической системы нового строя должна лежать цивилитарная собственность[177], то его политическую и правовую системы следует строить на духовно-нравственных началах, конституируя в качестве высших ценностей как человека, его достоинство, права и свободы, так и духовно-нравственные приоритеты народа.

Среди тех, кто стоял у истоков переосмысления роли духовно-нравственных начал в российской политической жизни, на первом месте следует назвать митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычёва). Сугубо материалистическое понимание государства, на его взгляд, всегда сродни тирании, работает ли оно в интересах партноменклатуры с помощью кровавых репрессий или в интересах транснациональной финансовой олигархии с помощью экономического удушения неугодных. Митрополит Иоанн настаивал рассматривать государство как большую семью (отсюда понимание общенародного единства как духовного родства, величайшей драгоценности, характерной для русской истории,

[177] См.: *Нерсесянц В.С.* Философия права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 405, 430, 485–491; *Лапаева В.В.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 46–51.

отсюда и стремление заменить, где только возможно, бездушные правовые нормы нравственными ценностями, «теплом человеческих отношений», утвердить приоритет справедливости над законом), а государственную власть как особого рода служение, сродни церковному, монастырскому послушанию (отсюда требование людей во власть направлять всем миром, выбирая достойных, а к власти – ограничивать себя в намерениях и действиях рамками Заповедей Божиих и истинами Закона Его)[178].

Дело за малым: сплотить нацию вокруг высокой цели общественного развития. Впору говорить о трех составных частях современного мировоззренческого русского выбора, который стоит за стремлением построить новый общественный строй, опираясь на культурно-исторические и политико-правовые традиции России. Это:

духовно-нравственное видение социальной реальности митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычёва);

экономическая теория социальной справедливости и природной ренты академика Д.С. Львова;

правовая концепция цивилитарного общества академика В.С. Нерсесянца.

Россия, как и весь мир, находится ныне в поиске осмысления выхода из концептуального, цивилизационного кризиса, затрагивающего само существование человека на земле[179].

И начало выхода из этого кризиса – конституционные реформы в направлении строительства нравственного государства и справедливого свободного общества, когда глобальные технологические процессы, в том числе вызовы цифрового мира, будут рассматриваться в контексте традиционных ценностей[180].

---

[178] *Иоанн (Снычев)*, митрополит. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб.: Царское дело, 1998. С. 338–339.

[179] См.: Путин В.В. Выступление на заседании клуба «Валдай», 21 октября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meeting/66975 (дата обращения: 15.05.2022).

[180] *Савенков А.И.* С. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 Г.

Ценность российской конституционной реформы 2020 года прежде всего в её духовно-нравственном потенциале, создающем важный задел для перехода к нравственному государству. Иллюзии саморегулирования рыночной экономики и плюралистической демократии привели при подготовке Конституции РФ 1993 года к неприятию принципа социального государства, экономических, социальных и культурных прав граждан, что уж говорить о демонстративном игнорировании духовно-нравственных принципов.

Не трогая 1-й и 2-й глав Конституции РФ, конституционные поправки 2020 года изменили не только статус и полномочия высших органов государственной власти, но и укрепили нравственный каркас Конституции, намеченный в её Преамбуле. Ранее Преамбула уже провозгласила стремления нашего многонационального народа утверждать права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохранять исторически сложившееся государственное единство, чтить память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость и т. д. Ныне, восполняя важный политико-правовой пробел, к этим исходным конституционным нормам добавлены важные дополнительные принципы, ставшие отныне тоже конституционными. Основные из них:

Провозглашение правопреемственности Российской Федерации от Советского Союза (СССР), отрицавшейся Соглашением о создании СНГ от 8 декабря 1991 года у всех государств, ранее входивших в состав СССР (ч. 1 ст. 67.1).

Признание исторически сложившегося государственного единства РФ, построенного на общей тысячелетней истории, на сохранении памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также на преемственности в развитии Российского государства (ч. 2 ст. 67.1).

цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. М.: ИГП РАН, 2019. С. 87.

Защита государством самой памяти о защитниках Отечества и исторической правды, борьба против умаления значения подвига народа при защите Отечества (ч. 3 ст. 67.1).

Защита государством традиционных семейных ценностей, обеспечение приоритета семейного воспитания, создание условий для всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 4 ст. 67.1). Совместная защита Российской Федерацией и её субъектами семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (п. ж. 1 ч. 1 ст. 72).

Объявление культуры в РФ уникальным наследием всего её многонационального народа, поддерживаемым и охраняемым государством (ч. 4 ст. 68), при одновременной защите государством культурной самобытности всех народов и этнических общностей РФ (ч. 2 ст. 69).

Гарантированность в РФ создания условий для взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан и уважения человека труда, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1).

Новые конституционные принципы опираются на многовековой пласт культурно-исторического развития страны, отвечают как архетипам сознания народов исторической России, так и потребностям нынешней информационно-цифровой эпохи. Развитие любых технологий должно служить нравственно здоровому человеку, но не делать его игрушкой или заложником этих технологий.

Укрепление в Конституции РФ духовно-нравственного начала требует аналогичных перемен во всём массиве российского законодательства.

Россия, как и весь мир, находится в поиске осмысления пути выхода из концептуального, цивилизационного кризиса, затрагивающего само существование человека на земле. Представляется, что выход из кризиса – это переход к нравственному государству и

справедливому обществу. Для русской национальной идеи важны не западный рационализм и правильное законодательство, а традиционная для Руси нравственная опора, предполагающая справедливость, общинность, солидарность, сострадание и взаимопомощь. Русская идея немыслима без формулы Ф.М. Достоевского, которую он вывел при завершении своего романа «Братья Карамазовы»: «Будем, во-первых и прежде всего, добры, потом честны, а потом – не будем никогда забывать друг о друге»[181]. В этих мудрых словах – отражение цивилизационной основы современной российской государственности.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. – М.: Норма, 2020. – 536 с. ISBN 978-5-00156-136-1; ISBN 978-5-16-109217-0
2. Бабурин С.Н. Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. – 2021. – № 6. – С. 73–86.
3. Бабурин С.Н. Нравственное государство как политико-правовая идея, время которой пришло // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2021. – № 1. – С. 14–20.
4. Бабурин С.Н. Интеграционный конституционализм. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 264 с. ISBN 978-5-00156-092-0; ISBN 978-5-16-016388-8
5. Бабурин С.Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок. – Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 769 с. – ISBN 5-94201-462-0 / Последующие издания в издательстве Магистр: ИНФРА-М, 2010. 829 с. – ISBN 978-5-9776-0133-7; (в пер.) ISBN 978-5-16-003918-3 и др.

[181] *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. С. 829.

6. /перевод на сербский/ Бабурин Сергеј. Свет империја: територја државе и светски поредак / Пер. с русск. – Београд, 2009. – 628 с. – ISBN 978-86-907157-5-6
7. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М.: Изд-во Московского университета, 1997. – 480 с. – ISBN 5-211-03872– X
8. Бабурин С.Н. Российская реинтеграция: социально-экономические и политико-правовые проблемы. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2006. – ISBN 5-87827-308-X
9. Бабурин С.Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 3–6.
10. Рагимов И.М., Бабурин С.Н., Голик Ю.В., Дук Ю.И., Коробеев А.И. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад. – СПб.: Юридический центр-Академия, 2019. – 344 с. / ISBN 978-5-60430-980-3

© Бабурин Сергей Николаевич

Виноградова Елена Валерьевна*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СОХРАНЕНИЕ УНИКАЛЬНОГО ПРИРОДНОГО МНОГООБРАЗИЯ В ПАРАДИГМЕ УКРЕПЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Трансформация конституционно-правового дизайна современной России обусловлена необходимостью решения одной из самых важных задач, стоящих перед любой страной – создание сильной государственности.

Именно для современной России, находящейся в активном поиске элементов собственной идентичности, особенно важно осознать необходимость сохранения отраженных в философских и правовых традициях российского народа ценностей. В свое время В.О. Ключевский отмечал: «Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи»[182].

* Виноградова Елена Валерьевна – профессор, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

[182] Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. С. 42.

Сбереженные на протяжении многих веков, запечатленные в искусстве, культуре, религиозных и философских традициях ценности, сформировавшие Россию, создают современную отечественную конституционно-правовую реальность. Поэтому в системе конституционно значимых ценностей появился новый институт – российская конституционная идентичность, легитимация которого произошла благодаря принятым в 2020 г. конституционным поправкам.

Правовые ценности формируют ориентиры для общества, интегрируют его, определяя перспективы развития. Легитимируясь в текстах Основных законов страны, они создают надсистему конституционных ценностей, которые определяют вектор развития отечественного государства и права. Современная эпоха, по мнению Н.С.Бондаря, ознаменована масштабными конституционными преобразованиями, отражением которых явилось зарождение новой политической философии, новой конституционной идеологии и, соответственно, разработка принципиально новых подходов к пониманию и обоснованию философско-мировоззренческих основ и ценностей современного конституционализма в условиях глобалистского мира[183]. Востребованность аксиологического подхода в доктрине конституционного права основана на философском понимании ценностей общества, общественной жизни, которые, несомненно, оказывают влияние на развитие правовых явлений. Таким образом, правовые ценности оказывают воздействие на ценности общественные, трансформируются в ценности конституционно-правовые.

Принятие в 2020 г. закона о поправках к Конституции Российской Федерации[184] обусловило запуск процессов, направленных

[183] Бондарь Н.С. Философия российского конституционализма: в контексте теории и практики конституционного правосудия // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М.: Летний сад, 2010. С. 46.

[184] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ.

на значительные изменения правового пространства, определяющего эффективность дальнейшего развития Российской Федерации, что предопределило актуализацию исследований конституционно-правовых институтов. Некоторые из них, такие как «публичная власть», уже являлись объектом фундаментальных научных исследований[185]. Другие получили импульс для дальнейшего развития благодаря участию россиян в формировании стратегии национального развития. Большое значение для этого имело всенародное обсуждение предлагаемых изменений. Как отмечал Д.А. Керимов, активное участие людей в решении вопросов общественного развития не только является условием их правильной реализации, но и означает образование единства общей воли народа, которая является силой, создающей правовые установления, содержится в них и их реализует, внося органическое единство во всю правовую систему, придавая ей характер правовой целостности[186]. Важно отметить, что обсуждение предлагаемых поправок сопровождалось изучением общественного мнения, проведения соцопросов, в результате чего сформировался своеобразный рейтинг значимых для россиян ценностей, был обозначен ряд проблем, решение которых граждане России считали важным. В их числе одно из первых мест, наряду с вопросами, имеющими ярко выраженную социальную окраску, были обозначены экологическая безопасность и экологическое благополучие. Это предопределяет большой теоретический интерес к формированию доктрины экологической безопасности, основанной на конституционном положении о необходимости сохранения уникального природного многообразия, обусловленного парадигмой укрепления российской конституционной идентичности. Рассматривая конституционную идентичность как систему, важно признать,

[185] См. Савенков А.Н., Чиркин В.Е. Конституционные основы социального и территориального единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции Российской Федерации 1993 г. // Государство и право. 2018. № 12; Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 9. Институты государственной власти и местного самоуправления. Парламентское право. Правосудие. М., 2018.

[186] Керимов Д.А. Основы философии права. М., 1992. С. 109, 111.

что экологическую безопасность можно считать одним из важных ее элементов, влияние которого на современное конституционно-правовое пространство определяется многими факторами.

В целях охраны и защиты окружающей среды в конституционном тексте были закреплены положения о снижении негативного антропогенного воздействия на природную среду, создании условий для развития системы экологического образования, формировании экологической культуры. В статье 71 российской Конституции уточнены положения пункта «е», установившие, что к предметам исключительного ведения Российской Федерации относится установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного экологического развития. Пунктом «д» части 1 статьи 72 Конституции в новой редакции к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов отнесены природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности. Положениями статьи 114 Конституции, устанавливающей полномочия Правительства Российской Федерации, на него возложено проведение единой социально ориентированной государственной политики в области охраны окружающей среды и осуществление мер, направленных на снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны.

Установление на конституционном уровне гарантий экологического благополучия населения страны предопределяет необходимость создания и формулирования положений, определяющих новые подходы к вопросам экологической безопасности.

Полагаю важным в связи с этим отметить, что актуализация вопросов обеспечения экологической безопасности происходит уже на протяжении ряда последних лет. В утвержденных в 2012 г. Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. «охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов рассматриваются как необходимые условия обеспечения благоприят-

ной окружающей среды и экологической безопасности и как принцип реализации указанной политики». В 2016 г. президент Российской Федерации высказывал мнение, что активная вовлеченность граждан в решение экологических проблем предполагает, что доверие к инициативам граждан, диалог и партнёрство с общественными движениями очень важное условие формирования высокой экологической культуры в стране.

В своих посланиях Федеральному Собранию президент часто обращается к этой теме. В 2018 г. в его обращении содержалось мнение, что «все проекты, приоритеты, пространственное развитие, инвестиции в инфраструктуру, в образование, здравоохранение и экологию, в новые технологии и науку, меры поддержки экономики, содействие талантам, молодежи – все это призвано работать на одну, стратегическую задачу – прорывное развитие России»[187]. В 2020 г. «помнить о своей социальной и экологической ответственности» он в очередной раз призвал бизнес. «Решение проблем в сфере экологии – это задача для нашей промышленности и науки, ответственность каждого из нас. Призываю самым активным образом включиться в эту работу и молодежь. Мы должны передать будущим поколениям экологически благополучную страну, сохранить природный потенциал и заповедный фонд России».

Вероятно, нелишним будет напомнить, что жесткое соперничество между странами и регионами мира за распределение сфер влияния обусловливает необходимость выбора взаимосвязанных эффективных элементов действующей системы и новых механизмов. Очевидно, что в ближайшие годы решающим фактором жизнеспособности национальных экономик в новых условиях развития наряду с технологичностью станет экологичность, в том числе и как часть социальной ответственности. Успешность смягчения антропогенного воздействия на природную среду, а также адаптации экологических систем, населения и отраслей экономики к изменениям зависят от того, насколько правильно будут определены скорость и

[187] 1 марта 2018 г. президент России Владимир Путин обратился с традиционным посланием к Федеральному Собранию РФ.

интенсивность таких изменений и выполнен их прогноз, иными словами – от качества научного и информационно-аналитического обеспечения соответствующих управленческих решений, в частности от правовой обоснованности доктрины экологической безопасности. Это предопределяет необходимость поиска новых механизмов, контекстно направленных на интеграцию России в направлении ее встраивания в глобальные тренды «зеленого» перехода, усложняющих международные отношения.

Рассуждая о конституционной идентичности, безусловно, необходимо анализировать вопросы обеспечения безопасности страны. От того, насколько она будет реализована, зависит эффективность механизмов публичной власти, возможности ее взаимодействия с институтами гражданского общества, гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина. Это утверждение справедливо и в отношении разных видов безопасности, формирующих в качестве элементов систему национальной безопасности.

Следует отметить, что правовые позиции по вопросам конституционных основ безопасности общества и государства неоднократно в своих решениях формулировал Конституционный Суд Российской Федерации, в соответствии с которыми понятие «безопасность государства», использованное в статьях 55 (часть 3) и 114 (пункт «д» части 1) Конституции РФ, включает в себя помимо военной безопасности (что преимущественно охватывается понятием «оборона страны») иные виды безопасности, в том числе экологическую[188], определяя ее как часть системы безопасности государства.

Вместе с тем следует отметить отсутствие значимых для формирования современной российской правовой доктрины концепций экологической безопасности в формате конституционно-правовых и международно-правовых исследований. Недостаток научно обоснованных данных в этой сфере не позволяет не только надлежащим

[188] См. Постановление КС от 9 июля 2012 года № 17-П; Определение КС от 15 апреля 2008 года № 287-О-О.

образом осуществлять управление экологическими рисками и минимизировать их, но и эффективно отстаивать национальные социально-экономические интересы на международном уровне. Поэтому, кроме создания необходимой нормативной базы, способной обеспечить экологическое благополучие наших соотечественников, необходимо осознание приоритетности экологической проблематики, основанной на тезисе, что обеспечение экологической безопасности не только внутригосударственная задача, это система, элементами которой являются и национальная безопасность, и геополитические интересы России в сфере международного сотрудничества[189].

В рамках новых моделей международного сотрудничества важно иметь в виду, что для современной России подход к восстановлению и укреплению суверенитета связан с изменением не только ее политико-правовой реальности, но и общего тренда перехода к многополярному миру от двухполярного и однополярного. Это обусловливает запуск процессов «экологической перезагрузки» в рамках теоретических моделей суверенитета и обусловливает обновление его правовых основ.

Все ранее тезисно обозначенные суждения о том, что укрепление современной российской государственности связано с изменением не только ее политико-правовой реальности, но и с поиском теоретических моделей суверенитета, детерминирующего трансформацию его правовых основ, направлены на институционализацию специфической концепции экологической безопасности, предопределенной уникальностью природного многообразия, отмеченного в Конституции Российской Федерации. Экологическая безопасность является одним из элементов российской конституционной идентичности, основанной на принципах суверенной государственности, опирающейся на российскую идентичность, базирующуюся на опыте традиционного нравственно-правового уклада России, позволившего ей сохранить державность в течение столетий.

[189] Подробнее см.: Виноградова Е.В. Грани современного российского конституционализма. М.: Ритм, 2021.

Именно эти аргументы позволили включить в конституционный текст положение о важности сохранения уникального природного многообразия, которое, становясь конституционной ценностью, является одним из элементов российской конституционной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бондарь Н.С. Философия российского конституционализма: в контексте теории и практики конституционного правосудия // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. – М.: Летний сад, 2010.
2. Жуков В.И. Актуальные проблемы философии, социологии и психологии права. – М.: Проспект, 2019.
3. Керимов Д.А. Основы философии права. – М., 1992.
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.
5. Савенков А.Н., Чиркин В.Е. Конституционные основы социального и территориального единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции Российской Федерации 1993 г. // Государство и право. – 2018. – № 12.
6. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 9. Институты государственной власти и местного самоуправления. Парламентское право. Правосудие. – М., 2018.

Избранные публикации автора:

7. Виноградова Е.В. Современная российская государственность. Контрфорс международных санкций и конституционной идентичности // Государство и право. – 2022. – № 4.
8. Виноградова Е.В. Конституционные ценности – система без иерархии // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 1.
9. Виноградова Е.В. Юрисдикционная подсудность преступлений, посягающих на международную экологическую безопасность // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 1.

10. Виноградова Е.В. Грани современного российского конституционализма: монография. – М.: Ритм, 2021.
11. Виноградова Е.В. Конституционные поправки. Российский опыт государственных преобразований // Государство и право. – 2021. – № 5.
12. Виноградова Е.В. Антитеза общепризнанных принципов и норм и государственной конституционной идентичности в современной полицентричной системе международных отношений // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – № 3.
13. Виноградова Е.В. Институционализация публичной власти в конституционном пространстве современной России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3 (85).
14. Виноградова Е.В., Полякова Т.А. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1.
15. Виноградова Е.В. (монография) Экологические преступления: проблемы правотворчества и правоприменения. – М.: Изд-во Глобус, 2001.
16. Виноградова Е.В. Юридические лица должны нести ответственность за экологические преступления // Российская юстиция. – 2001. – № 8.

© Виноградова Елена Валерьевна

Горбань Владимир Сергеевич*

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ МЫСЛИ И СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

В ряде авторских исследований на основе анализа полных оригинальных текстов всех сочинений Р. Иеринга (включая сопоставление многочисленных редакций произведений, сопровождавших творческую эволюцию его взглядов), обширной личной переписки (более 1000 страниц) правовое учение одного из самых влиятельных правоведов XIX в. реконструировано таким образом, что позволяет рассматривать его не только как основателя оригинального направления трактовки права в целом, но и с точки зрения введения им в круг центральной проблематики юридического, социолого-правового и психолого-правового анализа некоторых тем в их оригинальной иеринговской трактовке: субъективное право как атрибут достоинства личности, правовая социализация с учётом различения особенностей социализации взрослых и детей, философия практической цели, психология правового чувства и мотивов правового поведения.

* Горбань Владимир Сергеевич – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований, Институт государства и права РАН.

Комплексный анализ иерингoвской проблематики с позиции соотношения истории и современности осуществлён не только в рамках ее изучения и оценки последующего развития в немецкой и российской правовой литературе, но также всех известных школ и направлений в оригинальной правовой литературе других стран (англо-американской, скандинавской, австрийской, итальянской и др.).

Историко-философская, проблемно-теоретическая реконструкция и интерпретация правового учения Р. Иеринга проведена на основе введенного в научный оборот значительного количества новых источников – обнаруженных в личном архиве Иеринга рукописей, а также посмертно опубликованных материалов разных периодов[190], что позволило выделить новые проблемные аспекты в изучении теоретического наследия этого учёного, а также критически переосмыслить существующие интерпретации его правового мировоззрения. Так, например, установлено, что Р. Иеринг задолго до появления социологии Э. Дюркгейма и значительно раньше концепции социологии Г. Спенсера обосновал применение в сфере познания права метода структурно-функционального анализа, линия которого в современной социологии рассматривается как в значительной степени дисциплинообразующая.

Осуществленная на основе методологии исследования иерингoвской проблематики реконструкция политических и правовых

[190] Jhering R. Über die Entstehung des Rechtsgefühls // Rudolf von Jhering. Der Kampf ums Recht. Ausgewählte Schriften mit einer Einleitung von G. Radbruch. Nürnberg, 1965. S. 275–303; Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft? : Jherings Wiener Antrittsvorlesung vom 16. Oktober 1868 / Rudolf von Jhering. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen: Wallstein-Verl., 1998; Jhering R. Entwicklungsgeschichte des römischen Rechts / von Rudolph v. Jhering. A. d. Nachl. hrsg. v. Victor Ehrenberg. Leipzig: Breitkopf & Härtel [u.a.], 1894; Jhering R. Über die Aufgabe und Methode der Rechtsgeschichtsschreibung (Einleitung in die Entwicklungsgeschichte des Rechts) // Entwicklungsgeschichte des römischen Rechts / von Rudolph v. Jhering. A. d. Nachl. hrsg. v. Victor Ehrenberg // Rudolf von Jhering. Der Kampf ums Recht. Ausgewählte Schriften mit einer Einleitung von G. Radbruch. Nürnberg, 1965. S. 401–445.

учений ряда других влиятельных юристов и философов права в новой и новейшей истории (Ф. Савиньи, А. Меркеля, Р. Бирлинга, К. Бергбома, представителей тюбингенской школы, юридического неокантианства, метафизического клуба в США и др.) позволила сформулировать ряд эффективных принципов методологии юридического источниковедения.

Основные тезисы предстоящего по необходимости краткого изложения основных научных результатов авторских исследований можно представить также в виде следующих обобщений:

– история политической и правовой мысли как научная дисциплина должна усилить внимание к вопросам квалифицированного изучения источников и, напротив, критически понимать роль интерпретаций;

– квалифицированный читатель или исследователь стремится к тому, чтобы познаваемый источник воспроизводить максимально точно в соответствии с оригиналом (а не на основании извлеченной фразы, схожего термина, схематичной типологизации для целей оправдания какой-то идеологии или классификации) и лишь затем подвергать аналитическим и иным аналогичным процедурам;

– характеристики новейшей истории правовой и политической мысли с оттенками «модерна» и его производных являются в основном эстетической спекуляцией, девальвирующей и деформирующей природу и характер юридической науки, которая в «классической» форме вынуждена питать все ее «модернистские» отростки;

– в логике постмодерна и метамодерна в их интерпретационной парадигме меняется сам смысл исторического знания – оно отныне некритично, вне автора, стремится не к пониманию, а к «означиванию» источников, безгранично вариативно, а интерпретатор становится равным автору;

– следует отойти от «подсказанной» интерпретации структуры и содержания истории политических и правовых учений и, напротив, обратить внимание на такую реконструкцию материала этой дисциплины, которая основывалась бы на квалифицирован-

ном, а не принятом на веру восприятии сравнительного материала в отечественных и зарубежных источниках (например, указание на создание университетов в средневековой Европе обычно трактуется как атрибут прогресса правовой мысли, хотя в действительности о возникновении юриспруденции как научной дисциплины можно говорить не раньше конца XVIII в.[191], а, например, говоря о состоянии юридической науки в США, которая со второй половины XX в. (лишь из-за отсутствия конкурентов в соответствующей языковой среде) стремится к самооценке как образцовой, следует иметь в виду, что лишь в конце XIX в. в США постепенно появляются зачатки того, что называется современным юридическим образованием[192]).

История политической и правовой культуры, ее ментальных и духовно-нравственных характеристик, познаваемых с помощью разнообразных источников, а также способов их прочтения, составляет важнейший пласт системы знаний о праве и его роли в жизни человека и общества. В целом историческое знание о праве имеет определенную типовую структуру, которая, как правило, довольно некритически воспроизводится в разных вариантах дисциплинарного прочтения философии права или истории политических и правовых учений.

При всех достоинствах западноевропейской традиции *интерпретации* истории философии права все же никак нельзя признать ее исчерпывающей, основополагающей или даже перспективной. Внутри этой традиции имеется такое значительное количество разнообразных ответвлений, противоречивых моментов, идеологем и подходов, что воспринимать ее как образец научности истории политической и правовой мысли не более чем заблуждение, рождающееся лишь из поверхностного знакомства с литературой и иными источниками познания истории политической и правовой интеллектуально-нравственной культуры. Например, почти азбучной стала

[191] Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung. 3., durchgesehene Auflage. Göttingen, 2016.

[192] Stevens R. Law school: legal education in America from the 1850s to the 1980s. Chapel Hill u.a., 1987.

установка на то, что западная философия права является «прогрессивной». Но в действительности, конечно же, дело обстоит не так. Например, утверждается, что западная интеллектуальная культура склона признавать высокие стандарты и ценности права. В качестве примера используется при этом ссылка, в частности, на правовой дуализм в философии И. Канта. Но другой соотечественник кёнигсбергского профессора, К. Маркс, уверял, что все правовые идеи и ценности не более чем химера, которая должна отмереть по мере достижения очерченного им социального идеала в коммунистическом обществе. Гегель, как апологет государства, уверял в том, что идея свободы достигает своего кульминационного пункта в реальном воплощении именно в государстве. Однако спустя полтора столетия его упрекнут в том, что это восхищение повело немцев по ложному пути, а именно к торжеству национал-социализма. Кант или Гегель, возможно, и признавали некоторый набор правовых ценностей. Но как в действительности выглядела жизнь общества и государства в тот момент истории, когда они формулировали свои идеи? Насколько смысл соответствующих философских размышлений соответствовал истинному положению дел? И не был ли он вообще футуристическим проектом? Например, в Западной Европе в 1780-х гг. еще выносились и приводились в исполнение приговоры о сожжении на костре за колдовство. Или в наше время, если мы внимательно и квалифицированно попытаемся проанализировать основные параметры правосознания и правовых систем в других странах, многое на самом деле окажется не столь простым и позитивным, как это представляется некоторым исследователям. Достаточно взглянуть на практику применения права и соответствующую статистику (о состоянии преступности, об административной практике, о судебной деятельности, отчеты о состоянии дел в разных сферах общественной жизни, статистику надзорных и контрольных ведомств и т. д.). В этой связи актуализируется проблема адекватного подбора источников изучения истории права и правовой мысли и их квалифицированного прочтения.

Например, изучая влияние взглядов того или иного мыслителя, следует ответить на вопрос о том, какое употребление и хождение имела соответствующая литература, использовалась ли она при обучении юристов и чиновников и т. п. Так, говоря о влиянии взглядов К. Маркса на своих современников, нужно иметь в виду, что значительная часть его работ была опубликована лишь в 1880-х гг. благодаря усилиям его друга Ф. Энгельса. Хотя, например, при сопоставлении слов «интерес» и «борьба» в трудах К. Маркса и Р. Иеринга многими авторами делались неоднократно совершенно безосновательные утверждения о симпатиях последнего в отношении классового подхода. Здесь, с одной стороны, работало стремление «означить» марксизм в области юридической теории, которая была слабо представлена в классическом марксизме, а с другой стороны, отчетливо проявляется фигура интерпретатора вместо квалифицированного читателя. В истории правовой и политической мысли под влиянием различных факторов квалифицированное познание источников часто подменяется интерпретацией. Причем, учитывая полисемантичность термина «интерпретация», складывается определенная парадигма восприятия содержания и роли политических и правовых учений прошлого и настоящего, для которой центральной смысловой единицей становится безграничная вариативность прочтения.

В отношении изучения истории политических и правовых учений просматриваются два типа мышления: одно напоминает феноменологический подход, когда представления о праве рассматриваются в наборе высказываний на тему права безотносительно к каким-то реальным, исторически-конкретным и иным аналогичным аргументам, т. е. эволюция правопонимания как «чистая» теория; другое пытается смотреть на проблему эволюции политической и правовой мысли с генетической точки зрения, т. е. стремясь рассматривать правовые взгляды мыслителей разных эпох с точки зрения причин и условий, связанных с их появлением, в контексте преемственного и нового, учитывая связи с предшественниками и современниками.

Если внимательно и квалифицированно, без искусственных и беспочвенных априорных восхищений, посмотреть структуру и со-

держание современной (например, второй половины XX в. и до наших дней) западноевропейской литературы по истории философии права (темы, последовательность изложения, структура исторического материала, источники, оценки и т. п.), то легко убедиться в том, что она целиком и полностью замкнута на себе, не допуская в сферу, очерченную четкими национально-региональными границами, никого. Немецкая философия права считает себя наследницей античности и в основном в таком двухэлементном измерении и интерпретирует всю историю философии права. Французская литература также очень контрастна по отношению к своим европейским коллегам. Например, внимательный исследователь французской литературы XIX в. легко обратит внимание на то, что французский юристы так и не смогли подобрать полностью адекватный вариант перевода немецкого термина "Rechtsstaat" («правовое государство»). Или, например, заимствованное непосредственно из французского языка слово «легитимность» использовалось в оригинальном значении как «законность», и даже в работах немца М. Вебера. Первые переводы на русский язык работ последнего использовали такие варианты, как «законность власти», а не полуперевод «легитимность власти». Но затем под влиянием социально-политических интерпретаций термин «легитимность» получил самостоятельную прописку в других социальных науках.

Развитие истории политической и правовой мысли как научной дисциплины, а также выработка новой стратегии развития философии права, адекватной современным вызовам и общественно-политическим задачам, напрямую обусловлены преодолением навязанного «периферийного» мышления.

Знание зарубежной истории политической и правовой мысли имеет очень важное значение для понимания собственных достижений и недостатков, возможностей углубления существующих правовых знаний или для того, чтобы по возможности избегать ошибок других. Но сравнение требует действительно квалифицированного подхода. Прежде всего, исследователь должен научиться квалифицированному чтению классических источников, внимательному и

объективно-критическому восприятию употребляемых слов и терминов, точному разъяснению вкладываемых смыслов, ясному тематическому анализу источников и т. п.

Отношение современного исследователя к историческому правоведению вызывает много нареканий и вопросов. Основной формой обращения с источниками познания истории политической и правовой мысли стали интерпретации (как конституированный метод). С конца XIX в. интерес к интерпретациям привел к созданию целой парадигмы в философии. Однако уже даже для еще не посвященного в тему исследователя должно быть очевидным, что перемещение на передний план интерпретации вместо основного (авторского) текста неизбежно приводит к тому, что центральной фигурой делается интерпретатор, а творческая эволюция правовых и политических идей ставится в прямую зависимость от интерпретаций, которые моделируются в форме конфликта разных интерпретаций и перспектив их разрешения. Есть такие мнения, что, мол, интерпретация не более чем акцент на роли текста, а не автора. Но такой подход зачастую игнорирует главное: тест как познавательная единица – объект или средство, безусловно, может обособляться в некий феномен и познаваться в этом «чистом» качестве, в отрыве от автора и других причинных факторов: исторических, политических, лингвистических и других; однако же феноменологический взгляд на природу источников познания политических и правовых идей, если он замыкается на себе, делает всю историю правовой культуры призрачной, оторванной от реальности и бытия права. Многие аспекты этой проблематики уже не раз обсуждались в литературе. Например, «Философия свободы» Н.А. Бердяева[193] или «Апофеоз беспочвенности» Л.И. Шестова[194].

Таким образом, классика нуждается в квалифицированном читателе, а не в интерпретациях (зачастую уничтожающих смысл и автора). Интерпретация стала сознательно подслеповатой парадигмой научного мышления (Дильтей и далее; модерн, постмодерн,

[193] Бердяев Н.А. Философия свободы; Смысл творчества; Опыт оправдания человека. М.: Акад. проект, 2015.

[194] Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2004.

метамодерн). Классика контрастирует как «предшествующее» и непрерывно устаревающее, а на ее место заступает цепляющийся за беспочвенность модерн, постмодерн, метамодерн («апофеоз беспочвенности»). Вместо разъяснения объективного (всеобщего, безусловного) содержания правовых знаний, отраженных в той или иной мере в истории политических и правовых учений, становятся уместными такие характеристики, которые совпадают с эволюцией направлений и жанров в литературе и искусстве. Популярность интерпретационных подходов в эпоху «неклассической» науки и до нынешней поры (отчетливо заметно с работ Л.И. Петражицкого и далее) формирует своего рода научный экспрессионизм – выражение эмоционального состояния исследователя вместо изображения правовой действительности. Как бы экспрессионизму не скатиться в кубизм, сетовал один искусствовед, и по аналогии с этим своего рода юридический кубизм ведет к тому, что деформированные, огрублённые образы правовых явлений изображаются без каких-либо элементов «светотени и перспективы, как комбинация разложенных на плоскости объёмов». Например, подобного рода эстетическая стилизация легко обнаруживается в интерпретациях западноевропейскими авторами истории политической и правовой мысли в России (в частности, в популярных изданиях по истории философии права в качестве наиболее авторитетных, показательных и исчерпывающих называются (*причем лишь в виде интерпретаций отдельных фрагментов*) работы Л.Н. Толстого, Е.Б. Пашуканиса, И.В. Сталина и А.Я. Вышинского). По такой логике можно интерпретировать историю философии права в Германии, скажем, исключительно кратким обзором нигилистического отношения к праву в некоторых высказываниях И. Гете, идеи пролетарской революции К. Маркса, теории насилия Л. Гумпловича и аргументов расовой теории права в некоторых трудах К. Шмитта. И какой тогда следует ожидать результат?

Возможность развития истории политической и правовой мысли как научной дисциплины и ее эвристического потенциала обусловлена не эстетической стилизацией или интерпретационны-

ми практиками в угоду нездоровому идеологическому оформлению преимуществ той или иной национально-региональной школы, она заключается в квалифицированном прочтении источников познания в этой области, постановке адекватных сравнительных задач, в повышении требований к отбору источников и разъяснению этого отбора (довольно странно, когда ученый сопоставляет юридическую концепцию, разработанную в полноценной теоретической форме, изложенную в одном или нескольких крупных сочинениях, например, с высказыванием другого автора в небольшой статье или письме и т. п. или, например, когда по работе малозначительного автора реконструируются особенности всей национальной юридической литературы).

Методология источниковедения в области философии права и истории юридической мысли определяет принципы и приемы, на основании и при помощи которых философия права, используя точно установленные и отобранные источники, достоверно объясняет содержание, смысл и нацеленность определенного понятия или идеи, учения или концепции, их связь с предшествующей историей идей и конкретно-исторической средой, их усвоение и употребление. Только таким путем можно преодолеть опасность схематизации, упрощения, произвольной интерпретации и фальсификации взглядов мыслителей прошлого и современности.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Горбань В.С. Квалифицированный читатель или интерпретатор: об отношении исследователя к источникам познания правовых и политических учений // Право и политика. 2021. № 9. С. 133–142.
2. Горбань В.С. Проблема новизны в юридической науке: к вопросу о методологических аспектах исследования правовых учений // Право и политика. 2020. № 3. С. 28–39.
3. Горбань В.С. О разработке методологии источниковедения в области истории философии права // Genesis: исторические исследования. 2020. № 3. С. 78–92.
4. Горбань В.С. О некоторых актуальных проблемах историографии политической и правовой мысли // Историография истории политических

и правовых учений. теоретические, методологические и исследовательские проблемы. Екатеринбург, 2020. С. 24–30.
5. Горбань В.С. Зачем философия права сегодня? // Теория и практика общественного развития. 2018. № 12. С. 99–103.
6. Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации. М.: КДУ, Университетская книга, 2018. 354 с.
7. Горбань В.С. Л.И. Петражицкий как социолог права / А.Н. Савенков, В.С. Горбань // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 118–128.
8. Горбань В.С. Современная психология права и правовые воззрения Л. И. Петражицкого / А.Н. Савенков, В.С. Горбань // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 89–98.
9. Gorban V. Auf der Suche nach dem Rechtsfrieden: Jherings Rechtslehre als Schlüssel zur Selbstbestimmung der modernen Rechtswissenschaft // 8. Bonner Humboldt-Preisträger-Forum „Zwischen Handwerk und Bekenntnis, Empirie und Normativität: Selbstbestimmung der internationalen Rechtswissenschaft“, 17.10.2018 – 21.10.2018. Bonn, 2018. S. 138 ff.

© Горбань Владимир Сергеевич

Керимов Александр Джангирович*

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 Г. В ГЛОБАЛЬНОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В 2020 г. были приняты поправки к Основному закону России. Это событие ознаменовало собой начало нового этапа политико-правовых преобразований непреходящей важности не только для прогрессивного развития нашей страны, но и для всего мирового сообщества. Невозможно не заметить, что само смысловое содержание, равно как и мобилизационно-созидательный потенциал соответствующих конституционных изменений, чрезвычайно значимы и во многом революционны. Попытаюсь пояснить данный тезис кратко и схематично, не вдаваясь в детали, охарактеризовав магистральные направления этих нововведений, которые я, кстати говоря, оцениваю безусловно позитивно.

Первое. Усиление президентской власти.

Совершенно очевидно, что конституционные новеллы упрочили и без того колоссальную власть главы государства, наделив его дополнительными прерогативами. Отныне, по-моему, ни у кого не должно возникать никаких сомнений относительно окончательно установившейся в нашем Отечестве формы правления. Её можно без колебаний квалифицировать как суперпрезидентскую республику.

* Керимов Александр Джангирович – профессор, доктор юридических наук, главный научный сотрудник, заместитель научного руководителя Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук.

Доказательств, это подтверждающих, множество. Приведу лишь малую часть из них. Именно Президент РФ, он и никто другой, находится на вершине исполнительной власти. А политическая фигура, возглавляющая соответствующие структуры (лично или опосредованно), управляющая ими, контролирующая их, и являет собой ключевое, ведущее, наиболее могущественное звено государственного механизма. Если задаться простым, но очень серьёзным, носящим принципиальный характер вопросом, что значит прийти к власти в масштабах всей страны, то ответ может быть только один. Это означает встать во главе центрального исполнительного учреждения. Форма правления определяется исходя из того, кто конкретно, в какой мере единолично и до какой степени самовластно руководит Правительством, кому оно подотчётно, перед кем несёт ответственность. У нас таким лицом, выступает, безусловно, Президент.

Он, согласно пункту «б» статьи 83 Конституции[195], осуществляет общее руководство Правительством (также ч. 1, ст. 110 К.) и, естественно, вправе председательствовать на его заседаниях. При этом никто не располагает легитимными полномочиями на то, чтобы указывать Президенту, как до́лжно понимать, каким образом трактовать термин «общее руководство». Принимая во внимание то очевидное обстоятельство, что никто не в состоянии хоть как-либо воспрепятствовать главе государства реализовывать это его конституционное право исключительно по собственному усмотрению, перманентно и в максимальном объёме, он в результате имеет возможность самостоятельно, если, конечно, пожелает, без чьего бы то ни было участия направлять деятельность Правительства, по сути, ежедневно командовать им, глубоко вникая во все подробности и тонкости функционирования любого министерства. В итоге Председатель Правительства довольствуется лишь ролью помощника Президента. Подобная оценка его истинного положения, веса и

[195] Ниже по тексту пункты, части статей и сами статьи Конституции Российской Федерации обозначаются в соответствии с устоявшимися сокращениями: «п.», «ч.», «ст.», «К.».

влияния в политической системе видится нам тем более верной, когда мы обращаемся к предписаниям, зафиксированными в ст. 113 К.: Премьер-министр в соответствии с Конституцией РФ, федеральными законами, указами, распоряжениями, поручениями Президента только организует работу Правительства.

Не будет преувеличением сказать, что глава государства практически единолично формирует высшую исполнительную власть, её персональный состав. После представления им в нижнюю палату парламента кандидатуры Председателя Правительства и её утверждения депутатами он назначает первого министра (п. «а» ст. 83; п. «а» ч. 1 ст. 103 К.). Он назначает на должность и заместителей Председателя Правительства, и федеральных министров, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой (п. «д» ст. 83; п «а. 1» ч. 1 ст. 103 К.), а также всех, кто отвечает за, условно говоря, силовой и внешнеполитический блоки. Нет необходимости лишний раз доказывать, что эти сферы жизнедеятельности – обороны, обеспечения законности и правопорядка, международных отношений – крайне важны для любого государственно организованного социума. Здесь, заметим, одобрения нижней палатой центрального представительного учреждения не требуется. Достаточно предварительных консультаций с Советом Федерации (п. «д. 1» ст. 83; п. «к» ч. 1 ст. 102 К.), консолидированное мнение которого (как и отдельных сенаторов), впрочем, ни к чему не обязывает Президента.

Кроме того, лицо, занимающее высший государственный пост, может своим волевым решением, единолично, по своему собственному усмотрению, без какого-либо участия нижней и верхней палат парламента, тем более других институтов, учреждений и чиновников освободить от должности абсолютно любого федерального министра, кандидатура которого была утверждена Государственной Думой (п. «д» ст. 83 К.), любого из руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая министров), назначенных им после консультаций с Советом Федерации (п. «д. 1» ст. 83 К.), любого из глав федеральных органов исполнительной власти, деятельностью которых руководит он сам («в. 1» ст. 83 К.), Председателя Правительства (п. «а», п. «в. 1» ст. 83 К.), его заместителей (п.

«в. 1» ст. 83 К.), как и принять решение об отставке всего Правительства целиком (п. «в» ст. 83 К.).

Отныне, т. е. с 2020 г., Премьер-министр, что следует подчеркнуть особо, несёт персональную ответственность перед главой государства за осуществление возложенных на Правительство полномочий (ст. 113 К.).

Чуть заметная, пассивная роль Государственной Думы в формировании высшего органа исполнительно-распорядительной ветви власти (о влиянии в данном случае Совета Федерации нет смысла и говорить, поскольку консультации с ним, как уже отмечалось, ни к чему не обязывают Президента), весьма неубедительная, по сути своей иллюзорная подотчётность и подконтрольность палате Правительства совершенно очевидны в силу имеющихся здесь у главы государства упомянутых и других широчайших конституционных прерогатив. Но дело не только в этом. Роль и значение Думы в отношениях с Правительством полностью и окончательно нивелированы, сведены к нулю вследствие возможности её роспуска Президентом, что, безусловно, ставит её в подчинённое, вассальное положение.

Этим правом лицо, занимающее высший государственный пост, наделено п. «б» ст. 84 и ч. 1 ст. 109 К. Глава государства может использовать предоставленную прерогативу в случаях и порядке, предусмотренных Основным законом (п. «б» ст. 84 К.). Согласно ч. 1 ст. 109 К., случаи эти чётко зафиксированы ст. 111, 112 и 117 К. Президент имеет право распустить Государственную Думу в четырёх случаях (ранее, до 2020 г., в трёх). И все они без труда могут быть инициированы им самим.

У главы государства есть и множество иных функций и полномочий, красноречиво свидетельствующих о том, что по форме государственного правления наша страна – суперпрезидентская республика. Таково очевидное и неоспоримое положение вещей. Мы, однако, не усматриваем в этом ровным счётом ничего предосудительного и дурного. Напротив, держава, столь обширная и во всех своих ипостасях сложная, с сильнейшими многовековыми авторитарными традициями, которая стремится вновь обрести лиди-

рующие позиции в мире, совершить скорый и мощнейший модернизационный прорыв, нивелировать периодически возникающие всплески сепаратистских настроений, конечно же, не может себе позволить слабую верховную власть. Посему **концентрация огромной власти в руках главы нашего государства вполне естественный и адекватный ответ на вызов современной эпохи.**

Второе. Дальнейшая консолидация основ российского государства и общества.

Это и прямой запрет на любые действия (за исключением делимитации, демаркации и редемаркации государственной границы), направленные на отчуждение какой бы то ни было части территории РФ и даже на призывы к подобным действиям (ч. 2.1 ст. 67 К.). Это и весьма жёсткие, притом абсолютно справедливые требования к должностным лицам в сфере публичной власти. Я имею в виду главным образом рестрикции, касающиеся гражданства другого государства и наличия счетов (вкладов) в иностранных банках (например, ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78 К. и др.). Это и нормы, жёстко закрепляющие верховенство Конституции нашей страны (в частности, ст. 79 К.), и многое, многое другое.

Пожалуй, наиболее важное значение здесь имеет то, что в новой редакции Основного закона, по сути, закреплена грандиозная стратегическая цель – **возродить былое могущество нашей империи, вновь обрести статус сверхдержавы.** Её достижение, конечно же, отвечает нашим подлинным и неизменным национальным интересам, соответствует упованиям и ожиданиям большинства населения. Именно так, и никак иначе, следует интерпретировать фундаментальные идеи и принципы, заложенные в принятых и всенародно одобренных в 2020 г. конституционных установлениях, согласно которым Российская Федерация сохраняет преемственность в развитии Российского государства (ч. 2 ст. 67.1 К.), признаётся правопреемником (правопродолжателем) СССР (ч. 1 ст. 67.1 К.) и др. В самом деле, ведь и Киевская Русь, и Русское царство, и Российская империя, и Советский Союз были великими державами.

Третье. Закрепление социальных стандартов и гарантий (в первую очередь ст. 75, 75.1 К.).

Это мне представляется чрезвычайно важным, ибо я усматриваю в упрочении позиций социального государства движение в направлении к социализму. У меня не вызывает ни малейших сомнений тот факт, что **возрождение социалистического общественного порядка, разумеется, в новых формах, дело не столь уж отдалённого будущего.**

Во-первых, буржуазный строй постепенно изживает себя естественным образом, медленно, но неотвратимо умирает. Стремительно накапливающиеся чрезвычайно сложные проблемы и противоречия общественного развития, перманентно и грозно наступающие кризисы в финансово-экономической и прочих областях, не поддающиеся внятному объяснению нескончаемые и вопиющие нарушения элементарных принципов социальной справедливости, устоявшихся нравственных и религиозных норм, – эти и другие характерные черты, свойственные капиталистической системе изначально и по сей день, красноречиво свидетельствуют о её относительно скорой неминуемой гибели и последующем преобразовании в нечто кардинально иное. Капитализм покинет историческую сцену не только в виду того, что он почти полностью исчерпал собственные внутренние ресурсы, израсходовал мобилизационные возможности, не в силах более справляться с беспрерывно появляющимися объективными и разнопорядковыми трудностями, а ещё и потому, что он невыносимо долго остаётся на этих подмостках.

Мы предвидим здесь веское возражение, состоящее в том, что приблизительно три столетия существования капитализма не слишком продолжительный в историософском плане период, и поэтому предрекаемый нами его неизбежный уход с геополитической арены вряд ли свершится в обозримом будущем. Однако время сегодня течёт не так, как прежде, в, казалось бы, совсем недалёком, патриархальном и невозвратном прошлом, т. е. медленно, размеренно и постепенно. Нет, нынче оно буквально мчится в загадочно-непонятное, таинственное, внушающее страх и вместе с тем магически и неодолимо манящее завтра.

Уже в XIX, особенно в XX и XXI вв., наблюдается доселе невообразимое, зачастую затмевающее даже наиболее смелые прогно-

зы футурологов и научных фантастов ускорение и усложнение практически всех общественных процессов. День за днём они всё сильнее поражают нас своей стихийностью, хаотичностью, беспорядочностью и неуправляемостью, что в совокупности, несомненно, представляет собой их специфическое качество, отличительное свойство, обязательный атрибут на настоящем этапе истории. Э. Тоффлер задаётся очень важным, вполне резонным и при этом риторическим вопросом: способен ли индивид жить в социуме, который, по сути, вышел из-под контроля? Ведь именно в таком положении, по его мнению, мы сейчас и находимся. Он отмечает, что если бы одна лишь техника, условно говоря, вырвалась на свободу и в результате её развитие обернулось непредсказуемыми последствиями, то и тогда мы бы столкнулись с серьёзными проблемами. Между тем драматизм ситуации в том, что и другие объективные процессы, происходящие в людском сообществе и природной среде, активнейшим образом, с его точки зрения, сопротивляются всем нашим неимоверным усилиям управлять ими. Урбанизация, этнические конфликты, миграция, население, преступность – перед мысленным взором, подчёркивает исследователь, возникают тысячи областей деятельности, где наши старания придать переменам приемлемую форму выглядят всё более нелепыми, глупыми и тщетными[196].

Сверх того, стремительно обостряются старые и появляются абсолютно новые, ранее неизвестные, в том числе глобальные проблемы, насыщающие мир мрачными и жестокими реалиями, злонамеренными, воистину дьявольскими интенциями, делающие его открыто враждебным, чудовищно опасным. Эти планетарные по своему охвату проблемы угрожают не только стабильному, полноценному и благополучному существованию целых стран и континентов, наций и народов, но и сбережению человека в биологическом и духовном смыслах, сохранению самой жизни на Земле, всего рода людского, по большей части безнадёжно утратившего чувства

[196] См.: Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 486–487.

эсхатологической интуиции и провиденциальности собственного предназначения.

Речь идёт о постоянно увеличивающейся и во всемирном масштабе, и нередко в границах отдельных государств без того гигантской пропасти между богатством и бедностью, изобилием и нуждой, роскошью и нищетой, о пропасти, если угодно, всепроникающей, вездесущей, разверзнутой не где-то там, далеко на краю света, а прямо здесь, перед нами, нашими уютными и комфортными домами. Устрашающее зияние этой бездны как будто специально призвано поколебать и посрамить веру в единую судьбу человечества.

Мы также имеем в виду и многие другие вызовы нашего сурового века: наращивание гонки вооружений и распространение всё более совершенных и смертоносных его видов; транснациональный терроризм, этнический и религиозный экстремизм; загрязнение биосферы и расширение «зон экологического бедствия»; нехватка продовольствия, дефицит энергоресурсов; сокрушительные природные катаклизмы, техногенные катастрофы и производственные аварии; появление до сих пор неведомых вирусных и прочих коварных заболеваний, принимающих характер повальных эпидемий, даже пандемий, и т. д.

Итак, факты неопровержимо свидетельствуют о том, что капитализм близится к своему естественному и закономерному закату. Способность учреждённого им порядка адаптироваться к реалиям и перипетиям современной действительности сильно преувеличена. **«Продолжительность его жизни» резко сокращается.** Она будет, бесспорно, гораздо короче, нежели феодального, рабовладельческого и уж точно первобытно-общинного строя.

Во-вторых, на смену этому устаревающему порядку своим чередом, пусть неспешно, но твёрдо и неминуемо, идёт отчётливо заявляющий о себе антибуржуазный уклад, формирующийся первым делом не в экономической, а прежде всего в духовно-нравственной сфере. Зарождается как бы само собою, органически, безыскусственно и остенсивно общество будущего, общество посткапиталистических отношений и взаимосвязей, установок и

целей, значений и смыслов. Грядёт новая эпоха. Её ожидаемое пришествие произойдёт в результате независимо от воли и желания тех, кто заинтересован в сохранении статус-кво, ныне существующей жестокой и бездушной эксплуататорской системы. Она к тому же наступит намного раньше, чем допускает большинство экспертов и аналитиков.

Достойное свободного индивида постбуржуазное завтра шаг за шагом, постепенно, но уверенно и настойчиво прорастает из глубин экономикоцентричного сегодня. Персонажи, ориентированные исключительно на развратно-избыточное, иррационально непомерное потребление, товаров, продуктов и услуг, как будто нехотя, но неотвратимо уступают место личностям нравственным и интеллектуальным. Последние не только в некоем абстрактно-метафизическом, духовном, но и в реальном жизненном пространстве начинают пока мучительно медленно, но неустанно и решительно оттеснять с занятых господствующих позиций субъектов, поражённых капиталистической моралью.

Примеров, это доказывающих, уже предостаточно. Буквально с каждым годом всё большее количество граждан различных государств приходят к ясному, иногда интуитивному пониманию того, казалось бы, очевидного факта, что получение системного, добротного академического образования нужно им и их детям не столько для решения утилитарных задач (регулярных солидных доходов, гарантированной престижной работы, стабильного карьерного роста и т. д.), а необходимо, по сути, как таковое, само по себе. Образование в итоге всё чаще предстаёт в аксиологическом ряду фундаментальной, чрезвычайно важной и, главное, абсолютно самостоятельной ценностью; утверждается его собственная исключительная самоценность.

Нельзя не признать, что изначальное стремление человека к образованию, просвещению (удачно определяемому И. Кантом в качестве выхода из состояния несовершеннолетия[197]) и, соответственно, к осмыслению и переустройству действительности под

[197] Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? 1784. Сочинения: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 29.

натиском, жёстким психологическим прессингом целенаправленной агрессивной политики господствующего класса, либеральной демократии, ничем не стеснённого свободного рынка, разнузданного потребительского общества, усердно культивируемого постмодернистского виденья реальности и т. п., к величайшему сожалению, постепенно притупляется, затухает и угасает. Многие его уже безвозвратно утратили. Но оно, тем не менее, всё ещё характерно для наиболее пассионарных индивидов, о которых столь убедительно и подробно писал Л.Н. Гумилёв.

Невозможно не заметить и ряд других принципиальных, весьма наглядных и показательных сдвигов в шкале ценностей, в их иерархической сопоставимости, и, как следствие, в структуре потребления, в перечне расходов некоторой, пожалуй, даже немалой части наших современников. Эти существенные изменения напрямую связаны с повышением общего культурного уровня людей XX и XXI столетий. К ним приходит осознание того, что качество жизни зависит далеко не в последнюю очередь от степени её духовной насыщенности, наполненности нетривиальными смыслами и экзистенциальными переживаниями. Посему они активно предпринимают попытки, направленные на всемерное обогащение своей повседневности соответствующим содержанием. Рождающийся и возрождающийся ныне, на новом этапе истории постэкономический Homo sapiens гораздо охотнее обращает внимание на социальную значимость, характер, нужность и полезность своего труда, а не только лишь на его доходность и прибыльность; он предъявляет достаточно высокие требования к выполняемой им изо дня в день работе, полагая прежде всего реализоваться в ней как творческая, инициативная и гармоничная личность; он хочет, чтобы его профессиональная деятельность была увлекательной и интересной, приносила ему удовольствие и радость; он, наконец, тратит довольно большую часть заработанных им денежных средств не на оплату тех или иных сугубо материальных нужд, не на аморальное потакание различным, может статься, имеющимся у него плотским слабостям, а на удовлетворение невещественных, неосязаемых потребностей, связанных с запросами духовного – интеллектуального, этиче-

ского, религиозного, эстетического, эмоционального – порядка (чтение книг, прослушивание лекций, посещение святых мест, а также театров, концертов, музеев, выставок, и т. д.).

На смену типичному персонажу эпохи капитализма постепенно, но твёрдо и неотвратимо идёт новый, более нравственный, проникнутый возвышенными чувствами, идеалами и устремлениями, пассионарный человек. Я априори безусловно приветствую шаги, особенно в конституционно-правовой сфере, направленные на формирование нового человека, на созидание нового общества.

Но всё же в связи с проведением реформы Конституции 2020 г. и у меня лично, и у многих моих коллег возникало немало недоумённых вопросов. Почему нельзя было неспешно, в установленном порядке принять новый Основной закон, закрепив в нём все те же, несомненно, разумные и необходимые, а возможно, ещё и другие положения? Зачем нужно было так торопиться? Ведь в результате этот основополагающий документ в его нынешнем виде получился недостаточно отработанным, не в полной мере сбалансированным, внутренне крайне противоречивым, к тому же очень сложным для восприятия и уяснения рядовыми гражданами.

Ответ на этот и подобные ему вопросы теперь совершенно ясен. Президент РФ, обладая наиболее полной информацией о том, что происходит в стране и за её пределами, уже долгие годы прекрасно понимал, что **война неизбежна.** Всё, что делалось не только в политико-правовой сфере, но и в других областях, было тотально подчинено подготовке к грядущей гибридной войне с Западом. 24 февраля сего года она, по вине США, их сателлитов и приспешников, переросла на Украине в том числе в стадию вооружённого конфликта. Война эта, к величайшему сожалению, будет долгой, ибо мировая, в первую очередь англо-саксонская, капиталистическая элита никогда и ни при каких обстоятельствах не откажется от своих планов в прямом смысле слова изничтожить наше Отечество. Отрадно то, что самый верхний слой российской политической элиты теперь это понимает и действует в целом разумно и решительно.

© Керимов Александр Джангирович

Курбанов Рашад Афатович*

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРАВО В НОВОЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЦИФРОВОЙ ПАРАДИГМЕ

Мы уже неоднократно обращались к теме формирования евразийского права. На сегодняшний день уже можно с уверенностью утверждать, что евразийское право существует и активно развивается. В учебный процесс ряда вузов введен курс евразийского права, созданы кафедры и научные школы, издан первый учебник. Сегодня я хотел бы рассмотреть основные факторы эволюции евразийского права в сложившейся геополитической ситуации.

Новая политико-экономическая парадигма

Мировые события последних трех лет в буквальном смысле перевернули «с ног на голову» всю систему демократических ценностей, основных прав человека, которые утверждались и во многом навязывались западными странами всему миру.

Уже сейчас мы можем констатировать, что первым шагом на этом пути стала пандемия коронавируса. 28 положений Всеобщей декларации прав человека были нарушены странами Запада уже в первый год противодействия пандемии – это и демократические принципы, в том числе ограничения прав и принципов организации власти, которые были отмечены во всех государствах европейского континента, хотя существующие международные договоры в этой области предусматривают, что нарушения прав людей на частную

* Курбанов Рашад Афатович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

жизнь, свободу от дискриминации, свободу информации и выражения мнения не должны становиться результатом борьбы с пандемией[198].

Следующим шагом стали принимаемые США, Евросоюзом и рядом стран санкции против России в связи с проводимой в настоящее время спецоперацией в Украине – конфискация, экспроприация, аресты счетов, запрет на покупку недвижимости. По мнению ряда экспертов, конфискация активов России, если такое вообще произойдет, будет носить беспрецедентный характер. Мир стремительно избавляется от каких-либо остатков международного права, в том числе в экономических отношениях[199].

Сегодня на цивилизационном уровне мы видим так называемый «переходный» период. Основой этого периода является сущностное изменение модели развития общества. Направления развития, ранее рассматривавшиеся в качестве приоритетных, в настоящее время логично ставятся под вопрос – рациональнальны ли они? И этот вопрос обусловлен конкретными закономерностями цивилизационного развития. На первый план вышли токсичные качества доминирующей направленности на превосходство, силу, обладание, непосредственная личная выгода.

Прогнозируемый цивилизацонный системный кризис диктует необходимость переосмысления существующих ценностей. К этому умозаключению приводят поиски выхода из сложившейся ситуации путем перестраивания уже сформированной системы отношений. Всякое переустройство общества происходит вследствие кризиса ценностей, роль которых теряет свое первостепенное значение. Сегодня «речь идет о фундаментальных основаниях человеческого бытия, о выработке новых ценностей, которые призваны обеспечить стратегию выживания и прогресса человечества. Необходим пересмотр идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование природного и социального мира, необходима выработка но-

[198] https://iz.ru/1145050/robert-lanskii/na-dne-za-god-v-es-narushili-vse-polozheniia-deklaratcii-prav-cheloveka

[199] https://news.rambler.ru/sociology/48589127-ekspert-nazval-konfiskatsiyu-aktivov-rossii-unichtozheniem-mezhdunarodnogo-prava-v-ekonomike/

вых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека»[200].

Евразийство и Евроатлантизм

Рассмотрим их определения в целях понимания того, что надо вкладывать в смысл этих понятий в новых реалиях.

Евразийство – первоначально идейно-мировоззренческое, затем также общественно-политическое движение, возникшее в среде русской эмиграции 1920–1930-х годов, для которого центральной является историософская и культурологическая концепция России-Евразии как самобытной цивилизации, объединившей элементы Востока и Запада. Следует отметить, что Евразийское движение пережило возрождение в конце XX века после распада СССР.

Общеприняты также определения его в широком смысле как «Евразийский континент от Лиссабона до Владивостока» и в узком смысле как Евразийское «постсоветское пространство».

Однако представляется, что эти подходы утратили свою актуальность.

Наиболее логичное определение «евразийского пространства» в новой политической парадигме – это пространство «Большой Евразии» (Большое евразийское пространство), как территория, охватываемая функционированием современных евразийских региональных и субрегиональных организаций, объединённых не только общим географическим и социальным, но также и функциональным признаком – общность интересов и целей.

Евроатлантизм, также известный как «трансатлантизм», понимается как геополитическая философия политического, экономического и военного сближения государств Северной Америки и Европы под общими ценностями демократии, индивидуализма, свободы и верховенства права. Логично, что в новой реальности к такому определению возникает много вопросов. Деятельность НАТО, события на Украине, постоянное географическое расширение этого объединения по всем направлениям не могут не вызвать настороженности.

[200] http://anthropology.ru/ru/text/sharov-av/transformaciya-cennostey-v-menyayushchemsya-mire

Так, официальная цель QUAD, диалога по безопасности между Австралией, Индией, США и Японией в Индо-Тихоокеанском регионе, – это развитие партнёрства в сфере безопасности, а на практике это сдерживание устремлений Китая и России в регионе Индийского и Тихого океанов[201].

15 сентября 2021 г. был создан AUKUS – трёхсторонний оборонный альянс с участием Австралии, Великобритании и США, направленный на противодействие влиянию Китая в спорной акватории Южно-Китайского моря. В рамках альянса военно-морской флот Австралии впервые получит возможность строить атомные подводные лодки. Еще с 1941 г. функционирует разведывательный союз – альянс «Пять глаз» с участием Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США. Эти страны являются участниками многостороннего Соглашения UKUSA, договора о совместном сотрудничестве в области радиоэлектронной разведки.

Россия и Европа

Выход Российской Федерации из Совета Европы не отменил ни практику ЕСПЧ, ни нормы российского законодательства, разработанные во многом на его основе, подобно тому как распад СССР не отменил действия советского законодательства[202]. Более того, решения ЕСПЧ, окончательно утратив формально-юридическую силу, совершенно не утратили своей научной, познавательной, доктринальной ценности. Нет особых причин не использовать достижения европейского права там, где они не противоречат основным принципам евразийского и российского права и ценностям российского общества.

Будущая денонсация Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод также изменит лишь уровень защиты основных прав и свобод, которые давно являются неотъемлемой частью Конституции РФ, к тому же практически не подлежащей из-

[201] Организационно оформлен в 2007 г., в 2008 г. прекратил существование, в ноябре 2017 г. при администрации Дональда Трампа его деятельность была восстановлена.

[202] Продолжают существовать такие реликты советского права, как право постоянного бессрочного пользования земельными участками, право хозяйственного ведения, право оперативного управления.

менению (ст. 135 и 136 Конституции РФ). Очевидно, что Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, равно как и практика ЕСПЧ, сыграет роль «сырья» для формирования новых евразийских инструментов защиты прав и основных свобод граждан и их объединений (Евразийской конвенции о защите прав человека и основных свобод, формирования Евразийского суда по правам человека и т. д.).

При этом надо учитывать тот парадокс, что мы до настоящего времени не создавали этих институтов, продолжая пользоваться европейскими институтами, тогда как, к примеру, Американская конвенция о правах человека, или Пакт Сан-Хосе, была принята в 1969 г. и вступила в силу в 1978 г., Африканская хартия прав человека и народов – в 1981 г. Функционируют Межамериканский суд по правам человека[203] и Межамериканская комиссия по правам человека, Африканский суд справедливости и прав человека[204] и Африканская комиссия по правам человека и народов (1987).

Россия и НАТО

Можно отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция усиления роли интеграционных альянсов в противостоянии государств. По мнению французского профессора М. Виралли, международная организация является главным содержанием политической жизни международного сообщества. Более того, она воспринимается как новая форма политической организации[205].

Нынешнее противостояние России и НАТО не является чем-то новым. В XX веке мы уже были свидетелями подобного противостояния в Евразии: функционирование Совета экономической безопасности (СЭВ) и Организации Варшавского договора, которые являлись интеграционной альтернативой социалистической направленности и противопоставлялись Европейскому экономическому

[203] Создан в 1969 г., функционирует с 1979 г.

[204] Создан в процессе объединения Африканского суда справедливости АС и Африканского суда по правам человека и народов в 2008 г.

[205] *Vinuales J.* «The secret of tomorrow»: International organization thought the eyes of Michel Virally // European j.ofintern.law. Oxford. 2012. Vol. 23. № 2. P. 561.

сообществу – ЕЭС (предшественнику ЕС) и НАТО[206]. Сейчас мы видим новый виток этого противостояния.

С момента создания ЕАЭС стали противопоставлять ЕС, при этом развернулась конкуренция между ЕС и ЕАЭС относительно вопроса расширения и присоединения новых членов[207].

В настоящее время в Евразии функционирует большое количество объединений, основной курс которых направлен на интеграционные процессы со странами ЕС и США: Организация за демократию и экономическое развитие (ГУАМ), Содружество демократического выбора (СДВ), программа «Восточное партнерство» (ЕС), направленная на развитие интеграционных связей Евросоюза с шестью странами бывшего СССР: Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Молдовой и Украиной.

Со всеми этими странами заключены соглашения о партнерстве и сотрудничестве (РСА), а с Украиной, Молдовой и Грузией эти соглашения включают еще и создание зон свободной торговли – DCFTA[208]. При этом на Западе позиционируется тезис: в Европу вместо России, а не в Европу вместе с Россией. Для многих государств эта дилемма является крайне конфликтной и неоднозначной[209]. Следует отметить такие экономические проекты, как TRACECA[210], региональную инициативу ЕС «Синергия Черного моря»[211], программу ЕС в сфере энергетики INOGATE[212], платформу С5+1 с участием США и государств Центральной Азии, про-

---

[206] Курбанов Р.А. Евразийская интеграция в контексте мировой глобализации: современные тренды и тенденции развития // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 133–141.

[207] Там же.

[208] Там же.

[209] Там же.

[210] TRACECA (Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia) is a program of international cooperation between the EU and partner countries for the organization of the transport corridor "Europe – Caucasus – Asia".

[211] Development and economic reforms and contribute to the resolution of conflicts in the region.

[212] INOGATE is one of the longest-term technical assistance programs in the energy sector funded by the European Union. The program was launched in 1996 and operates within the framework of the Baku Initiative.

грамму НАТО «Партнерство во имя мира» 1994 г. по двухстороннему военному сотрудничеству НАТО с восточноевропейскими и постсоветскими странами.

Функционируют такие межпарламентские объединения, как Межпарламентская ассамблея Украины, Молдовы и Грузии[213] и Парламентская ассамблея Литвы, Польши и Украины[214].

Процесс по созданию таких объединений только набирает обороты. В 2020 г. был сформирован «Люблинский треугольник» (трехсторонняя платформа для политического, экономического и социального сотрудничества между Украиной, Польшей и Литвой), а в 2021 г. создана «Ассоциация трио»/Association Trio (формат по развитию диалога, кооперации и координации между главами МИД Грузии, Молдовы и Украины по вопросам, представляющим общий интерес и связанным с европейской интеграцией).

Несомненно, деятельность этих организаций необходимо изучать и анализировать.

Украинский кризис продемонстрировал необходимость решения вопроса по укреплению межгосударственных связей стран евразийского региона. Перед странами региона особо остро стоит задача построения собственной региональной архитектуры, в противном случае существует серьезный риск его политического, экономического и социального «раздробления»[215].

И, как представляется, в этом решении должна быть заинтересована не только Россия, но и страны, на которые обращено внимание ЕС, более того, именно они могут пострадать в первую очередь, повторив в той или иной степени сценарий Украины. Здесь остро стоит и вопрос перекрестного членства евразийских государств в объединениях, имеющих иногда противоположные цели и задачи[216].

Евразийская архитектура и евразийское право

---

[213] The three parliament Speakers signed the agreement on establishing the inter-parliamentary assembly on June 9, 2018 in Kiev, Ukraine.

[214] Established in 2005.

[215] Курбанов Р.А. Указ. соч.

[216] Там же.

Евразийскими интеграционными объединениями накоплен достаточный потенциал для формирования полноценной, способной к самостоятельному развитию структуры евразийской интеграции.

Наиболее перспективной видится реализация регионального проекта Большой Евразии. Основой могут стать Союзное государство Беларуси и России как универсальная организация, ЕАЭС как экономический блок, СНГ как зонтичное объединение – прототип Совета Европы, т. е. Совет Евразии, ОДКБ как военно-политический союз, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) как аналог ОБСЕ, ШОС и БРИКС как мегарегиональные союзнические объединения (как Совет Европы – США) и др. Их опыт в различных сферах будет только способствовать достижению единой цели – построению Большой Евразии. Эти же организации станут связующим звеном с дружественными странами и интеграционными объединениями в Африке, Латинской Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе.

При этом локомотивом этих интеграционных процессов выступает евразийские право, которое лежит в основе организации всех отношений. В деятельности практически всех евразийских объединений предусмотрено взаимодействие в правовой сфере. В рамках всех евразийских объединений принимаются акты, носящие как обязательный, так и рекомендательный характер, которые и являются основой евразийского права.

Межпарламентской ассамблеей СНГ разработан ряд модельных законов, которые могут стать ориентиром для развития институтов евразийского права. В рамках Союзного государства были утверждены приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018 – 2022 гг., среди которых первым названо именно формирование Единого правового пространства Союзного государства. Модельное законодательство ОДКБ регулирует всю военно-политическую сферу. Становление судебной власти на территории бывшего СССР прошло путь от Экономического Суда СНГ до Суда ЕАЭС и т. д.

Теоретические аспекты евразийского права как составной части международного права, по моему мнению, должны являться и уже являются наиболее приоритетными направлениями развития отечественной юридической науки, что позволит ускорить процесс

создания и взаимодействия всех недостающих евразийских институциональных механизмов, что будет способствовать развитию евразийской интеграции, продвижению и пропаганде в мире общеевразийских ценностей.

Евразийское право и цифровизация

Вопросы эволюции права в условиях цифровизации традиционно находятся в поле зрения ученых. При этом, как отмечает проф. В.В. Лазарев, именно междисциплинарный подход является наиболее целесообразным, так как все новые идеи и решения возникают на стыке, и без их кооперации невозможно выработать наиболее целесообразный путь взаимодействия науки права и общества.

Как отмечает академик Т.Я. Хабриева, человечество вступило в эпоху «электронной цифры», развитие информационно-коммуникационных технологий придало новый импульс научно-техническому прогрессу и обусловило переход общества к информационной, постиндустриальной стадии социально-экономического развития, формируя новую реальность.

На влияние технологического фактора на динамику права в своих трудах обращал внимание еще академик Вячеслав Семенович Степин[217]. Данные вопросы являются предметом обсуждения на многочисленных конференциях, круглых столах и симпозиумах. Так, к примеру, недавно они обсуждались на круглом столе «Этические и правовые аспекты доверия» в рамках российской междисциплинарной конференции «Философия искусственного интеллекта», организованной Научным советом по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований при президиуме РАН, модератором которого выступил академик РАН Владислав Александрович Лекторский.

Таким образом, мы можем говорить о том, что право является своего рода проводником для внедрения цифровых технологий, но при этом цифровизация также оказывает влияние на право, изменяются содержание, форма, механизм действия права. Это относится и к евразийскому праву. Акты, регулирующие цифровую сферу, принимаются как на универсальном, так и региональном уровнях. В

[217] См. Будущее права. Наследие академика Степина В.С. и юридическая наука. Хабриева Т.Я. Черногор Н.Н.

сентябре 2018 года в рамках ООН была обнародована Стратегия новых технологий, в которой излагается, каким образом ООН будет поддерживать использование этих технологий для ускорения реализации повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в их увязке с ценностями, закрепленными в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, а также в нормах и стандартах международного права[218].

На уровне ЕАЭС существует «Цифровая повестка», предусматривающая:

– формирование единого цифрового пространства ЕАЭС;

– интенсификацию процессов интеграции государств – членов ЕАЭС;

– включение стран в процессы глобальной цифровой трансформации в целях создания новых ландшафтов экономических процессов и международно-правовых регуляторов.

Дальнейшее развитие цифровизации и систем искусственного интеллекта может сыграть роль в изменении формата взаимодействия государств в рамках интеграционных объединений. Технологии, работающие далеко за рамками человеческих возможностей, могут использоваться для контроля за соблюдением и предотвращением нарушений международного права, для решения таких региональных проблем, как вопросы миграции, противодействие терроризму, предотвращение вооруженных конфликтов, разрешение межгосударственных споров и др.

В настоящее время уже есть примеры, доказывающие возможность оказания существенного влияния на эффективность регулирования вопросов безопасности. Sentry, к примеру, технология на основе искусственного интеллекта, разработанная Hala Systems, задача которой – предсказывать удары с воздуха, позволяя гражданским лицам успеть найти убежище[219].

Считаю, что вопросы изучения передового зарубежного опыта регулирования ИИ, выявление закономерностей развития будут

[218] Тихомиров Ю.А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.Н., Бальхаева С.Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.

[219] Там же.

одним из приоритетных направлений развития евразийского права. Таким образом, единая концепция евразийского права представляется основным инструментом, отражающим различные аспекты развития интеграционных процессов в Большой Евразии.

ИЗБРАННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА:

1. Курбанов Р.А. Евразийское право. Теоретические основы: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 847 с.
2. Курбанов Р.А. Энергетическая политика и энергетическое право стран – участниц Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. (10 п.л.).
3. Курбанов Р.А. Интеграционные процессы в энергетической сфере стран евроатлантического региона: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 311 с. (14,5 п.л.).
4. Союзное государство Беларуси и России. От сообщества к построению союзного государства: Монография / Под ред. Г. А. Рапоты, Р. А. Курбанова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 592 с. (62 п.л.).
5. **Право Союзного государства Беларуси и России: Учебник: В 2 т.** / Под ред. Р. А. Курбанова. М.: Проспект, 2018. 768 с.
6. Правовые основы иностранных инвестиций в энергетическом комплексе евразийских стран: История и современность: Монография / Под общ. ред. Р.А. Курбанова. М.: Проспект, 2019. 456 с.
7. Судебные системы Европы и Евразии: В 3 т. / Под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М.: Проспект, 2019. 1544 с. Научно-энциклопедическое издание.
8. Правовые основы противодействия коррупции: Международные и национальные стандарты и инициативы: Научно-практическое пособие: В 2 т. / Под общ. ред. Т. Я. Хабриевой, Р. А. Курбанова. М.: Проспект, 2019. 968 с.
9. Курбанов Р.А. Евразийское право: Учебник для магистратуры. М.: Проспект, 2021. 600 с.
10. Концептуальные основы развития науки и признание научных степеней и званий как форма межгосударственной интеграции. Сравнительно-правовое исследование: Монография / Под ред. Р.А. Курбанова. М.: Проспект, 2022. 296 с.

© Курбанов Рашат Афатович

Любимов Алексей Павлович*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Развитие российского парламентаризма. После десяти лет работы в народном хозяйстве и срочной службы в Советской армии, окончив юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и защитив в начале 90-х гг. кандидатскую диссертацию в МГУ, я, как все граждане СССР, оказался на развалинах Союза, передо мной встал вопрос: идти зарабатывать относительно легкие деньги или затянуть пояс и пойти по пути моих учителей из МГУ, связать свою жизнь с фундаментальной и прикладной наукой. Я выбрал научно-практическую деятельность и свою первую научную монографию посвятил моим учителям из МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные мои научные результаты связаны с конституционным правом[220], актуальными вопросами государственного строительства и развития российского парламентаризма на базе юриди-

* Любимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор, зам. гл. уч. секретаря президиума РАН, заместитель председателя Научного совета при президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, член российского философского общества РАН, член ассоциации юристов России, гл. редактор журнала «Представительная власть».

[220] Любимов А.П. Конституция Российской Федерации: проблемы и вопросы толкования // Представительная власть – XXI век. 2003. № 6. С. 15–17; Любимов А.П. 20 лет Конституции РФ // Представительная власть – XXI век. 2013. № 7–8. С. 14–17.

ческого факультета[221] МГУ им. М.В. Ломоносова, ИГП РАН, МГУКИ, МГЮА, Дипломатической академии МИД РФ, в настоящее время аппарата президиума РАН.

Исследование парламентаризма в России является попыткой системно объединить и проанализировать основные источники парламентского права после принятия новой Конституции РФ 1993 г. в их динамике.

В настоящее время российское парламентское право – сложившаяся подотрасль конституционного права России со своим предметом регулирования, которой в последнее время уделяется значительное внимание.

Показана роль и место российского парламентаризма в системе органов государственной власти.

Парламентское право России развивается в сложных условиях. Парламент, в особенности Государственная Дума, находится под постоянным прессингом со стороны различных высших должностных лиц государства, политических партий, населения и средств массовой информации. Согласно новой Конституции Российской Федерации, парламент России потерял, точнее, недосчитался некоторых полномочий, позволяющих контролировать органы государственной исполнительной власти. Тем самым был нарушен баланс разделения власти. А ведь еще в XIX в. Б.Н. Чичерин писал: «Парламентское правление служит признаком политической зрелости народа»[222].

До 2020 г. Конституция РФ имела значительное количество пробелов и отсылок к федеральным законам, которые были приняты позже (или еще не приняты); ее отдельные положения нуждались или нуждаются в толковании Конституционным Судом Рос-

[221] Любимов А.П. Представительная власть. Этапы большого пути // Представительная власть – XXI век. 2006. № 2. С. 9–10; Любимов А.П. Принципы правовой этики государственных служащих и других должностных лиц // Представительная власть – XXI век. 2007. № 6. С. 11–15; Любимов А.П. Проблемы конструктивности парламентской службы // Представительная власть – XXI век. 2002. № 4. С. 3–4.

[222] Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1996. С. 175.

сийской Федерации. Поправка в Конституцию РФ 2020 г. несколько изменила соотношение межу ветвями власти в пользу парламента России. За почти три десятилетия восполнены и иные законодательные пробелы.

В дополнение к Конституции РФ, федеральным законам и другим правовым актам решения Конституционного Суда Российской Федерации развивают основы парламентского права. И это очень важно, так как это делается одной из основополагающих ветвей – судебной властью.

Важное значение среди источников парламентского права имеют регламенты палат.

Большую роль играют также постановления Совета Федерации и Государственной Думы. Палаты российского парламента принимают постановления по вопросам, отнесенным Конституцией РФ (ст. 102, 103) к их ведению. Совет Федерации и Государственная Дума часто используют это право. Иногда складывается впечатление, что палаты выходят за пределы своих полномочий. Во всяком случае, однозначного мнения среди юристов ни по этому вопросу, ни относительно этого вида актов палат не существует.

Определено понимание этики взаимодействия бизнеса и власти[223] в период выборов и работы в парламенте[224].

Исследованы актуальные проблемы систематизации российского законодательства[225] (издана серия из пяти книг по систематизации российского законодательства).

[223] Любимов А.П. Этика парламентария и нравственность законов // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов (ежегодник). М., МГУКИ. 2010. № 1. С. 17–41; Любимов А.П. Парламентская этика и нравственность законов // Представительная власть – XXI век. 2007. № 5. С. 10–14.

[224] Любимов А.П. Об общественном (публичном) контроле за компьютерным подсчетом голосов во время выборов // Законодательство. 1998. № 11. С. 69–76.

[225] Калинин А.Ю., Любимов А.П. Социология процессов правообразования в современной России. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2016. 355 с.

Показано развитие философии права в единстве её мировоззренческих основ, теоретического содержания, социологии, психологии процессов правообразования и стратегических требований.

Проанализирована роль парламента при признании новых государств на постсоветском пространстве.

В определенном смысле парламентское право России показано в динамике через развитие системы и иерархии нормативных правовых актов.

Формирование лоббистских правоотношений в Российской Федерации. Впервые в российской юридической литературе проведено конституционно-правовое исследование возможности формирования лоббистских правоотношений в российском обществе с антикоррупционных позиций[226], раскрыты природа, значение и смысл политических правоотношений с учетом институтов гражданского общества, обоснована необходимость законодательного регулирования лоббистских отношений в интересах социального и правового государства, гражданского общества[227] и российского бизнеса (малого, среднего и крупного бизнеса).

Термин «лоббизм», или «лоббирование» (от англ. lobby – кулуары), пришел к нам из Америки, где возникла система агентств крупных монополий, работающих с законодательными органами США, оказывающих воздействие на законодателей и должностных лиц с тем, чтобы те приняли в их интересах определенные закон или решение.

Впоследствии технологии лоббирования стали применяться и в сфере властных отношений не только в США.

---

[226] Любимов А.П. Формирование лоббистских правоотношений в российском обществе: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002. 40 с.; Любимов А.П. Сколько еще будет процветать теневой лоббизм // Представительная власть – XXI век. 2001. № 1. С. 5–6; Любимов А.П. Актуальные вопросы лоббизма в Парламенте России // Представительная власть. 1997. № 10. С. 81–92.

[227] Любимов А.П. Политико-правовая основа электронной демократии и культуры в России // Философские науки. 2017. № 2. С. 79–88.

Лоббирование в парламенте России имеет свои особенности. В связи с тем что парламент занимается законодательной деятельностью, лоббирование возможно в виде продвижения (проталкивания) определенного законопроекта или отдельных поправок к нему. Кроме того, имеется возможность использовать в целях лоббирования запросы и письма депутатов Государственной Думы и сенаторов Совета Федерации в различные федеральные органы государственной власти. Немаловажен в лоббистской деятельности и личный контакт с депутатом Государственной Думы или сенатором Совета Федерации: при личном знакомстве с парламентарием можно определить, поддержит ли он необходимый законопроект и сможет ли повлиять на его продвижение.

Лоббирование законодательного предложения или законопроекта в палатах парламента, как правило, начинается с поиска сторонников (единомышленников) среди депутатов Государственной Думы или сенаторов Совета Федерации.

После того как они найдены, один парламентарий или группа депутатов, иные субъекты права законодательной инициативы вправе внести предложенный законопроект в порядке законодательной инициативы в Государственную Думу.

Истинными разработчиками и идеологами законопроекта выступают, как правило, не сами лоббисты, а те, кто заинтересован в принятии конкретного закона.

Особые возможности при лоббировании определенных вопросов в парламенте имеются у депутатских объединений – фракций и депутатских групп, особенно у партии парламентского большинства.

Федеральный закон о регулировании лоббистской деятельности до сих пор не принят, что затрудняет чистоту законодательного процесса.

О методологии искусственного интеллекта: понятийный аппарат искусственного интеллекта. В Институте философии РАН и в ООН РАН на протяжении около 20 лет реализовывается междисциплинарная научная школа по методологии искусственного интеллекта и когнитивным исследованиям, которая оказалась сверхвостребованной. Свыше пяти лет назад автору настоящего доклада

удалось присоединиться к данному проекту – Научному совету при президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований (данное направление и Совет возглавляет академик РАН В.А. Лекторский), а в 2019 году создать секцию «Право и искусственный интеллект», ориентированную на научные исследования по проблемам международно-правового регулирования искусственного интеллекта, а также для проведения анализа зарубежного и российского опыта. Опыт показал, что существует много проблем, а также значительное количество терминов, понятий и определений по ИИ, которые нуждаются в систематизации.

Развитие искусственного интеллекта становится ключевым направлением национальной политики значительного числа государств и интеграционных объединений. Так, в течение последних нескольких лет национальные стратегии по содействию, использованию и развитию искусственного интеллекта разработаны в Канаде, Китае, Дании, Финляндии, Франции, Индии, Италии, Японии, Мексике, Сингапуре, Швеции, Великобритании, ОАЭ и в ряде других государств. Свою стратегию принял и Европейский союз. Как правило, такие стратегии охватывают следующие направления использования технологий искусственного интеллекта: научные исследования, образование, государственное и корпоративное управление, передача данных, цифровая экономика и инфраструктура. Особое внимание в документах уделяется вопросам этики, а также формированию стандартов и адаптации нормативных актов, нормативного регулирования в части, касающейся взаимодействия человека с искусственным интеллектом[228].

В октябре 2019 года к числу государств, принявших собственную национальную стратегию по развитию искусственного интеллекта, присоединилась Российская Федерация: указом Президента России утверждена Национальная стратегия по развитию искусственного интеллекта.

[228] Любимов А.П., Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Представительная власть – XXI век. 2019. № 5–6. С. 1–7.

В Стратегии 2019 года в качестве приоритета научно-технологического развития Российской Федерации обозначены направления, которые, в числе прочего, могут обеспечить в ближайшие 10–15 лет переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным интеллектуальным системам, созданию новейших материалов, внедрению систем обработки больших объемов данных с использованием искусственного интеллекта.

Принятие Национальной стратегии по развитию искусственного интеллекта – долгожданное событие, которое предопределяет векторы общественного, экономического и научно-технологического развития нашего государства на ближайшее десятилетие. Документ носит программный характер, однако, в отличие от подобных стратегий, принятых в ряде зарубежных государств, включает и вполне конкретные, сформулированные понятия, над которыми бились различные гуманитарные и технические науки. В частности, Стратегия отвечает на вопрос, что следует понимать под искусственным интеллектом, дает смежные термины и определения, достаточно подробно и обстоятельно формулирует задачи, которые стоят перед публичным и частным секторами в области развития технологий искусственного интеллекта. Общность российской и зарубежных стратегий выражается в обозначении этической проблематики в качестве ключевой при решении вопроса о разработке нормативно-правового регулирования процессов с привлечением искусственного интеллекта, а также признании необходимости объединения усилий государства и бизнеса для достижения целевых показателей, упомянутых в Стратегии.

Развитие систем ИИ позволит России войти в группу мировых лидеров в области разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта. И этот научный горизонт мы пытаемся преодолеть вместе и в составе Научного совета при президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований (ООН и других отделений РАН). Работа в этом направлении уже весьма активно ведется, об этом свидетельствуют наши

научные публикации[229], а также научные мероприятия (конференции, круглые столы), в том числе заседания президиума РАН, например 23.11.2021 г.

В настоящее время в издательстве находится коллективная научная работа – книга под редакцией акад. РАН Лекторского «Человек и системы ИИ» с участием акад. РАН С.Н. Васильева, В.Л. Макарова, Т.Я. Хабриевой, А.А. Кокошина, Д.В. Ушакова, А.П. Семёнова и других уважаемых авторов. Рецензентами книги выступили акад. В.И. Жуков и Г.А. Тосунян.

В заключение следует отметить, что актуальность тем и оригинальность авторских подходов в научных исследованиях была связана не только с использованием междисциплинарных и межотраслевых знаний, но также с привлечением современных мировоззренческих позиций различных наук (философия, право, психология, социология, политология, экономика, IT-технологии и др.) с выходом на формирование научных школ и прикладных проектов.

© Любимов Алексей Павлович

[229] Ведута Е.Н., Любимов А.П., Джакубова Т.Н., Ряскова Е.С. Концепция национальной программы создания проактивного искусственного интеллекта // Представительная власть – XXI век. 2019. № 4. С. 22–29; Любимов А.П. Основы электронной демократии в России // Актуальные вопросы экономики, управления и права: сборник научных трудов (ежегодник). М.: МГУКИ, 2013. № 5. С. 5–11; Любимов А.П. Жорес Алферов – легенда мировой науки: от полупроводников до искусственного интеллекта // Представительная власть – XXI век. 2019. № 1–2. С. 38–48.

Романова Виктория Валерьевна*

ЗАДАЧИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЯХ

Основные научные достижения

Романова В.В. – специалист в области энергетического права, автор и соавтор более 200 научных работ, из них восемь монографий, в том числе четыре личных, редактор, автор и соавтор шести учебников по энергетическому праву, из них два изданы на английском языке.

Основные научные результаты Романовой В.В.:

– разработаны и научно обоснованы теоретические положения о предмете, методах, принципах, источниках энергетического права; сформулированы научные выводы о содержании правового режима энергетических ресурсов и объектов, особенностях правового положения субъектов частноправовых отношений, корпоративного управления, системе договорного регулирования, особенностях государственного регулирования в сфере энергетики, особенностях правового регулирования в отдельных отраслях энергетики, в том

* Романова Виктория Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой энергетического права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», научный руководитель АНО «Научно-исследовательский «Центр развития энергетического права и современной правовой науки имени В.А. Мусина».

числе в области использования атомной энергии; сформулированы рекомендации и предложения о правовом режиме центров ядерной медицины и радиоизотопной продукции, используемой в ядерной медицине;

– проведено комплексное научное исследование проблем правового регулирования строительства и модернизации энергетический объектов, разработаны научно обоснованные выводы и положения, касающиеся баланса частных и публичных интересов в сфере строительства и модернизации энергетических объектов;

– на основании комплексного научного исследования текущего состояния, ключевых задач современного энергетического правопорядка, правового обеспечения энергетических рынков, энергетической безопасности сформулированы задачи науки энергетического права в обеспечении и развитии энергетического правопорядка, функционирования энергетических рынков, обеспечения энергетической безопасности, сформулированы предложения по унификации правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере энергетики.

Предложения, рекомендации, сформулированные в рамках проведенных исследований, нашли применение в нормотворческой деятельности, в учебном процессе, вышедшие издания стали настольными книгами специалистов топливно-энергетического комплекса.

Выводы о задачах дальнейшего формирования и укрепления энергетического правопорядка на национальном и международном уровнях являются по-прежнему актуальными, а в настоящее время в период санкционного давления на экономику нашей страны требуют еще более внимательного отношения, так как напрямую касаются обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации.

Задачи правового обеспечения энергетической безопасности являются на сегодняшний день ключевыми не только для теории энергетического права, но и для правоприменения.

Проблемные аспекты правового обеспечения энергетической безопасности на современном этапе

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, развитие «зеленой» и низкоуглеродной экономики становится главным вопросом в международной повестке дня. Возрастающая конкуренция за доступ к природным ресурсам – один из факторов усиления международной напряженности и возникновения конфликтов между государствами.

Российская Федерация является стороной «Рамочной конвенции ООН об изменении климата», Киотского протокола к «Рамочной конвенции ООН об изменении климата» и Парижского соглашения (по климату).

Как и в других государствах – участниках указанных международных соглашений, в Российской Федерации формируется правовая база в области ограничения выбросов парниковых газов, оборота углеродных единиц, использования возобновляемых источников энергии.

Данное направление требует проведения многих правовых исследований, разработки нормативных правовых актов, определения наиболее оптимальных подходов к верификации результатов климатических проектов, признания таких подходов в иных государствах. Такая работа проводится в рамках научной деятельности Центра развития энергетического права имени В.А. Мусина, кафедры энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), на международных конференциях, в том числе на Мусинских чтениях, молодежных форумах по энергетическому праву[230]. Среди наиболее сложных проблем в данной области следует отметить отсутствие унифицированных требований к верификации кли-

[230] См. подр.: Романова В.В.О приоритетных направлениях правовых исследований по энергетическому праву с учетом современной низкоуглеродной повестки // Правовой энергетический форум 2021. № 4. С. 13–20; https://musinlc.ru/obzor-nauchno-prakticheskoj-konferenczii-musisnkie-chteniya-2022-aktualnye-zadachi-energeticheskogo-prava/; https://musinlc.ru/25-fevralya-2022-goda-sostoyalsya-molodezhnyj-nauchnyj-forum-po-energeticheskomu-pravu-na-temu-pravovoe-regulirovanie-vodorodnoj-energetiki-v-rossijskoj-federaczii-i-za-rubezhom/; https://musinlc.ru/19-noyabrya-2021-goda-sostoyalsya-molodezhnyj-nauchnyj-forum-po-energeticheskomu-pravu/

матических проектов, что обусловливает риски возникновения разногласий по вопросу о признании результатов климатических проектов при доступе на зарубежные рынки, при внешнеторговом обороте углеродных единиц.

Необходимо также учитывать, что глобальный энергопереход – это не только направление развития мировой энергетики и экономики, но и вызовы для стран – экспортеров углеводородного сырья, связанные со снижением спроса на это сырье, дополнительными требованиями к экспортерам углеводородного сырья при допуске на зарубежные энергетические рынки.

Особенно остро вопрос о выполнении задач в рамках климатических проектов встал в настоящее время в связи с санкционной политикой недружественных государств в отношении энергетических компаний.

Соответствующие вопросы были предметом обсуждения в Государственной Думе с вице-премьером А. Новаком, который отметил, что даже в существующих условиях менять стратегические цели и задачи не целесообразно, так как движение согласно климатической повестке будет продолжено большинством государств[231].

При этом нельзя не учитывать и нарастающие угрозы и вызовы энергетической отрасли Российской Федерации на международном уровне.

На сайте Международного энергетического агентства (участниками которого являются более тридцати государств, включая государства – члены Европейского Союза, США и др.) размещен план по сокращению зависимости Европейского союза от российского природного газа[232], план по сокращению использования нефти[233].

Так, план по сокращению зависимости от российского природного газа включает в том числе отсутствие новых контрактов на

[231] https://www.interfax.ru/business/830377

[232] https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-reduce-the-european-unions-reliance-on-russian-natural-gas

[233] https://www.iea.org/reports/a-10-point-plan-to-cut-oil-use

поставку газа с Россией; замену российских поставок газа на альтернативные источники; ускоренное развитие новых ветровых и солнечных проектов и т. д.

Явно выраженная агрессивная политика недружественных государств обусловливает не только активизацию развития экспортных отношений на иных рынках сбыта, но и усиление мер по обеспечению энергетической безопасности на национальном уровне, прежде всего в части обеспечения безопасности энергетической инфраструктуры от незаконного вмешательства, террористических актов.

Не менее актуальной задачей является надлежащее правовое обеспечение стратегических энергетических компаний, на которые законодателем возложена обязанность по содержанию и развитию энергетических сетей, компаний – экспортеров энергетических ресурсов.

Необходимо учитывать, что в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации (статья 96.6) к нефтегазовым доходам федерального бюджета относятся доходы федерального бюджета от уплаты: налога на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья (нефть, газ горючий природный из всех видов месторождений углеводородного сырья, газовый конденсат из всех видов месторождений углеводородного сырья); вывозных таможенных пошлин на нефть сырую; вывозных таможенных пошлин на газ природный; вывозных таможенных пошлин на товары, выработанные из нефти; налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья; акциза на нефтяное сырье, направленное на переработку.

Нефтегазовые доходы составляют более трети федерального бюджета.

В 2022 году, по данным Счетной палаты Российской Федерации, нефтегазовые доходы будут потрачены на поддержку экономики, т. е. не будут направлены в Фонд национального благосостояния. По базовым прогнозам, примерно 6,3 трлн рублей потребуется на существующие вызовы, такие как рост безработицы, разрыв

цепочек поставок, сокращение экспорта и удорожание производства[234].

С учетом того, какую роль играют нефтегазовые доходы, крайне актуальными являются меры государственной поддержки энергетических компаний. Более 110 компаний российского ТЭК вошли в перечень системообразующих предприятий[235]. В настоящее время прорабатываются в том числе следующие меры поддержки компаний нефтегазовой отрасли: неучет курсовых разниц при расчете налогов; перенос штрафов по модернизации НПЗ, расчет НДПИ от фактической стоимости продажи нефти.

Также Минэнерго России предлагает разрешить энергокомпаниям с госучастием направлять прибыль за 2021 год на реализацию инвестпрограмм без выплаты дивидендов[236].

В рамках проводимых автором научных исследований об особенностях корпоративного управления в компаниях с государственным участием в сфере энергетики также подготовлены предложения по снижению административных барьеров с учетом значимости социальных задач, поставленных перед данными компаниями[237]. На сегодняшний день стратегические компании в сфере энергетики уже характеризуются особым правовым статусом, спецификой корпоративного управления в компаниях с государственным участием. Тем не менее целесообразно при совершенствовании правовых моделей корпоративного управления в компаниях с государственным участием учитывать отраслевую специфику, в том числе правовую модель корпоративного управления атомной отрасли.

---

[234] https://www.rbc.ru/economics/27/04/2022/626916f09a79477575d54468

[235] https://tass.ru/ekonomika/14155235?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

[236] https://www.interfax.ru/business/829676

[237] См., напр.: Актуальные проблемы и задачи корпоративного права: Монография / Под ред. д.ю.н. В.В.Романовой. М.: Издательская группа «Юрист», 2020.

Хотелось бы остановиться еще на одной проблеме обеспечения энергетической безопасности, которая связана с подготовкой высокопрофессиональных кадров для энергетической отрасли.

Для реализации насущных задач, формирования новых моделей правового регулирования в сфере энергетики необходимы кадры высшей квалификации.

Следует отметить, что согласно Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации к внутренним угрозам энергетической безопасности относится недостаточная обеспеченность организаций топливно-энергетического комплекса трудовыми ресурсами, в особенности высококвалифицированными кадрами. Базовые подходы к подготовке кадров высшей квалификации по энергетическому праву представлены в учебном издании 2021 года – Энергетическое право: учебник Романовой В.В. для подготовки кадров высшей квалификации[238].

Выводы и предложения

Надлежащее правовое обеспечение в сфере энергетики становится обязательным условием достижения национальных целей развития Российской Федерации, решения общественно значимых задач.

Энергетический правопорядок должен обеспечить баланс интересов всех участников прежде всего национальных энергетических рынков.

В этой связи необходимо осуществление постоянного мониторинга правоприменительной практики, в том числе судебной практики разрешения споров в сфере энергетики, внесение необходимых изменений, дополнений в энергетическое законодательство.

В отношении правового регулирования прорывных технологий в сфере энергетики, новых видов энергетических ресурсов, видов энергии необходимо восполнение пробелов, формирование основ правового регулирования и внедрение данных положений в систему энергетического законодательства. Это касается в том числе водородной энергетики.

[238] Романова В.В. Энергетическое право: Учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М.: Издательская группа «Юрист», 2021.

В целях обеспечения надлежащего состояния энергетического правопорядка целесообразна разработка и принятие Федерального закона «Об энергетической безопасности», так как на сегодняшний день положения об энергетической безопасности закреплены в документе стратегического планирования, согласно которому принципами обеспечения энергетической безопасности являются законность, приоритет внутреннего рынка, стабильность налоговой политики и нормативно-правового регулирования в сфере энергетики, сырьевая, финансовая и кадровая обеспеченность организаций топливно-энергетического комплекса.

Данный закон должен регулировать отношения в области обеспечения энергетической безопасности при осуществлении добычи, поставки, транспортировки, передачи, хранения энергетических ресурсов.

Примеры закрепления соответствующих положений на уровне федерального закона в иных сферах имеются, например, в отношении информационной, транспортной безопасности (Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон «О транспортной безопасности»).

Требует соответствующего совершенствования правовое обеспечение энергетической безопасности на международно-правовом уровне, прежде всего в рамках ЕАЭС.

Учитывая ориентацию на энергетические рынки АТР, представляется целесообразной проработка мер международно-правового регулирования в том числе на уровне двусторонних соглашений – как опорной базы для реализации международных энергетических проектов.

Примером детализированной проработки подготовки и реализации международного энергетического проекта является межправительственное соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Турецкой Республики о строительстве атомной электростанции Аккую – первого международного энергетического проекта, реализуемого с использованием механизма государственно-частного партнерства.

Как уже отмечалось, для решения поставленных задач по обеспечению энергетической безопасности необходима активизация в подготовке кадров высшей квалификации по энергетическому праву. Энергетическое право должно стать неотъемлемой частью высшего юридического образования.

В завершение хотелось бы выразить огромную признательность членам Российской академии наук: академику Российской академии наук А.Г. Лисицыну-Светланову, члену-корреспонденту Российской академии наук М.И. Клеандрову – за помощь, поддержку, фундаментальные труды по энергетическому праву на благо энергетической отрасли Российской Федерации.

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ РОМАНОВОЙ В.В.
КНИГИ (МОНОГРАФИИ, КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОНОГРАФИИ, УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ И ДР.) (2010–2021 ГГ.):

1. Романова В.В. Договорное регулирование строительства и модернизации энергетических объектов. М.: Издательство «Юрист», 2010.
2. Романова В.В. Государственное регулирование и саморегулирование строительства и модернизации энергетических объектов в Российской Федерации. М.: Издательство «Юрист», 2011.
3. Романова В.В. Правовое регулирование строительства и модернизации энергетических объектов. М.: Издательство «Юрист», 2012.
4. Романова В.В. Энергетическое право. Общая часть: Учебное пособие. М.: Издательство «Юрист», 2013.
5. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н. В.В. Романовой. М.: Издательство «Юрист», 2014.
6. Актуальные проблемы энергетического права: Учебник / Под ред. д.ю.н. В.В. Романовой. М.: Издательство «Юрист», 2015.
7. Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н. В.В. Романовой. Издание второе, перераб. и доп. М.: Издательство «Юрист», 2015.
8. Energy Law. Textbook / Edited by V.V. Romanova. Moscow: Yurist Publishing House, 2016.
9. Topical issues of Energy law. Textbook / Edited by V.V. Romanova, Moscow: Yurist Publishing House, 2016.
10. Романова В.В. Энергетический правопорядок: Современное состояние и задачи. М.: Издательство «Юрист», 2016.
11. Проблемы и тенденции правового регулирования в области использования атомной энергии: Монография / Под ред. д.ю.н. В.В. Романовой. М.: Издательство «Юрист», 2017.

12. Энергетические рынки: Проблемы и задачи правового регулирования: Монография/ Под ред. д.ю.н. В.В. Романовой. М.: Издательство «Юрист», 2018.
13. Проблемы и задачи правового обеспечения энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков: Монография / Под ред. д.ю.н. В.В. Романовой. М.: Издательская группа «Юрист», 2019.
14. Актуальные проблемы и задачи корпоративного права: Монография / Под ред. д.ю.н. В.В. Романовой. М.: Издательская группа «Юрист», 2020.
15. Романова В.В. Энергетическое право: Учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М.: Издательская группа «Юрист», 2021.

© Романова Виктория Валерьевна

Тедеев Астамур Анатольевич*

ЦИФРОВОЕ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

В современных условиях одним из «первоочередно стоящих на глобусе», важнейших направлений социогуманитарного научного поиска, по нашему мнению, выступают закономерности трансформации Государства и Права, начинающегося переворота в векторе обязательств между государством, обществом и человеком, формирования и закрепления образа желаемого будущего в этой парадигме.

Напомним, что в работах о проблеме выбора постсоциалистического пути развития, как правило, указывается на тектонические последствия для миропорядка вследствие крушения Советского Союза, завершения системного противостояния между коммунистической и буржуазной идеологией, а равно антагонизма между капитализмом и социализмом, и на глобальное значение для всего хода дальнейшей истории цивилизации того, как разрешена будет проблема постсоциализма.

При этом в кризисе социализма видится не только начало нового большого поворота в мировой истории, но и возможность для нашей страны конструирования благоприятного выхода из социализма в постсоциалистическое будущее, отвечающее логике всемирно-исторического прогресса свободы и права.

* Тедеев Астамур Анатольевич – доктор юридических наук, профессор центра сравнительного правоведения Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (г. Шэньчжэнь, КНР), профессор кафедры государственного аудита Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Однако необходимо признать, что путь этот достаточно длинный[239].

В целом пророчески прав оказался В.С. Нерсесянц, когда указывал на ошибочность господствовавшего в этот период ощущения, будто крах социализма есть естественное подтверждение концепции буржуазного, капиталистического конца истории[240] и исторического прогресса, капитализма как венца и итога всемирно-исторического развития человеческой цивилизации. Что рыночный строй и либеральная западная система политико-правовых ценностей навсегда приходят на смену социализму с его не правом (отрицанием права) как модель, основанная на принципе всеобщего формально-правового равенства, который и характерен для капитализма. Итого, будто бы никакого другого выхода из социализма, кроме как в капитализм, не существует. Сейчас уже не вызывает сомнений историческая доказанность подхода, согласно которому социализм – это переходный строй, и в историческом движении от прежнего

[239] «Глубинные причины, в силу которых мы в результате проводимых посткапиталистических реформ неизбежно оказываемся в докапиталистической (можно сказать, неофеодальной) ситуации, кроются в природе складывающихся у нас общественных и политических отношений, в типе собственности и права. Эта типология предопределена постсоциалистическим огосударствлением собственности, т. е. созданием такой собственности, которая еще не свободна от государственной власти, и такой государственной власти, которая еще не свободна от собственности». См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2004. С. 361. Указанное верно для всех постсоциалистических стран на территории бывшего СССР, кроме стран Балтии, как известно, решивших проблему собственности через институт полного и безоговорочного возврата ее первоначальным (досоциалистическим) владельцам. Именно избранная государством модель решения проблемы разгосударствления социалистической собственности существенно влияет, видимо, на степень сложности выхода из социализма.

[240] Как указывал В.С. Нерсесянц, «этим обусловлено и широкое распространение статьи Ф. Фукуямы, который (со ссылкой на Гегеля и неогегельянца А. Кожева) дает гегельянское “добро” нынешнему процессу капитализации социализма и в целом капиталистическому <…> концу мировой истории и человеческой цивилизации. См. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148». См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2004. С. 358 (в сноске).

равенства к будущему большему равенству социализм действительно занимает промежуточное положение отрицания прошлого, социализм – это отрицание прошлого и радикальный антикапитализм[241].

Но именно такой переходный строй оказался необходим для создания предпосылок для постепенного выявления и уничтожения экономического неравенства капитализма, именно он открывает путь к посткапитализму.

Кроме того, показателен социальный диагноз, поставленный российскому обществу в работах исследователей закономерностей его трансформации («оставаться обществом переходного, трансформационного типа», <…> «нестабильное развитие общества», когда «стратегическая неопределенность развития, <…> никак не коррелирует с представлениями об эволюционном или революционном развитии государства и общества»[242] и др.).

Другим необходимым ингредиентом, катализатором изменений стал научно-технический прогресс и бурное развитие информационных технологий и информационного права. Как отмечает Т.Я. Хабриева, «в постиндустриальном обществе, по всей видимости, произойдет переоценка не только места и роли информации в жизни человека, государства, мирового сообщества, но и правовой концепции самой информации, понимаемой в настоящее время как любые сведения, сообщения, данные независимо от их оформления, а информационное право выйдет за рамки полупериферийного состояния и приобретет значение если не основной, то важнейшей отрасли законодательства и права в целом»[243].

---

[241] Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2004. С. 360.

[242] См., напр.: Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Издательство «Весь Мир», 2020. С. 9–13.

[243] Хабриева Т.Я. Введение // Киберпространство БРИКС: правовое измерение: монография / И.И. Шувалов, Т. Я. Хабриева, Фэн Цзинжу и др.; отв. ред. Дэн Руйпин, Т.Я. Хабриева; сост. Жун Фу, Н.М. Бевеликова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2017. С. 18–19.

В настоящее время мы наблюдаем первый акт новой эпохи, когда сама история отворачивается от Государства в его традиционном, привычном нам понимании.

В начинающуюся эпоху для государств, отстающих в своем цифровом развитии, в качестве и скорости цифровой трансформации системы публичного (государственного и муниципального) управления, трансформации национальной правовой системы существенно повышаются риски постепенной утраты социальной управляемости обществом, а затем и разрушения основных структурных элементов государственного суверенитета. Нельзя не согласиться в этой связи с точкой зрения о том, что «неожиданно» наступившее «цифровое будущее» следует рассматривать как социальную революцию (разрыв преемственности), которая диктует необходимость ускоренными темпами создавать в цифровом мире новые механизмы государственного строительства и обеспечения эффективности традиционных социальных регуляторов.

Почему в название нами специально выведен концепт посткапиталистического государства? В рамках феноменологии «конца истории»[244] мы находим цепочку, уводящую нас за занавес, в послезавтра: постиндустриальный капитализм – мягкий капитализм – социально-демократической капитализм[245]. Смены вех экономической культуры, глобальная цифровизация государства решают проблему выхода из капитализма и открывают дверь в новое, посткапиталистическое будущее.

Уже сейчас всемирный вектор развития цифровизации общества, права и государства позволяет утверждать, что вопреки ранее

[244] Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004; Косарев В.М. «Конец истории» и аксиологический детерминизм // Вестник АГТУ. 2005. № 5. С. 34–56; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993; и др.

[245] Сорочайкин А.Н. Homo economicus периода постиндустриального капитализма // Основы экономики, управления и права. 2012. № 3 (3). С. 103–107; Бляхман Л.С. Постиндустриальный капитализм: вызовы модернизации и уроки для России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2011. № 3. С. 9–13; и др.

существовавшей парадигме, в новых условиях право возможно и при формальном равенстве не всех (и такая сегментация – не регресс права). Действительно, в классическом советском социализме не было свободы. В капитализме нет социальной ответственности и справедливости. Именно поэтому в XX веке от капитализма отвернулись народы с особым запросом на общинность (в Азии – коллективизм) и справедливость.

Тут необходимо полностью согласиться с В.Е. Чиркиным, когда он несколько лет назад отмечал, что «для подлинного социализма нужны не только теоретические выкладки и даже разработанные конституционные принципы, а прежде всего объективные условия: более высокоразвитые производительные силы (включая науку), иное общество, другие способы распределения общественного продукта и, что главное, иной человек. Последнему во всех концепциях социализма уделялось мало внимания, а марксизм-ленинизм имел дело почти исключительно с определенными «массами людей» (эксплуататоры и эксплуатируемые, общественные классы и др.), оставляя в стороне самого человека. Видимо, на данном этапе развития человеческого общества возможным новым типом более развитого общественного строя является социально-демократический капитализм, а современная конституция – это пока социально-демократическая капиталистическая конституция. В завершенном виде такого рода конституции пока нет»[246].

Действительно, для прорыва за горизонт традиционно очерчиваемого будущего нужен портал, пороговое изменение – и его, видимо, способен обеспечить научно-технический прогресс – новые цифровые технологии.

Напомним: сначала, в 2000-х годах, многим на Западе казалось, что глобализация информационных и коммуникационных технологий, Интернет, затем социальные сети и принципиальное изменение моделей создания, передачи и потребления массовой информации уничтожат закрытые политические режимы и докажут

[246] Бляхман Л.С. Постиндустриальный капитализм: вызовы модернизации и уроки для России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2011. № 3. С. 9–13; и др.

естественно-историческое преимущество капитализма над всеми иными общественными укладами. С основанными на тирании, не прозрачными в части распределения ресурсов и не справедливыми политическими режимами частично так и случилось. Но глобального переворота не произошло.

Оказалось, что социализм (например, в его современном китайском варианте) способен перегруппироваться и приспособиться к новым условиям. Внедрение передовых технологий, цифровой технологический скачок, помноженные на социалистическую дисциплину и коллективизм, позволили доказать возможность конкурентоспособности и постсоциалистических способов хозяйствования. Более того, как и предполагали многие западные исследователи в 1920–1930 годах, оказалось, что при определенных условиях элементы народно-хозяйственного планирования действительно могут повышать устойчивость национальной экономической системы. А ведь одним из главных аргументов в пользу капитализма всегда был тезис о безоговорочной более высокой эффективности экономики, построенной на классических рыночных принципах. Китай показал, что в новых, цифровых, условиях это оказалось не совсем так.

В области социального управления, казалось, сначала был избран так органичный социализму путь ограничения доступа к информации, ее блокировки. Однако симптоматичным моментом нам представляется запуск эксперимента по введению принципиально новой формы тотального цифрового контроля – индивидуального рейтинга граждан.

Цифровые социальные регуляторы делают ненужными контроль за оборотом информации, Интернетом и социальными платформами (фильтрацию и ограничения контента). При этом они открывают невозможное ранее «цифровое окно» для реализации принципиально новых возможностей справедливого управления обществом при сохранении абсолютной свободы каждого.

С другой стороны, цифровизация государственного хозяйства, новый цифровой экономический уклад во многих передовых с социально-экономической точки зрения государствах Западного мира уже поставили вопрос о возможности переворота в векторе

финансовых обязательств между государством и гражданином. Пока граждане на референдумах в Швейцарии и Дании отказались от базовых гарантированных выплат, но очевидно, что это только начало.

Есть ли у нас иллюзии, что подобные инструменты социального управления не будут вписаны в правовые модели капиталистического общества, с оправданием тотальности контроля целями антитеррористической защиты населения? Ответ очевиден, особенно после Патриотического акта (англ. USA PATRIOT Act; полное наименование: Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001, акт «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму», 2001 г.)[247].

Фундаментальный факт заключается в том, что цифровизация общественной жизни открывает новую возможность, переходный строй от капитализма к уничтожению свойственного ему экономического неравенства, но с сохранением верховенства права – цифрового посткапитализма. Между тем здесь, видимо, нет необходимости специально останавливаться на влиянии социального неравенства и социальной справедливости на возможности прогрессивного развития. Эта острейшая угроза неслучайно в последние десятилетия находится на острие социогуманитарных исследований[248].

[247] См.: Ермилова Э.А. Основные мероприятия по противодействию терроризму на территории США после событий 11 сентября 2001 года // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 7 (129). С. 39–46; Ефремов А.Е. Этапы развития законодательства США по борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 88–94; и др.

[248] См. подр.: Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5–14; Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. С. 319–327; Горшков М.К. Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 24–47; Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7. 20–31; Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Черныш М.Ф., Семенова Л.А. Социальное неравенство и социально-структурные изменения// Россия в глобальных процессах:

Далее необходимо кратко обратиться к проблеме функций государства[249]. В отечественной юридической науке в 1960–1970-х годах эти вопросы, особенно в противопоставлении взглядам зарубежных ученых из капиталистических стран, активно разрабатывались. Известно в рамках общего советского учения о государстве и праве смещение фокуса исследовательского интереса в сторону вопросов права. Работ по государству не то чтобы вообще не было, но их было существенно меньше. При существенной разработке всего фронта вопросов советской теории права в теории государства для заинтересованного исследователя, к сожалению, оставалось не так много тем, которые были бы не заморожены накрепко политическими идеологемами, а значит, неподъемны. И один из таких относительно «живых» сюжетов представлял собой вопрос о функциях государства. Относительно живых, потому что исследование этого вопроса марксистко-ленинская диалектика позволяла только с позиции выявления классовой сущности государства через его функции. В работах ученых капиталистических стран классовый характер вообще не рассматривался. При этом если советские ученые приходили к известной схеме с внутренними и внешними функциями (она и сейчас у нас в каждом учебнике), то «западная» концепция функций государства сложнее, они пришли к пониманию сущности государства через реализуемые цели деятельности государ-

поиски перспективы / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 26–51; Черныш М. Ф., Хэ И. Дискурсы социальной справедливости в китайском и российском культурных контекстах // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 111–128; Журавлев А.Л., Юревич А.В. Социально-психологические последствия неравенства доходов // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 45–53; Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // Вопросы безопасности. 2013. № 2. С. 182–202; и др.

[249] См. подр.: Кириллов Н.Н. Функции советского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950; Каск Л.М. Функции и структура государства / отв. ред. Д.А. Керимов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. С. 7–46; Коженевский В.Б. Функции советского общенародного социалистического государства: учебное пособие / отв. ред. В.И. Нижечек. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. С. 5–10; Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. С. 190–234; и др.

ственного аппарата, и в конечном итоге определили три функции: формирование законодательства, осуществление управления и отправление правосудия. По этому контуру происходит и разделение властей. Это, кстати, позволяло советским правоведам, не акцентируя внимание на разделении властей и принципе сдержек и противовесов, просто лихо делать вывод об отсутствии у капиталистических государств культурно-образовательных и просветительских функций и делать вывод (следите за руками) о том, что, «в отличие от советской власти, там не заботятся о народе».

Суммируя вышеотмеченное, выделим, пускай и в постановочном плане, самые основные тенденции трансформации государства и права в условиях начинающейся цифровой эпохи.

Первое – смешение (по советской терминологии) внешних и внутренних функций, а с точки зрения буржуйского подхода изменение взаимодействия в парадигме Личность – Государство. Трансформируется институт гражданства. Теперь это устойчивая правовая связь не с конкретным государством, а с группой государств, придерживающихся цивилизационно общих идеологем. С одной стороны, граждане дифференцируются «по сортам» (по социальной значимости, читай: по заслугам перед обществом), с другой – для «высшего сорта» (например, для лояльных граждан стран западного мира) отношения с «патером» (государством) от модели гражданства переходят к модели роуминга. При этом принципиально важно, что в основе такого перехода как раз патерналистическое принуждение ненасильственного типа, которое А.А. Гусейнов так точно описывает как господство зрелой воли над незрелой[250]. Необходимый социальный набор прав и обязанностей един на всей территории «покрытия» – во всем «западном мире».

Обязанности государства перед гражданином исторически были фундаментированы на налогах, которые гражданин платит (прямые и косвенные). Наши исследования показывают, что этот фундамент стремительно размывается. Налоги утрачивают свое значение, цифровая экономическая культура позволила перейти к

[250] См.: Гусейнов А.А. Насилие // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 14.

существенному сокращению расходов бюджетов и продуцирует невиданные ранее масштабы повышения эффективности финансирования государственной деятельности, государственного аудита (финансового контроля). В этих условиях у государства появляются, наоборот, финансовые возможности платить лояльным гражданам за то, что они граждане.

Во-вторых, новые цифровые технологии и интеллектуальные системы не заменят Человека полностью (возможно, лишь в части так называемой «черновой работы»). Таким образом, помимо имущественного вектора, расслоение человечество будет проходить и по этой линии. И именно в этом ключе обостряется цивилизационная борьба за право жить в «первом мире».

Однако простых решений не будет. ЛегалТех, роботы, искусственный интеллект и цифровые платформы решают многие проблемы, но и порождают не менее сложные вызовы. Искусственный разум всех работников не заменит.

Цифровых судей не будет. Государство не может себе позволить ослабления монополии на легальное насилие и поэтому не сможет передавать это задачи цифровым помощникам.

Третье – проблема трансформации права как социального регулятора. Помимо информационного права, регламентирующего собственно вопросы коммуникаций, в каждой отрасли российского права формируется информационный, или цифровой, «спецотдел» – специальная часть, суммирующая особенности применения соответствующих традиционных отраслевых режимов в новых условиях. Общая проблема – традиционные правовые конструкции веками складывались в другой парадигме, в новых условиях они в принципе неприменимы. В цифровую эпоху стираются границы пространства и времени. Перед правом встают принципиально новые задачи. Государство как платформа уже устаревшая модель. Цифровые технологии прямого народовластия прорвутся не только в законодательный процесс, изменят парламент, но и трансформируют традиционные модели функционирования и двух других ветвей власти.

Четвертое – цифровая гласность и пределы распространения информации (проблема пределов права на анонимность). Современные правовые системы основаны на том, что, условно, есть зоны

общественных отношений, регламентированные правом, и зона личная, не общественная, куда праву и государству вмешиваться не надо. В цифровых условиях эта парадигма стремительно рушится. Выбор теперь стоит так: права человека (в парадигме Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года) на одной чаше весов, и на другой – новые конституционные ценности: цифровой государственный суверенитет и национальная информационная безопасность как фундаментальные основы системы личной безопасности каждого члена цифрового общества.

© Тедеев Астамур Анатольевич

Федотов Михаил Александрович*

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ АВТОРСТВА

Становление в конце 1980-х годов такого жанра научной литературы, как инициативные авторские законопроекты[251], предопределило появление в четвертой части Гражданского кодекса РФ специальной нормы, закрепляющей авторские права за создателями проектов официальных документов (ст. 1264 ГК РФ). В свою очередь, эта правовая норма стимулирует появление в сфере законотворчества новых авторских инициатив, которые обогащают отечественную юриспруденцию оригинальными правовыми конструкциями и концепциями[252]. Так правовая норма стимулирует процесс авторства в сфере юридической науки и практики правотворчества.

Институт авторства является ядром всей системы интеллектуальной собственности (см. рис. 1), которая складывается из правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности (РИД) и приравненных к ним средств индивидуализации (СИ). У любого РИД есть Автор, то есть физическое лицо, творческим трудом которого создан такой результат (ст. 1228 ГК РФ). Представляется, что и у многих СИ также есть Автор, хотя отечественный законодатель

* Федотов Михаил Александрович – профессор, доктор юридических наук, директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» НИУ «Высшая школа экономики», заслуженный юрист РФ.

[251] *Батурин Ю.М., Федотов М.А., Энтин В.Л.* Закон СССР о печати и других средствах массовой информации. Инициативный авторский проект. М.: Юрид. лит., 1989; *Они же*. Закон о средствах массовой информации. Республиканский вариант. Инициативный авторский проект. М.: Юрид. лит., 1991.

[252] См.: проекты Информационного кодекса (*Бачило И.Л.*), Спортивного кодекса (*Соловьев А.А.*), Избирательного кодекса (*Любарев А.Е.*), Уголовно-исполнительного кодекса (*Селиверстов В.И.*), ФКЗ о Конституционном собрании (*Авакьян С.А.*) и т. д.

пока не увидел его ни в товарных знаках, ни в фирменных наименованиях, ни в коммерческих обозначениях и т. д. Впрочем, глава 75 ГК РФ не нашла Автора и в ноу-хау, хотя признала секрет производства результатом интеллектуальной деятельности (ст. 1240.1 ГК РФ). Причину этого можно усмотреть в избранной законодателем юридической конструкции, в которой в качестве ноу-хау признаются сведения любого характера, имеющие коммерческую ценность в результате их неизвестности третьим лицам (ст. 1465 ГК РФ).

Рис. 1

Действительно, трудно найти элемент авторства, например, в списке адресов постоянных клиентов химчистки. Но ведь не менее трудно разглядеть РИД, скажем, в фонограмме морского прибоя

(пп. 2 п. 1 ст. 1304 ГК РФ). При этом и то и другое ГК РФ признаёт охраноспособными РИД. Юридическая логика требует, чтобы и в институте ноу-хау законодатель закрепил роль Автора, то есть гражданина, чьим РИД стал секрет производства.

Этот вывод касается и СИ, поскольку каждый бренд, а он складывается прежде всего из СИ, является именно ментальной конструкцией, а значит, результатом интеллектуальной деятельности. Ни для кого не секрет, что, например, товарный знак может быть оригинальным, запоминающимся, эстетически привлекательным, а может быть серым, будничным, незаметным, хотя и не сходным до степени смешения с другим столь же невзрачным товарным знаком. Здесь налицо процесс трансформации РИД в СИ. При этом РИД может сохранить свою охраноспособность отдельно от СИ[253].

В подтверждение древности органической связи РИД и СИ через посредство института авторства сошлюсь на древнегреческие краснофигурные и чернофигурные керамические вазы, датированные VI в. до н. э., с подписями художника-вазописца и гончара, а иногда еще и с нравоучительными надписями вроде «Евфимид расписал, как Евфроний бы никогда не смог»[254]. Такие надписи были не только средством информирования об авторстве, но и способом индивидуализации производителя, древнейшим «товарным знаком», так как Автор, производитель и первоначальный собственник материального носителя произведения, который одновременно является товаром, сливались в одном лице.

Поскольку институт авторства является центральным элементом не только в авторском праве, но также в смежных правах, в патентном праве, в праве на селекционные достижения, в праве на топологии интегральных микросхем, а также в латентной форме

[253] Пункт 74 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении судами части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

[254] *Петракова А.Е.* Античная расписная керамика: от «предмета быта» до «музейного экспоната»: к вопросу о восприятии, коллекционировании и изучении // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 1 (5). С. 73.

присутствует в СИ, постольку логично поставить вопрос о формировании Общей теории авторства. Её задача – систематизировать знания о субъектах авторства, их мотивах и формах интеллектуальной деятельности, об объектах авторства и особенностях их видов, о необходимых правовых средствах реализации, охраны и защиты прав и законных интересов Автора в целях достижения баланса его интересов и интересов правообладателей, пользователей, потребителей, общества, а также выявить пробелы в этих знаниях и предложить варианты их восполнения.

Безусловно, основу Общей теории авторства должны составить накопленные знания в области философии, социологии и психологии художественного и технического творчества. В частности, сошлёмся на философское наследие М.М. Бахтина, который проблематизировал «кризис Автора»[255], а также на знаковое эссе Р. Барта «Смерть Автора»[256], предвосхитившие явление «исчезновения авторства» в текстах, изображениях, музыкальных композициях и других нематериальных объектах, созданных искусственным интеллектом или коллективным творчеством пользователей социальных сетей.

В свою очередь, тезис Л.С. Выготского о том, что «на долю личного авторского творчества следует отнести только выбор тех или иных элементов, их комбинацию, варьирование в известных пределах общепринятых шаблонов, перенесение одних традиционных элементов в другие системы и т. п.»[257], подлежит осмыслению в правовых категориях «произведения науки, литературы или искусства» и «части произведения» (ст. 1259 ГК РФ), «изобретательский уровень» изобретения (п. 2 ст. 1350 ГК РФ), «новизна и оригинальность» промышленного образца (ст. 1352 ГК РФ) и т. д.

---

[255] См.: *Бахтин М. М*. Собрание соч.: в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М., 2003. С. 97–102.

[256] См.: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.

[257] *Выготский Л.С.* Психология искусства. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 21.

Представляется, что дискуссиям о «смерти Автора» и его замене так называемым «скриптором», который «несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки»[258], должно предшествовать прояснение вопроса о возникновении Автора как творца чего-то, чего не было до него и что не возникло бы без него, а также о возникновении авторства как социального, экономического и правового института.

Поскольку Автором признается физическое лицо, творческим трудом которого создан РИД (п. 1 ст. 1228 ГК РФ), постольку «Автор» и «Результат интеллектуальной деятельности» являются взаимообусловленными парными категориями. Следовательно, как Автор создает РИД, так и РИД создает Автора[259]. Чем значительнее РИД, тем авторитетнее становится Автор. В свою очередь, чем авторитетнее Автор, тем выше ожидания публики от его произведения, больше тиражи, гонорары и т. д.

При этом ГК РФ не формулирует понятие произведения, ограничиваясь неисчерпывающим перечислением его видов и оставляя неопределенность в вопросе о том, что представляют собой «интеллектуальная деятельность» и «творческий труд». Если эти понятия тождественны, то п. 1 ст. 1228 ГК РФ представляет собой логическую ошибку – *idem per idem*. Если же они не тождественны, то необходимо определить их соотношение.

Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, здесь действует презумпция: «пока не доказано иное, результаты интеллек-

[258] Барт Р. Указ. соч. С. 389.

[259] См.: *Федотов М.А.* «Автор» и «произведение» как парные категории российского авторского права // Труды по интеллектуальной собственности. 2014. № 1. С. 34–63; *Он же.* Автор как «элементарная частица» правовой охраны интеллектуальной собственности // Труды по интеллектуальной собственности. 2013. № 4. С. 4–36; *Он же.* Интеллектуальная собственность и (или) интеллектуальные права: раскрывая скобки // Труды по интеллектуальной собственности. 2013. № 1. С. 26–86.

туальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом»[260].

Таким образом, существование Автора доказывается существованием РИД. Автор может быть неизвестен, но его не может не быть, если есть РИД. В то же время если Автор известен, а, например, оригинал его произведения утрачен, то авторство не исчезает и охраняется бессрочно.

Согласно классическим представлениям, РИД – это воплощение замысла и личности Автора. Отсюда следует, что процесс достижения РИД предполагает как минимум две стадии: замысел и воплощение. Соответственно, творческий вклад Автора – это личностный труд, основанный на свободе творчества. Именно свобода творчества отличает скульптора от форматора, снимающего гипсовые формы с фигуры, вылепленной автором из мягкого материала, и от литейщика, изготавливающего по этим формам произведение в бронзе. Окончательную форму скульптуре придает Автор, без которого оригинал произведения не может состояться как нематериальный объект интеллектуальных прав, выраженный в материальном носителе.

В свою очередь, существование РИД доказывается либо его наличием в какой-либо объективной форме (авторское право или т.н. «созидательская система»), либо фактом его государственной регистрации (патентное право или т. н. «регистрационная система»). Созидательская система презюмирует авторство лица, указанного в таком качестве на оригинале или экземпляре произведения (ст. 1257 ГК РФ), но не удостоверяет его. Напротив, регистрационная система не только презюмирует авторство лица, указанного в качестве автора в заявке на выдачу патента, но и удостоверяет патентом приоритет, авторство и исключительное право на РИД (ст. 1347, 1354 ГК РФ).

Обе эти системы в неявной форме предполагают существование еще одного субъекта, без которого не может состояться РИД, –

[260] Пункт 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ 23 апреля 2019 г. № 10.

того, кто признаёт техническое решение – изобретением, упаковку – промышленным образцом, а текст, изображение или трёхмерный предмет – произведением науки, литературы или искусства. В случае с объектами регистрационной системы таким субъектом выступает государство в лице патентного ведомства.

В созидательской системе этот субъект – аудитория, потребитель, пользователь. «Читатель, – пишет Ролан Барт, – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь *некто*, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст. <…> Критике классического толка никогда не было дела до читателя; для нее в литературе существует лишь тот, кто пишет. <…> Теперь мы знаем: чтобы обеспечить письму будущность, нужно опрокинуть миф о нем – рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора»[261].

По нашему мнению, реальному процессу создания произведения более адекватно не противопоставление Автора и Читателя (зрителя, слушателя и т. д.), а, напротив, их взаимодействие в едином пространстве творческого акта. В качестве наглядной модели такого взаимодействия предлагается использовать ленту Мёбиуса – простейший топологический объект, представляющий собой неориентируемую поверхность с краем, одностороннюю в обычном трёхмерном евклидовом пространстве. В данной модели предлагается поверхность ленты рассматривать как РИД, а Автора и Читателя как субъектов, действующих на этой поверхности (см. рис. 2).

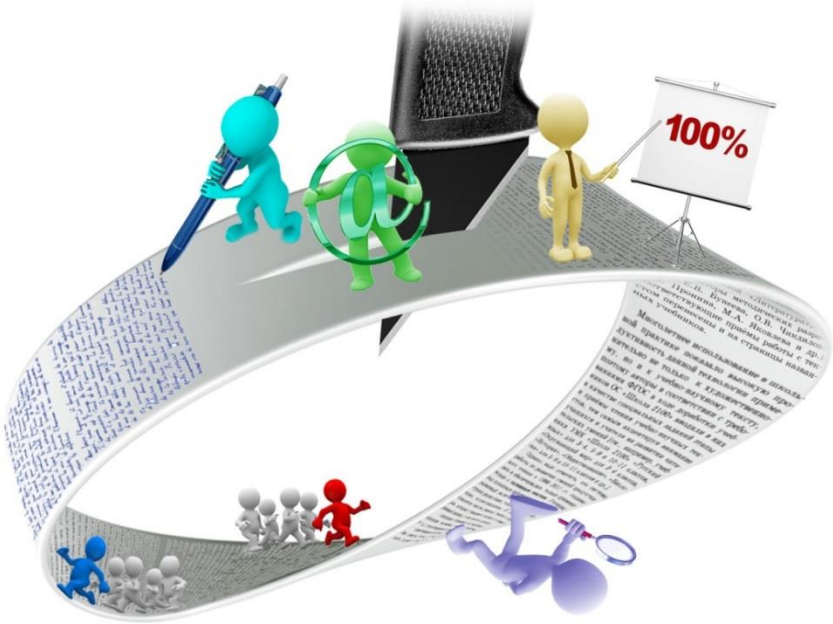
Поскольку данная поверхность имеет только одну сторону, постольку Автор и Читатель могут свободно перемещаться по ней, не пересекая края, т. е. не переходя в ситуацию «с одной стороны – с другой стороны». Именно на этой односторонней плоскости Автор появляется, мультиплицируется и растворяется в соавторстве,

[261] Барт Р. Указ. соч. С. 391.

коллективном и массовом творчестве, иммерсивном со-творчестве с Читателем и т. д.

Наиболее наглядно процесс со-творчества Автора и Читателя (зрителя, слушателя) можно наблюдать в нефигуративном искусстве, в перформансах и инсталляциях. Здесь Автор и Читатель могут вкладывать совершенно разные смыслы в произведение и поразному оценивать его достоинства и недостатки. Но если Читатель вообще не увидит произведение в представленном ему на обозрение предмете, то произведение состоится только в воображении Автора в качестве «произведения в себе», а этого будет недостаточно для трансформации предмета в «произведение для других» даже при том, что сам предмет имеет объективную форму и является результатом творческого труда, т. е. соответствует требованиям ст. 1259 ГК РФ, предъявляемым к произведению.

Рис. 2



В этом плане показателен спор датского художника-концептуалиста Йенса Хаанинга (Jens Haaning) с Музеем современного искусства Kunsten, заплатившим автору более $80 тыс. за воспроизведение его более ранней работы и отказавшимся принять в качестве выполненного заказа два пустых холста с надписью “Take the Money and Run” («Бери деньги и беги»). Вот почему правовая позиция Верховного Суда РФ, согласно которой «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности» не может свидетельствовать о том, что РИД не является объектом авторского права[262], нуждается в уточнении и расширении с учетом высказанных выше соображений о роли аудитории (зрителя, читателя, слушателя) в восприятии произведения.

Представление о том, что между Автором и РИД существует естественная связь, заслуживающая охраны со стороны общества и государства, получило отражение как в теории, так и в правовом регулировании. Выдающийся российский цивилист Г.Ф. Шершеневич в конце XIX в. характеризовал эту связь следующим образом: с одной стороны, «интеллектуальный труженик побуждается к своей работе внутренними стимулами, вытекающими из его духовной потребности, но не материальными соображениями», а с другой – «экономическое основание авторского права заключается в необходимости предоставления литературному труженику материального обеспечения его существования» при том понимании, что «авторы склонны к безграничному расширению пределов юридической защиты своих имущественных интересов» путем увеличения сроков правовой охраны произведений[263].

В контексте формирования Общей теории авторства можно выделить следующие побудительные мотивы к созданию РИД: 1) самовыражение, 2) самоутверждение, 3) самореализация, 4) имущественные интересы. Поскольку побудительные мотивы авторства, как мы видим, разнообразны, постольку и задачи правового регули-

[262] Пункт 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10.

[263] Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 3 / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. С. 10, 152, 20.

рования в данной сфере не должны ограничиваться охраной исключительных имущественных прав: закон может стимулировать Автора, поддерживая его социальный статус, вдохновляя с помощью различных средств поощрения на новые творческие поиски.

В этом смысле целесообразно обратиться к опыту древнегреческой философии, делавшей различия между *«моралью стремления»* и *«моралью долга»*. Первая начинает с вершины человеческих достижений, с идеала поведения совершенного человека, действующего наилучшим возможным образом. Она как бы оценивает каждого в сравнении с идеалом. Вторая, напротив, закладывает базовые нормы, без которых упорядоченное общество невозможно, формулируя свои требования в терминах «ты не должен» и реже – «ты должен». Первая порицает отступление от ее максим как неудачу в прохождении испытания, как несовершенство природы данной личности, вторая – как нарушение базовых требований общественной жизни, как несоблюдение правил человеческого общежития[264]. При этом мораль современного права «охватывает и мораль долга, и мораль стремления. Она также ставит перед нами вопрос о том, где проводить границу, ниже которой люди будут осуждены в случае неудачи, но не смогут ожидать никакой похвалы в случае успеха, а выше которой их успех будет вызывать восхищение, а в случае неудачи, их в худшем случае лишь пожалеют»[265].

Например, согласно ст. 1355 ГК РФ, государство стимулирует создание и использование изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, предоставляя в том числе их авторам определенные льготы. В то же время закон почему-то умалчивает о мерах стимулирования для авторов объектов авторского права, смежных прав, топологий интегральных микросхем и т. д.

Профессор Г.Ф. Шершеневич в конце XIX века развивал идею обособления широкой группы исключительных прав, включая «авторское, художественное, музыкальное право, привилегии на промышленные изобретения, право на фирму, на фабричное и то-

[264] См.: Фуллер Лон Л. Мораль права. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 14–45.
[265] Фуллер Лон Л. Указ. соч. С. 57.

варное клеймо, право на фабричные рисунки и модели», предвосхитив расширение этой группы «по мере дальнейшего усложнения современной экономической системы и создания совершенно новых отношений»[266]. В настоящее время описанная им группа объединяет 17 видов РИД и СИ (п. 1 ст. 1225 ГК РФ).

Расширение сферы правовой охраны РИД и СИ сопровождается углублением дифференциации между различными моделями ее обеспечения. Как отмечал выдающийся российский цивилист В.А. Дозорцев в конце XX века, «в наше время произошло резкое увеличение сфер охраны с помощью исключительных прав. Новые сферы часто требуют новых средств охраны. <…> Выбор систем и средств охраны в ряде случаев определяется конъюнктурными и случайными факторами, а не сутью отношения. Опыт с большой определенностью показывает, что свойствам объекта соответствуют определенные черты правовой охраны и игнорирование этой закономерности влечет за собой отрицательные практические последствия»[267].

В качестве примера ошибочного выбора правовой модели профессор В.А. Дозорцев приводил, в частности, охрану компьютерных программ в качестве литературных произведений. Этот правовой механизм сложился в 1980-х годах, когда после долгих дискуссий во Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) было принято решение взять на вооружение теорию немецкого правоведа Э. Ульмера, согласно которой ввод программы в память компьютера равноценен воспроизведению, а ее воплощение на дисплее равнозначно показу произведения. Следовательно, доказывал Э. Ульмер, компьютерная программа представляет собой такое же творческое произведение, как киносценарий, а значит, она должна охраняться авторским правом.

Будучи закреплена как на международном уровне, так и в национальном законодательстве, эта модель потребовала для себя многочисленных исключений из общих норм авторского права,

[266] Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 68–69.

[267] Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. статей / Исслед. центр частного права. М.: Статут, 2003. С. 20.

подрывая тем самым их единство и системность. Но даже при всех этих исключениях модель правовой охраны компьютерных программ как литературных произведений продолжает порождать юридические парадоксы. Например, какую правовую природу будет иметь музыкальная композиция, ставшая результатом функционирования компьютерной программы? Если программу мы приравниваем к литературному произведению, то музыкальная композиция должна рассматриваться как производное произведение, при том что между ней и программой нет ничего общего ни по форме, ни по содержанию. Вывод Верховного Суда РФ о том, что «результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека… объектами авторского права не являются»[268], лишь отчасти снимает проблему.

Можно привести и немало других доводов в подтверждение обоснованности вывода В.А. Дозорцева о том, что охрана компьютерных программ «по модели авторского права, на основе созидательской системы, совершенно неадекватна и неэффективна. <…> Несомненно, рано или поздно объективные потребности вынудят изменить ситуацию»[269].

Определенные изменения в пользу сближения модели правовой охраны компьютерных программ с регистрационной системой, характерной для патентного права, были сделаны в ст. 13 Закона РФ от 23 сентября 1992 г. № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» путем предоставления правообладателю возможности зарегистрировать программу в соответствующем федеральном органе исполнительной власти. Этот механизм сохранился и в ст. 1262 ГК РФ, однако представляется, что он может быть рассмотрен и применительно к другим объектам авторских и смежных прав в качестве дополнительной гарантии защиты прав и законных интересов Автора.

[268] Пункт 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ 23 апреля 2019 г. № 10.

[269] Дозорцев В.А. Указ. соч. С. 21.

Хотя по общему правилу авторство независимо от выполнения каких бы то ни было формальностей (ст. 5 (2) Бернской конвенции, п. 4 ст. 1259 ГК РФ), однако отсюда не следует запрет факультативной регистрации произведений их авторами, как это происходит, например, в Copyright Office при Библиотеке Конгресса США. Введение добровольной регистрации объектов авторских и смежных прав, во-первых, позволит сблизить различные модели правовой охраны РИД, а во-вторых, поможет аудитории (читателю, зрителю, слушателю) отличить простую фотографию от фотографического произведения, детские «каляки-маляки» от произведения изобразительного искусства, самодеятельные «стихи в альбом» от литературного произведения, спектакль в детском саду от театральной постановки и т. д., то есть включиться в процесс восприятия объекта именно в качестве охраняемого РИД, если, конечно, Автор заявляет его в таком качестве. Технология блокчейн позволяет сделать подобный механизм простым, дешевым, удобным.

Представляется, что *Общая теория авторства* может быть востребована практикой в качестве доктринальной основы для дальнейшего развития права интеллектуальной собственности и как отрасли законодательства, и как науки. В свою очередь, элементную базу этой теории должен составить максимально полный и непротиворечивый *авторско-правовой словарь*, представляющий собой специальный тезаурус, включающий систему взаимосвязанных понятий, описывающих правовое отражение авторства.

© Федотов Михаил Александрович

Состав кандидатов в члены Российской академии наук (РАН), баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2022 г.

Кандидаты в члены-корреспонденты Российской академии наук в 2022 году

По специальности **философия:**

1. Анненкова Ирина Васильевна*, доктор филологических наук, доцент*
2. Антоновский Александр Юрьевич*, доктор философских наук, профессор;*
3. Апресян Рубен Грантович, *доктор философских наук, профессор;*
4. Баева Людмила Владимировна*, доктор философских наук, профессор;*
5. Бажанов Валентин Александрович, *доктор философских наук, профессор;*
6. Баксанский Олег Евгеньевич, *доктор философских наук, профессор, профессор РАН;*
7. Буданов Владимир Григорьевич, *доктор философских наук, доцент;*

8. Дергачева Елена Александровна, *доктор философских наук, доцент, профессор РАН;*
9. Жукова Ольга Анатольевна, *доктор философских наук, профессор;*
10. Иванов Дмитрий Валерьевич, *доктор философских наук;*
11. Ильин Виктор Васильевич, *доктор философских наук, профессор;*
12. Ильин Илья Вячеславович, *доктор политических наук, профессор;*
13. Касавина Надежда Александровна, *доктор философских наук, доцент;*
14. Кефели Игорь Федорович, *доктор философских наук, профессор;*
15. Ключарев Григорий Артурович, *доктор философских наук, профессор;*
16. Козловский Владимир Вячеславович, *доктор философских наук, профессор;*
17. Кудряшова Елена Владимировна, *доктор философских наук, профессор;*
18. Курашов Владимир Игнатьевич, *доктор философских наук, профессор;*
19. Лысенко Виктория Георгиевна, *доктор философских наук;*
20. Мартыненко Владимир Владимирович, *доктор политических наук, профессор;*
21. Нестеров Александр Юрьевич, *доктор философских наук, доцент;*
22. Островская Елена Петровна, *доктор философских наук, профессор;*
23. Павлов Александр Владимирович, *доктор философских наук, профессор;*

24. Попова Ольга Владимировна, *доктор философских наук;*
25. Прокофьев Андрей Вячеславович, *доктор философских наук, доцент;*
26. Пружинин Борис Исаевич, *доктор философских наук;*
27. Рубан Лариса Семеновна, *доктор социологических наук, профессор;*
28. Рыскельдиева Лора Турарбековна, *доктор философских наук, профессор;*
29. Тихонов Михаил Юрьевич, *доктор философских наук, профессор;*
30. Труфанова Елена Олеговна, *доктор философских наук, доцент;*
31. Фишман Леонид Гершевич, *доктор политических наук, профессор РАН;*
32. Чубаров Игорь Михайлович, *доктор философских наук;*
33. Шохин Владимир Кириллович, *доктор философских наук, профессор;*
34. Янгутов Леонид Евграфович, *доктор философских наук, профессор.*

По специальности **социология:**

1. Левашов Виктор Константинович, *доктор социологических наук;*
2. Зубок Юлия Альбертовна, *доктор социологических наук, профессор;*
3. Локосов Вячеслав Вениаминович, *доктор социологических наук, профессор.*

По специальности **право:**

1. Бабурин Сергей Николаевич, *доктор юридических наук, профессор;*
2. Виноградова Елена Валерьевна, *доктор юридических наук, профессор;*
3. Годунов Игорь Валентинович, *доктор юридических наук, член-корреспондент РАО.*
4. Горбань Владимир Сергеевич, *доктор юридических наук;*
5. Керимов Александр Джангирович, *доктор юридических наук, профессор;*
6. Курбанов Рашад Афатович, *доктор юридических наук, профессор;*
7. Любимов Алексей Павлович, *доктор юридических наук, профессор;*
8. Романова Виктория Валерьевна, *доктор юридических наук, профессор;*
9. Тедеев Астамур Анатольевич, *доктор юридических наук;*
10. Федотов Михаил Александрович, *доктор юридических наук, профессор**;***
11. Ястребов Олег Александрович, *доктор юридических наук, профессор.*

Доклады кандидатов в члены РАН, баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2022 году

Ответственный редактор
Николаичев Б.О.

Подписано в печать 21.04.2023
Формат 60x90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 121

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III